

подросток и его друзья

алма-ата

**Очерки
Статьи
Рассказы
Письма
Методические
материалы
о подростках**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»
А л м а - А т а — 1970**

подросток

и
его друзья

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

371.011 + 371.018

П 44

Книга «Подросток и его друзья» охватывает основные направления работы с детьми сложного переходного возраста. В ней десять разделов, повествующих о взаимоотношениях взрослых и детей, о богатом внутреннем мире подростков, о людях, умеющих понимать детские характеры.

В сборнике освещены важнейшие очаги духовной жизни детей 11—16 лет, формирования их характеров в семье, школе, на улице, в трудовом коллективе. Отдельные очерки и статьи посвящены вопросам политического, военно-патриотического, эстетического и физического воспитания подростков. Специальный раздел адресуется непосредственно родителям и методистам.

В книге много статей, очерков, рассказов, советов, воспоминаний, методических материалов республиканского и союзного значения, она рассчитана на массового читателя.

С о с т а в и т е л ь

В. К. ЕРМАЧЕНКОВ

Эта книга о том, что могут сделать взрослые для детей переходного возраста, в котором мы сталкиваемся с самыми сложными проблемами воспитания. Всегда ли правы мы, взрослые? Как найти подход к сердцу «трудного» ребенка? Кем станет ваш сын или дочь? О многих проблемных вопросах воспитания повествуют разделы этого сборника.

Авторы его не только советуют и рассуждают. Они действуют, потому что гражданская совесть не позволяет им пройти мимо мальчишки с сигаретой, мимо праздношатающихся ребят с гитарой. И каждый из взрослых понимает: к подростку мало идти с добрыми намерениями, ему нужно что-то предложить. Вместо скуки, праздности и отчужденности — интересные дела, романтику труда, веру в дружбу, в красоту настоящей жизни.

Книга интересна тем, что служит обобщением многочисленных злободневных вопросов о жизни, учебе и досуге подростков, содержит полезные советы родителям, радуется прекрасными примерами деятельности ребячьих комиссаров. Она раскрывает внутренний духовный мир подростка, учит нас чуткости, отзывчивости, умению понимать характеры детей.

Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

...В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма. Вот в чем состоит основа коммунистического воспитания, образования и учения. Вот в чем состоит ответ на вопрос, как надо учиться коммунизму.

...Мы не верили бы учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни... А наша школа должна давать молодежи основы знания, умение вырабатывать самим коммунистические взгляды, должна делать из них образованных людей.

В. И. Ленин.

Главное — это быть честными с ребятами, следить за собой, воспитывать из наших ребят действительно хороших, действительно социалистических граждан — честных, храбрых, с развитым товарищеским чувством, дисциплинированных в пределах ребячьей психологии и ребячьих возможностей.

М. И. Калинин.

Огромная задача стоит перед вами: воспитать и сформировать души ваших детей. Будьте зорки! Ибо вина или заслуга детей в огромной степени ложится на голову и совесть родителей.

Ф. Э. Дзержинский.

Когда ребенок научается выражать свои мысли и чувства, он заинтересовывается выражением чужих мыслей и чувств. В этот период развития (приблизительно от 7 до 12 лет, хотя индивидуальные колебания могут быть очень велики) самый интересный предмет для ребенка—это другой человек. В этот период развития особенно сильна подражательность, которая часто есть не что иное, как особая форма творчества—перевоплощение чужих мыслей и чувств. Это период, когда у ребенка очень сильно начинают развиваться общественные инстинкты и человеческая жизнь и человеческие отношения делаются центром его внимания. Школа должна укрепить и углубить проснувшиеся общественные инстинкты ребенка, раскрыть перед ним, что труд лежит в основе человеческого общежития, научить его радости творческого производительного труда, дать ему почувствовать себя частью общежития, полезным его членом.

Но надо, чтобы школа была связана не только с жизнью молодежи, но и с жизнью взрослых, в первую очередь, с жизнью рабочего класса...

Как это сделать? Некоторые думают, что достаточно, если дети и подростки будут время от времени принимать участие в рабочих празднествах, вроде Первого мая, годовщины Октябрьской революции и т. п. Это само собой не плохо, но этого еще чрезвычайно мало. Надо искать путей установления связи между школами и заводскими предприятиями... Нам кажется, что можно бы разработать вопрос о шефстве. Скажем, завод берет шефство над какой-нибудь школой. Это не значит, что завод заботится просто о материальном благосостоянии школы, делает отчисление на эту школу,—это значит другое: каждый рабочий завода-шефа думает, чем он может помочь школе...

Н. К. Крупская.

Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома. Как вы

одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету — все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

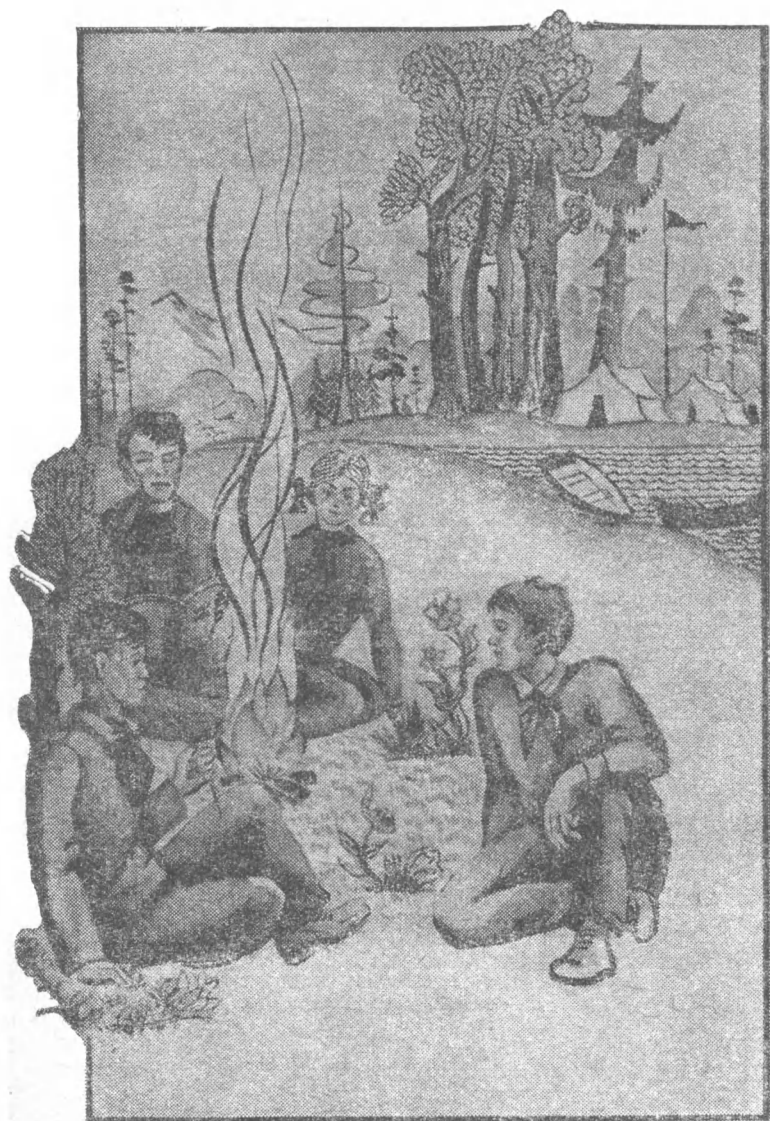
Правильное воспитание с самого раннего детства — это вовсе не такое трудное дело, как многим кажется. По своей трудности это дело по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Хорошо воспитать своего ребенка легко может каждый человек, если только он этого действительно захочет, а кроме того, это — дело приятное, радостное, счастливое. Совсем другое — перевоспитание. Если ваш ребенок воспитывался неправильно, если вы что-то прозевали, мало о нем думали, а то, бывает, и поленились, запустили ребенка, тогда уже нужно многое переделывать, поправлять. И вот эта работа поправки, работа перевоспитания — уже не такое легкое дело. Перевоспитание требует и больше сил и больше знаний, больше терпения...

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни. Наши дети — это будущие граждане нашей страны... Они будут творить историю. Наши дети — это будущие отцы и матери, они тоже будут воспитателями своих детей. Наши дети должны вырасти прекрасными гражданами, хорошими отцами и матерями. Но и это не все: наши дети — это наша старость. Правильное воспитание — это наша счастливая старость, плохое воспитание — это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми, перед всей страной.

А. С. Макаренко.

подросток
и мы,
взрослые

ПОДРОСТОК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Педагоги и родители ищут ключи к характеру подростка. При этом часто раздаются сетования на дерзость, инертность, своеволие — все то, что сфокусировано в знаменитом уличном изречении: «Не та молодежь пошла...»

Что ж, если разобраться, то древний вывод, повторявшийся, очевидно, во все времена, по-своему справедлив. Молодежь действительно во многом «не та», что мы помним по своей юности. И это — жизненная закономерность. В каждую новую эпоху меняются условия, темпы и характер развития молодого поколения. В незнании психологии современного подростка подчас заключены причины воспитательных неудач.

...Два года назад был поставлен своеобразный опыт. Путем анкет и викторин проводились собеседования на темы новейших достижений науки, техники, культуры и спорта с большой группой успевающих старшеклассников и с их учителями: 60—70 процентов учеников обнаруживали бóльшую осведомленность, чем педагоги.

Мы видим здесь две причины: первая относится к возросшему за последние двадцать лет более чем в четыре раза общему количеству информации (радио, телевидение, кино, печать, фонозаписи). В самом деле, лет десять назад в школе, где я работал, телевизоры были лишь у двух-трех ребят. Сейчас они есть почти во всех семьях. Проведенный нами в 1965 году хронометраж расхода внешкольного времени старшеклассниками 544-й московской школы показал, что голубому экрану посвящается от 5,5 до 9 часов в неделю.

За двадцать лет намного вырос тираж таких популярных у юного читателя изданий, как журналы «Нау-

ка и жизнь» (в семь раз), «Знание — сила» (в десять раз), к этому прибавилось 2,5 миллиона экземпляров «Техники — молодежи», «Моделиста-конструктора» и т. д.

Вторая причина быстрого интеллектуального развития подростков — в ускорении их физического созревания (акселерация), что активизирует контакты между ними, ускоряет появление интересов, связанных с более ранним возмужанием.

Ясно виден и еще один важный процесс. Ученик, учитель, урок уже перестают играть роль чуть ли не единственного источника знаний, которая принадлежала им прежде. Превосходство педагогов по отношению к подросткам заметно понизилось с точки зрения объема и современности их образования. А это меняет уровень исходного авторитета педагога, повышает значение внеурочной жизни ребят.

По логике, казалось бы, более быстрое интеллектуальное созревание подростков должно вести к ускорению их, так сказать, социального развития. На самом же деле оказывается, что детство иногда не сокращается, а затягивается.

Сущность социальной и духовной зрелости заключается не столько в знаниях вообще, сколько в понимании процессов общественной жизни, в отношении подростков к общественному производству. Школа, семья, вся советская действительность формирует у детей и подростков высокие нравственные качества. Мы по праву гордимся всеобщими проявлениями патриотизма, гражданской ответственности у нашего юного поколения. Однако в воспитании молодого человека с первых его лет должно обязательно присутствовать и непосредственное приобщение к труду. Стоит, в частности, подумать над тем, насколько важно, чтобы личное участие подростка в посильных трудовых делах обеспечивало хотя бы часть его бытовых потребностей.

Современные же школьники (особенно в городе) да и большинство студентов, освобожденные от трудовых обязанностей, иногда считают в порядке вещей беспрекословное удовлетворение родителями их нужд, а то и прихотей. На наших глазах происходит как бы инфляция материальных ценностей для подростков. Результаты труда все меньше связываются ими с самим тру-

дом. Экономическая самостоятельность часто отодвигается для молодежи куда-то за границы вуза, армии и даже первых лет работы. По нашим наблюдениям, расход на детей растет быстрее дохода родителей и поглощает все бóльшую часть семейного бюджета. Так, реальные доходы рабочих и служащих (по расчету на одного работающего) за 20 лет выросли очень значительно — более чем в 2,5 раза, но расход на одного мальчика 8-го класса за это же время повысился в 3—3,5 раза, а на девочку 9—10-го класса — почти в 5 раз! Обратите внимание: дети одеваются часто гораздо лучше, чем их родители. Многие имеют дорогие фотоаппараты, транзисторы, магнитофоны, не познав даже, что такое заработанный рубль.

Ничего в этом страшного, конечно, нет, если воспитание подростка вносит коррективы в этот поток благ, устраняет противоречия между быстро возрастающей физической и умственной силой, желанием выразить себя, употребить на дело кипучую энергию молодости и неполной по обязанностям жизни: учение, учение и более никаких обязанностей.

Для формирования здоровой нравственности, правильного духовного и физического развития юношества нужен серьезный труд, дополняющий учение. Не пора ли покончить со спорами: учеба — это труд или не труд? Да, труд, но только интеллектуальный, связанный прежде всего с поглощением знаний. А нужен еще труд физический, труд созидательный, и одно другого не заменяет.

Естественно, что содержание и характер трудового воспитания должны меняться. Но труд, как таковой, рождающий ответственность, радость творчества, укрепляющий связи с жизнью, требующий усилий, и, если хотите, пота, должен сопровождать всю жизнь ребенка с малых лет. У нас же не в диковинку школьники, в глаза не видевшие современный цех или колхоз. Во многих семьях считается нормой, если подростки освобождены от всех домашних обязанностей. Выраженный таким образом потребитель понесет эти привычки во взрослую жизнь. И всем известно, что труженик с детства не станет лодырем во взрослые годы.

Бытовая и материальная обеспеченность, а вслед за ними трудовая и духовная инфантильность подростков

развиваются на основе потребительского характера их жизни. Надо трезво осознавать нежелательные последствия этого, сообща, силами всей общественности искать эффективные воспитательные средства. Не впадая при этом в распространенную среди части пожилых людей негативную крайность — огульное охаивание вкусов, танцев, взглядов, всего образа жизни сегодняшних ребят, который, кстати, совершенно недостаточно изучается. Проникая в воспитание, это раздражение взрослых не усиливает, а лишь ослабляет педагогические авторитеты. Нарушается одно из важнейших условий эффективного педагогического влияния — наличие взаимопонимания, учет педагогами исторической обстановки, о чем замечательно сказал В. И. Ленин: «Нередко бывает, что представители поколения пожилых и старых *не умеют* подойти, как следует к молодежи, которая по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе, не тем* путем, *не в той форме, не в той* обстановке, как ее отцы».

Наши дети — продукт определенных условий развития общества. Их более высокая материальная обеспеченность сегодня в немалой степени компенсируется растущими требованиями к обучению, необходимостью длительной подготовки к самостоятельному труду. И, повышая свои требования к знаниям, дисциплине, ответственности юношества за школу, семью и все общество, мы обязаны проявить несравненно больше внимания к духовному миру подростков, постоянному совершенствованию всех средств педагогического влияния.

На наших глазах глубокие изменения происходят в семье — важнейшем институте воспитания. Поглощенность избранным делом, без которой невозможна сегодня любая серьезная работа, оставляет нам все меньше времени для глубокого общения с взрослеющими детьми. Вместе с тем замечено, что молодые родители гораздо вольнее распоряжаются личным досугом, острее, несдержаннее реагируют на любые «несправедливости» в своих взаимоотношениях. Все это существенно меняет семейную атмосферу, создает новую дистанцию между родителями и детьми.

Возникает своеобразная ситуация: быстро растущий подросток оказывается в мире сложных взрослых отно-

шений, иной раз больно его задевающих. При этом мы, занятые своими заботами, часто не утруждаем себя заглянуть в душу сына или дочери, понять их интересы, помочь становлению взглядов.

Ни в коем случае нельзя умалять значение семейного воспитания, особенно в раннем детстве, но подросток требует очень квалифицированного педагогического внимания. Нам представляется в связи с этим, что было бы правильнее переносить центр тяжести воспитательной работы с подростком в школу. Речь идет о необходимости всемерного расширения внеурочной работы с учениками средних и старших классов, постепенное превращение школы после уроков в пионерско-комсомольский клуб, расширение сферы общественно полезной трудовой деятельности школьников.

Помимо педагогической эффективности этой ориентации, не меньшее значение имеет и экономическая сторона. Школы располагают помещениями, спортивными площадками, оборудованными кабинетами.

Самое важное преимущество школы — педагогические кадры — решающая сила во внеклассной работе с детьми среднего и старшего возраста. Разумеется, эта деятельность требует от учителя не только знания предмета, но и освоения внеурочных форм общения с ребятами, новых умений и педагогических навыков. Ведь одно дело вести урок, когда все 40 учеников сидят неподвижно, обращенные лицом к доске, и совсем другое — организовать этих же ребят в часы досуга, учитывая их интересы и характеры.

Для работы с подростками надо быть мастером, владеющим тонкой методикой индивидуального подхода. «Влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений», — говорил К. Д. Ушинский.

К сожалению, такого мастерства нашей школьной педагогике часто недостает. Тому много причин: общий акцент школы на групповое унифицированное обучение, господство единообразных методов и требований в воспитании, наконец, вовлечение в педагогические вузы людей, не имеющих призвания к работе с детьми. Обо всем этом тоже надо подумать.

Как видно, поднятые в этой статье вопросы, — а они далеко не исчерпывают всех сторон сложной проблемы, — требуют объединения усилий партийных организаций и комсомола, органов народного образования, Академии педагогических наук СССР и непременно кафедр педагогики университетов и педагогических вузов — всех тех, кто отвечает за подготовку подрастающего поколения к жизни ¹.

Э. КОСТЯШКИН,
заведующий сектором Института
теории и истории педагогики Ака-
демии педагогических наук СССР.

А РЯДОМ БЫЛИ ВЗРОСЛЫЕ

Ну и молодежь нынче пошла! Старших не уважают, курят, водку пьют, хулиганят...

— Какое там, уважают! Вот у моего соседа парнишка...

Слышали вы такое? Наверняка! Но попробуйте спросить рассказчика: «А где же были вы в то время? Почему не остановили хулиганящего подростка, не сделали ему внушения? Ведь, возможно, вы пресекли бы преступление в зародыше?» И собеседник ваш отведет глаза:

— Да что я? На это есть милиция...

Жили в Алма-Ате два подростка — Толя и Саша. В школе учились плохо, не один раз оставались в классе на второй год, а потом стало им стыдно: кругом малыши, а они уже «взрослые». Этим «взрослым» едва исполнилось 15—16 лет, но ведь ребята очень болезненно реагируют на насмешки.

Саша оставил школу. Отец не препятствовал. «Ладно, иди работай. Ученым все равно не станешь, а для рабочего и шести классов хватит». Мать тоже согласилась. Саша стал учеником печатника в типографии № 17. Школа Октябрьского района, где учился подросток, также оставила его в покое: ученик был «трудным».

Как известно, подростки в нашей стране работают мало, свободного времени у них хватает. Куда его деть? Подсказали «друзья», такие же «трудные» ученики, ко-

торым в пятнадцать лет уже надоело учиться, да и работать желания нет.

Второй герой нашего рассказа — Анатолий — учился в одной из школ Ленинского района Алма-Аты. Учился плохо, третий год в шестом классе сидел.

— Не дается мне учеба, — с лукавой усмешкой говорил хитрый лодырь, — ничего в голову не идет.

...Как-то болтался Саша по городу. Зашел в магазин поселка механического завода. Встретил Толю.

— Не надоело тебе с книжками возиться? — Мозги скоро высохнут. Ты их не пробовал размочить?

— А как? — опешил Толя.

— Эх, ты, мелюзга. Ты водку ни разу не пил? Да где уж тебе. Ты же еще только молоко пьешь...

— Отвяжись ты, Саня. Я тебе хотел один план наш рассказать. Но раз ты такой «взрослый», то не хочу с тобой и разговаривать.

— Постой, постой, — Саша потянул за рукав Толю, — какой план?

Толя зашептал...

Саша быстро направился домой. Он давно приметил, что отец положил 100 рублей в платяной шкаф. Саша все никак не решался их взять, но теперь, раз решено уйти из дому...

Засунув руки в карман брюк, где лежала хрустящая сторублевка, Саша с победным видом шагал к магазину. Толя уже успел сбегать за Колей, и они ждали его у входа. Войдя в магазин «Маяк», Саша пристроился к очереди в кассу.

— Бутылку водки, бутылку вина и две пива, — пробормотал он, глядя вороватыми глазами на кассиршу.

Заметив в его руке сторублевую бумажку, кассирша сказала:

— Мальчик, мы детям спиртных напитков не отпускаем. Впрочем... у меня сдачи нет с таких крупных денег.

В соседней кассе «тетенька» оказалась очень доброй. У нее нашлась сдача со сторублевой купюры и не дрогнуло сердце выбивать несовершеннолетним детям чеки на водку и вино. Поинтересоваться же, откуда у ребят такая большая сумма, она и не подумала.

Абсолютно спокойны были и продавцы, отпуская ребятам спиртные напитки, хотя этим они нарушали

приказ Министерства торговли, не говоря уже просто о человеческом долге.

— Ура! Начало хорошее! — ликовал Саша. — Поедем, Коляка, к тебе, у вас никого дома нет. Выпьем и закусим.

— А как в автобусе будем ехать? — вопросительно взглянул на него Коля. — Вдруг милиционер или дружинники? Могут и водку отобрать, и нас заберут.

— Нужен нам твой автобус.

Саша похлопал по карману и, заметив зеленый огонек проходящего мимо такси, лихо засвистел. Машина остановилась.

— Что вам, ребята? — высунулся в окошко шофер.

— Подвезите, — Коля назвал улицу.

Не дрогнуло сердце и у водителя такси. Даже из любопытства не спросил он: а что собираются делать с водкой и вином такие юнцы? Нет, он спокойно повел машину, шутил с ребятами, угостил их папиросами...

Приехав к Посысоеву, подростки выпили вино и пиво. Водку пока еще пить умел только Саша, а более юные его приятели боялись окончательно захмелеть. Ведь надо было осуществлять план побега.

...В голове шумело, поташнивало. Снова остановили такси. Отправились в рабочий поселок. Зашли в буфет. Пили пиво. Потом — в кино. И опять никто не обратил на них внимания, не поинтересовался, почему они в поздний час в таком состоянии болтаются по улицам.

Вскоре Коля «скис». Он заявил, что никуда из дома убегать не будет, ему страшно, и все равно поймают.

— Черт с тобой, предатель, — выругались бывшие «друзья», — проваливай, без тебя обойдемся.

Они остановили такси и поехали на станцию Алма-Ата I. С вокзала снова такси — в аэропорт. Было около 12 часов ночи. Толя осовело клевал носом: хотелось спать. Саша еще крепился. На улице было холодно. Где же ночевать?

Бродя по залу ожидания аэропорта, Саша подобрал на полу использованный билет.

— Пойдем в гостиницу, Толя, — предложил он, — покажем этот билет и переночуем.

Предъявив грязный, затоптанный авиабилет, они получили у сонного администратора место в гостинице.

Утром купили билеты на самолет и вылетели в Тал-

ды-Курган. Почему в Талды-Курган, этого они не могли объяснить. Побродили по городу. Потом вернулись в Алма-Ату. Идти домой побоялись. Возле рощи Баума нашли землянку, ночевали там, а днем болтались по городу, пили пиво, смотрели кино. Словом, развлекались.

Вдумайся в этот факт, читатель: за четыре дня 15—16-летние сорванцы купили 40 (сорок!) бутылок пива в магазине «Маяк» на остановке Школьной, в буфете аэропорта, в рабочем поселке и в других местах. За четыре дня они израсходовали 100 рублей.

Установить это работникам милиции было нетрудно. Труднее другое — хотя бы приблизительно назвать число взрослых, спокойно взиравших на похождения подростков. Людей разных, но единых в одном — в равнодушии к подростку...

П. И С А Е В,
капитан милиции,

В. Х А Р И Н,
лейтенант.

В ОДНОЙ ШКОЛЕ

Появилась Марина Петровна в школе незаметно. Новый учитель пения — какое это событие? И на репетицию Сергей Сосновский попал случайно. На сцене творилось что-то необычное. Венька Костенко из параллельного класса шагал, нелепо задирая ноги, и рвал воображаемые цветы. Девчонки сбились вокруг Марины Петровны и смотрели на сцену так, словно там решалась судьба четвертной контрольной.

— Что это? — спросил Сергей у знакомой девятиклассницы, кивнув на сцену.

— Этюды, — даже не взглянув на него, ответила девчонка, продолжая следить за нелепыми Венькиными движениями. После этого Сергей постеснялся спросить еще раз, что такое — этюды — и остался в зале.

Потом было то, что Марина Петровна назвала пробой. Ребята по очереди произносили монологи о женском коварстве, а очередная Нина глотала с пустого блюдечка отравленное мороженое. Художественный совет (так, оказывается, называлась стайка девчонок во

главе с Мариной Петровной) решил, кто будет играть Арбенина и Нину.

Пожалуй, тогда впервые Сергей и разглядел Марину Петровну. Маленькая, худенькая, по-мальчишески стриженная, с челкой, которая иногда падала на глаза; ее среди рослых девятиклассников и за учительницу было трудно принять.

С милыми, добрыми людьми, работающими в их школе, Сергей уже был знаком. Но с ними всегда помнилось, что они — учителя. С Мариной Петровной об этом забывалось. Она вместе с ребятами могла всерьез увлечься фантастической идеей создания настоящего театра в поселке. И тогда откладывались репетиции и занимались изучением системы Станиславского, потому что какой же это театр — без системы. А потом Марина Петровна ахала:

— Ребята, у нас же вечер на носу!

И они репетировали каждый день, прокрадываясь в зал на цыпочках мимо директорского кабинета, потому что директор запретил Марине Петровне занимать ребят так часто. И вместе с ними она с ужасом застывала на месте, если старенькая половица предательски скрипела как раз перед директорской дверью. К тому времени Сергей тоже получил роль и каждый день с нетерпением поглядывал на стрелки, тянувшиеся до семи часов безобразно медленно. Он не знал, что ему больше нравилось: репетиции, на которых Марина Петровна могла всерьез сравнивать Веньку с Качаловым, говоря, что у него (у Качалова) тоже не всякая роль сразу получалась, или дорога от школы до дома Марины Петровны. Они провожали ее всей гурьбой и каждый раз решали какую-нибудь глобальную проблему. О настоящем искусстве, о честности художника, о смысле жизни. Доходили до ее дома и останавливались у подъезда. А потом Марина Петровна смотрела на часы и говорила:

— Нет, это невозможно как поздно. Бегите, ребята, а то вас дома ругать будут.

Однажды Сергей вошел в квартиру и увидел в маминой комнате свет.

— Добрый вечер, сын,— сказала мама, выразительно глядя на часы, которые показывали половину одиннадцатого.— Тебе не кажется, что это несколько позд-

новато и что на следующий вечер у вас актеров не будет — мамы не пустят.

Назавтра, когда они дошли до дверей Марины Петровны, Сергей сказал:

— Пора по домам, братцы, а то мы Марину Петровну замучили.

— Что вы, — простодушно ответила Марина Петровна, — мне от вас уходить не хочется. Но Сережа прав. Все моя безалаберность. Сережа, ты следи, чтобы я с вами не забалтывалась.

До сих пор Сергею не случалось встречать учителей, прибегавших к его помощи, и это поручение он выполнял с серьезностью шестнадцатилетнего. Он был неумолим:

— Хватит, уже поздно!

Марина Петровна подчинялась так же неохотно, как и ребята:

— Выбрала я опекуна на свою голову. Сережа, у тебя железный характер.

Всю школьную жизнь Сергея ругали за несобранность и несерьезность. Он мог заиграться, забыть, заговориться. Но здесь он, и вправду, проявлял характер. Он и не знал, что ответственность за кого-то другого, оказывается, обязывает куда больше, чем ответственность за самого себя.

Лермонтовский вечер удался. Веньку вызывали три раза, а Таня Хоменко, игравшая Нину, плакала настоящими слезами.

После того как сняли грим и сложили костюмы, Марина Петровна сказала:

— Завтра я вас приглашаю на чашку чая ко мне. Отметим наш дебют.

В единственный в поселке мебельный магазин завозили мебель добротную, но стандартную. И поэтому квартиры их знакомых, где Сергею приходилось бывать, мало чем отличались одна от другой. Одинаково полированные серванты и платяные шкафы, одинаковые тумбочки под телевизор и шелковые покрывала на кроватях.

То, что он увидел у Марины Петровны, ни под какие стандарты не подходило. Книгами были завалены широкие подоконники и письменный стол, книги лежали стопками прямо на полу. На платяном шкафу, пе-

рекочевавшем сюда, наверное, из какого-то общежития, стоял жирный инвентарный номер. Сергей еще нигде не видел такого количества пластинок, и стояли они аккуратными стопками, и даже таблички были, как в библиотеке. Знакомые — Чайковский, Рахманинов, Григ, Скрябин и незнакомые — Малер, Стравинский, Барток, Бриттен. Но стояли они на облезлой этажерке с покосившимися перекладами.

— А где вы посуду держите? — спросила хозяйственная Таня Хоменко, намереваясь помочь накрыть на стол.

— У меня посуды-то: стакан да тарелка, — ответила Марина Петровна и пошла занимать у соседки чашки.

Но зато была викторина, которую Марина Петровна придумала для них, и смешные призы.

И когда Марина Петровна, задумавшись, сказала: «Ах, ребятишки, самое главное — не кем вы станете, а какими вы станете», — всем ребятам эта, конечно, уже где-то прочитанная или где-то услышанная мысль показалась новой, значительной и очень важной.

Они шли домой молча. И только когда начали прощаться, Сергей сказал:

— Я все думаю — какие мы свиньи. У нее хватило времени подумать и о чае, и о викторине. А мы? Хоть бы цветочек после вечера, хоть бы веточку.

— Если это тебя так волнует, — сказала не склонная к эмоциям Таня, — отнеси цветы завтра.

Стояла поздняя осень, и в их саду еще не облетели последние георгины. Сергей нарезал огромный букет и отправился после школы к учительнице.

Почти у самого дома он столкнулся с директором школы Николаем Ивановичем. И тот поинтересовался, кому же предназначены эти прелестные цветы.

— Марине Петровне, — ответил Сергей.

— Однако, — почему-то удивился директор и пошел своей дорогой.

Дверь открыла Сергею не Марина Петровна, а ее соседка. Марина Петровна лежала на диване, губы у нее были синие, и глаза на бледном лице казались в два раза больше. На столе лежал рецепт.

Сергей сбегал за Венькой Костенко и вернулся обратно в стареньком тренировочном костюме. Они сходи-

ли в аптеку, перемыли посуду, подмели в комнате и напоили Марину Петровну горячим молоком. У нее был сердечный приступ, но Венька твердо знал, что дома им при всех заболеваниях давали горячего молока. Марина Петровна подчинилась.

Теперь, наскоро сделав уроки, они бежали к Марине Петровне. Они оба знали: без них она пропадет. Ни воды подать, ни накормить некому. Они были самыми строгими, аккуратными и исполнительными сиделками. И когда доктор в последний раз сказал: «Если вы, молодые люди, хотите и дальше видеть вашу учительницу здоровой, следите, чтобы она не курила», — оба отнеслись к этой задаче необычайно серьезно. Венька день просидел в библиотеке и убивал Марину Петровну статистикой. Среди заболевших раком горла столько-то процентов курильщиков, а если кролику впрыснуть сто граммов никотина... Сергей больше надеялся на метод убеждения. Он произносил речи о силе воли, о твердом характере. Марина Петровна смеялась: мальчики, оставьте меня в покое, я бесхарактерная.

Мальчики не верили. Это она-то бесхарактерная, она, сделавшая даже из Веньки чудо. Она, у которой хватило терпения по пять раз репетировать одну сцену. Она, которая доказала скептикам, что в их школе могут быть поставлены спектакли на профессиональном уровне (именно так об этом написала поселковая газета).

А в школьном сочинении на тему: «Мой друг в природе». Сергей написал так:

«Гляжу на луну. С первого взгляда она кажется совершенно чистой, ослепительно яркой, нетронутой, но, приглядевшись, видишь, что и на ней есть темные пятна. Они очень мелкие, почти незаметные, но мне почему-то очень хочется, чтобы их не было вовсе».

Марина Петровна выздоровела, и они опять теперь пропадали в школе. Появилась новая идея. Они создали клуб любителей музыки. И Сергей Сосновский был избран его председателем. Им отдали комнату, которая громко называлась кабинетом домоведения и представляла собой запущенное помещение с облупившейся штукатуркой, грязными окнами и единственной газовой плитой. Они сами штукатурили и белили ее, отмывали окна и вернули полу его первоначальный цвет.

Марина Петровна, так и не повесившая у себя дома занавески, обсуждала с ребятами цвет полотна для окон в их клубе. Она принесла из дома вышитую болгарскую скатерть и накрыла плиту, которая сразу превратилась в столик. Она отдала в клуб свой проигрыватель, свои пластинки.

Сергей видел: она к их заботам, к их жизни относилась куда внимательнее, чем к своей собственной. Он не встречал еще взрослых, которые бы нуждались в его помощи, его поддержке, а она нуждалась. У нее было больное сердце, и ей нельзя было таскать воду из колодца. Теперь это делал Сергей. Он и дома мыл полы, и у Марины Петровны раз в две недели брался за тряпку. Она протестовала, а Сергей прикрикивал:

— Сидите, забыли, что врач сказал?

Он ворчал:

— Марина Петровна, зачем вы опять кило шоколадных конфет купили, лучше бы на дело истратили.

Но когда речь шла о школьных занятиях, железный характер проявляла Марина Петровна. Сережа окончил восьмой класс хорошо, мог бы лучше. И после первой четверти в девятом Марина Петровна сказала:

— Вот что, дружок, или ты будешь учиться всерьез, или ты должен отказаться от председательского места в клубе. Посредственный ученик не может руководить своими товарищами. Ты должен быть авторитетен, а это и отметки. Да, да, и отметки,— повторила она, заметив на лице Сергея кислое выражение,— это отнюдь не формальность. Это свидетельство и твоего умения заниматься, твоей интеллигентности, если хочешь.

Девятый класс он окончил отличником. Дома его ждал пирог и праздничный чай.

— Ма,— сказал Сергей,— я позову Марину Петровну?

— Нет,— ответила мама,— я не хочу ее видеть.

Сергей не понял. Мама всегда так хорошо о ней говорила. Почему?

— Почему? — мама села на стул.— Я хотела отложить этот разговор на завтра, но если ты его начал сам... Изволь. Я не хочу, чтобы ты ходил к ней. Я неправильно выразилась: я запрещаю тебе это.

И мама, которую он считал самой умной и справед-

ливой на свете, сказала, что в школе косо смотрят на эту странную дружбу. И, может быть, учителя правы. Она не слышала, чтобы ребята так часто ходили к учителю, который и в классе-то не преподает. И не стоило ему на виду у всего поселка таскать ей букеты. Мал еще подарки делать.

Сергей задохнулся от гнева и обиды. Как она смеет, как она может говорить такое? Он не очень выбирал выражения и не очень заботился о логике. Он кричал, что они все здесь на поселке мещане, что они погрязли в своих огородах и курятниках.

Он долго бродил по поселку. Что делать? Он матери этого не простит. Куда уехать? Как начать самостоятельную жизнь?

С этим он и появился у Марины Петровны. Она выслушала его молча и сказала:

— Самое горькое — ошибаться в людях. Ты мне всегда казался человеком добрым и справедливым.

Сергей удивленно вскинул голову: а при чем здесь он?

— Ты мать огородами и курами попрекаешь? А ты не подумал, каково ей вас всех кормить, поить и одевать? Ты не спрашивал, сколько маме надо работать, чтобы туфли, что ты носишь, купить?

Она его, шестнадцатилетнего, учила мудрости и снисходительности. Она ему внушала, что иногда боязнь за ребенка ослепляет и мешает видеть истину. Она его хотела вооружить терпением и умением прощать.

Сергей вернулся домой и зашел в мамину комнату.

— Мы оба погорячились, но я — больше. Прости меня, мама.

— Хорошо, — устало ответила мама. — Хорошо. Но я тебя прошу: не ходи к Марине Петровне.

— Это невозможно, — ответил Сергей непреклонно, — это будет предательством.

И в десятом классе он каждую свободную минуту, которых становилось все меньше и меньше, проводил у Марины Петровны. У Марины Петровны вечерами собирались ребята, слушали новые записи, читали стихи, спорили. У нее была лучшая на поселке библиотека. И половины книг дома не было — ребята разбирали.

Да, теперь он и сам видел, что она бывает неорганизована и несобранна. Он теперь многое видел и мно-

гое понимал. Но что из этого? Жизнь подарила ему необычайный дар: он научился отличать главное от второстепенного. Он встретил человека талантливого, интересного и сложного. И принимал Марину Петровну такой, какая она есть, понимая, как много дает ему право вот так запросто зайти в дом, посидеть, послушать.

Впрочем, в школе об этом думали по-другому. Сергею часто приходилось бывать у директора. То по делам комитета комсомола школы, членом которого он был третий год, то из-за каких-нибудь спортивных соревнований, то по поводу клубных забот. Но когда однажды Николай Иванович церемонным жестом указал ему на стул рядом с письменным столом, Сергей понял, что его вызвали не для приятного разговора. На этот стул Николай Иванович усаживал провинившихся.

— Пойми меня правильно, Сосновский,— начал Николай Иванович, явно испытывая неудобство от предстоящего разговора,— я не хочу посягать ни на твою личную свободу, ни на твой образ жизни. Я хочу дать тебе один совет. Мы живем в обществе. И должны подчиняться его законам. Иногда они бывают не совсем объяснимы.

Сергей молча смотрел на него, а Николай Иванович чувствовал, что ему неуютно под этим спокойным взглядом, в котором отражалась вся юношеская бескомпромиссность. И он оставил общество с его необъяснимыми законами в покое и перешел к делу.

— Я не противник дружеских отношений учеников с преподавателями. Отнюдь нет. Но я считаю, что во всем должны быть свои границы. Мне кажется, Марина Петровна, задерживая вас так поздно и позволяя тебе так много времени проводить у нее дома, их переступает.

— Простите, Николай Иванович,— Сергей встал.— А мне кажется, что обсуждать недостатки человека за его спиной не благородно.

В маленьком поселке все на виду. Здесь знают, кто к кому ходит в гости, кто у кого одалживает деньги, кто что посеял в огороде. И жизнь Марины Петровны поселок обсуждал рьяно. И то, как она на работе убивается с утра до вечера («Нет, это школе счастье при-

валило»), и то, как на свои деньги пластинки покупает («Я ее спрашиваю: «Себе?» А она: «Клубу — значит, себе»).

Школа в поселке особняком не стоит. Да и учителя не слепые, сами все видят. Конечно, Марина Петровна умна, интеллигентна, очень способна и работает с огоньком. Но... Это «но» и было предметом разговоров в учительской. Марина Петровна не укладывалась в обычные рамки, она была исключением из общепринятых учительских правил. А исключения раздражают. И это раздражение переносилось не только на Марину Петровну, а и на Сергея Сосновского.

Тот разговор в директорской комнате был совсем не последним. Сергея наставляли классный руководитель, его пыталась переубедить завуч, ему выговаривали учителя. Не каждому хватало директорского умения вести деликатные разговоры. На категоричность Сергей отвечал ожесточением, на бестактность — взрывом негодования. А они сокрушались: смотрите, он стал груб и несдержан. Очевидно, это влияние Марины Петровны. Раньше он таким не был.

Учителя искренне огорчались. Они хотят ему добра, они беспокоятся о нем. Им казалось, что эти непривычные, эти странные с их точки зрения отношения взрослого и подростка сделают его рано повзрослевшим и заставят смотреть на окружающее другими глазами. Они путали причину со следствием. Это он тянулся к Марине Петровне потому, что она одна с самого начала признавала и уважала в нем личность, человека, характер.

Были среди учителей и искренние благожелатели. Они негодовали: если ученик видит в учителе человека интересного, если он бежит за советом и помощью к нему первому — это же прекрасно. Но они же и советовали Сосновскому:

— До выпуска осталось несколько месяцев... Перестань дразнить всю школу. Не ходи к Марине Петровне или не делай этого так демонстративно, так у всех на виду.

Юношеский максимализм отказывался принимать горькую мудрость слабых. Сергей старался скрыть свое удивление и свое разочарование. Ему это плохо удавалось. Благожелатели тоже обижались.

Он начал учиться в этой школе с первого класса. Вежливый, тихий, милый мальчик. Им хотелось его видеть вежливым и тихим до конца, а он своевольничал. Он отстаивал свое право на самостоятельность, на свой кодекс чести, на свое видение мира. Но признать, что Сосновский прав — значит признать свою неправоту, свою слепоту, свое неумение разбираться в людях.

Сергея издегали эти разговоры, ему надоело жить в фокусе учительского внимания, но он, никогда в жизни не изменивший дружбе, не разрешал себе этого делать и сейчас. Уступить, вести себя по-иному — означало для него предать не только Марину Петровну, это означало предать самого себя. Он понимал и другое: его поведение, его жизнь теперь не только его аттестация. Это аттестация Марины Петровны.

Он, освобожденный перед выпускными экзаменами от всех общественных обязательств, брался за любое комсомольское поручение. Но завуч сказала в классе: «Кто мог подумать, что характеристика заставит человека так стараться». Он по всем предметам прочитывал гору дополнительной литературы и отвечал на уроках не просто хорошо. Его ответы были блестящими. Однажды историк заметил: «Ваше настойчивое желание получить медаль слишком явно».

Трещина стала заметной. И она наполнилась такой холодной, такой черной и глубокой водой, что перепрыгнуть ее ни с той, ни с другой стороны не представлялось возможным.

Однажды к Николаю Ивановичу вбежала завуч:

— Полюбуйтесь! Теперь Сосновский начал вместо стенгазеты вывешивать в классе листовки. Полюбуйтесь!

Она положила на стол директора листочки, на которых было написано красным карандашом: «Проба пера». И ниже — синими чернилами: «Одноклассникам и неодноклассникам».

— Что это? — спросил Николай Иванович.

— Ребята сказали, что они решили таким образом делиться своими мыслями. Конечно, Сосновский был первым. Это умно, не спорю. Но для ученика тон недопустим.

Николай Иванович санкционировал конфискацию необычной стенгазеты и забрал листочки домой. Взялся

за них поздно вечером, прочитал и сразу же начал читать второй раз:

«Нужно уметь быть благодарными. За то, что тебе дано право учиться и что тебя учат, за то, что тебе ставят пятерки и что не ставят пятерки. За то, что в тебе что-то воспитали или что-то вытравили. Нужно уметь быть благодарными! Жаль только, что мы начинаем понимать это слишком поздно.

Я это к тому, что все десять лет мы видим в учителе только учителя, который нужен, чтобы задавать задачи, ругать за поведение, беседовать с родителями, наказывать и подхваливать, давать поручения и т. д., у которого можно учить или не учить, которого можно слушать или не слушать.

А всегда ли мы видим в учителе человека со всеми присущими людям порывами: гневаться, радоваться, страдать, смеяться, болеть, любить, ошибаться, уставать и даже плакать? И всегда ли правильно мы оцениваем этого человека и его порывы, дела, слова? Нет, не всегда. Вернее, почти всегда нет.

Познать человека — не алгебраическое уравнение с несколькими неизвестными решить. Здесь общая формула бессильна».

Николай Иванович набрал телефон учительницы литературы, которая жила в соседнем парадном.

— Анна Лазаревна, нет ли у вас дома сочинений Сосновского? И не затруднит ли вас занести их мне?

— Сейчас? — спросила Анна Лазаревна.

— Сейчас, — ответил Николай Иванович, не посмотрев на часы, стрелки которых сошлись на цифре двенадцать.

Обычные программные сочинения он читать не стал. Искал свободные темы. Одна из них «Никто не забыт, ничто не забыто» была неожиданно написана стихами.

Тема дана, тема одна.

Мы пишем о живших, мы пишем о павших.

Мы пишем, что живы вы в памяти нашей.

Мы пишем о них, но скажите, живые:

Вы к братской могиле сегодня ходили?

«Ничто не забыто». А вы не забыли

солдатскую каску в пыли?

В пробойну каски цветок посадили

Или хотя бы подняли с земли?

Или солдатскую мать успокоили?

Семью посетили погибшего война?

Так о чем же вы пишете?

Чьи цитаты приводите?

Чьими мыслями мыслите?

Я б хотел, чтоб память не словами,

А делом доказали мы с вами.

Не по черному белым, не по белому синим...

Тогда только вправе сказать мы открыто:

«Никто не забыт, и ничто не забыто!»

Как вдруг они становятся взрослыми. Или это не вдруг? Просто по привычке, по инерции это не видится и не замечается. Кажется, совсем недавно мальчишка пришел в коротких штанишках, вчера пятиклассник ревел из-за проигранного футбола, а сегодня это уже характер, сложившийся человек. Плохо учителю, если вырос негодный человек, хорошо, когда ученик оправдал надежды, на него возложенные. А что делать, если ты видишь, что твой воспитанник лучше и чище тебя?

Николаю Ивановичу вспомнилось, как они в школе умилялись, когда Сосновский пришел к товарищу, где вся семья болела гриппом, и, засучив рукава, принялся мыть и убирать. Как они ехали на экскурсию и у семи-классницы начался приступ аппендицита, а Сосновский первый побежал по вагонам и привел доктора. Как он в восьмом классе отказался от освобождения от экзаменов и с гипсом на сломанной руке ходил в школу. Как он с товарищами все хлопоты по похоронам недавно умершего учителя взял на себя.

Почему же они, старшие наставники, решили, что имеют право регламентировать его доброту, его стремление помочь, его желание видеть мир справедливым? Почему в одном случае его отзывчивость умиляла, а в другом — раздражала? Почему они должны решать, с кем ему интересно разговаривать, а с кем — вредно?

Так и наступил выпускной вечер. Аттестаты разложили в зависимости от успехов. Сергей Сосновский получил аттестат первым. Он вышел на сцену с огромным букетом пряно пахнущих белых лилий и, пожав директору руку, так и сбежал с этим букетом со ступенек и прошел куда-то в глубь зала, где плотными рядами сидели старшеклассники и учителя.

— И здесь демонстрация, — не сказала, а скорее прошипела Николаю Ивановичу завуч.

Николай Иванович посмотрел в зал. Теперь лилии

были в руках у Марины Петровны, а Сергей возвращался на свое место.

Когда раздали аттестаты, встал директор и отодвинул заранее написанную речь в сторону.

— Сегодня в школе самый радостный и самый печальный день. Мы прощаемся с вами. Мы прощаемся с нашими тревогами, огорчениями, неудачами, с нашими победами и радостями. И, расставаясь с вами, я хочу, чтобы вы знали: простых процессов в жизни не бывает. Учитель — ученик — не всегда одна и та же знакомая схема: один учит, другой учится. Бывает и так, что мы учимся у вас. Вашей бескомпромиссности и честности, вашей искренности и вашей цельности.

Николай Иванович смотрел на Сосновского. Неужели не поймет? Неужели так и уйдет с обидой? ².

Е. БРУСКОВА.

ИРА, МОЙ ДРУЖОК

Наверное, каждый из нас, став на ноги, должен найти себе младшего друга и постараться сделаться главным человеком в его жизни. Конечно, в первую очередь им должен стать твой сын, твоя дочь. Но ведь есть и другая работа для души. К примеру, есть дети, у которых нет отцов. А они так необходимы им...

В интернате был выпускной вечер. В группе родителей, ожидавших, когда появятся сегодняшние именинники, стоял и я. Сначала вышли юноши в черных безукоризненно отутюженных костюмах. Затем девушки в белых платьях. Среди них была Ира. Смотреть на нее было приятно. И она, словно угадав мои мысли, грустно спросила:

— Неужели я уже такая взрослая?

— Нет,— сказал я,— успокойся, нет,— и, вручив ей «Двух капитанов» Каверина и коробку конфет, подумал: как незаметно она выросла за эти пять лет!

В детстве у меня был друг-ровесник. Мы проучились с ним вместе всю школу, встретили войну, в один и тот же день и час поступили в одно и то же училище. Потом наши пути разошлись. Но и сейчас, четверть века спустя (подумать только!), мы иногда созваниваемся

и разговариваем так, словно никогда и не расставались. И обоим это легко и, главное, — нужно.

Но самая интересная дружба — это дружба старшего и младшего. Опять-таки сына с отцом, ученика с учителем, студента с немолодым профессором, сослуживцев — опытного и начинающего. Ведь молодые тяготеют к опыту — профессиональному и житейскому. А для более старшего дружба с юностью — лучший способ поддерживать в себе огонек молодости.

Да, друг может быть и намного моложе.

Мне было сорок, когда Ире «стукнуло» двенадцать. С тем моим школьным другом мы иногда задаем друг другу вопрос: а ты помнишь, когда и с чего началась наша дружба? Так часто бывает: никто не может назвать какой-то определенный день. Мы с Ирой тоже, хотя у нас есть какие-то вполне определенные отправные даты.

У них в интернате есть отряд имени вожатого Сергея Марго... И вот однажды мы, те, которые были его пионерами, пришли туда в гости. Уходя, оставили ребятам свои адреса и телефоны, приглашали приходить, звонить. Еще в тот вечер я обратил внимание на эту девочку. Узнал, что мама у нее умерла, отчим женился, у него растут свои дети, а вот Иру он отдал в интернат. В интернате я выступил, и, естественно, сказал ребятам, кто я и откуда. Ира тогда несмело подошла ко мне и сказала, что на заводе, где я, работает и ее папа — то есть этот отчим. После первой нашей встречи прошло лето. А осенью у меня на квартире вдруг раздался звонок:

— Юрываныч, это вы?

Я сразу же вспомнил это чересчур твердое «И». Ира! И действительно, она назвалась:

— А я — Ыра. Вспомнили?

Потом, с годами это прошло. Она стала говорить мягче. Вообще стала мягче, ровнее, менее угловатой, резкой. Теперь, когда вырастает и моя дочь, я знаю — так бывает со всеми девочками. Но некоторое время мне казалось, что это и моя работа.

В ту же осень Ира пришла к нам в дом. Накануне, когда мы с Валею бродили по набережным Невы, я сказал ей: «Когда придет Ира, ты держись не как хозяйка...». «Поняла, поняла!» — перебила меня дочь. И дей-

ствительно поняла, как я потом убедился: Ира никогда не чувствовала себя у нас лишь гостьей. Вообще она как-то быстро у нас прижилась. Приду с завода, смотрю — висит на вешалке знакомое пальто.

Мы все вместе ходили в цирк, бродили по Ленинграду. Я привык ждать ее телефонного звонка и по вечерам, и на завод в обеденный перерыв.

— Юриваныч, это вы? А у меня сегодня была контрольная, по-моему, я все сделала как надо...

— Юриваныч, это вы? Я прочла...

— Юриваныч, это вы? Я сегодня веселая...

Утром, когда она была в классе, я иногда забегал в интернат и спешил по ступенькам спального корпуса. Никто из работников интерната не спрашивал, что мне там надо. А я просто клал Ире под подушку какой-нибудь пустяк.

Когда Валя, дочь, болела, она всегда была дома. Все были вместе. Когда же заболела Ира, ее отвезли в больницу. Наверное, поэтому ее было больше жалко. Ходил к ней каждый день. Приносил что-нибудь вкусненькое. И за это время она привыкла, наверное, уже совсем, что я свой. Так что летом, когда Ира уехала в пионерский лагерь, пришло от нее письмо. И в нем: «Ко мне можно приехать». Потом немного об окружающей местности. И уже совсем прямо: «Ехать надо с Финляндского вокзала».

Конечно же, я приехал. Ира выбежала навстречу совсем как Валя, и так же, как та, с разбегу обхватила и поцеловала. И я понял — на отцовскую дружбу я получил дочернюю дружбу.

Но иногда нам мешали.

— Почему вы выделяете Иру, когда приходите к нам? Чем хуже другие? Вы же к отряду приходите? — сказала как-то воспитательница.

Дети ничего подобного никогда не говорили. Они просто приняли нашу дружбу. Ведь если к кому-нибудь из них приходит отец, он приходит к одному. И, приходя ко всем, я все-таки садился рядом с Ирой.

Потом вдруг запретили ей ездить к нам в гости: «У Юрия Ивановича комната небольшая, ты мешаешь». Она взволнованно сообщила мне об этом, пробравшись к телефону, когда все в интернате уже улеглись спать. Я успокоил: «Пустяки».

Сейчас она учится в техникуме, живет у тети.

Ира спросила: «Юриваныч, можно мне называть вас на ты? Вот так и буду: Юриваныч и ты. Ну как? Я подумал: как это я сам не предложил? Ведь я-то в детстве самого любимого своего вожатого называл всегда только на ты.

Теперь в трубке звучит:

— Юриваныч, это ты?

И я улыбаюсь тихонько. Мне тепло от этой дружбы. Она очень нужна мне. Тем более я вижу: тонкость порождает тонкость, внимание оплачивается вниманием. Есть в ней и что-то более глубокое: иногда я чувствую себя словно бы проводом, по которому идет ток между моим поколением и поколением Иры. А как же иначе? Ведь не только за партой, не только в своем детском коллективе должен впитывать маленький человек наши большие идеалы, наше мировоззрение, принципы. Лучше всего, когда они идут непосредственно от души к душе. Не правда ли?

Словом, если вы тоже заведете себе младшего друга, вот такого, как моя Ира, вы очень скоро почувствуете, как он стал вам необходим.

Имя девочки я изменил. Зачем ей быть в курсе нашего взрослого разговора? ³

Ю. ЛЕВАЛЬД,
работник завода

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Лето — медовый месяц многих наук. В это время над древними городищами витает пыль энергичных раскопок, по зеленым лужайкам с сачками наперевес самозабвенно бегают биологи, бурильщики рвутся чуть ли не к центру земли...

И лишь одна наука в эту пору почти в полном составе уходит в отпуск — педагогика. Школы закрываются на каникулы. А детвору, этот симпатичный объект науки, папы, мамы и месткомы до осени укрывают под сенью лесов загородных лагерей.

Почти четверть века педагогика живет не столько фактами, сколько воспоминаниями. И это не может не

влиять на ее развитие. Надо что-то делать, как-то сокращать непроизводительные потери времени.

На кафедре педагогики Курского пединститута, кажется, нашли выход. Что ни лето, тут вдогонку ускользающему объекту снаряжается экспедиция ученых и студентов. Причем, в слове «экспедиция» почти нет никакой метафоры. Перед выездом идут нормальные сборы. До треска в швах набиваются кедами, шортами и другой полевой амуницией рюкзаки. Подобно поисковикам редких месторождений, педагоги грузят в автобус научную аппаратуру. Кто-то в последний момент, хлопнув себя по лбу, вспоминает, что забыл взять логарифмическую линейку и канифоль, без которой он там будет, как без рук.

Предвижу целый ряд недоуменных вопросов ко мне: «Послушайте, вы ничего здесь не напутали? Что общего между такой трепетной наукой, как педагогика, и логарифмической линейкой?»

Точно такие же вопросы возникали у меня самого, когда я, прослышав об этой экспедиции, решал, ехать или не ехать в район ее поисков. Обычно ведь педагоги добывают научный материал в простом, непринужденном общении с детьми. При этом главный их инструмент — тонкая интуиция. Тут же было что-то необычное и даже чуть сомнительное. Один человек в Курске об этой экспедиции отозвался с глухой враждой: «Они там скребут факты для своих диссертаций...»

Но слушайте, что происходит дальше. Отъехав от Курска сто с небольшим километров, ученые и студенты расселяются в строениях бывшего Белгородского монастыря. Некоторые из них, отыскав здесь укромный уголок или подвал, предупреждают других: чур, моя лаборатория... Устанавливают свои приборы, конечно же, вдрызг растрашенные на дорожных ухабах. Начинает противно пахнуть канифолью.

А еще через день-два в монастырские ворота вползают автобусы с детьми. Торжественно открывается межобластной лагерь школьного актива «Комсорг», три года подряд организуемый Курским обкомом комсомола. Объекты науки, ничего не подозревая, ставят палатки, пробуют волейбольные мячи. А в среде взрослых уже зреют заговоры. В бывшей трапезной, а ныне лагерной столовой, за обедом можно услышать такие разговоры:

— Ларисочка, у тебя подобралась хорошие ребята.

— Ну и что?

— Дай мне их после мертвого часа на сорок минут. Опыт надо поставить.

Они уже несколько лет ставят опыты. Но в Курске у них всего один-два класса базовой школы. А тут целый воспитательный полигон, и дети в их распоряжении с утра до вечера...

И вот теперь, когда у читателя, наверное, уже волосы торчком встали, спешу рассеять его тревоги. Все участники этой экспедиции — веселые и безобидные люди. Их любят дети, и они любят детей. Аспирант кафедры Анатолий Лутошкин, посмеиваясь, рассказывал, как ребята реагируют на их опыты: «Некоторые уверены, что мы проверяем их нервную систему. А другие знают, в чем дело, ходят по пятам и спрашивают: «Ну как, представляем мы интерес для науки?..»

Наука тоже хочет быть интересной детям. Вот аспирант Алексей Черкасов приводит в свою лабораторию две группы ребят и увлеченно объясняет им задачу: как можно быстрее собрать из пронумерованных в определенном порядке кубиков игрушечную арку. Как истый судья соревнований, он смотрит на хронометр и подает команду: «Начали!»

И вот тут я стал свидетелем поразительного явления. Один мальчик, почти мгновенно сообразив, как лучше собирать арку, не спросив ни у кого разрешения, взял на себя функции организатора. «Света, Наташа, — отдавал он одно распоряжение за другим. — Вы с этого конца собираете, Володя, ты с этого... Так, поехали...»

Объясняя научную сторону этого явления, Алексей мне шепнул на ухо:

— Смотри: вот он — лидер ситуации...

Эта группа показала хорошее время и высокую степень организованности. Затем в лабораторию вошла другая группа. Но ту же самую задачу она выполняла вяло, медленно. Вспыхнула короткая ссора. «Нет!» — гневно воскликнула одна девочка и, махнув рукой, отступила от стола.

— Перед нами психологическая несовместимость членов группы, — продолжал тихо комментировать Черкасов.

Если в опытах Черкасова эффект был налицо, то в

лаборатории Лутошкина мне как журналисту решительно нечем было поживиться. Десять школьников сидели за столом. Каждый из них, слушая то музыку, то информацию о боях во Вьетнаме, с заданным интервалом нажимал на индивидуальный выключатель. А сам Лутошкин, притихший и серьезный, сидел у прибора и следил, какие кривые при этом вычерчивают на движущемся валике бумаги десять стержней от шариковых авторучек.

— Толя,— сказал я ему, когда ребята ушли.— Греха в этих опытах никакого нет. А польза какая-нибудь будет?

Лутошкин чуть грустно пощелкал пальцами по своему прибору, нигде еще не запатентованному, собранному из листиков стали и моточков проволоки, и ответил:

— Нас в Курске многие спрашивают: а что от ваших опытов получит школа? А черт знает, что она получит. Но в науке уже не раз было такое: то, что сегодня кажется вздором, завтра становится нормой...

Вот и сейчас мне пришла на ум одна история, не помню где прочитанная. Машиниста попросили взять на воспитание подростка. Он взялся за это дело без всякой охоты, но для очистки совести сказал ученику: «Ты внимательно смотри, что я делаю, и все будет в порядке». Три года ученик в оба глаза смотрел на машиниста. Но водить поезд он так и не научился, потому что не сумел понять, как взаимодействуют системы машины.

Мне кажется, что наша школьная педагогика иной раз выступала в роли этого ученика. Она в оба глаза смотрела на детей, тщательно регистрировала и сортировала все их поступки и реакции. Но и теоретики ее, и практики часто попадали в тупик, пытаясь объяснить, почему, например, коллектив детей, каждый из которых сам по себе просто золото, бессилён справиться с пустячным делом, а другой, составом вроде бы похуже, блещет деловитостью и спайкой.

Лев Уманский, заведующий кафедрой педагогики КПИ, давно одержим идеей критического пересмотра такого понятия, как коллектив, и поисками новых методов изучения законов его жизни и развития. В конечном счете, все опыты, эксперименты и неоднократ-

ные научные экспедиции кафедры подчинены этой цели.

Зададимся вопросом: что такое ученический класс? Это, конечно, коллектив. Но коллектив, созданный не по воле детей. Их свело вместе одно обстоятельство, с которым, увы, ничего не поделаешь: они должны посещать школу своего микрорайона.

Но, кроме такого способа создания коллектива, существует и другой — стихийный, естественный. Вот в лагерь приезжают ребята новой смены. Они выходят из автобуса и, как бы сохранив его очертания, скопом валят к начальнику штаба лагеря и просят: «Запишите нас в один отряд». Пока они ехали по железной дороге, потом тряслись по курским проселкам, успели привязаться друг к другу, обзавестись симпатиями.

Что сделает педагог, привыкший регистрировать факты — и только? Он добродушно улыбнется и запишет всех в один отряд. Педагог-психолог тоже уступит их просьбе. Но через несколько дней проверит состояние здоровья этого нового детского сообщества.

Делается это так. Сам Уманский или кто-то из его молодых коллег идет в класс (летом — в отряд) и просит детей в письменной форме ответить на два вопроса: «Кто, на твой взгляд, мог бы лучше других руководить делами класса?» и «С кем бы ты хотел проводить свободное время?» Собрав анкеты, ученый начинает приводить их в систему. Он берет чистый лист бумаги, вычерчивает на нем подряд три круга. В центральный круг он вносит кружочки (так символически обозначаются девочки) и квадратики (мальчики), которые получили наибольшее количество голосов, в средний — среднее, в третий — минимальное, и за круг выносит так называемых «аутсайдеров» — тех, кто ни одного голоса не получил.

Сначала на бумаге предстает хаос, какая-то смутная галактика из кружочков и квадратов. Но исследователь терпелив. Согласно анкетам он соединяет значки «линиями симпатий». И тогда начинает что-то выстраиваться, на бумаге вдруг с простодушной отчетливостью вырисовываются две или даже три маленькие вселенные этой галактики! Каждая живет словно сама по себе и подчиняется своим законам тяготения и отталкивания. Выходит, класс не един? Тут впору

отпрянуть от стола, поломать циркуль и сказать самому себе: чушь, ерунда!..

Но вот ученый идет к учителю и сверяет с ним, практиком, свои выводы. Полное совпадение! Учитель подтверждает, что ему известно, кто с кем любит сидеть за одной партой, кого с кем можно посылать за дровами в походе, а кого нельзя.

В школах подобные исследования приводили иногда к курьезам. Учителя были ошеломлены не столько точностью картины, сколько скоростью ее воспроизведения. Психолог в течение одного дня узнавал то, на что им понадобились годы.

Между тем никакого чародейства во всем этом не было и нет. Социальной психологии давно известна такая методика исследований. Она называется социометрией. Курские психологи эту методику приспособили к нуждам педагогики.

Все они — горячие поклонники математически точного анализа. Их речь пестрит словами явно не гуманитарного лексикона: параметры, кривые, диаграммы... В этом увлечении дальше всех зашел Черкасов. Он ведь психолог без году неделя. Окончил физмат, но, увлеченный примером Уманского, ринулся в психологию и счастлив ею.

— Во время эксперимента я произвожу количественные измерения организованности группы, — объяснил он мне свой научный принцип. — А потом уже в соответствии с показателями буду действовать как педагог, воспитатель...

У его опыта со сборкой арки есть продолжение. Черкасов просит группы снова поработать. Но на этот раз «лидера» первой группы он переводит во вторую. И флегматичная группа как бы стряхивает с себя оцепенение, начинает работать намного быстрее. Потом Алексей просит смышленного мальчика вернуться к своим ребятам, но вторая группа по инерции продолжает действовать с энтузиазмом.

Это опыт. А вот что случилось в масштабе лагеря. Некоторые отряды, сформировавшиеся по принципу «автобуса», вдруг начинала одолевать внутренняя вражда. Они оказывались не способными к коллективным действиям. Их расформировывали, делали перестановки, создавая новые организмы. Как правило, они

оказывались деятельнее, сплоченнее. Шли в лагере и на такое. С помощью социометрии совершали безболезненное, как при рентгене, проникновение во внутренний мир отряда. Если обнаруживалось, что он не един, делили его на рабочие группы в точном соответствии с показаниями. Узаконенные микроколлективы резко повышали свою деловитость.

Все это было в лагере. А что извлечет из его опыта школа? Многое, потому что в ней происходят явления того же порядка, что и в лагере. В течение всех десяти лет за некоторыми классами тянется слава «разболтанных», «недружных». И это часто потому, что лотерея формирования классов преподносит нам неприятный сюрприз — психологическую несовместимость личностей учеников. Почти в каждом классе — это знает каждый учитель — есть еще два-три класса. Но знать мало. Надо учиться этим явлением управлять. Оно, как термоядерная реакция, двулико: может испепелить и может строить.

Но прав и Лутошкин, когда не хочет немедленно рапортовать об общественной пользе своих изысканий. Он, как я понял, вторгается в сферу, которая еще совсем недавно была лишь уделом поэзии — общее настроение массы людей. Он хочет понять, когда у детей наступает критическая температура душевного подъема и почему, в каких условиях у них появляется апатия.

Ему еще многое не ясно. Но кое-что он уже успел проверить в малом и большом масштабах. Например, однажды на совете вожатых он стал энергично возражать против длительных подготовок некоторых дел. Почему? «Инстинкт детской деятельности часто требует немедленного удовлетворения,— заявил он.— Не надо его гасить присущей нам, взрослым, тщательностью». Он оказался прав. Лагерные «морские праздники», «карнавалы», объявленные внезапно, сопровождались настоящим шквалом веселой и оригинальной ребячьей выдумки.

Нет ли тут разгадки, почему иногда в школах дела, задуманные учениками, учениками же и проваливаются? Может это происходит потому, что хорошая идея, как принято, обсуждается вначале на комитете, потом на педсовете и, наконец, «замораживается» в

неторопливом календарном плане школьных мероприятий?

Может это так, а может, и не так. Но педагогика — наука, имеющая дело с живыми людьми, гораздо больше нуждается в научных аксиомах, чем в поэтических догадках. Чем быстрее мы разгадаем все загадочные явления в психике детей, тем меньше понесем потерь в их воспитании ⁴.

И. ЗЮЗЮКИН.

С КЕМ ДРУЖИТ СЫН!

Антон и Дима — из одного двора. У Антона — увлекающаяся душа. Чем он только не занимался! Разводил голубей, дрессировал собак, удил рыбу, столярничал. Но вот беда — со школой у Антона нелады: никак не мог «вылезти» из 5-го класса. Уроков не делал, прогуливал. Антон втянул в это дело и Диму. Вместе ездили за город на речку, возили на рынок голубей. Дима тоже стал хуже учиться, пропускать занятия. Ребята перепродавали голубей, на вырученные деньги ходили днем и вечером в кино, покупали сладости. Аппетит рос, денег не хватало. Антон и Дима стали воровать.

...Детская дружба. Приглядитесь, сколько в ней самоотверженности, преданности. Как зарождается у ребят тяга друг к другу? У одних из общих игр во дворе, у других в школе. Ребята сходятся по общим склонностям, мечтам, стремлениям. Но каким?

Что составляет содержание такой дружбы, что ее питает? Кто на кого влияет? Сложные вопросы, на них не сразу ответишь. А тем, кто воспитывает детей, надо уметь отвечать. И прежде всего, конечно, родителям.

Только как узнаешь содержание мальчишеских отношений, если не представляешь их стремлений, наклонностей, того, что мы называем внутренним миром? А ведь этого как раз и не хватает многим родителям. Порой просто поражает полное безразличие мам и пап к тому, с кем и как дружит сын, на чем зиждутся его отношения с товарищем.

Сложен интеллектуальный мир подростка, загадочны его душевные проявления, и, естественно, проник-

нуть в них нелегко. Тут есть одно «спасение»: дети, как правило, очень откровенны. Они без умолку могут рассказывать об одноклассниках, о прочитанных книгах, о своих увлечениях. Только надо уметь их слушать, просто слушать. Тогда все, чем живет сын или дочь, не будет для родителей тайной. К сожалению, отцы и матери часто отмахиваются от вопросов детей, от разговоров с ними, ссылаясь на дела, заботы, занятость. Или считают рассуждения ребят несерьезными, представления — наивными, стремления — временными, а на забавы и шалости смотрят сквозь пальцы.

Именно так случилось в семье М. Их сын, шестиклассник Алеша, самовольно взял сбереженные мамой деньги и поехал с другом... смотреть города.

Что сорвало его с места? Романтика? Пробудившееся желание своими глазами посмотреть мир, встретиться с необыкновенными людьми? Или надоевшее однообразие учебных будней? Удрученные родители ничего не могли объяснить, поступок сына оказался для них полнейшей неожиданностью: ведь он всегда был рядом, на виду. И вдруг... Но это только казалось, будто Алеша рядом. Духовно он был далек от отца с матерью. Незримо для них в душе его шла трудная и сложная работа: впечатления бытия переплавлялись в свои собственные представления об образе жизни. Потому родители никак и ничем не участвовали в естественном процессе. Сын сам вынашивал свои мечты.

Страсть Алеши увидеть новые места, необыкновенных людей — хорошая. И знай о ней отец и мать, могли бы помочь удовлетворить ее. Сделать это нетрудно — чаще выезжать с ним из города, совершать экскурсии, походы. Не в силах сами увлечь сына — записали бы его в клуб туристов: незнакомые города, новые впечатления, интересные люди предстали бы перед ним.

Самовольное путешествие — не невинное детское увлечение: он встал на путь бродяжничества и сбил с правильного пути своего товарища.

История в семье М., к сожалению, не единична. Мать Люси К. имела обыкновение уходить из дома, когда у дочери собирались подруги.

— Ну, пошепчитесь, не буду вам мешать, — ласково приговаривала она, надевая пальто.

Девочкам это нравилось, подружки стали приводить к Люсе ребят, и они тоже не заставляли Ольгу Петровну дома. «Молодежь собралась, пусть повеселятся», — с такими словами она все чаще переступала порог соседей. И молодежь веселилась. Постепенно встречи превратились в вечеринки с вином и сигаретами. Люся, провожая подруг и ребят, стала поздно приходить домой. Школа ей наскучила. Она забросила учебники. В семье начались скандалы. Мать привела в действие все, чтобы вырвать дочь из дурной компании. Но было поздно: Люся не подчинялась. Ребята нашли новое место для встреч, и девчонка теперь упорно ходила туда.

Кто ее подружки, чем они живут, каковы их стремления, какие общие интересы объединяли их с дочерью — мать не знала и не стремилась узнать: сама уклонялась от знакомства. Не дружба связывала девочек — они собирались лишь для того, чтобы повеселее провести время. Мысли их работали только в этом направлении. Бесцельное времяпрепровождение привело к тому, что вечеринки с вином и картами стали единственным видом развлечения.

Как-то в детской комнате милиции у нас шел долгий разговор с отцом Сергея П. о том, как важно знать, с кем дружит его сын. Он возражал:

— Я во всем доверяю Сереже. Он отзывался о своем друге хорошо.

А вот что произошло. В седьмом классе Сережа увлекся коллекционированием старинных и современных монет. Он подружился с Борисом, мальчиком старше по возрасту, у которого страсть к коллекционированию служила средством наживы. Работники милиции задержали их в автобусе, где подростки под видом обмена монет просто собирали с пассажиров мелочь, не опуская ее в кассу.

Для отца Сергея это было громом среди ясного неба: ведь его мальчик никогда не хулиганил и успешно учился в десятом классе.

— Неужели из простого любопытства вы не удосужились познакомиться с товарищем сына? — спросили мы папу.

Ни отец, ни мать не сделали ни одной попытки увидеться с Борисом. Я не говорю о том, что ребятам

ни в чем нельзя верить. Верить нужно. Нужно и знать то, во что веришь...

Приведенные случаи, безусловно, исключительные. Обычно родители ревниво относятся к тому, с кем дружит их сын или дочь, активно вмешиваются в ребячьи дела. К сожалению, иногда это происходит примерно так:

— Перестань с ним дружить, он нам не нравится,— категорически заявляет мама.— Челка какая-то хулиганская и глаза бегают.

И больше ничего видеть и знать о мальчишке с челкой не желают. Не нравится, и все. Разве таким «объяснением» убедишь сына? Он только обидится за приятеля, замкнет свою душу на замок.

Еще чаще родители спохватываются тогда, когда сын уже попал в дурную компанию. Они не выпускают его из дома, внимательно следят за каждым шагом, гонят ребят, которые приходят в дом. Иной мальчишка покоряется родительской власти, а другой вырвется, хлопнет дверью и уйдет, оставив обиженную мать в слезах и отчаянии.

Бывает и так. Пришла однажды мать Лени М. в школу с просьбой:

— Рассадите, пожалуйста, моего сына и Мишу. Миша сам плохо учится и Леню с толку сбивает.

Рассадили. Не помогло. Ребята продолжали дружить, как ни препятствовала мать Лени.

... С огорчением признаюсь: лично я не встречал таких родителей, но мне бы очень хотелось, чтобы мать Лени однажды широко распахнула перед его приятелем двери квартиры и, впуская к сыну, приветливо улыбнулась:

— А мы ждем тебя, Миша. Быстрее пообедайте и отдохните немножко. Потом вместе сядете за уроки.

Пока ошеломленный Миша топтался в передней — планы у него были совсем другие,— мать Лени решительно подтолкнула его к комнате:

— Да, я знаю, что у тебя туго с математикой и Ленька отстал тоже — ничего, отец вас вечером погоняет. А потом все вместе — на каток.

И так день за днем, не выпуская ребят из поля зрения, отбивая охоту от бесцельного болтания по улице, увлекая то одним, то другим, чтобы не дать уйти в

дурную сторону, не дать развиваться дурным наклонностям.

Некогда? Заняты? Не может, не имеет права на существование это «некогда», когда рядом растет человек, когда надо ковать его характер, а тем более спасать. «Лишь бы убереечь своего, а до друга мне нет дела» — этому обывательскому недомыслию тут тоже не место.

Потому что все мальчишки — наши. И всем надо думать об их судьбе ⁵.

В. К Р Ю Ч К О В,
учитель.

НАШ ЮНЫЙ ДРУГ

Однажды старательный отличник шестого класса, не замеченный ни в одной проделке, попросил учительницу английского языка разрешить ему перейти в параллельную языковую группу.

— Почему? — удивилась она.

— Потому что я хочу знать язык.

Класс замер. Учительница, вся сжавшись, как от удара, крикнула громко и зло:

— Уходи!

Она любила этого вежливого, воспитанного мальчика, даже гордилась им. Но сейчас слезы, обыкновенные женские слезы залили глаза, и она изо всех сил старалась не дать им закапать.

Мальчик остолбенело остался стоять за партой.

— Уходи! Немедленно! — еще раз крикнула учительница. — И можешь переходить куда тебе угодно.

И он ушел, ничего не понимая. А потом, во время переменки, неожиданно обнаружил, что стал для мальчишек героем скандальной хроники, а для девчонок — злым обидчиком бедной учительницы.

— Ну что я такого сделал? Я ведь просто объяснил причину. Лидия Гавриловна спросила, а я ответил. За что же меня выгнали из класса? Ну за что? — растерянно и недоуменно спрашивал он дома своих родителей.

— И что же ты сделал, когда Лидия Гавриловна попросила тебя выйти? — нахмурился отец.

— Как что? Я ушел из класса и пошел в группу Клавдии Ивановны.

— А попросить извинения ты не догадался? — спросила мать.

— За что?! Я же сказал правду.

— Верно, правду. Но как сказал? И где? Нет греха в том, что ты попросил перевести тебя в другую группу. Но ошибка твоя в том, что ты не смог найти ни подходящего времени, ни места, ни даже доводов. Вот и получилось, что ты не правду сказал, а человека обидел.

Младший хлопал глазами, из которых теперь уже капали слезы.

Однако, если бы не было погрешностей формы, существо-то дела осталось бы все равно. Драмы, подобные этой, случаются, если взрослые воспринимают свое старшинство как навеки данную привилегию быть вне сомнений.

Но давайте подумаем. Каждый из нас хочет, чтобы дети выросли мыслящими людьми, активными в общественной жизни, храбрыми борцами за истину и справедливость. Книги, кино, школа учат именно этому. И все-таки есть на свете люди вялые, скучные, безразличные. Ходят они по земле и заставляют педагогов искать ошибки, совершенные при осуществлении благих намерений.

Вернемся же в класс и поглядим, что делается там. Я читаю об опыте учителей одной мурманской школы: ученики и учителя проводят хронометраж на уроках, и обеим сторонам, подчеркиваю — обеим, оказалось, есть что сказать друг другу. А выпускники одного пединститута дают клятву: «Клянусь, что буду разрешать моим ученикам критиковать меня».

Уверен, не только мы воспитываем детей, но, бывает, и дети — нас, и нам не следует быть «трудновоспитуемыми». В противном случае сломаем, задушим, убьем активность реакции, а потом будем удивляться — откуда такая беспомощность? Смотрим на ребенка как на заведомо подчиненного. Нам можно все, ему же — ни-ни.

Есть еще одна опасность. Уставший от необходимости беспрекословного подчинения, оскорбленный неуважением к его личности, подросток может попасть

в ситуацию, когда он станет рваться из семьи и школы в круг людей, его понимающих и принимающих. Хорошо, если, выбирая, направо пойти или налево, наш Иван-царевич нападет на верных друзей — чуткого учителя, мудрого соседа или умную книгу. А если его пригреет хулиган? Которому можно все рассказать? Который еще больше позволит, чем сам себе разрешаешь? Не станет ли наш Иванушка и самостоятельным, и храбрым, но... Соловьем-Разбойником, горем общества?

В трудную пору «линьки», когда старая детская шкурка сползает болезненно, а новая, взрослая, еще так тонка, человеческий детеныш больше всего нуждается в дружбе.

Но дружба предполагает такое общение, при котором люди взаимно обогащают друг друга. Нет ли в понимании взрослыми дружбы с их собственными детьми снисходительного чувства превосходства над любимым младшим существом? Мы согласны, чтобы маленький друг нам подражал, нам внимал. Но может ли он нам сделать замечание? Выразить несогласие? Вопрос не из простых. Попробуем ответить на него предельно правдиво.

Самое махонькое создание, начинающее мыслить, нуждается в праве на собственное мнение. Нет в жизни детей периода, который оправдал бы понимание родительского авторитета как инструмента подавления личности в ребенке.

А коли так, мы вправе потребовать от старшего и быстроты реакции, и глубокого раздумья в каждой, даже неожиданной ситуации.

...У нас в стране чтут детей — и это всегда бросается в глаза иностранцу. Отец советуется с сынишкой, куда им вместе пойти в воскресенье, пожилая женщина уступает в автобусе место четырехлетнему непоседе: «Садись, голубчик, а то тебя затолкают». Буфетчица, уже закрывая киоск, поспешно греет чай посиневшему от чрезмерного купания чужому мальчишке. Мы любим детей, и поэтому нам особенно горько, больно, когда сын или дочь вдруг начинает грубить своим родителям, не зная, как иначе отстаивать свои суждения.

Ребенок, знающий, что к его мнению прислушиваются, испытывший гордое чувство удовлетворения от

серьезного отношения старших к его мыслям, сам учится уважать в других людях их взгляды на вещи. Правильно воспитанный ребенок, даже очень огорченный, всегда найдет для выражения своего несогласия с матерью или отцом тактичную форму.

Можно проповедовать самые высокие нормы нравственности, учить ребенка на всех великих примерах прошлого и сводить на нет уже достигнутое неумением уважать в ребенке личность, в обыденной жизни помогать становлению самостоятельности. Повседневность — вот сфера, в которой мы творим нашу педагогику, исходя при этом из страстного желания, чтобы дети были лучше нас. Но разве мы хотим при этом быть хуже своих детей? ⁶

В. Ш Е Л И К Е,
доцент Киргизского
государственного
университета.

в каждом-
неповторимый
дар

2

РОМАНТИКА В СИНЕЙ ТЕЛЬНЯШКЕ

В тот памятный день я развернула газету «Темир-тауский рабочий». Вот она, страничка для ребят. Быстро пробежала по заметке. Взгляд задержался на одной подписи: Нина Логачева, ученица 7 класса 10-й школы.

— Это наш лучший юнкор. Боевая дивчина... — редактор заулыбался.

Мне захотелось увидеть эту девочку. Ведь в нашу редакцию часто приходили письма от Нины. В основном это были ее стихи. Узнаю от самой Нины, решила я, как ребята занимаются в клубе юнкоров, как готовят пионерскую страничку для газеты металлургов...

— Нину? Так вот она... — вожатая показала на девочку, стоящую рядом.

На меня глянули огромные синие незабудки. Есть такие глаза — посмотришь однажды и запомнишь на всю жизнь. Незабудки и длинные русые косы. А под галстуком, у воротничка платья, выглядывает матросская тельняшка. И сразу видно — это не из-за неряшливости, не из озорства. Тельняшка — словно символ чего-то большого, важного. Ее нельзя спрятать и прикрыть.

Оказалось, что Нинин класс сейчас едет на завод: ребята зарабатывают деньги для летнего путешествия. Договорились встретиться позднее.

Когда я пришла, Нины еще не было. Младшая сестренка Наташа играла с подружкой в кухне, а из комнаты вышла Нинина мама — невысокая, по-девичьи стройная женщина. Она скорее походила на старшую сестру — ласковую, добрую, очень милую. В ожидании Нины разговорились с Ниной Григорьевной о ее рабо-

те (на заводе синтетического каучука она чертит планы к измерительным контрольным приборам), об их житье-бытье.

— Когда Нина родилась, соседки упрекали: что, мол, крестить не несешь? Вырастет непутевая, наплачешься,— рассказывала Нина Григорьевна. Я, конечно, не слушала. А потом с мужем разошлась — к детям он плохо относился,— и снова шепотки: что-то из них будет, безотцовщина. Упрекали меня, что детьми не командую, а запросто, как с подружками, разговариваю с ними обо всех житейских делах. Но я и на это не обращала внимания. А в библиотеке стала книжки о воспитании брать. И вот — растут не хуже, чем у других. Особенно за Нину я рада, она у меня уже совсем самостоятельная. С виду — такая строгая, не приласкается, как вот Наташа. Да я-то знаю, какая она. Бывает, на работе у меня что-нибудь случится, так она места себе не находит. А не дай бог повздорим — кусок проглотить не может, пока не помиримся...

Потом Нина Григорьевна ушла на занятия в школу мастеров, а Наташа, порывшись в столе, принесла мне маленькую самодельную книжку — Нинины стихи. Книжка в несколько страничек из твердой бумаги. На обложке надпись: «Северное сияние».

Я успела прочитать только первую строчку: «Мои первые стихи посвящаю морю, северу, Валерке». Стук в дверь.

— Ой, простите. Мы так заработались, что и не заметили, как время пролетело...

Засучив по локоть рукава тельняшки, она присела рядом на диван. Странно... мы и десяти минут вместе не были, а кажется, что знакомы давно-давно. Знакомы с Ниной, с тем необъятным миром, в котором она живет.

...Где и когда родилась твоя мечта? Может, в раннем детстве, когда ты любила выдумывать сказки? А может, в шелесте страниц, в мерцании звезд, склонившихся над тобой в зимний вечер? Или это весенний теплый ветер принес тебе запахи далекого моря, нашептал, коварный, на ухо, что где-то за семью долами, за семью горами есть то, без чего ты, человек, не сможешь прожить...

В Темиртау нет моря, но есть водохранилище и есть

клуб юных моряков. Несколько лет назад бывший моряк Захар Закиров собрал «трудных» темиртауских пацанов и стал штурмовать с ними мудреную моряцкую науку. В первое лето учились мальчишки держать в руках рубанок и пилу, строили свою «флотилию» — несколько самодельных лодок. Без отпуска, без свободной минуты жил тогда мальчишечий командир. С каким-то удивительным упрямством отстаивал он свою идею. Доставал доски и молотки. А главное — отбирал у улицы самых «несносных». Потом построили на берегу водохранилища лагерь. Спали в палатках, варили запашистую уху, на ветру и в воде закаляли мальчишки тело и волю. Никогда еще не были они так трудолюбивы, умелы и ловки. И не раз, глядя на них, думал Закиров о том, что в его команде собрались добрые пацаны...

А когда наступила вторая весна, вышли мальчишки Закирова на первомайский парад в матросских форменках. Ленты от бескозырок на ветру летят. Раз-два! — не идут, а чеканят шаг.

Из толпы девчонка смотрит на них. Глаза у девчонки голубые-голубые, как волна, умытая утренним лучом. Девчонке завидно...

Еще через год Нина вместе со своей подружкой Тамарой Селезневой пришла в клуб к Закирову: примите.

— Добро! — ответил капитан.

Стали девчонки матросами. И летом вместе со всеми поехали в лагерь. Драили палубу, ловили пескарей, водили катер. Нина как юнкор вела записи в дневнике. А вечером, собравшись у костра, слушали ребята своего капитана. Рассказы о море, о штормах, о больших кораблях. Славное это было время, неповторимое. А осенью ждала еще одна неожиданная радость: юных моряков из Темиртау пригласили в гости моряки Северного флота. Североморск, Мурманск. Первая встреча с настоящим морем, с большими кораблями.

«Однажды увидев, никогда не смогу забыть его. Когда катер поднимался на гребни волн, мне казалось, что я куда-то лечу. Это удивительно радостное, какое-то волшебное чувство. Море — это моя жизнь, начало моего большого пути», — так записала Нина в своем дневнике.

Помнишь волны моря
С солнцем пополам
И напев прибоя,
Вторящий ветрам?
Парус белоснежный,
Полный ветерком,
И простор безбрежный
В платье голубом?

Это первые робкие попытки выплеснуть в стихах звонкую радость сердца.

Люди, которые смотрят на мир счастливыми глазами, всегда и везде встречают им подобных — веселых, неунывающих романтиков. И Нина встретила — там, в Североморске. Это Майя Владимировна Лобова. Кто она? Учительница в школе, студентка-заочница, поэтесса.

Почему подружились два человека, столь разные по возрасту? Об этом лучше всего рассказывают письма М. Лобовой. С позволения Нины я переписала в свой блокнот два из них. Я читала письма М. Лобовой, сравнивая их с отрывками из Нининого дневника.

Из письма М. Лобовой:

«... Счастье, когда у тебя много друзей и когда ты знаешь, что кому-то хорошо оттого, что ты есть. Говорят, я «родилась в сорочке», твое письмо порукой тому. У меня много друзей, больше мальчишек, как-то с ними я скорее нахожу общий язык. Может быть потому, что они откровеннее в своих симпатиях и антипатиях.

Спору с ними, воюю с ними за них самих. Многие не сразу понимают, но как радостно получить потом письмо с признанием, что ты права и что подсказанный тобой путь или вовремя оказанная поддержка помогли понять самое главное — что жизнь чертовски интересная штука, если смотреть на нее добрыми открытыми глазами. И очень больно бывает за тех, кто упрямится и не хочет понимать этого.

Я сейчас работаю над песнями для ансамбля Северного флота. В ноябре они отмечают свой 25-летний юбилей и просили меня написать несколько текстов. Один из них — на старинный вальс «Осенний сон». Это должен быть вальс о севере, о его суровой природе, о мужественных людях — моряках. Не знаю, получит-

ся ли у меня, но очень хочется, чтобы песня получилась».

Из дневника Нины Логачевой:

«Я ночевала у бабушки. Утром слышу — на улице какой-то шум. Выглянула в окно. Ну, конечно же, это мальчишки с 35 квартала. Озорные сорванцы, ишь что придумали! Старший из них подавал команду: взвод, стой! На приветствие — мальчишки хором: «Здравия желаем, товарищ командир!».

До жути мне стало завидно, что не могу сейчас быть с ними. Хочется, как они, быть боевой и озорной. Эта зависть была такой сильной, что вот пишу и снова завидую...»

«Сегодня был смотр. Я так волновалась за девченок. Хорошо выступили, и я очень рада за них, моих милых чудовищ». «А Валерка достал-таки цветы! От них весной и солнцем пахнет. Это самый дорогой для меня подарок».

Из письма М. Лобовой:

«Милый мой человек! Каюсь, задержалась с ответом. Очень рада была твоему письму, особенно фотографии. Видно, романтика всегда одета в тельняшку...

Вчера у нас в школе был удивительный день. Юрий Гагарин был в гостях. И самое примечательное, что при всей его мировой славе, он очень-очень простой. На днях пришлю тебе снимки этого знаменательного события. Стихов по этому поводу нет. Плохих писать не хочу, хорошие не получились, еще не нашла чего-то своего.

Чу! Хвастаюсь! Недавно состоялся юбилей ансамбля Северного флота. В концерте первым отделением шла моя литературно-музыкально-танцевальная композиция по истории ансамбля. Принимали ее очень хорошо.

Еще могу доложить, что «хвосты» ликвидированы и я сейчас штурмую за третий курс, нужно сдать досрочно, так как собираюсь сопровождать своих «смекалистых» в Артек. На днях поведу их на атомоход «Ленин».

Кстати, не помню, рассказывала ли я тебе об одном романтике — Светлане Рыжовой? Она работала в газете «Комсомолец Заполярья». Заболела Арктикой и, узнав, что на атомоход берут девушек, пошла матро-

сом на камбуз. Теперь этот «чудик» возвратилась, привезла мне снимки белых медведей, камни с Таймыра и массу впечатлений.

А вот еще адрес: Сочи, Маяк, Сайшнова Люба. Девчонка с маяка. Работает вожатой в одной из школ. Пишет стихи. В них есть такие удивительные находки, как драгоценные камни в серой породе. Этот человек много ищет и идет своим путем, часто с разбитым носом и содранными коленками, но взбирается по отвесной скале ради маленького, но удивительного цветка, чтобы показать его людям: смотрите, как красиво, это создала природа.

... Забыла сказать, что возраст моих знакомых «чудиков» очень разный, но всех объединяет одно — непокой. Видимо, и твоя мама из этой породы, и мне очень приятно будет с ней познакомиться.

... Ты спрашиваешь, прилично или нет ходить с мальчиком за руку. Можно завидовать тем, кто в любом возрасте может держать в своей руке руку друга. В этом столько самого чистого и светлого смысла, и большое счастье пронести это светлое через всю жизнь. А кто видит в этом плохое,— просто ханжа и привык думать обо всем плохо. А еще просто завидно. Валерка молодец, настоящий парень. Пусть пишет мне, буду рада».

Разных людей, живущих за тысячи километров друг от друга, роднит самое главное — радостное мироощущение, радостное открытие каждого нового дня. В одном своем письме М. Лобова написала:

**Ненавижу душевный покой,
В жизнь, как в юношу,
 влюблена,
Если я не состарюсь душой,
Значит, будет она мне верна.**

Перед каждым человеком когда-то встает извечный вопрос: кто ты, зачем пришел в этот мир? И тот, кто преклоняет голову перед величием и красотой творений людей земли, тот стремится все свои душевные порывы направить на то, чтобы светлого, чистого, доброго на земле было больше...

О чем только ни говорили мы с Ниной в тот вечер! А когда прощались, я вдруг увидела на ее шее то-

ленькую цепочку и вспомнила слова Нины Григорьевны: соседи упрекали — что, мол, крестить не несешь? Потянула за цепочку — из-под тельняшки выскочил маленький якорек. Нина засмеялась.

— Это на счастье. Все моряки носят вместо талисмана. Вот и мы с Томчей...

В Караганду я возвращалась последним автобусом, промерзла до костей. Но я совсем забыла о холоде, так как всю дорогу думала об этой славной девчонке. А вернувшись из командировки, первым делом разыскала в редакции стихи, присланные Ниной. Ее ненапечатанные стихи. Да, ей еще трудно вложить в стихотворные строчки все, что она чувствует, где-то нарушен размер, где-то подобрано неудачное слово... Но теперь, зная автора, я вижу, как в этих несовершенных стихах бьется через край чувство неумной радости от общения с природой, со всем прекрасным.

Лицо подставила дождю,
Пусть мне льет на голову,
Стоять вот так весь день могу,
Ведь это очень здорово!—

смеется она.

А через неделю от Нины пришло письмо, за ним второе, третье... Эти письма как бы продолжили тот вечерний разговор у нее дома. Письма семиклассницы — раздумья о жизни, о людях. И это радует. Радует, что растет человек не только мечтательный, но и мыслящий, целеустремленный. Вот отрывки из писем, они не требуют никаких комментариев:

«...У моей мамы золотой характер. Только вы не подумайте, что я зря хвалю ее, нет. У нее очень трудная была жизнь. Но вопреки всему она очень жизнелюбивая. Это она научила меня отличать настоящее от поддельного. Она научила меня быть выше мещанства.

Мама — мой друг, которому можно рассказать все-все. Когда про нас с Валеркой соседи сплетничали, мама всегда меня подбадривала, не давала унывать».

«Как жаль, что вы не познакомились ближе с моей любимой подружкой Томой. Рыжеглазой я ее зову. У нее в светлых глазах где-то далеко прячется рыжее, в веснушках, солнце. Мы одинаково горячо любим море, песни, мечтали о поступлении в мореходку. Нам

очень хорошо вместе — и в грустную и в радостную минуту. У меня трудный характер, а Тома — очень уравновешенный человек. Когда я вспылю — она умеет быстро успокоить...»

«...О Валерке мне рассказывали только плохое, называли его хулиганом. А я вдруг поверила этому карглазому мальчишке, отвергнутому «высшим» обществом. И не ошиблась. Валерка оказался настоящим мальчишкой, верным товарищем.

Однажды летом команда мальчишек 35-го квартала приехала на дружескую встречу с футболистами лагеря. Неожиданно, после матча, обнаружилось, что у одной из воспитательниц пропали деньги. Страшное подозрение пало на гостей, мальчишек из 35-го. Я знаю их, это веселый и честный народ. Представьте, как ужасна была эта сцена, когда их проверяли, как ворышек. Взрослые люди ошиблись. Ошиблись и жестоко оскорбили ребят. Среди них был и Валерка. Я видела, как его первоначальное удивление сменилось растерянностью, а потом вполне справедливым возмущением. Он потом мне рассказывал, что мальчишки долго не могли освободиться от неприятного чувства после этой позорной сцены.

Валерка — мой настоящий друг. Он даже пол помогает мне мыть, не стесняется. Обидно, что есть такие люди (как у нас соседи), которые считают дружбу мальчика и девочки чем-то зазорным. Одна девочка из нашего дома стояла на улице с одноклассником, просто разговаривала. Так ее мать выбежала на крыльцо и, чтобы все слышали, громко сказала:

— Рано еще женихов иметь! Не люблю девчонок, которые ходят с мальчишками,— это уже в мой адрес.

Я пробовала спорить с такими, но ничего не добились. И все равно с такими нельзя смириться. Они даже не имеют представления о чистой дружбе.

Мне нравится Валерка еще потому, что он прямо говорит мне в лицо правду. Нет идеального человека. Есть и у него, моего товарища, недостатки. Но знаете, он со мной советуется, как от них избавиться. Смешной.

...А еще у него в глазах иногда плещется море... Почему я так много рассказываю о Валерке? Потому что в нем есть много того хорошего, что я хотела бы видеть в мальчишке-современнике».

«...А Валерка на Первомай принес мне букет подснежников. Я люблю эти цветы: в них запах весны и талого снега. Вчера лил дождь-озорник и мы бегали по лужам с Томой и Валеркой. Это здорово — дождь, ручьи! А люди — чудаки, прячутся от него под зонтики...»

«...У меня сегодня огромная радость. Я — комсомолка! Если бы вы видели наши лица после вручения комсомольских билетов. Настроение — чудесное, хочется громко петь...»

Л. КОРЯКИНА.

МАЛЬЧИК

В большом городе ценишь тишину. Поэтому я любил эту узкую непрямую улицу. Здесь было много каменных особняков, то начинавшихся от тротуара, то белевших в глубине двора. Но неотъемлемой принадлежностью каждого здания была ограда. Обычно чугунная, каждый раз с другим кованым рисунком. Любил я проходить мимо одной ограды, потому что за ней — исключительная редкость! — краснело и желтело несколько цветков на яркой зеленой траве. Пейзаж с такими живыми, ясными и пламенно-чистыми красками, что я старался почти каждый день попадать сюда, догадываясь, что скоро живописность поблекнет.

И в тот день я шел на свидание с ярким ландшафтом. Полюбовавшись, я отошел и, проходя мимо особняка, увидел знакомую металлическую вязь изысканной конструкции, двери с украшениями из потемневшей меди. На двери висел плакат выставки детских рисунков. В центре плаката было помещено изображение одного рисунка.

Оставалось открыть дверь...

Множество листов бумаги разнообразного формата заполнило все комнаты и коридоры. Группы рисунков позволяли сосредоточиться и судить о художнике более верно. Почти все дети признают превосходство мира взрослых. И многие взрослые не сомневаются, что ребенок должен следовать законам и эмоциям их мира. Однако детская свобода и неозабоченность по-

могут ребенку самостоятельно осмысливать мир. Это зерно зароненной мечты несет в себе почти каждый ребенок. И выносит наружу, показывает его только ребенок талантливый. Здесь в зале были собраны рисунки талантливых детей.

Почти сразу я отыскал то самое изображение, которое было эмблемой на плакате. На какой-то возвышенности стоял дом, разрушенный, с обвалившимися стенами, с черными зияющими глазницами окон. Нарисовано все это было черно-коричневыми красками, сплошное цветное пятно было необычайно трагическим. Изображение выступало символом мертвого мира, символом обугленной земли, военного разрушения, горьким напоминанием. Это были рисунки мальчика.

Рядом располагались вещи, несколько не похожие на первый трагический рисунок. Маленький художник был мастером композиции. На большом листе бумаги, подписанном коротко: «Театр», чего только не было! Кареты, камзолы, четверки коней, театральные светильники, занавесы, рампа, цирковые медведи. Все с лаконичностью, со свежей живописностью, с напряженностью размещения предметов. Рисунок вызывал множество ассоциаций, и был согрет неприкрытой радостью ребенка, делящегося с нами и приметами того быта, которым он был увлечен, и своим бесхитростным и таким богатым, таким насыщенным взглядом на мир.

Ребенок оказался в состоянии создать совершенно самостоятельный мир; это сделал маленький художник, несколько не заинтересованный ни в славе, ни в деньгах, не обуреваемый тщеславием, никакими иными посторонними чувствами. И мир, им созданный, не может не поражать искушенных взрослых людей, знающих и любящих искусство. Мне захотелось иметь мужество и талант, чтобы учиться у детей.

Через несколько дней я медленно шел по мокрому тротуару. Темный влажный асфальт не просыхал, солнца не было видно. Я неторопливо обходил маленькие мутные лужицы, старался не наступить в грязь, которая растеклась там, куда обрушилась вода и размыва слежавшуюся пыль.

Но вот политое водой пространство оборвалось. Дальше ремонтировали тротуар, часть его, ближайшая

ко мне, уже была залита дымящимся асфальтом. От него сильно тянуло жаром.

У края стены темного туннеля, пробитого в каменной толще огромного дома, сидел черноволосый подросток и рисовал. На шершавом белом листе бумаги, укрепленном внутри раскрытого переносного мольберта, расположились синие, черные и красные здания и яркий желтый круг солнца. За мальчиком поблескивала ровная гладь воды, налившаяся в неровности каменного покрытия. Рядом с мольбертом стоял голубой пластмассовый стаканчик с водой, в котором, не смешиваясь, недвижно повисли маленькие разноцветные облачка растворившейся краски.

С мальчиком никто из прохожих не заговаривал, да и он не обращал ни на кого внимания. Пожилая женщина в клетчатом платье вполголоса обронила:

— Баловством занимается. Тоже художник...

Аккуратная старушка, чистенькая и спокойная, с веревочной кошелкой, из которой выглядывала круглая пышная булка белого хлеба, размеренно произнесла:

— Все лучше, чем в плохой компании...

Вдруг я услышал суровый голос за спиной:

— Почему дом у тебя такой черный?

На рисунке дом напоминал скользкую спину морского чудовища при лунном свете. Мальчик с веселой убедительностью возразил:

— Эта краска еще сохнуть будет. Вот она скоро по светлеет, тогда дом серым и станет.

Милый мальчишеский выговор немного портили почти незаметные нотки. Они давали понять, что мальчуган намеревается понравиться неласковому прохожему. Но строгого вида мужчина продолжал поучать мальчика.

— Тебе нельзя рисовать! Учись различать цвета...

Я придвинулся к мальчику и ощутил ровный упругий ток холодного воздуха, странного при такой жаре. Воздух шел из глубины еле различимого двора. Прохожий продолжал:

— Ты смотри на картины известных художников. Учись у них рисовать...

Я уже не сомневался, что своему сыну этот случайно проходивший мимо человек и кисть в руки взять

бы не позволил. Я вновь посмотрел на маленького художника. Он не поднимал головы — рисовал.

Вскоре мы остались вдвоем, и к нам никто больше не подходил. Я видел только мальчика, белый лист бумаги, расцвеченный яркими пятнами красок, темноту сырой каменной поверхности вокруг нас. Художник работал.

Наклонившись к мальчику, я вновь посмотрел в глубину туннеля, где слегка бледнело небо; оттуда непрерывно дул сильный холодный ветер:

— Тебе не холодно? — спросил я.

Он вежливо и равнодушно отозвался:

— Нет.

Я стал пристально рассматривать рисунок. Лист бумаги чуть коробился, вспухал и еле заметно приподнимался вслед за движением мокрой кисточки. Мальчик трудился с недетской серьезностью. Приглядевшись к расплывающимся цветным мазкам, я догадался, что на листе возникает изображение огромного знакомого светло-серого здания. Это было необычное здание — оно полюбились горожанам, хотя построили его совсем недавно. Мне довелось несколько раз побывать около него, мне нравились стремительные каменные очертания, гигантские стеклянные стены, редко разделенные тонкими плотными полосами металла, широкие, непривычно спроектированные винтовые лестницы.

Почти всегда я встречался со зданием, подходя к нему со стороны памятника Пушкину. Но теперь я впервые приглядывался к дому с фасада. Обычно здания неподвижны, как символы непоколебимой прочности жизненного уклада, крепкой надежности земного существования. Странное и смелое сочетание архитектурных линий создавало иллюзию движения каменных масс. Взор, скользя по массивному строению, невольно направлялся от одной детали к следующей, подчиняясь невидимой воле архитектора. Каменные плиты настила сменялись квадратами стекла и, в свою очередь, переходили в тяжелый бетонный навес над зданием. Монолитный архитектурный ансамбль покорял размахом и цельностью.

Но теперь, когда я посмотрел на здание в профиль, я легко обнаружил, что боковая стена, почти невесо-

возносившаяся вверх вместе с каменным вздернутым «козырьком», имитировала линию взлета ракеты.

Мне захотелось поговорить с мальчиком.

— Как тебя зовут?

— Рафаил.

Мальчик терпеливо улыбнулся мне.

Его ответная приветливость была несомненна.

И тем не менее, я вновь с неприязнью, непонятной и необъяснимой, вслушивался в мальчишеский голос: странная мальчишеская интонация удивительно напоминала манеру взрослых разговаривать с детьми. Эта замороженность выговора была вызвана тем, что мальчик приспособливался, полагая, что со взрослыми надо разговаривать по-взрослому. Он и назвался так, будто был лет на десять старше. Я вспомнил, что Рафаилом звали тоскливого задержанного гимназиста в чеховском рассказе. Пользоваться именно этим именем — означало вести достойную и скучную беседу снисходительного взрослого человека с милым и оригинальным ребенком.

А если попробовать иначе:

— Тебя можно называть Рафиком? — с некоторой хитрецей спросил я: мне было известно, что армяне пользуются этим уменьшительным именем. Мальчик обрадовался и растерялся одновременно, будто с ним заговорили на родном языке. Он озадаченно кивнул головой:

— Можно.

— Ты живешь здесь?

— Нет, я приехал из Еревана.

— Надолго?

— Завтра уезжаю.

Несколько минут назад я даже не был знаком с мальчиком, но теперь огорчился, что он покинет город.

— Рафик, ты нарисовал солнце, — я осторожно подвел пальцы к рисунку, — а там его нет...

— Но ведь оно было!

Передо мной был маленький, но властный мастер. Он оставлял на своем листе бумаги все, что ему нравилось. И исчезновение солнца (над зданием сейчас было жаркое и обессиленное небо, покрытое обесцвеченными облаками) не могло остановить художника: яркий желтый круг упрямо светился на бумаге. Прав-

да, постепенно он становился бледнее, но это подсыхала краска. Мне все больше нравилось наблюдать за мальчиком: черные дома превращались в серые, солнце на рисунке бледнело, но кисточка вновь прикасалась к бумаге, и густая полоса свежей краски тянулась от одного края листа к другому.

Я вспомнил о нудных советах.

— Тебе часто говорят, как надо рисовать?

— Они ведь ничего не понимают,— горячо заговорил Рафик.— Я, правда, рисую такими красками, какие вижу вот здесь. Зачем мне чужие глаза? Они мне советуют открытки смотреть.— Он обернулся ко мне и спросил:

— Краски хороши только свои, так?

— Покажи свои рисунки.

... Мы сидели теперь на скамейке, памятник Пушкину был по левую руку от нас, а справа — фасад здания, который только что рисовал Рафик. Мальчик повернул вбок длинную продольную планку под крышкой мольберта. Там оказалось отделение, где хранились все те же шершавые листы бумаги. Рафик бережно вытащил рисунки. Я с такой же осторожностью принял их. На первом резкими слепящими красками были изображены два цветка — крупных, невиданных. Они как бы приподнимались над поверхностью бумаги. Казалось, если наклонить рисунок, то цветы сползут вниз. Красочность и скульптурность повторились в портрете насмешливого мужчины в синей спецовке с грубыми и приятными чертами лица.

Перебирая рисунки, я отыскал и уже знакомый символический дом, с такой простотой и трагичностью напоминающий о военном разрушении всего мирного.

— Так это твои рисунки на выставке?

— Да,— спокойно, несколько не взволновавшись, ответил Рафик.— Я и приехал на эту выставку, чтобы посмотреть город, побывать у художников...

Я вновь обратился к рисункам. От самого последнего из них, изображавшего сад поздней осенью, невозможно было оторваться. Смутными, размытыми мазками было прекрасно передано и уединение, охватывающее человека в пустынной аллее, и черно-синие стволы обнаженных деревьев, и массы желтых листьев. На первом плане была видна бегущая коричневая

собака. Все вместе было картиной осени — увядание природы было изображено доброй и смелой рукой.

Все это было нарисовано на обыкновенных листах бумаги, вырванных из школьного альбома для рисования. Вода и краски — мальчик рисовал акварельными красками — изменили первоначальный вид бумаги: она покорибилась, чуть-чуть разбухла.

Я задумался. Ничего похожего в ребячьих рисунках мне раньше видеть не доводилось. Обычно работы детей схематичны и распяты на плоскости. Подростки, например, плохо владеют перспективой, мало задумываются над верной передачей линий предмета и цветовых соотношений. Заметно, что дети стремятся нарисовать не столько реальный видимый дом, сколько саму идею дома. Художественное видение ребенка намного более обобщенно, чем видение взрослого. В наивности детского рисунка чувствуется неоконченность процесса постижения действительности. Он знает о существовании в мире домов, деревьев, дыма из покосившейся трубы, уродливой девочки с растопыренными пальцами и с торчащими в стороны косичками. Это деформированная, искаженная опись действительного мира. Потом непосредственность видения будет утрачена, интуитивность уступит место осознанности, и то, что раньше, казалось, несло следы таланта, теперь будет выглядеть неоригинальным. Почти всем детским рисункам мешает быть талантливыми то, что они созданы вне осознанной системы. Они получились произвольно.

Рисунки же Рафика оставляли загадочное и странное впечатление. Они находились на грани наивной детской манеры и нестесненного художественными обычаями проявления мастера.

Я продолжал держать в руках шероховатые листы бумаги, вздрагивавшие и изгибавшиеся под ветром. Изображения оживали, незримо отдалялись, как бы говоря: «Вот ты смотришь на нас, а не подозреваешь, что мы — произведение настоящего искусства». Казалось, что ветер лукаво спрашивал: «Это — что? Чепуха. Может, уничтожить? Так мне это легко. Дуну сильнее — и все исчезнет».

Страх потери заставлял меня крепче держать рисунки. Потом я отдал их Рафику, он сложил их в мольберт, планка встала на свое место.

— Мне пора,— сказал я, смотря в привлекательное капризное лицо, с которого не сходило заинтересованное выражение.

Рафик поднялся:

— Я.,— но потом не стал ничего говорить, а сложил, не торопясь, кисточку, коробку с красками, вылил разноцветную мутноватую воду на землю, разместил все в переносном мольберте, перекинул ремень через плечо и пошел со мной к улице.

У тротуара Рафик остановился. Может быть, он мог бы проводить меня дальше,— но что-то подсказывало ему оставить меня здесь: не слишком приклоняться к чужой, хоть и сочувствующей душе.

Мы расстались, толпа почти сразу разъединила меня и мальчика, прощально и скромно помахавшего мне рукой.

Какой-то отчужденностью и машинностью веяло от подземного перехода, что был рядом, чисто выметенного, с серым цементным полом, с зализанными краями неровно разглаженного раствора, от стен, выложенных бело-синими кафельными плитками, слегка оживляющими это деловое подземелье, освещенное лампами дневного света.

Но теперь ничего не могло подействовать подавляюще на мою душу. Меня нисколько не угнетала толпа: я не переставал чувствовать себя личностью, и видел в каждом из спешно переходивших такую же личность, как и в Рафике. Мне было неведомо, сможет ли Рафик выдержать груз надежды и неподкупного внимания. Но во мне крепла уверенность. Я понял: чтобы иметь мужество и талант учиться у детей, в каком бы возрасте они ни были, надо быть подлинно взрослым человеком. И солнце, на которое я вышел из подземного перехода, показалось мне солнцем Рафика,— оно было огнем призвания.

Э. Д Ж И Л К И Б А Е В.

ВИЖУ ЧЕЛОВЕКА

Три тысячи семьсот страниц в записных книжках, которые я веду всю свою учительскую жизнь. Каждая страница посвящена одному человеку — моему учени-

ку... А вот двести маленьких записных книжек — это особенно дорогое: в них я записывал самое тяжелое и самое радостное, самое тревожное и самое нежное о тех детях, которых называют трудными.

Три тысячи семьсот человеческих судеб... Здесь почти все взрослое население нашего села. Недавно мне захотелось полистать эти страницы. Прочитав фамилию и имя, я сразу же как бы встречался с человеком, видел черные, голубые, синие глаза... Каждый ребенок был миром — совершенно особым, уникальным.

Для меня было бы самым большим наказанием, если бы подросток прошел через мою жизнь, не оставив следа ни в памяти, ни в сердце. Если он уходит от тебя серым, безликим — значит, ты не сумел ничего оставить в нем. И вряд ли для учителя может быть что-либо печальнее такого финала. Ибо все то, что мы называем воспитанием, есть великое творчество повторения себя в Человеке.

В постановлении ЦК партии об усилении роли общественных наук в коммунистическом строительстве меня, педагога, особенно взволновали слова: коллектив и личность. Время требует глубоко исследовать чрезвычайно тонкую и сложную связь между этими двумя понятиями. Тридцать три года педагогического труда дают мне право утверждать: проблема взаимоотношения личности и коллектива так, как она решается сегодня в педагогике, содержит в себе много неясного, порою примитивного, даже косного. Попробую разобраться здесь в том, что меня наиболее смущает.

Весьма распространен тезис: коллектив — главный воспитатель личности. В педагогике он, можно сказать, стал хрестоматийным. И, не дай бог, хотя бы капельку усомниться в нем — тотчас же найдутся охотники объявить вас еретиком и «предать анафеме».

Коллектив — главный воспитатель личности... Если бы это было так, каким бы простым и незатруднительным делом считалось воспитание! Если бы вообще в нем имелось что-то главное, единственно важное... К счастью (не к сожалению, а именно к счастью), в трудном и мучительном, творческом и радостном этом процессе нет ничего единственно главного. Здесь все главное.

Воспитание — адски сложная вещь. Я бы сравнил этот процесс с работой над глыбой мрамора, к которой одновременно подошли несколько мастеров и задались целью изваять скульптуру.

Вся тревога, все огорчения и все торжество нашего дела в том и состоит, что скульптуров несколько. Это семья, и личность воспитателя, и детский коллектив, и книга, и совершенно непредвиденные ваятели, скажем, знакомые, с которыми подружила мальчишку улица. Если бы все эти силы действовали, как хорошо слаженный оркестр, сколь легко творились бы люди! Но у каждого мастера свой норов и свой характер, свой почерк и, наконец, свое представление о будущем существе, свой этический и эстетический идеал. У каждого — склонность критически относиться к творчеству соперников, и он норовит не только пройтись резцом по мраморной целине, но и ковырнуть там, где только что поработала рука другого ваятеля. Потом наступает момент, когда и мрамор перестает быть неодушевленной глыбой, «скульптура» оживает, становится существом, познающим не только мир вокруг себя, но и самого себя. И тогда берет это существо свой собственный резец и само начинает ваять и даже исправлять то, что сделали другие. Как мечи, скрещиваются резцы, летит мраморная крошка, и иногда от благородного камня откалываются целые куски...

И вот, когда я вижу своими глазами это скрещенье рук, резцов, слышу перебранку скульпторов, мне думается: как наивно утверждать, что только коллектив — главный и всемогущий воспитатель! Как было бы полезно для педагогики трезво разобраться, что по-настоящему детскому (подростковому, юношескому) коллективу, а что представляет для него совершенно невозможную задачу. И необходимо это вовсе не для того, чтобы усомниться в силе коллектива; напротив — чтобы, избавившись от демагогии, точно определить: вот при каких условиях он становится действительно могучей воспитательной силой.

Свести все многообразные влияния в одно, добиться, по возможности, гармонии — ответственная задача педагога.

В ходу и другой педагогический постулат: коллектив — первая цель воспитания. Уверовав в него, мы

как-то перестали замечать, что в нашей практике за коллективом порой перестаем видеть человека.

Коллектив — это не арифметическая сумма личностей, не безликая масса. Коллектив — это непрерывное, никогда не прекращающееся взаимное нравственное обогащение. Это передача друг другу духовных ценностей и в то же время углубление собственной неповторимости. Это — постоянное соизмерение своего духовного мира с высокими критериями нравственности, справедливости и добра, нетерпимости и непримиримости ко злу.

В жизни школы есть факты, которые вопиют: не забывайте, что человек — не послушное «колесико» в заведенном механизме. Весь наш строй, все прогрессивные тенденции, которые осуществляются сейчас в экономической и общественной жизни, развивают в детях высокое чувство самоуважения. Человек — величайшая ценность, человек превыше всего — это убеждение глубоко проникло в сознание советских ребят. И если педагог не замечает этого в существе, которое он растит, то коллектив теряет свою воспитательную силу.

Никогда не забуду одной трудной судьбы. Саша Шерemet... В шестом классе, где он учился, произошло событие, навсегда ставшее для меня уроком. Нуждающимся детям выдавали одежду и обувь — в послевоенные годы это было обычным явлением. На класс, где учился Саша, пришлось несколько пальто и несколько пар ботинок. Классный руководитель решил воспользоваться самим фактом помощи, чтобы провести «воспитательное мероприятие» для всех. Ни с кем не посоветовавшись, он решил выдать пальто и ботинки нуждающимся на общем собрании детей, да еще и родителей пригласил. Я узнал об этом лишь тогда, когда «мероприятие» уже дало свои результаты. Одна девочка убежала из класса. Саша Шерemet, вызванный к доске, стоял бледный, с опущенной головой. А все недоумевали, почему он не хочет брать подарки. Кто-то попробовал даже набросить пальто на его плечи. Мальчишка зарыдал, хлопнул дверью...

В тот же день я пошел к Саше домой. Но единственное, что услышал от него, были слова: «В школу я больше не пойду». И действительно, четыре года, до семнадцати лет, он не приходил в школу. Но он приходил

ко мне домой (после того разговора мы подружились с мальчиком), читал книги, исподволь стал заниматься алгеброй, физикой, химией. В 17 лет он был принят в десятый класс вечерней школы.

Конец как будто вполне счастливый. Но я лишний раз убедился, что коллектив — такой инструмент воспитания, которым надо владеть мудро, с большой осторожностью. Да, он силен в своем воздействии на личность. И именно потому, что это сильный инструмент, зачастую он оказывается опасным в руках не только невежды, но и мастера. Чем «удачнее» он используется, тем глубже с его помощью удастся проникнуть в сердце, тем больше опасности «перегнуть палку».

Не раз приходилось слышать доводы такого порядка: что же из того, что претерпел моральные страдания один ребенок, зато проведена воспитательная акция в отношении всех? Не убежден в полезности подобных акций и для всех. Вообще плохо, когда дети оказываются участниками «расправы», в каких бы формах она ни проходила. Унижение человеческого достоинства на виду у всех развращает коллектив, оживляет в сознании каждого низменные побуждения.

Но бывают и совершенно противоположные явления, когда коллектив становится на сторону того, на кого хотел бы воздействовать педагог. Так случается, когда взрослый не учитывает каких-то очень тонких душевных движений ребят.

Вот, например, мы нередко стремимся достигнуть полной откровенности подростка перед собранием, настаиваем: расскажи все, коллектив все должен знать. Но подросток как раз и не хочет «выворачивать душу» на виду у всех, и товарищи поддерживают его в этом протесте.

А как недалёковидны мы бываем, когда добиваемся показного, формального осуждения подростка товарищами! Всегда находятся среди ребят болтуны, выступающие с осуждением от имени всех, а на деле думающие лишь о том, как бы не потерять расположение воспитателя.

Жизнь убедила меня: нельзя «выворачивать душу» подростка или юноши перед всеми, нельзя выставлять на всеобщее обозрение то, о чем педагог если и вправе говорить, то лишь наедине с питомцем, шепотом, чтобы

тот верил: кроме учителя, никто (!) о его делах не знает и знать не будет. О человеке забывать нельзя и доверие его следует ценить.

Я отстаиваю эти положения применительно, подчеркиваю, к детскому коллективу, ибо у него своя специфика. В период продолжительного его формирования (а период этот длится несколько лет, и несколько лет мы и права не имеем группу детей назвать коллективом), когда ребята еще не способны верно оценить поступок товарища, вообще нельзя допускать, чтобы они решали чью-то судьбу.

Помню такой случай. Маленькая Оля, первоклассница, дважды забыла взять на урок рисования карандаши. Я предупредил ее. А в следующий раз забыты были уже не только карандаши, но и альбом. «Что же делать, Оля?» — спрашивал я, обращаясь к ней и в то же время — к классу. Выговаривая девочке, я ожидал, что кто-нибудь скажет: «Пусть моими рисует». Но услышал совсем другое: «Пусть идет домой за карандашами». Помню, как ошеломило это меня. «Откуда такая нетерпимость? — думалось. — Неужели они вообще не сочувствуют ей? У девочки слезы на глазах. Я знаю, дома у Оли тяжелобольная бабушка. Что же, все это им безразлично?

— Хорошо, пусть идет, — сказал я и, проводив Олю в коридор, посадил ее на стул.

А на дворе метель.

— Как вы думаете, дети, легко идти Оле домой?

— Тяжело, — отозвалась маленькая Оксана, — идти через овраг, а там снег... глубоко.

— А вдруг Оля сбилась с дороги? Как же мы отпустили ее одну?

— Скажите ей, чтобы вернулась, — вскочила Оксана и бросилась к двери.

Когда Оля вошла в класс, много рук потянулось к ней с карандашами, альбомами...

Власть коллектива над личностью должна быть исключительно человеческой. Она невозможна без доброй воли, без умения чувствовать, что рядом человек. И это чувство воспитывается педагогом. Он заставляет ребят пройти специальную школу эмоциональной культуры, которую, по моему убеждению, должен пройти каждый ребенок.

Скажут: «абстрактный гуманизм!» Но при чем тут «абстрактный гуманизм», когда речь идет о наших детях, выросших в нашем обществе, на знамени которого написано: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!»

И как бы это ни называли, но я убежден — и ничто не заставит меня отречься от этого убеждения — только добро, только ласка, только любовь всемогущи — ведь это дети, наши товарищи. Я отношусь к наказанию с большим предубеждением. По моему мнению, это уже средство преодоления каких-то ошибок, просчетов. А нормальное, абсолютно нормальное воспитание не должно знать наказания. И это тоже — глубокое убеждение, воспринятое мною не только из книг педагогов-гуманистов, но и из собственного опыта.

Влияние на детей, только что переступивших порог школы, и, следовательно, на будущий коллектив я начинаю, по существу, с того, что учу их языку сердца. Такую цель воспитания я ставлю перед собой на целые годы общения с классом. Я стараюсь добиться, чтобы дети уже в детстве могли распознавать у другого человека радость, тревогу, горе, уныние; чтобы умели отзываться на эти чувства всем существом — мыслями, поступками, делом. Если хотите, это — азбука в подготовке ребенка к жизни в коллективе.

Необходимы сотни, тысячи уроков, чтобы человек овладел этой азбукой. Мои дети выращивали сиреневую рощу возле дома женщины, жизнь которой была непомерно тяжелой. Они приходят к столетнему деду, у которого война забрала всех сыновей и внуков, и он остался, как перст, один. Приходят и приносят ему те, ни с чем не сравнимые радости, которые могут принести только дети. Можно написать книгу о том, как ребята нашли этого человека и возвратили ему чувство жизни. Не было бы этих уроков, этого оттачивания чувства — не было бы и коллектива.

И вот что важно: чем тоньше в ребенке эта способность — проникать в духовный мир других людей, тем лучше он видит сам себя. А коллектив, заметив это, лишь тогда становится воспитывающей силой, когда каждый, кто входит в него, стремится быть лучше, чем он есть.

От воспитателя — подчеркиваю, только от воспитателя — зависит утверждение в каждом ребенке того, что составляет его нравственную силу: чувство человеческого достоинства. И если мне удалось добиться, что ребенок уважает себя, любит себя таким, каким должен быть человек, — коллектив как воспитательная сила есть.

Трудно найти в школьной жизни что-либо более порочное, чем стремление отдельных горе-воспитателей посылить «задеть за живое» и тем самым заставить человека быть хорошим. Заставить быть хорошим вообще нельзя. Зло никогда не создавало добра. А подчеркивание в человеке плохого всегда переживается ребенком как зло. Если этот несчастный то и дело слышит, что он отстающий, ленивый, такой-сякой — страдает не только провинившийся, но и коллектив, ибо слово, дающее ребенку отрицательную характеристику, парализует его внутренние силы, рождает в нем чувство безнадежности, обкрадывает его внутренний мир.

Семь лет у меня в классе учился мальчик. Где-то в таинственных глубинах мозга у него были, по-видимому, отклонения от нормы: он понимал все, что ему рассказывали, но не мог ничего запомнить. А натура была чуткая, впечатлительная...

И вот в школе мальчики почувствовали, что он почему-то не такой, как другие. У него было горячее стремление учиться хорошо, но это стремление я сравнивал в мыслях с туго натянутой тонкой нитью: прикоснись к ней неосторожно — лопнет. Как поддержать его? Мы с Петрусем ходили в лес, в поле, на берег реки, и я учил его видеть мир и думать. Спасать его каждый день в течение семи лет было мучительно трудным делом. Наедине с мальчиком мне приходилось долго биться, чтобы он понял зависимость между двумя-тремя величинами, потом я вызывал его к доске, он, наконец, осиливал задачу, и я хвалил его перед всеми за понятливость. На уроке, взяв тетрадь Петруся, я делал вид, что впервые вижу его работу, и какую радость приносила ему мысль о том, что коллектив убежден: он умеет решить задачу. Все это было воспитанием самоуважения. И только потому, что человек уважал себя, ему не безразлично было, что думают о нем другие.

С сожалением смотрю на тех детей, к которым коллектив «прикрепляет» в помощь сильного товарища. Слабый настолько привыкает считать себя слабым, что скажи ему: тупица, остолоп, недотепа, — он только жалобно улыбнется. Больно смотреть на таких детей, а ведь они есть в наших классах.

Переживая на людях, на миру, как говорили раньше, уважение к самому себе, мальчик стремился к товарищам, не отталкивался от них, верил в них.

Заботясь о личности, творя ее, я создавал воспитательную силу коллектива. Без такой основы, мне кажется, не может быть и речи о том, чтобы эту силу правильно использовать.

Нет в мире ничего сложнее и богаче человеческой личности. Ее всестороннее развитие, нравственное совершенство — цель коммунистического воспитания. Путь к достижению этой цели столь же сложен, как и сам человек ⁷.

В. СУХОМЛИНСКИЙ,
член-корреспондент Академии
педагогических наук РСФСР.

ХОЗЯЙКА СНЕЖНОЙ ДОЛИНЫ

Вся степь в белом безмолвии. Снега. И тишина.

Степь вновь безмятежно спокойна, как будто и не было трехдневного бурана, когда в мутной круговерти, в этом хаосе звуков и каскаде снега, не отличить земли от неба.

Ветер, истощив злую силу, уgomонился, а тучи, вывалив весь запас снега, пугливо разбежались по сторонам. Небо над урочищем побелело, очистилось. Своей белизной оно соперничает со степью, сливается с ней, и не поймешь, где горизонт.

Тусклое желтое солнце. И тишина.

Кажется, нет сейчас бóльшей радости для Культай, чем это спокойствие. Ведь когда сквозь злобное завывание пурги из кошар долетело голодное блеяние овец, у нее от горя сжималось сердце — не было никаких кормов, вся надежда была на хорошую погоду.

Лошадь Культай бороздит рыхлый снег, то и дело проваливаясь в наносы. Натягивая повод, девочка на-

правляет лошадь на увал. Обычно отсюда проглядывается вся степь, но сейчас глубокий снег сравнял все, степь неузнаваемо изменилась, трудно найти погребенные выпасы...

* * *

Еще осенью, когда овцы спустились с джайлау и пришли в урочище на зимовку после затяжного ненастья, в один из погожих дней девочка с отцом объехала все выпасы. Мукатай Жакаев озабоченно всматривался в побуревшую поникшую траву, словно старался запомнить каждый стебелек, каждую былинку.

Восьмиклассница Культай, смуглая худенькая девочка-подросток, была всегда рядом с отцом. Конечно, она не была чабаном. Мать ее иногда говорила Мукатаю:

— Какой из нашей дочки чабан будет? Ее бы в город в техникум послать или на курсы.

Мукатай сердито хмурил брови:

— Все учеными хотят быть... А овец кто пасти будет? Теперь для многих отару гонять — позор, все в город рвутся. А отцы и деды пасут. Пасут и в почестях ходят! Так почему же дети в город бегут? Слабые дети?..

В такие минуты Мукатай особенно остро чувствовал обиду на судьбу — вот если бы вместо дочери был сын, разве он заколебался, заменить отца или нет?! А у девочки, конечно, и мысли другие...

Прислушиваясь к советам отца, Культай не проявляла особенного интереса к чабанской профессии, но и окончательного выбора еще не сделала. Где-то в глубине души, значит, таилось другое желание, а какое, Мукатай не ведал и не решался спросить у дочери. Не знал он о ее думах. Дети теперь такие скрытные. Однако отец делал все возможное, чтобы привить дочери любовь к своей профессии. Надеялся, что семена, зароненные в душу девочки, рано или поздно дадут всходы. Иногда, правда, приглядываясь к ней, лихо скачущей на лошади, но такой хрупкой и тонкой, как былинка, он вдруг начинал с тревогой сомневаться: под силу ли ей будет водить отару...

А она, видно, думала о чем-то своем. Может быть, так бы все лето и состязались они безмолвно в своих

мечтах и стремлениях, если бы вдруг не болезнь отца, а главное — его заботливое, тихое и доверительное отношение к дочери. И та надежда, которая теперь ощутимо обозначилась в его тревожном взоре и так бросалась в глаза дочери. Может быть, не все еще она понимала, ведь совсем еще девчонка, но Мукатай, не скрывая, словно советуясь с ней, говорил о трудностях предстоящей зимовки.

Объехав все пастбище и распределив каждый участок по времени выпаса, они в тот обыденный трудовой день возвратились домой, как всегда, поздно вечером. Тогда-то и сказал отец многозначительно и задумчиво:

— Зимовать надо, дочка.

Она не уловила в этих словах ни горечи, ни боязни. Только позже, когда на отгон с первыми зимними трудностями пришли и тревожные слухи, что кормов заготовлено до обидного мало и их берегут к расплодной кампании (как бы не было беды?), она поняла окончательно, что это значит — «зимовать надо».

Тогда, осенью, все было проще, хотя на Культай лежала уже ответственность: она все чаще заменяла отца и выпасала отару самостоятельно. Это было хлопотно, но и лестно. Старые чабаны при встречах всерьез спрашивались о ее здоровье, разглаживая бороды. Изредка, сопернически прищуривая глаза, они внимательно осматривали ее отару. Она медлила отгонять овец в сторону — разглядывайте! Овцы не теряли летней наживки. Старики кивали одобрительно и шутливо называли девочку хозяйкой отары. Вначале в шутку, но вскоре и часто — всерьез. Теперь уже она не хотела, чтобы такие похвалы слышал отец. Он, так много лет отдавший чабанству, сейчас с болезнью как-то незаметно уступил свои позиции и из хозяина отары стал помощником дочери. И потому Культай боялась этого громогласного признания. Она дорожила чабанскими знаниями отца, его жизненным опытом, профессиональной любовью к своему труду, наконец, и простым его человеческим самолюбием, хотя на ее стороне были молодость, здоровье, жажда дела. Но главное, наверное, было не в этом. Она начинала понимать отца, понимать его дело.

Перед окончанием учебного года их, в основном детей чабанов, проживающих в интернате, собрали в крас-

ном уголке. Кому же как не им держать славу чабанской династии. Седобородый аксакал хотел передать камчу в руки самого надежного. Он сказал тогда:

— Крепость крыльев молодого орла зависит от того, на какую высоту поднимется он в первый день полета...

Когда он кончил свою короткую речь, порывистый паренек вскочил со стула:

— Нет, это не работа! Стоячая вода... Лучше в трактористы!

— Не горячись, сынок,— спокойно ответил старый чабан.— Ты еще молод, мало пас овец, чтобы так говорить. Крепость характера получишь в трудном деле, в тяжелом испытании. А течение в нашем труде тоже есть — подводное оно.— И он окинул мальчишку добрым и внимательным взглядом.— Я шестьдесят лет пас овец. Если бы мое тело опять стало молодым, я бы снова пошел пасти овец... Но глаза крота не станут очами беркута, сучковатая палка — гибкой лозой...

Камчу из рук аксакала принял самый серьезный, коренастый и спокойный мальчишка — отличник интерната Алтай.

В рассказе о нашей героине нужно сказать еще, что это был ее самый хороший и верный друг.

* * *

Зима взорвалась в начале ноября бурными снегопадами. За одну ночь степь покрылась белым покрывалом. Лишь кое-где торчали верхушки длинных трав. Утром, помогая дочери снаряжаться на пастбище, Мукатай как бы между прочим заметил:

— Зима — экзамен на звание чабана.

К полудню он не вытерпел, оседлал лошадь и поехал на пастбище. Отара выделялась на снегу темным островком. Подъезжая к ней, Мукатай все больше и больше хмурил брови: овцы стояли взразнобой, отдельными кучками, тесно прижимаясь друг к другу. Они не паслись.

— Ну что, дочка? — мягко, проникаясь жалостью к озябшей девочке и сиротливо озирающимся овцам, спросил он.

— Не знаю, не едят. Стоят, жмутся...

— Тут им не до еды — ветер-то какой. Надо гнать на южный склон, там тише.

— Пробовала. Не идут, не понимают.

— Дай-ка камчу. Хозяина они всегда понимают.

Мукатаю довольно легко удалось сгрудить отару. Гикнув, он сдвинул передних овец с места и погнал на южный склон холма.

После пробежки овцы с жадностью принялись за еду.

Досада взяла девочку. Возомнила себя хозяйкой, а еще как многому нужно учиться! Что если бы отец не приехал на пастбище? Так и пригнала бы голодных овец? Нет, она не чабан и, наверное, не будет им. Правда, отец все время учит ее, учил и продолжает обучать. Она ясно представила себе джайляу, все лето в колебаниях (быть ли ей чабаном). От этих-то колебаний все дельное и вылетело из головы, все отцовские советы шли мимо. А ведь отец говорил всегда много интересного и важного. Культай напрягала память, возвращаясь к долгому прожитому году...

Травы в низинах вымахали по пояс, вызревали огромным массивом, иногда даже скрывая отару. Овцы неохотно поедали такую траву, вяло бродили по пастбищу, больше вытапывали корм. Культай следила за отарой с отчаянием. Отцу не жаловалась. Он сам завел с ней разговор. В какие-то минуты этого разговора ей даже вдруг показалось, что он учит ее не как пасти овец, а скорее, как жить, какой быть ей в жизни. Правда, вначале она не поняла, почему отец так пристально смотрел на освещенную солнцем вершину близлежащего холма, на вершине которого паслась отара Газизбека Тынышпаева.

— Ты заметила, дочка, какой умный этот джигит Газизбек? Который раз за месяц меняет выпас. Видишь, куда забрался с отарой? Прямо под облака. Вроде бы у нас тут травы высокие, чуть не до пояса, а там с землей наравне. Но там-то они, дочка, самые питательные, белковые.

Культай посмеялась тогда.

— А что толку? Пока овцы туда заберутся и обратно спустятся — все результаты насмарку!

Отара от отары не на один километр, а слухи долетают с быстротой ветра. В тот же вечер Культай узнала,

что Тынышпаев и не думает спускаться с отарой вниз. Чтобы побережь овец от лишнего перегона, он решил заночевать там, на месте.

На другой день и Культай с отцом переменяли место выпаса, правда, остались по-прежнему в низине. Туда, где облака рукой можно достать, Культай идти так и не решилась. И пожалела об этой своей робости. А потом случилось вот что.

День уступал место сумеркам. Зимние дни недлины, но этот был особенно коротким. Кажется, не так давно она выгнала отару, а вот уже на снег ложатся сине тени. Культай оглянулась, и то, что она увидела, заставило ее вздрогнуть. За спиной, занимая половину небосвода, росли, надвигались и ширились набухшие тучи, готовые вот-вот разразиться снегопадом.

Буран в открытой степи! Нервно погоняя лошадь, неслась Культай по пастбищу, сгоняя в кучу овец. Вот они уже сгрудились. Не теряя времени, она помчалась с отарой по степи. Над головой, точно преследуя ее, стремительно неслись тучи. Зловещая тишина встала над степью. Потом откуда-то рванул ветерок, поиграл поземкой. Новый резкий порыв ударил в лицо зло и неистово. Отара остановилась. Овцы в нерешительности затоптались на месте. Ветер уже дул, не унимаясь.

Выбиваясь из сил, Культай металась из стороны в сторону, пытаясь сдвинуть отару с места. Вот несколько овец шарахнулись и понеслись в степь за ветром. И вся отара двинулась за ними. Культай в растерянности замерла. Поток овец медленно обтекал ее, и она не в состоянии была помешать этому движению. В воздухе закружились снежинки. А через минуту отара словно затонула в снежном массиве.

Культай с силой натянула повод, вздыбив лошадь. Мчащийся поток овец увлекал ее все дальше и дальше от жилья, от кошары. Она уже не думала, что теперь будет, главное для нее теперь — быть с отарой.

Буран неистовствовал. Степь то содрогалась от его могучего рева, то становилась на минутку оглушающе тихой. Усталые овцы брели то по гладкой обледенелой земле, то проваливались в снежные переметы.

Наконец Культай почувствовала, что овцы замедляют ход, вслед за ними она очутилась в глубокой ложине. Здесь было относительно спокойно. Буран клу-

бился поверху, сбрасывая вниз снежную пыль. Изможденные овцы прилегли, пофыркивая, плотнее прижимаясь друг к другу.

Культай успокоилась. Мороз пробирался через тулуп, ознобом пробегал по спине, но все это казалось теперь таким незначительным.

Она не спала всю ночь. Несколько шагов вперед, несколько назад. Сон наваливался на нее неожиданно, особенно когда она закрывала лицо рукавицей. Веки смежались, теплое дыхание растекалось по лицу, в глазах появлялось лето, она чувствовала разливающееся по телу летнее тепло. И травы, высокие травы с хмельным запахом укрыли овец. Пробираясь вперед, она раздвигала их руками и гналась куда-то за исчезающей отарой...

Не было и бурана. Небо чистое, глубокое, мириады ярких звезд. Нет, это не звезды, это много огней, и не на небе. Огни в театре. И от них так тепло. Это люстры. Она запомнила этот зал по рассказу Алтая, возвратившегося с совещания молодых животноводов. Ей так хотелось побывать там. Алтай привез тогда почетную грамоту. Камча старого чабана попала в достойные руки...

Культай встряхивает головой. Что это? Сон? Только бы не уснуть, иначе — все. Она набирает в руки снег, растирает глаза, щеки, нос. Только бы не уснуть...

Буран стих только к утру. И нужно было возвращаться. Мать встретила девочку со слезами на глазах. Отец внешне держался спокойно, седлал лошадь, собираясь за дочерью в степь. Он молча пересчитал овец, пока они входили в кошару, молча потоптался на месте, подошел к дочери, рывком прижал ее к себе:

— Хозяйка ты моя!

* * *

Уверенность приходила незаметно. Были еще бураны и невзгоды. Но первое крещение всегда памятно. Сейчас, сидя в седле и оглядывая степь, она вспоминала свои первые чабанские шаги...

Потом, словно спохватившись, она привстала на стременах. В лощине виднелась кошара, жилье. Там сейчас ждет ее отец, ждет с надеждой и уверенностью, что она отыщет выпас для голодных овец.

Культай галопом спустилась с увала. Вот и долина, о которой недавно сказал ей отец. Она спешила. Рука легко вошла в снежную вату, извлекла сухой стебель, второй, третий... Отец, как обычно, прав. Долина с нетронутым травостоем. И снег рыхлый, овцы до еды доберутся. Скорее отару сюда!

В нетерпении спешит она к отцу с радостной вестью. А Мукатай смахивает ладонью набежавшую слезу, может быть, от сверкучего зимнего солнца, а может быть... Но кто не поймет простую отцовскую слабость, если навстречу мчится его дочь — молодая хозяйка долины?

Н. ЯНИНА.

УЛЫБКА ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА

ВРЕМЯ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ...

За последние годы суждение о перегрузке старшеклассников учебной работой никто и не пытается опровергнуть. Особенно напряженным стал учебный процесс в девярых и десятых классах.

Кроме шести часов, проведенных в школе, в среднем около четырех, а то и более часов старшеклассники затрачивают на подготовку домашних заданий.

Но как бы ни были загружены они учебной, у юношей и девушек остается еще время для удовлетворения своих духовных запросов, физического и нравственного совершенствования.

Каковы же интересы и наклонности молодежи, вступающей в жизнь? Чтобы получить объективный ответ на эти вопросы, я раздал анкеты учащимся 8—10 классов девяти школ города Джамбула. В них школьникам предлагалось рассказать о своем отношении к литературе, танцам, кино, телевидению, школьным вечерам и КВН, периодической печати. Предлагалось ответить, какой предмет является самым любимым.

Анализ анкет позволяет хоть в какой-то степени увидеть духовный мир юношей и девушек, вступающих в жизнь, их запросы и увлечения. Каков же интеллектуальный облик старшеклассника?

Более ста учащихся из двухсот заявили, что их любимым предметом является физика, химия, математика. Следовательно, большинство из них — люди практического склада ума, будущие созидатели материальных благ. Но это не мешает им посвящать свободное время музыке, живописи, литературе.

Скептики часто сетуют на то, что современные юноши и девушки увлекаются лишь детективами, пренебрегая классикой. С ответа им мне бы и хотелось начать разговор о статистике, если можно так выразиться, интеллигентности наших старшеклассников.

Во-первых, советской литературой у нас увлекаются почти все учащиеся. И только 15—17 процентов из них написали в анкетах, что читают детективную, 35 процентов отдают предпочтение казахской классике, 38 — зарубежной и русской литературе, некоторые любят научно-фантастическую и приключенческую. Как видно из цифр, интересы у старшеклассников разнообразны и широки и никак не замыкаются в рамках детектива.

Неотъемлемой частью культурной жизни повседневного быта стали газеты и журналы, кино, радио, телевидение. По нашим данным, четыре-пять и больше раз в месяц кинотеатры посещают 68 процентов учеников. На вопрос: «Где вы больше всего любите слушать музыку?» — получены различные ответы. Телевидение предпочитают 74 человека из 200, радио — 42, концертное исполнение — 45, механическую запись (проигрыватель) — 39. Правда, некоторые старшеклассники указывают, что одинаково любят, скажем, телевидение и концертное исполнение.

Но кое-что и тревожит. Скажем, невысокие музыкальные вкусы. «Мы очень любим музыку», — ответили почти все, за редким исключением. Но какую? Эстрадную — 89 человек, джазовую — 48, танцевальную — 43. Зато симфоническую — всего 11, оперную — 7, камерную — 2. Русскую, казахскую, зарубежную музыкальную классику, советскую симфоническую и оперную музыку и «серьезных» композиторов школьники знают плохо.

Из участников анкетного опроса меньше половины

побывало в картинных галереях. И даже в городском художественном салоне — месте систематических выставок изобразительного искусства — регулярно бывает только 18 человек.

Ограниченность эстетических вкусов у некоторых школьников имеет, безусловно, свои причины.

Вот мнение старшеклассников о преподавании пения и рисования.

— В нашей школе часто менялись учителя пения или совсем их не было.

— С «до» мы начали изучать музыку, этим и закончили! Нас не учили понимать ее...

— Мы много раз срисовывали огурец или помидор. Но о художниках, живописи, тем более, о художественных вкусах и разговора не было...

Большое значение в эстетическом воспитании имеет художественная самодеятельность — чудесное средство приобщения школьников к культурным ценностям, средство гармонического развития молодых людей. Оказывается, в художественной самодеятельности участвует свыше 65 процентов опрошенных старшеклассников. Здесь и хоровые коллективы, и драматические, и танцевальные, и оркестры, и кружки художественного слова, и изостудии и многие другие.

Интересы, мотивы, побудившие ребят принять участие в художественной самодеятельности: стремление к прекрасному, желание быть в гуще жизни, расширить кругозор, создавать красоту.

В РОЛИ БОЛЕЛЬЩИКОВ

Существует интересная закономерность: там, где серьезно относятся к физической культуре, неуклонно растет число отличников, падает количество второгодников. Учащиеся все меньше и меньше пропускают занятия по болезни. Вот что такое физкультура!

За последние годы построены физкультурные залы в школах имени Октябрьской революции, имени Крупской, имени Пушкина, имени Маншук Маметовой и некоторых других. Хорошие условия в детских спортивных школах, которых в городе несколько. Они-то и превращены в методические центры для учителей физического воспитания.

И все же на анкетный вопрос: «Какой вид спорта ты любишь?» — даны ответы, которые заставляют задуматься. Вот некоторые из них. «Очень люблю футбол, но вынужден ограничиваться ролью болельщика». «Люблю баскетбол, но в школе нет тренера». «Имею разряд по велоспорту, но лишен возможности придерживаться системы в тренировках». «Люблю легкую атлетику, но наш учитель физкультуры больше уделяет внимание очередным спортивным соревнованиям по боксу и штанге»...

Главные жалобы учащихся — на отсутствие спортивной базы. В школах имени Ушинского, имени Некрасова, имени Карла Маркса, №№ 16, 18, 19, 21, 29 и некоторых других нет физкультурных залов, уроки физкультуры проводятся во дворе.

Попутно хочется сказать о шефах. В Джамбуле их много — у каждой школы по одному и более. Большую и разнообразную помощь они оказывают в обучении и воспитании детей. Однако за последние двадцать лет ни одно предприятие города не построило школе не только спортивного зала, но даже спортивной площадки. А ведь есть шефствующие организации настолько экономически мощные, что им под силу было бы строительство даже бассейнов!

...Я внимательно прочитал 200 ответов, касающихся физической культуры, и пришел к выводу: большинство ребят видит себя только в роли болельщиков. Тут и черствый человек поймет, как им горько и обидно!

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА...

В анкете стоял вопрос: с чем ты связываешь священное имя — Родина? Восьмиклассница Люда ответила: «Когда я думаю о своей Родине, то вспоминаю Пушкина, Пирогова, Римского-Корсакова и Боткина, Курчатова и Матросова... Мне кажется, без них не было бы моей Родины, сильной духом, умной, щедрой, красивой, гениальной»...

А вот ученица села Георгиевка Нина К. написала иные строки:

Улица любимая, Арычная,
Тихая, спокойная, обычная.

Ты петляешь, след в садах тая,
Дорогая улица Арычная —
Улица хорошая моя!

Чувства у этих двух учениц, в основном, одинаковы, но видение разное. Первая видит свою Родину словно с высоты полета. Вторая смотрит из окна своего дома на улицу, милую, родную. Для нее улица — это прежде всего — замечательные люди, которые здесь живут. Лена О. как бы дополняет свою одноклассницу из Георгиевки: «Меня всегда восхищает сосед, дядя Вася. Он участник Великой Отечественной войны, ранен, имеет много орденов и медалей. В общем, заслуженный. А соберет мальчишек нашей улицы и соревнуется с ними в городки. А то поведет к себе на завод и учит, как затачивать победитовые резцы»...

Да, сколько неприметных героев живет на неприметных улицах! Живут, творят хорошее дело, ежедневно встречаются с мальчишками, и не знают они, что именно с них учатся делать жизнь. Более того, именно с таких людей, как дядя Вася, и начинается наша Родина!

Следует высказать несколько пожеланий. Я мечтаю о времени, когда в школах введут предмет «Родная природа». Об этом в свое время говорил казахский писатель и общественный деятель Мухтар Ауэзов.

Мало издают книг о животном и растительном мире наши республиканские издательства. Между тем это самые любимые книги детей и подростков. А какие хорошие передачи о животных могло бы показывать наше телевидение!

Только тот юный гражданин вырастет настоящим патриотом своего края, кому будут дороги каждый стебелек, каждое живое существо, обитающее рядом с нами на необозримых просторах великой и щедрой на ласку Отчизны.

Природа — это скрытая частица духовного естества. И тот, кто утрачивает ощущение природы, теряет очень много. В душе у него обрывается какая-то заветная струна...

Многие старшеклассники написали, что любят цветы. А некоторые, не стесняясь, говорят: цветы — пустое дело.

Мне хотелось этим молодым людям напомнить эпи-

зод, запечатленный Константином Паустовским. Голодные, тревожные годы гражданской войны. В свободные минуты он посещал цветоводов за городом. И всякий раз подаренные ему гвоздики писатель уво-зил скрытно, стесняясь показать их голодным людям. Но однажды на обратном пути в трамвае развернулся его пакет, и люди увидели цветы.

«Я не заметил этого, пока пожилая женщина в белой косынке не спросила меня:

— И где это вы сейчас достали такую прелесть?

— Осторожнее их держите,— предупредила кондукторша.— А то затолкают вас и все цветы сомнут».

Цветы — это такая неисчерпаемая поэтическая тема, что о них можно говорить много и всегда с трепетом. Недаром цветы называют улыбкой чуткого, интеллигентного человека...

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

А закончить хочется вопросом: если по-настоящему не только в школах, но и в клубах и Дворцах культуры, при фабкомах и завкомах развернуть эстетическое воспитание молодежи, привить любовь к физической культуре — не сократим ли мы количество злоключений подростков, и что особенно важно, бездумных, бесцельных часов, проведенных ими в тоске по живому и красивому делу?

Ведь говорить о свободном времени старшеклассников — значит интересоваться мерой их интеллигентности, их улыбкой, умением разумно, культурно и увлекательно тратить часы, дни, недели, месяцы и годы... Бесспорно, нужны в этом деле усилия педагогов, воспитателей, родителей, шефов — и немалые. Но они окупятся сторицей, как при посеве злаковых. Недаром говорят: что посеешь, то и пожнешь...

В школах Дзямбула сегодня работает более 500 кружков, в которых занимается более десяти тысяч учащихся (общее количество школьников в городе — 33 тысячи). В основном это хоровые коллективы, спортивные, кружки танцев, юных техников и юннатов. Однако в их числе старшеклассников не более 2—3 процентов. Очень редко их встретишь и в кружках при Дворце пионеров, в детских спортивных школах.

Правда, сами общеобразовательные школы, зная об этом, стремятся заполнить этот вакуум. Не реже одного раза в неделю непременно проводят у себя КВНы, диспуты, вечера танцев, читательские конференции, встречи, коллективные просмотры кинофильмов и т. д. Но этого, конечно, мало. Да и нужно ли вообще так опекать наших старшеклассников?

По-моему, они должны получать все необходимое, чтобы стать вполне интеллигентными людьми, умеющими красиво и разумно распорядиться своим личным временем.

И цель настоящего исследования — не выискивать слабые стороны в воспитательной работе школ города Джембула, а вскрыть готовность старшеклассников быть интеллигентными людьми, и, насколько это можно, указать на те недостатки и упущения, которые сдерживают духовное развитие учащихся.

Собственно говоря, школа привыкла добровольно брать на себя вину за пробелы в воспитании молодежи. А это не всегда приносит пользу, ибо остаются в тени истинные виновники. Вот почему мне особенно хочется назвать тех, кто не должен равнодушно взирать и на художественную безвкусицу некоторых старшеклассников, и на их скудные познания оперной музыки, и даже на увлечения модернистами...

Как правило, старшеклассники выражают стремления лучше узнать серьезную музыку. Но при этом предъявляют и основательные претензии школе, радио и телевидению, филармонии:

— Нас не учат разбираться в классической музыке, понимать ее, чувствовать.

— По радио и телевидению редко услышишь музыку с комментариями и объяснениями. Да и граммофонных пластинок с записями симфоний мало. Зато эстрадных произведений, часто низкого качества,— хоть отбавляй.

К этим типичным высказываниям стоит прислушаться работникам радиовещания и телевидения, руководителям филармоний и заводов граммофонных пластинок.

Одним из действенных средств улучшения эстетического воспитания является воспитание воспитателей, вооружение учителей основами эстетических знаний.

В частности, за последнее время в партийной и педагогической печати обсуждается вопрос о превращении факультативного курса основ марксистско-ленинской эстетики в педагогических вузах в обязательный. Нужно увеличить и количество часов на этот курс — с 32 хотя бы до 70, как в художественных вузах.

Но кроме проблем общегосударственного масштаба, многое можно сделать и на местах, без дополнительных средств. Одним из источников коренного улучшения эстетического воспитания школьной молодежи является опыт и знания интеллигенции. Нужно ли доказывать, что если бы каждый писатель и композитор, музыкант и артист, архитектор и художник взял постоянное шефство над одной из общеобразовательных школ, — как это делал Мухтар Ауэзов, как это делает ныне Д. Кабалецкий, — то такое шефство оказало бы огромную помощь в идейно-эстетическом и нравственном воспитании учащейся молодежи.

Но, пожалуй, самые ответственные задачи стоят перед органами народного образования, перед областными институтами усовершенствования учителей, педагогическими институтами. Здесь и разработка системы повышения эстетической квалификации преподавателей общеобразовательных школ (в первую очередь — педагогов, занимающихся воспитательной работой, пионервожатых, учителей начальных классов); и более глубокое обобщение и пропаганда передового опыта; и смелое использование факультативных курсов; и создание во всех без исключения школах кабинетов рисования, пения, музыки, кино, и многое другое.

Много свободного времени юноша или девушка проводят дома. И от того, как организован этот досуг в семье, зависит характер, работоспособность, духовное начало молодого человека. Именно с семьи начинается Родина и сам человек. Вот почему семья должна стать местом пристального внимания и школы и общественности.

С. КАРПОВ.

ребячи комиссары

3

ПОЧЕМУ МЫ ИДЕМ В ВОЖАТЫЕ?

В самом деле, почему?

В десять лет человек, не задумываясь, решает: «Буду геологом» или «Буду милиционером». Спросите его через месяц — «Ветеринаром или архитектором». Но он по-прежнему решителен, десятилетний человек, колебания ему неведомы, и сомнений у него никаких.

В восемнадцать или двадцать два, перед тем как ответить твердо, приходится подумать...

На свете тысячи разных профессий...

Почему же обязательно в вожатые?

Что нас ведет к пионерам?

Бывают, как говорят психологи, ближайшие мотивы. Ближайшие мотивы что короткие дороги. Путь подалее, потрудней. А тут, глядишь, можно свернуть поближе, да и полегче, пожалуй.

Как это бывает? По-разному...

Еще в седьмом классе все прочили Лене славу «звезды экрана». Да и сама Лена ни о чем ином не помышляла. Осенью и ранней весной она вместе с подружкой Женькой чуть ли не каждый день пробиралась в пустой летний театр. Замирая от страха (поймают?) и волнения (сцена!), выходила к рампе и читала гулкому настороженному залу монолог Офелии. И всякий раз полностью покоренный и восторженный «зал» взрывался гулом Женькиных аплодисментов, повторяемых бесчисленным эхом.

В театральный она не попала. Не прошла по конкурсу. Ревела и никуда не показывала носа.

Несколько раз заходила к ней Женька. Рассказывала новости. Она поступала в педагогический и тоже провалилась. Но с сентября уже работала старшей во-

жато́й. «Понимаешь, стаж по специальности — раз, занимаюсь с завучем по математике — два». Рассказала, между прочим, что в девятнадцатой школе вожатая собирается уходить... Может, и Лена тоже надумает? Вместе будет веселей, и подзаняться можно.

... Не попал в институт — пошел для стажа в вожатые, или, наоборот, закончил институт и для того же стажа подался в вожатые.

... Пошла в вожатые заодно с подружкой: «Вместе полегче». Стала вожатой, как стала бы лаборанткой, секретаршей, продавщицей.

... Стал вожатым, потому что как-никак — работа и новое привлекательное положение человека работающего, зарабатывающего.

Работает вожатым, потому что сразу взяли и, может быть, даже еще и предложили. «Как дела?» — спросила как-то осенью директор. «Плохо, Анна Ивановна, никуда не попала». — «Так поступай к нам вожатой. Ты всех знаешь, тебя знают». Идти еще куда-то — неизвестно, возьмут ли, скажут, учиться надо...

Выбор по ближайшему мотиву — это скорые разочарования и вполне естественные последствия: поиски своей настоящей дороги.

КОГДА СЛУЧАЕТСЯ ПОДМЕНА МОТИВОВ

Но порой происходит нечто совсем неожиданное. Человек попадает в вожатые по случаю и вдруг остается надолго и искренне считает, что нашел, наконец, истинное свое призвание. Отчего бы это?

Говоря языком психологов, происходит неприметная сразу и тотчас неосознанная замена мотивов. Вместо коротких, ближних мотивов возникли и укрепились совсем иные, глубокие и стойкие, человек увидел, разглядел что-то такое, отчего работа вдруг стала ему в радость. Человек в какой-то момент понял: да, именно с ребятами связана его судьба. И тогда у кого-то раньше, у кого-то позже возникает и рождается мечта. И уже зреет в эту пору, обретает силу и крылья то, что мы называем призванием.

Интерес к детям просыпается порой рано. Еще на школьной скамье, в младших классах человек решает: буду учителем!

Мы встречаемся здесь с иной категорией мотивов, чем те, о которых говорили раньше. Они идут из самых сокровенных тайников души.

ГЛУБОКИЕ, ДАЛЬНИЕ МОТИВЫ

Как их определить? Как назвать?

Мы говорим: у человека интерес, склонность, любовь к работе с детьми. А откуда они?

Их можно приобрести или они даются природой? Всем или только избранным? И как так случается, что вожатый, сначала не испытывавший ни любви к детям, ни интереса, ни склонности работать с ними, потом вдруг чувствует и то, и другое, и третье?

Мы вступаем с нашими вопросами в область психологии не столь простую, чтобы с ходу получить полные и абсолютные бесспорные ответы. Однако поискать ответы, пожалуй, заманчиво!

Попробуем!

ИНТЕРЕСНО, ИНТЕРЕС!

Совсем не одинаково мы относимся ко всему, что нас окружает в жизни. Какие-то предметы в школе нас интересовали больше, чем другие. И книги — одни захватывают с самого начала, другие мы просто не берем в руки. И занятия — одни привлекают, другие оставляет равнодушными.

Латинское слово «interesse» переводится не совсем однозначно. Это и «находиться между» и «иметь значение», то есть выделять из окружающего то, что имеет для человека особую цену, особую значимость.

Но что заставляет нас предпочитать одно другому, относиться к окружающему избирательно? Иными словами, откуда он берется, интерес?

Психологи утверждают: весь широкий и многообразный круг наших интересов так или иначе связан с нашими потребностями, органическими, физиологическими, духовными, материальными. Так же, как и мотивы всей нашей деятельности.

И это в общем-то понятно.

Когда в жаркий летний полдень мы испытываем жажду, как тогда подсказывает наш интерес ко всему,

что говорит о возможности напиться! И эта самая потребность побуждает нас к титаническим действиям, чтобы только раздобыть воду. Ничто другое не способно привлечь или отвлечь нас в эти тяжкие минуты поиска и жажды.

Да и другие, более стойкие и более высокие наши интересы к театру, книге, кино тоже обусловлены потребностями, на этот раз духовными, познавательными, эстетическими.

Длительный, сильный целеустремленный интерес к какому-то занятию — это уже увлечение, склонность. Мы отдаемся делу со всей страстью и энергией.

Но мы ищем сейчас ответ на вопрос: какова природа интереса к детям, когда и как рождается желание работать с ними?

Влечение к тем, кто помладше, часто проявляется иногда в ту пору, когда человек сам еще очень мал. Малыш ходит в детский сад и нуждается в заботе и помощи старших, а вот, поди ж ты — от более маленьких ребят его уже не оторвать. Удивительно, не правда ли?

Родители заметили этот интерес у Наташи, когда ей не было еще и пяти. Ее только-только перевели из младшей группы детского сада в старшую. Это была великая гордость и радость, о ней объявлялось всем вокруг. «В младшей осталась малышня, а мы — мы уже старшие!» Но если малыш встречался на улице, в автобусе, в гостях — Наташка от него не отходила ни на шаг. И в шесть, и в девять, и в двенадцать — все та же страсть: опекать, защищать, развлекать маленьких. «Ведь они такие смешные, такие симпатичные все». Было время, когда Наташка собиралась стать капитаном дальнего плавания, было — летчиком, было — журналистом. Однако родители уже тогда догадывались о другом. А когда в четырнадцать она стала читать серьезную педагогическую книгу, подумали: «Вот это, пожалуй, посерьезнее. Вот это уж наверняка».

Где же ключ к этому удивительному человеческому свойству — влечению к детям, не только к своим — ко всем детям, к склонности, проявляющейся так рано и остающейся с человеком надолго, часто на всю жизнь?

Среди множества самых различных наших потребностей есть и такие, что основаны в той или иной степени на инстинктах. Ведь как ни высоко мы с вами организованы по сравнению с нашими древними генетическими предками, инстинкты и в нашей жизни какую-то, пусть даже очень подчиненную роль, но играют.

Существуют два фундаментальных инстинкта, свойственных всякому организму, — инстинкт сохранения жизни и инстинкт продолжения рода. Вокруг этих главных — множество других и, в частности, родительский инстинкт.

Вот мы, казалось бы, и близки к ответу, все понятно: интерес взрослого к детям — врожденный родительский инстинкт. Но это был бы очень примитивный ответ. Столь же примитивный, как примитивен инстинкт — жестко заданная организму программа поведения по сравнению с одухотворенным поведением человека.

У человека есть то, чего нет у самого высокоразвитого животного, — сознание, позволяющее ему регулировать инстинкты. У человека на базе биологических потребностей выросли потребности духовные — великая окрыленность человеческого духа.

Человек одарен прекрасной потребностью любить. И это стремление отдавать любовь, особенно сильное в юности, очень часто адресуется детям. А дети по природе своей больше всего нуждаются в любви.

На свете гораздо больше людей равнодушных к детям, чем мы обычно думаем. Это не только чудаки-генералы, которые в праздничный день закупают скопом весь возок мороженого и раздают его незнакомым мальчишкам. Это не только старички, похожие на волшебников, которые на садовых скамейках нашептывают мальчикам и девочкам волшебные слова своей доброй мудрости. Это не только таинственные незнакомцы, которые любят задавать ребятам свои хитрые загадки. На улицах, в парках, в театрах, в трамваях многие взрослые внимательно приглядываются и прислушиваются к этому особому люду — мальчишкам и девочкам.

О чем они так заинтересованно спорят, о чем встревоженно шепчутся, о чем размышляют наедине? В этом нет ничего удивительного. Любовь к детям обнаруживается раньше, чем у человека появляются свои собственные дети, и очень часто не удовлетворяется любовью лишь к своим детям, и не исчезает, когда дети вырастают и становятся взрослыми. Она и толкает человека к детям.

Так вот, интерес к детству, детям, ко всему, что с ними происходит, плюс потребность отдавать им свою любовь и есть тот исходный мотив, тот начальный толчок, побуждающий человека к определенному выбору жизненной дороги. Вот что приводит к ребятам самых верных вожakov, из которых вырастают со временем мастера вожатского дела, подлинные виртуозы и волшебники ⁸.

В. МАТВЕЕВ.

«ТРУДНЫЙ» — ВЕЛИЧИНА ПОСТОЯННАЯ

ВСПОМНИТЕ СЕБЯ МАЛЬЧИШКОЙ

Он обвинял кинопрокат и еще — прессу. Он обожал тайны и решительно возражал против гласности. Он вынимал из сейфа дела, покачивал на руке и снова запихивал в сейф. Дескать, владею, но говорить не могу.

— Слишком много мы о них пишем. Мода. Того и гляди, начнут спекулировать общим вниманием.

Это был крепкий, энергичный мужчина, занимающий в солидном учреждении ответственный пост. Разговор у нас с ним шел о «трудных» детях. Мужчина был из знающих. Он писал диссертацию по этому вопросу и мог бы многое рассказать. Но предпочитал не рассказывать. И другим не советовал. В интересах дела. Очень, оказывается, трудно бороться с преступлением, если о нем все известно. Тут кино и печать почти что главные враги. Он так и сказал: «Очень они нам вредят». Попробуй излови торговца анашой, коли он из газет узнал, как торгуют подобным предметом на Западе, а нашим кодексом такая западная изворотливость не предусмотрена. Или взять «Великолепную

семерку». Не подумав, прокатили по экранам, а в результате — хулиганский всплеск. Мужчина нажимал на следствия и энергично уходил от причин. Видно, действительно нелегко бороться с явлением, если о нем все известно.

* * *

— Хватит,— говорит он каждую весну жене.— Пусть теперь едут другие.

А в июне снова собирает чемоданчик и на два месяца переселяется за город в спортивно-трудовой лагерь для «трудных».

Жар разламывал день пополам, но в палатке сумрачно и даже прохладно. Стол покрыт красным ситцем, на столе кем-то брошена белая лилия, в углу приглушенно бормочет приемник. Слава меряет палатку шагами и говорит о «трудном».

— Когда нам очень бывает неважно, мы вынимаем эти тетрадки и читаем вслух, по очереди. Хохот в палатке встает невообразимый. Я уже который год их с собой вожу на черный день, для поднятия комиссарского духа. Пришло кому-то в голову проверить: поддаются ли «трудные» школьной программе? Прислали из Москвы девушку-педагога. Продиктовала педагог текст. Они там такого понаписали... Девушка горько плакала. А мы до сих пор смеемся, когда нам очень бывает неважно. Нет, они не циники. К Юре нашему, комиссару Ходжаеву, сами с вопросами липнут. Тетрадки завели. Записывают. Он им все лето по математике мозги вправляет. Иностранным занимается. Есть у наших детей такая особенность: хорошего педагога к себе подпустят, плохого — дудки.

Слава меряет палатку шагами.

— Послушай, Слава...

Но Слава не слушает.

— Или вот еще. Принято считать, что «трудный» труд ни во что не ставит. У нас же до курьезов доходило. Построило одно отделение площадку для волейбола. Неделю строили честь по чести, по чертежам. Вдруг прибегает один с жалобой: «Слава, иди посмотри, чего они с нашей площадкой сделали!»

Бегу. Думаю: не иначе, как площадку разнесли. Прибегаю — с площадкой ничего. Просто на ней ле-

жат. Пять или шесть человек из другого отделения легли и лежат, спокойно так разговаривают. Обиженный строитель стоит рядом, вот-вот начнет кулаком слезы мазать. «А чего,—спрашиваю,—ты расстраиваешься? Они ведь просто лежат». Обижается еще больше: «Другого места им что ли нету? Для этого что ли мы ее строили?» Господи, детский сад! А ведь стоят на учете. Как разрушители: те, что газоны вытаптывают, телефонные трубки срезают.

И снова я:

— Послушай, Слава, что бы ты предложил?

— Заниматься «трудными» надо всерьез. Сознание сформировать, покачнувшееся мировосприятие выпрямить, от взрослого угнетения освободить и вообще самим немного почиститься. А они-то при чем? Просто очень энергичные, наши дети.

Он так и говорит — «наши дети». Хотя по специальности механик, и жена его каждую весну слышит:

— Хватит, пусть едут другие.

Но других пока нет.

* * *

Очевидцы говорят, что в тот момент над площадкой нависла угрожающая тишина. Загорелое, мускулистое тело Валентина раскачивалось вместе с мачтой на большой высоте, и до сих пор еще всем непонятно, как это он оттуда не грохнулся. Или почему хрупкая мачта не треснула под его тяжестью?

А как только он коснулся земли, не подчинявшийся ему отряд взорвался ликующими аплодисментами.

Студент из нефтяного Валя Таранников уже совсем было собрался уезжать. Отряд ему попался из отпеченых, и любая попытка пойти на сближение кончалась в лучшем случае ничем. Даже обычного разговора не выходило. Как на стену, натыкался он на глухую враждебность. Его не слушались. Более того, его не уважали. Более того, подозревали в нем врага. А ему до смерти хотелось быть им другом. Но кроме желания и предкомиссарской практики, в его педагогическом багаже не было ничего. Лазил по кустам, самоотверженно играл в военные игры, слушал лекции известных педагогов в комсомольском лагере «Восход».

А здесь, на месте, любой пустяк оборачивался проблемой, мучительной и неразрешимой. Комиссар-неудачник ходил угрюмый и подавленный, и начальник лагеря, его сокурсник Володя Николаев, ничем не мог Валентину помочь: он с «трудными» тоже столкнулся впервые.

Тогда он принял решение — уехать. Это не было дезертирством. Это было разумное подчинение обстоятельствам.

Надо иметь смелость признавать себя побежденным, он так решил.

... На лагерной линейке случилось непредвиденное. Флаг медленно и торжественно полз вверх и уже прошел три четверти пути, как вдруг оборвалась веревка. По строю пробежал смехок. Валентин стянул с себя рубашку, сбросил башмаки и на глазах у примолкших ребят полез по тонкой мачте, почти тростиночке, вверх, к оборванному веревочному концу. А когда он с веревкой в зубах спустился на землю, это был уже не тот отряд. Этот, новый, уже принадлежал ему. Они поняли: человек рисковал. И поняли, почему.

* * *

Эпизоды, эпизоды... Осенью в горкомовские штабы по работе с подростками свозят комиссары свои впечатления. Дневниками и отчетами завалены стены. И штатные работники горкома по горло сыты лагерными историями. Из всей этой осенней кутерьмы, из обильного потока письменной и устной информации пробивается одна настойчивая тенденция. Комиссары видят «трудного» таким, каким хотят его видеть. Со страниц дневников, рапортов и отчетов встает коллективный портрет их подопечного — удивительно симпатичного, настырного, смекалистого и изворотливого малого, с большим потенциалом неиспользованных положительных черт. И устные рассказы комиссаров лишь очень отдаленно отражают, сколько затрачено комиссарской энергии, чтобы был он именно таким.

Пробивается настойчивая тенденция. Работа комиссаров с подростками строится на одном любопытном моменте. Комиссары делают ставку на тот самый неиспользованный потенциал, на те положительные чер-

ты, в которых отказывает «трудному» постоянно окружающая его среда. В самом «трудном» они ищут ту силу, которая помогает им бороться против «трудного». Это сложный и единственно правильный путь. Здесь и только здесь ломается общая позиция «трудного» — недоверие. Здесь и только здесь складываются личные отношения между воспитателем и воспитуемым, без которых, как известно, не бывает в этом деле эффективных результатов. Но путь этот не терпит воспитательного надзора, путь этот предполагает воспитательское творчество.

Куда проще объявить вне закона «Великолепную семерку» или запретить упоминать о торговле наркотиками за рубежом и со спокойной совестью ждать, пока додумаются до их методов наши доморощенные ловкачи и обучат сей премудрости подростков (а что додумаются, так уж будьте уверены!). Или, услышав, что на выпускном вечере случилась поножовщина, вовсе запретить выпускные вечера. Этот путь куда протоптанней и легче. И, если присмотреться к делу попристальней, нельзя не заметить, как много еще представленных к «трудным» энергичных мужчин топают этой пробитой дорогой, слагая попутно свои диссертации. Она еще ждет своих создателей, трудная наука о «трудном». А пока ее добровольные эмпирики — комиссары — совсем не малой кровью добывают сведения о нем самом. Что он любит и что ненавидит? К чему привязан и от чего бежит? Комиссары подбираются к «трудному» из глубоких предместий сложной и пока не разработанной науки — детской психологии. В одиночку, без методик, без академических руководств, почти наощупь прокладывают они нелегкий этот путь. Комсомолом вписано немало почетных страниц в педагогику «трудного». Спортивно-трудовые лагеря — это целая эпопея, и главный ее герой — комиссар — вот уже три года держит гражданский экзамен на человеческую ценность.

Уже прошли восторги «по поводу», и отдельная самоотверженность отдельных комиссаров уже переведена в массовый разряд. Уже в орбите спортивно-трудовых лагерей вращается огромная масса студенчества, а также людей, по роду своих занятий далеких от педагогики. И уже, наконец, встает вопрос: а почему

работа большой государственной важности ведется на таком примитивно-самодельном уровне? Почему молодые люди, готовящие себя для инженерной деятельности на нефтяных промыслах, должны раскачивать заматерелую педагогическую мысль?

Уже прошли восторги «по поводу». Уже встает вопрос: а что же дальше? А дальше получается не очень. Комиссары уже подустали (студентам тоже надо отдыхать), и ощущается насущная потребность подменить комиссарский энтузиазм чем-то более стабильным.

А КАК ВАЛЕРКА!

Весной в Уфе холодно. Весной Уфа лежит в разливе своих рек — Белой и Уфы. Весной в этом зеленом, закрученном ветрами городе, как и в любом из городов, как и везде, с особой остротой встает вопрос о «трудных». В исполкомах, отделениях милиции, роно, райкомах, во многих шефствующих организациях обговаривают, утрясают, нажимают, увещевают, просят средства и выделяют средства — словом, делают все возможное, чтобы летом, не приведи бог, не увеличилось число детских правонарушений. Но есть в Уфе один микрорайон, где этого весеннего напряжения вы не почувствуете.

С Василием Дмитриевичем Поповым ходили мы с этажа на этаж — любят директора показывать свои школы. Я исправно рассматривала стенгазеты и фотомонтажи, читала лозунги и призывы (в школе моего детства висели точно такие) и никак не могла найти что-либо, что отличало бы эту школу от тысячи других. Но отличие было, я уже знала. Я знала, что школа занимала особое место в жизни своего микрорайона, что, лишь построившись, она стала центром воспитательной работы на территории в двадцать га, и сейчас мне хотелось понять, как это школе удалось.

Здесь внешне все было, как в тысяче других. И лишь когда Попов, порывшись у себя в столе, свалил передо мной ворох старых бумажек — следы его двухлетней тяжбы с «трудными» родителями, — я увидела, какая титаническая работа была проведена, прежде чем школа заняла свое нынешнее положение, и с

чисто профессиональным эгоизмом пожалела, что все это уже позади. Но потом, когда сидела я в актовом зале и слушала, как обсуждал совет общественности предстоящий летний отдых учащихся, и еще позднее, когда преподаватели докладывали о перспективно-тематическом планировании и была в их докладах четко обозначена главная задача школы — воспитание личности; и уж когда было совсем поздно и мы сидели в подвале дома на проспекте Октября, где начальник штаба дружины, бывший летчик Михаил Каракуц, продолжил начатый на совете разговор, я поняла, что все еще только начинается, что на моих глазах делаются первые шаги.

— Нас вынудили обстоятельства, — говорит он. — Мы работаем в три смены. Две тысячи триста восемьдесят шесть учеников. Когда в школе наступает междусменье, у входных дверей выстраивается длинная очередь. Сто пятьдесят ребят из «трудных» семей.

... Мальчишка прыгнул со второго этажа. Спасаясь от пьяного отца, сиганул в окно. Не разбился, отлежался и снова пошел в школу. Так это началось.

Семейные дела — деликатные дела. Их принято наблюдать со стороны. В крайнем случае можно ходить в сочувствующих. Попов не может так. Мы много говорим о тунеядцах и почти не занимаемся родителями-алкоголиками. Мы выводим статистическую зависимость совершенных преступлений от годовых количеств употребленного алкоголя и почти не занимаемся статистикой покалеченных (в силу тех же причин) детских душ. Мы знаем, как просто попадает на скамью подсудимых обычный уличный хулиган, и мы знаем, как практически невозможно привлечь к судебной ответственности хулигана домашнего, особенно если он из отдельной квартиры. Семейные дела — деликатные дела.

Попов собирал товарищеские суды — хулиганы на них не являлись. Он вызывал их в школу — они, ухмыляясь, вели с ним снисходительные разговоры. Он ходил в прокуратуру, разговаривал в милиции. Ценою очень долгой волокиты он все же добился своего. Человек шесть самых яростных дебоширов были высланы за пределы города. Можно было начинать работать.

— Я понимаю: меры чрезвычайные. Но я слишком хорошо знаю, что весь жизненный путь человека зависит от того, что происходит с человеком в детстве.

Он берет лист бумаги и рисует кружок — это школа. Потом рисует кружок побольше — это семья. Потом от школы к семье он протягивает линию и говорит:

— Вот если здесь ребенку беспокойно, если живет он в «трудной» семье, то вся наша работа в этом месте, — карандаш упирается в «школу», — будет равна нулю, какими бы новейшими педсредствами мы при этом не пользовались. — И он большой кружок перечеркивает большим крестом, а маленький — крестом поменьше. — Вот и все. Морально-этические ножницы под названием «семья и школа».

... В дежурной комнате штаба дружины лежит тетрадь. Там на каждой странице — фамилии столбиком и росписи напротив.

Четыре года назад Попов завел такой порядок: родители патрулируют в микрорайоне классами. Они были тогда исполнителями, отправляли припозднившихся детей по домам, фиксировали серьезные нарушения, пресекали их в соответствии с компетенцией, расписывались в тетрадке и расходились. Нормальные родители нормальных детей. Через год им уже нечего было делать. Молодой, только отстроившийся район уgomонился. По вечерам на улицах было тихо. Дежурства можно было прекратить. И тогда родители сели и написали директору официальное письмо. О том, что тишина эта обманчива, о том, что за стенами домов, в так называемых «трудных» семьях, идет скрытая неравная борьба. Они еще не знают, что нужно делать, но ничего не делать они уже не могут: «Преступление совершает тот, кто равнодушно ждет». И вот уже выделяются делегации в «трудные» семьи, а в классных журналах появляется графа о партийности родителей. Уже собираются классные партсобрания, уже идут конференции отцов и конференции бабушек. Попов уходит из школы в двенадцать. А утром, в девять, он снова в школе.

В системе Министерства просвещения есть сложный и громоздкий аппарат инспекторов. Он ревностно следит за успеваемостью в школах, им каждый двоечник взят на учет, и у директора бывает масса неприятнос-

тей, коли число их вдруг превысит дозволенный процент. Попов махнул на процент рукой: процент сам сложится. А вот как сложить человеческую личность? Кто пробовал считать, сколько вырастает подлецов, подхалимов, трусов и вралей? Он смотрит на меня из-под очков, он ждет продуманного ответа и отвечает за меня: никто.

Как сложить человеческую личность? Как с детства заложить в ней ненависть к подлости, лицемерию, карьеризму? Как дать мальчишкам представление о мужестве? Как это мужество воспитать? Как пользоваться историческим примером? Как пробудить ребячий интерес к затертому временем факту? Как факт освободить от нравоучительности? Как из примера превратить его в средство воздействия? Здесь нет проторенных дорог. Попов торит дорогу сам, на свой индивидуальный страх и риск. В огромном коллективе педагогов есть люди думающие, есть просто исполнители. Надо заставить исполнителей думать. Думать надо заставить всех.

— Отчего мальчишки лезут на крыши? Что тянет их на чердаки? Почему они роют пещеры в заброшенных песчаных карьерах и убегают из дома на Белую, в шалаши? Мы должны задать себе эти вопросы, прежде чем начнем обсуждать проблему летнего отдыха.

Я едва успеваю за ним, мы идем на совет общест-венности. Попов шагает между домами так, как ходит он по школьным коридорам, слегка загребая носками, с чуть медвежьей косолапинкой, и дети на каждом шагу здороваются с ним. На пустыре мы замедляем шаг — нам под ноги стремительно несется живой клубок из мальчишеских тел. В воротах напряженный вратарь изготовился к прыжку. Клубок откатывается в противоположные ворота, вратарь на радостях взбирается на столб.

— Вот так,— кивает в его сторону Попов.— Попробуйте объяснить его поступки с точки зрения взрослой, устоявшейся логики.

...Совет общественности — это битком набитый ак-товый зал. Люди самых разных взглядов на предмет воспитания. Я сижу в последнем ряду и слежу за лицом Попова. Председатель совета, крупная женщина, она же начальник ЖЭКа, перечисляет ближайшие задачи.

Попов доволен: микрорайон осознает свою ответственность.

И морщится: пока не то, пока не так.

Четыре года назад этого еще не было. Четыре года спустя этого уже мало. Мы никак не можем уйти от собственной заскорузлости. Мы устраиваем для них то, о чем мечтали в детстве сами. Мы тратим очень много сил, и обижаемся, не получая благодарности, и удивляемся, что все-таки бегут они на крыши.

— А еще,— говорит начальник ЖЭКа,— в районе нашем мы установим карусель.

Ребенок каждый день слышит о космосе, он видит на экранах людей, которые там побывали, он и сам уже там в мечтах, и карусель — окостенелая мечта его прабабушек — не может взволновать его воображения. Мы не ушли еще от собственной заскорузлости и в своей работе с детьми очень многого не учитываем. Развития производительных сил не учитываем. Полетов в космос не учитываем. Не учитываем и упрямо отказываемся признать, что дети наши сложнее нас.

Мы говорим об этом в штабе дружины, в подвале дома номер сто тринадцать дробь один, и бывший летчик Михаил Карауц, член родительского комитета, задает мне вопросы, которые вполне можно адресовать Академии педагогических наук. Кто, где и когда изучал побудительный мотив мальчишеского побега? Кто, где и когда всерьез занимался не подавлением, а управлением мальчишеской энергии? Кто, где и когда всерьез занимался ликвидацией педагогической отсталости родителей?

Он пока только ставит вопросы, он не знает, как на них можно ответить. Одному человеку это не под силу. Не под силу это даже одному микрорайону. И разговор опять (в который раз!) сбивается сегодня на Валерку.

Мы утром встретили Валеркину мать, беспечную громкую женщину. Она была навеселе.

— Эй! — крикнула она издали Попову. — Теперь ты меня не достанешь. Из-за тебя, дотошный черт, пришлось квартиру о двух комнатах на барак сменять!

Сказала, рассмеялась и ушла.

— Валерку жалко,— помрачнел Попов. — Валерка теперь не учится.

Валерка теперь в другом микрорайоне, и власть Попова кончается на его границе.

Он подает мне тетрадь регистрации дежурств. Там на каждой странице фамилии столбиком и росписи. В районе все спокойно. В районе ничего не произошло. Так было вчера, позавчера, сегодня, завтра. Так будет уже всегда. Но Валерка все-таки не учится.

Мы расходимся поздно, в первом часу. Свежий ветер тянет с реки. В майском холоде стоят и стынут белые уфимские сады. Возможно, кто-то добьется больших успехов, и все Валерки всех районов будут нормально учиться. Но только потому, что есть сейчас такой микрорайон.

КАК ДВАЖДЫ ДВА...

Утром жена ему выдала два рубля. Когда он в полдень на вокзале пересчитал то, что осталось, вышло, что осталось рубль семьдесят. Он подошел к вагону и сунул Флюру то, что осталось. Он вдруг сообразил, что ехать Флюру двое с половиной суток, а денег (по глазам видно) у мальчишки нет: дома, конечно, не дали. Так и поехал Флюр в «Артек», зажав в кулаке рубль семьдесят — все, что нашел в своих карманах Маркелыч.

Из «Артека» он писал Маркелычу каждый день. Не потому, что комиссар отряда достал ему бесплатную путевку, не потому, что выбил для него у шефов деньги на билет в оба конца. А просто потому, что Флюр первый раз увидел море, что был он этим морем потрясен, поражен, ошарашен и что не мог не говорить обо всем этом с Маркелычем.

Когда вошли мы с Федором Маркеловичем Плотниковым в холодное полубарачное строение — резиденцию известного в Уфе отряда под названием «Зеленый патруль», — он взял со стола очередное письмо Флюра. Не распечатав, сунул в карман. Мы торопились. Через сорок минут ему надо было давать урок, а мне хотелось взглянуть на хозяйство отряда.

Об этом отряде я уже слышала. Станный это был отряд. И говорили о нем тоже странно. Вроде бы и хороший он и в то же время плохой. «Не показательный, в общем». Вроде бы и помогают ему всем городом (съездили ребята на экскурсию в Ленинград и Москву,

на Черное море съездили), и все равно там что-то не ладится. «Руководителю широты, эрудиции не хватает». «Отряд, который держится на свиньях, разве может он всерьез существовать?»

Странный это был отряд. Когда он только-только начинался, его вполне можно было принять за хорошо сколоченную шайку. И комиссар, когда врывалась эта странная компания на стадион, легко сходил у всех за атамана. Он мог играть с ними в «чеканку» и «пристенок»; он мог свистеть, заложив два пальца в рот; под пиджаком, когда ходил он вместе с ними, проглядывал у комиссара «тельняк».

Он пока не мешал им шуметь. Он знал, что это ненадолго, как ненадолго был весь этот маскарад с тельняшками и кепочками набекрень, в котором очень скоро и впрямь отпала необходимость. Он стал уже для них своим, проверенным.

У меня было мало времени и много вопросов, но основное я, кажется, поняла.

Связь между людьми — вот главная ценность. Есть связь — значит, есть управляемый коллектив. А появиться она, эта связь, может лишь на каком-то общем деле. Они решили вырастить свиней. На вырученные деньги решили путешествовать.

Бумага, карандаш, счеты, арифмометр — неделю велись упорные подсчеты. Плотникову казалось, на таком хозрасчете можно горы своротить. Им удалось выхлопотать вместительный сарай, по сходной цене закупить породистых свинок.

Он чуть не ушел из семьи. Не хотел быть обузой. Свиньи съедали всю его зарплату. Перебивался кое-как. Похудел, почернел, обносился. Весной они все-таки съездили к морю. Всем отрядом съездили. Плотников довел эксперимент до конца.

Я так и не поняла, что стало со свиньями: то ли они еще есть, то ли их уже ликвидировали. Но я поняла, что свинья та эпопея отняла у Маркелыча не один год жизни. И что конечный результат уже почти скончавшегося эксперимента далеко не эквивалентен затраченным на него усилиям. И еще я поняла, что случившееся здесь не случайность, что это скорее закономерность. Что он всегда обречен на провал. Даже если в жертву приносится так называемая личная жизнь. Все очень

просто. Человек устал. Устал разрываться между отрядом, семьей и преподаванием биологии. Сработали взаимоисключающие интересы. Результат оказался нулевым.

— Как будто бы как дважды два четыре...

Он водил меня по крутому склону и, тыча пальцем в хилые саженцы, говорил безо всякого энтузиазма:

— Это наш сад. Был весь, — он махнул рукой куда-то в сторону, — да обрезали. Теперь вот клочок.

Рядом с нами ворочался бульдозер. Стройка потеснила, поприжала будущие доходы маленького отряда. Впрочем, Федор Маркелович уже не собирался их считать.

— Жена права. У меня своих трое. Надо возвращаться в семью.

Он не был растерян. Он четко отдавал себе отчет в том, что произошло.

— У нас не было врагов. Никто не ставил нам палки в колеса. Наоборот, все как-то даже пытались помочь...

И вот на грани развала дело, которому не то что верой и правдой — целых три года сердцем своим служил. Он вспомнил вдруг про письмо Флюра. На ходу распечатал, прочел. Лицо стало мягче, теплее. Я подумала, что при любой неудаче остается все-таки вот это. Побочный продукт человеческой деятельности. Связь между людьми, которую, как объяснил мне Маркелыч, считает он самой великой ценностью на земле.

— Вот, — сказал он. — Сегодня, пишет, первый раз купались.

Вы ждете от меня, конечно, заключительного гимна. Самоотверженному труду самоотверженных людей. Так вот. Гимна не будет. Не будет также едких обвинений в адрес злых отдельных личностей, которые мешают нашему движению вперед. Более того, я могла бы сейчас сказать, что нашему движению вперед в довольно большой степени мешает наш собственный самоотверженный труд. Но я так пока не скажу, потому что это верно лишь наполовину.

Если оглянуться и проследить эволюцию «трудного», вернее, нашего к нему отношения, то мы увидим, какими затейливыми каналами и канальчиками шли и развивались наши представления о нем. Года три на-

зад о «трудных» заговорили в печати, и, как только это произошло, в дело плотными рядами вошла изнывающая энтузиазмом общественность. Она подлавливала «трудного» на индивидуальном шефстве, расставляла сети шефства коллективного. «Запустившие» своих детей мамыши, не отлучаясь из дома, набирали телефонные номера заводских советов содействия семье и требовали прислать дежурных шефов «попугать моего Ваську». Взрослые дяди отпрашивались с работы (отработаю сверхурочно!) и, обмотав рукав красной повязкой, честно вели с Васькой неумелые разговоры.

В профкомах, горкомах и милицейских отделениях скапливались внушительные цифры охваченных шефством ребят, но стоило кинопрокату выпустить что-то вроде «Великолепной семерки», как статистики тут же регистрировали хулиганский всплеск. Но вот уже вроде бы всем ясно, что никакой разновидностью шефства «трудный» не улавливается, что нужна серьезная, взвешивая, кропотливая исследовательская работа по изучению природы «трудного» и ее переделке, что нужны знающие дело специалисты.

Об общественных началах в нашей жизни можно складывать многословные баллады. Когда-нибудь человечество догадается поставить этому делу памятник. Большой неосвященный лабиринт, и пробирающаяся по нему инициативная фигура с завязанными глазами. Прошу прощения за иронический тон, но я убеждена, что сегодня (именно сегодня!) само.тверженный труд самоотверженных людей объективно оттягивает сроки кардинального решения проблемы «трудных». И тут я слышу, как мне бросают вопрос: к чему тогда все это было рассказывать? Отвечаю: убеждена, что рассказывать надо, что опыт этих стараний надо распространять... во избежание повторения. А убедиться самому и убедить других в невозможности решить проблему только с помощью самоотверженных, но разрозненных усилий сейчас важнее, чем создать иллюзию такой возможности.

Но это только с одной стороны. Со стороны другой, их труд совсем не напрасен. Он заставляет многое пересмотреть и над многим задуматься. Так, например, вдруг становится отчетливо заметным, что просто преподавать уже нельзя. И просто воспитывать уже нельзя.

Что требуется ни много ни мало — новая наука о воспитании. И новая система преподавания. И что нельзя уже объект исследования, как прежде, рассматривать издали, сквозь узкую академическую щель, что время требует сближения с «трудным» на более приличное расстояние. И вдруг до неприличия становится заметным, с какой ученой непринужденностью, с каким поистине барским академизмом перекладывается на выносливые плечи общественности наш общий воспитательский брак. Мы и по сей день ходим вокруг «трудного» с завязанными глазами. Мы и сегодня не можем точно сказать, кто он такой. Мы об этом пока можем только догадываться. И хотя нам изо дня в день повторяют избитую истину: «Любая проблема может быть решена, лишь будучи поставлена на научную основу», — все наши представления о «трудном» еще находятся в неясной стадии научных ощущений. И было бы все это не смешно, не существуй у нас солидных штатов Министерства просвещения, а также Академии педагогических наук. Двум этим сложным институтам уже давно пора бы приглядеться, над чем хлопочет любознательная общественность. Двум этим институтам уже давно пора бы сделать из хлопот этих кое-какие выводы. Уже прошел период отверганий. Уже настало время предлагать. И тут я вижу, как на меня идет вопрос второй: так что же вы все-таки предлагаете? Где ваши конструктивные предложения. Отвечаю. У меня их нет. Но я уверена, у нас они должны появиться.

Происходит странная вещь. Те, кто, надрываясь, тянут на своих плечах всю тяжесть воспитательского бремени, оказываются ближе к подлинной науке, чем те, кто ею ежедневно занимается. Хотя ни комиссарам, ни Попову, ни Маркелычу даже в голову не приходит писать диссертацию, и пресловутой эрудиции им тоже, возможно, не хватает. И тем не менее исподволь, незаметно они ее уже создают, новую педагогическую науку. В дневниках комиссаров, что пока валяются в горкомовских столах. В педагогических чтениях, что идут у Попова в школе. В горьком опыте отряда Федора Маркеловича.

Говорят, при коммунизме они будут слиты — теория и практика. Так сказать, исчезнет разделение труда.

Но в то же время считают, что будет это не очень скоро. А между тем время такое приходит. И этого требует «трудный». Этого настойчиво требует процесс, который подразумеваем под словом «жизнь»⁹.

Э. ДАНИЛОВА.

ПРИЗВАНИЕ К ДОБРОТЕ

До чего беспокойный народ эти мальчишки! Каждый день что-нибудь новое выкинут. Так и стремятся «убежать» из-под родительской опеки, сделать такое, чтобы дух захватывало! Хорошо или плохо — они пока не задумываются над этим.

Сережу и его друзей отыскиали в подвале нового дома. Так сказать, застали врасплох, в самый разгар «игры». Из карманов ребят извлекли обрывки кинолент фильма «Неуловимые мстители».

— Что делали в подвале? Почему дома не ночевали?

Галину Евгеньевну шестеро видели впервые. В форме лейтенанта милиции, спокойный, решительный голос. Друзья уловили сразу: обманывать бесполезно. Этой женщине, должно быть, всегда известно все.

Хуже всех чувствовал себя седьмой — Сережка Шевцов. Неделью назад вот здесь же он давал обещание не убегать из дому и снова попался, да еще с этими...

Галина Евгеньевна стояла и мучительно думала. Разгневанные мамы и папы возмущенно доказывали, что только скверный Сережка портит их детей. Чужие взрослые люди осуждали чужого мальчишку. Обвиняли его во всех грехах.

Но если уж говорить откровенно, то Сережка вовсе не такой плохой. Он веселый, общительный, остроумный. Он мечтает стать моряком дальнего плавания. Знает многое о военных разведчиках, отважных партизанах. Ведь недаром же мальчишки-одноклассники выбрали командиром «Зарницы».

— А почему бы вам, Василий Петрович и Александр Николаевич, не пригласить Сережу к себе домой? — начала Галина Евгеньевна разговор с родителями. — Поиграли бы ребята в шахматы, почитали бы

книжки, вместе уроки сделали. Вы бы тогда могли не только приглядеться к ним, услышать их разговоры, узнать интересы, но и одновременно влиять на обоих — на своего сына и чужого ребенка. Да, у Шевцова дома сложная обстановка, но вы чувствуете, как он тянется к вам, к вашим ребятам. И если с их дружбы будет снято вето, вряд ли он спрячется с вашими или другими детьми в подвале...

Не все согласились с Галиной Евгеньевной. Мария Федоровна по-прежнему убеждена, что Сережка — «отпетый хулиган» и его место — только в колонии. Но большинство поддержало инспектора детской комнаты милиции: нельзя оставаться равнодушными к судьбе подростка, когда ему плохо, ибо равнодушие — это жестокость.

А мальчишки только удивлялись, как изменилось отношение родителей к их другу Сережке, и никак не могли понять, что же произошло.

Галина Евгеньевна убеждена, что нет интереснее собеседников, внимательнее слушателей, и надежнее друзей, чем ее микрорайоновские мальчишки и девчонки. Но она знает и другое: насколько нелегко бывает с ними, как часто им необходим взрослый друг, друг внимательный, настоящий. Как часто за внешней грубостью и мнимой взрослостью этих мальчишек и девчонок скрываются хорошие, но легко ранимые души.

Вот Зина. Не окажись вовремя рядом с ней Галина Евгеньевна, неизвестно, что было бы дальше. Мать Зины потеряла всякую надежду на все хорошее: дочь бросила школу, сутками не бывает дома, имеет сомнительных друзей.

— Непременно в колонию. Только там ее можно перевоспитать, — убеждали инспекторы и педагоги школы, где училась Зина Д.

И тогда в наступление пошла Галина Евгеньевна. Не проходило дня, чтобы инспектор не выясняла с ней отношений. Зина то молчала, то раздражалась и говорила бог знает что. Но Галина Евгеньевна терпеливо ждала, сдерживая и огорчения, и досаду, и разочарования. Каждый день юдээмовцы сообщали ей о «похождениях» Зины.

Накануне дня своего рождения Зина исчезла на целую неделю. На поиски отправились все: мать, учителя

ля, сотрудники милиции. Галина Евгеньевна узнала адреса некоторых ее «приятелей». Решила навести справки у них.

Каково же было изумление Зины и ее дружков, когда в разгар застолья они увидели у себя Стиценко. Она вошла устало, оглядела захламленную квартиру, молча села. «Ну, сейчас начнется...», — подумали все.

— С днем рождения, Зина. Идем, я пришла за тобой. Дома тебя ждет пирог...

Чего-чего, а этого она никак не ожидала! Ее душили слезы. Едва сдерживая рыдания, она просила прощения у Галины Евгеньевны — за все, за все! Но та молчала. И в этом молчании девочка почувствовала огромную боль взрослого человека — совсем постороннего, но настоящего друга, который постоянно думал о ней, о ее жизни, о ее будущем. Этот день оказался переломным в ее жизни.

С помощью Галины Евгеньевны Зина устроилась на работу. Но и на фабрике старые «друзья» долгое время не оставляли ее в покое, пока снова не вмешалась Стиценко. Сейчас Зина сама частенько наведывается к Галине Евгеньевне, заходит домой — рассказать о бригаде, о девчатах, парнях. Они ей нравятся, и она мечтает подружиться с ними. И еще мечтает Зина сделать что-нибудь такое, чтобы все-все позабыли о ее прошлом. Чтобы и ее имя было на Доске почета.

Пусть это пока что первые серьезные раздумья девушки, ее первые и трудные шаги. Но для Галины Евгеньевны — это самое радостное, самое главное — взрослеющий человек усваивает те истины, которые потом ведут в жизнь прямой и верной дорогой.

Когда смотришь на Галину Евгеньевну в работе, удивляешься, как эта молодая женщина находит время для своей семьи, своего ребенка. Откуда берется ее неиссякаемая энергия?

Ответ на этот вопрос дает знакомство с семьей Стиценко. Здесь царит глубокое уважение и согласие. Нередко заботы по дому берет на себя Виктор Иванович. Именно это согласие облегчает нелегкую, но благородную работу Галины Евгеньевны. Именно оно помогает делать людям добро, все то, что мы называем чудом: когда из «трудных» подростков вырастают хорошие люди.

Можно бесконечно долго рассказывать о хорошем и трудном, что было и есть в работе лейтенанта милиции Г. Е. Стиценко. Что же зажигает ее сердце глубочайшим интересом к судьбе каждого подростка? Что заставляет ночи напролет искать пропавшего мальчишку, а потом вести долгие беседы с сознательными и несознательными родителями, ходить на уроки «своих» пацанов, на работу подростков, обивать пороги организаций, допекать нерадивых руководителей?

Сказать просто, что Галина Евгеньевна любит детей, очень мало. Пожалуй, она — одна из тех энергичных и волевых, которые своей увлеченностью втягивают окружающих в орбиту того дела, которому сами служат.

Может, именно поэтому возле нее, возле ее ребяташек всегда так много интересных, умных воспитателей, таких, как инженеры-экономисты М. С. Несудимова и И. П. Щукин, старые коммунисты П. Д. Гонцова и В. А. Горный, комсомольцы П. Визовикин, Н. Мордасов и другие — все те, кто взял на себя благородный труд воспитывать юных.

Беспокойству Галины Евгеньевны нет предела. Сделать интересным и полезным досуг подростков — для этого она создает в 19-м домоуправлении Алма-Аты клуб «Огонек», при кинотеатре «Сары-Арка» — молодежный лекторий, а в 113-й школе, при совете общественного воспитания, театральный кружок и эстрадный оркестр.

Впрочем, этого тоже недостаточно — так считает сама Галина Евгеньевна. Для ребят, проживающих в одиннадцати микрорайонах, нужны большие масштабы: свой районный Дом пионеров, подростковые клубы по интересам, свой стадион, хотя бы небольшой, чтобы увлечь спортом тысячи мальчишек и девчонок.

Так мечтает, так волнуется за своих подростков спокойный человек, добрый наставник ребят Галина Евгеньевна Стиценко, офицер милиции ¹⁰.

Ш. САРМУРЗИНА.

ГАЙДАР С ХВОРОСТЯНСКОЙ УЛИЦЫ

В глухом переулке группа подростков лихо резалась в очко. Шум, крик, забористая ругань. Люди проходят. Хоть бы слово кто сказал. Гайдар остановился.

— Ребята, бросьте карты!

— А вы кто такой? — отозвался один из картежников. — Подумаешь, нашелся... Вовка, банкуй...

Но Гайдар спокойно забрал у банкомета карты и порвал.

— Карты кúпите и еще домой принесете! — заносчиво выкрикнул вслед ему все тот же хлопец.

— Я ему, гаду, устрою!

«Петушится», — подумал Гайдар. Но удовлетворения не испытал: порвать карты — еще не выход из положения. Тем более применительно к этому хлопцу. Гайдар его знал: Володя Петин учился раньше вместе с его сыном Виктором. Теперь бросил школу.

Под вечер Петин подозвал Виктора Гайдара:

— Во, глянь! — вытащил из кармана нож и запустил в забор. Тонкое длинное лезвие впилося в доску и зловеще задрожало.

— Так и батю твоего...

— Значит, на испуг берет? Хоть из дома не выходи, а! — рассмеялся Василий Иванович, выслушав рассказ сына. Но быстро посуровел.

— Задурил хлопец. Если нож в кармане, может и глупостей наделать...

На следующий день Гайдар сам остановил Петина на улице:

— У тебя в кармане нож. Отдай его мне.

Петин оглянулся. По улице шли люди.

— Интересный вы, дядя. Чего ко мне пристааете?

Он говорил нарочно громко, чтобы его слышали прохожие.

— Нож!

Нехотя сунул руку в карман.

— Так-то лучше, дальше от беды, — сказал Василий Иванович.

— А нож кúпите, кúпите... кúпите, — закричал Петин надрывно.

В его взгляде было столько бессильной ярости, что Гайдару стало не по себе. «Спасать хлопца надо, а то

пропадет. Отца нет, матери с ним не управиться». Но кому же?

Однажды, возвращаясь с работы, Гайдар услышал, как соседи поносят Петина: будто бы обтряс яблоню в их саду. Володя, прижавшись к забору, плакал навзрыд. «Что-то здесь не так,— подумал Гайдар.— Не станет он попусту плакать». Гайдар подошел к мальчишке. Тот вскинул на него затравленно отчаянный и злой взгляд:

— Все вы...

Но Гайдар за руку вывел его из круга возмущенных людей:

— Иди к нам. Там во дворе Виктор.

Так впервые переступил «страшный» Петин порог гайдаровского дома.

А вечером, прощаясь, услышал скупое: «Заходи».

Он и зашел: раз, другой, третий. А однажды, придя к Гайдарам, замер на пороге. За столом сидел Володя Порсов из их компании и смачно ел мед. Перед ним стояла ваза с яблоками. Заметив Петина, Вовка поперхнулся. В комнату вошла бабушка.

— Идем, Владимир, помоешь руки и тебя медком угощу.

Перед блюдцем с пахучим медом Петин сидел потупившись. Что ж это такое? Ведь они с Порсовым крышку утащили у Гайдаров с улья, разбили ее, а они медом угощают. Может, нарочно, чтобы посмеяться? Осторожно глянул на бабушку. Но та только приговаривала:

— Яблоки-то кисловатые, макайте их в мед. Так оно вкуснее.

Узнав, что Владимир любит читать, Василий Иванович стал давать ему книги о настоящих людях, которых чтили в этом доме. Научил фотографировать и предложил снимать своим аппаратом. Виктор учился в музыкальной школе, играл на баяне. И Петин часто просил его что-нибудь сыграть. Виктор играл и спрашивал: «А это знаешь?» — «Танец маленьких лебедей». «А это?» — Петин отрицательно качал головой. «Запомни — «Чардаш» Монти. Правда, красивая вещь?». Иногда к ним подсаживалась Ольга Николаевна, Витина мама, и спрашивала:

— Мальчики, что вам спеть?

С ней было весело. Ольга Николаевна знала много песен.

Как-то зашел Володя на кухню напиться. Ольга Николаевна жарила пирожки и складывала их в большую миску.

— Ого, сколько!

— На весь класс. Праздник хотим ребятам устроить.

— Так вы готовите на весь класс? — еще больше удивился Вовка.

— Да что ж тут такого? — рассмеялась Ольга Николаевна.

Многому дивился Петин в этой семье. Ему нравилось, как ладно и дружно здесь живут, как разговаривают сыновья с отцом и матерью. С какой-то обостренной жадностью наблюдал отношения членов семьи друг к другу. Никогда бы не подумал, что Виктор в детстве был хлипкий мальчонка, много хворал. Для его лечения требовался чистый сотовый мед. Тогда Василий Петрович заделался пчеловодом, развел пасеку. Но и больному сыну ни в чем не давал послабления. Заставил квело-го и нерешительного мальчика постоянно ходить в волейбольную секцию.

Один случай особенно взволновал Петина. Как-то вечером они играли с Виктором в шахматы. Вошел неизвестный мужчина, веселый, сияющий. Виктор увел Петина во двор.

— Не знаешь его? Пьянчуга был страшный. Папа хлопотал, чтобы его отправили на принудительное лечение. А он, когда прослышал, покоя нам не давал. Идет по улице и камни бросает нам во двор. Грозил дом поджечь. А когда увезли в больницу, папа ездил к нему, возил передачи. Теперь выздоровел, и они друзья. А сейчас к нему семья вернулась, потому такой веселый.

— Вот какой он, Гайдар! — восхищенно отозвался Петин.

Что-то сломалось в его привычных представлениях, уступило место новым интересам, новым увлечениям. Особенно полюбилось хлопцу разговаривать с Василием Ивановичем. Тот никогда не читал ему морали, как со взрослым делился своими мыслями. «Нужен человеку идеал. Нужно перед собой быть честным.

А мужество, по-моему, в том состоит, чтобы уметь спросить с самого себя».

Тут было над чем подумать...

В минуту такой душевной близости Петин и поведал Гайдару о своей нелегкой жизни. Всякого навидался. Уже усвоил было, что никому нельзя верить. Только об этом стеснялся говорить: что повстречался ему человек, в котором все по правде. К нему и потянулся всей душой. Ему одному разрешал говорить с собой строго и беспощадно.

— Ну вот что, Владимир, приглядываюсь к тебе: будто толковый ты парень, начитанный, только заносит тебя... Ты лучше, чем о тебе думают. Но это надо доказать. Вот задача для твоего мужества: в школу ходить каждый день. И чтобы ни одного пропуска. Догнать остальных. Закончить восьмой класс.

Разве легко было! Так не терпелось выбросить на уроке фортель, чтобы хлопцы ржали до упаду, чтобы считали его отчаянно смелым. Надо было победить себя. Петин победил. Закончил восьмой класс. И трудно сказать, кто больше радовался — Гайдар или сам Петин.

Василий Иванович помог ему устроиться в инструментальный цех. В первую же получку Володя купил проигрыватель с пластинками. Больно уж хотелось ему слушать дома музыку.

Давно уже нет хулигана Петина, есть отличный слесарь, футболист, комсомольский агитатор Владимир Петин. Сейчас он заканчивает вечернюю десятилетку и готовится поступить в технический вуз. Неплохо работает в котельном цехе и Володя Порсов.

Петин по-прежнему близок с Гайдаром, человеком, который изменил его судьбу.

Да разве только его? А скольких волнений стоил Витя Штурнев! Теперь-то он славный парень, отличный электрик. А если бы не Гайдар...

Вот уже тридцать лет работает Василий Иванович на машиностроительном заводе имени Фрунзе. Сорока лет отроду поступил в техникум. Сейчас уже технолог. Вместе с ним работает экономистом его жена, Ольга Николаевна. Растят они двух сыновей — каждый знает, что это такое. Но часто видишь, как спешит Василий

Иванович в школу, чтобы рассказать ученикам о заводской жизни или помочь устроить вечер, или идет в чей-то дом, чтобы крупно поговорить с отцом-пьяницей. Так живет Василий Иванович Гайдар, не только однофамилец, но и единомышленник того, другого, известного всем Гайдара ¹¹.

Л. ПАНФИЛЕНКО,
литсотрудник сумской
областной газеты.

КРЫЛЬЯ

С чего начать рассказ об этом удивительном человеке, погибшем при испытании планера!

По утрам Герман шел в школу. Как обычно, по дороге его встречала ребятня, с шумом выбегающая из подворотен.

Его любили мальчишки. Наверно, потому, что Клим Андреевич всегда был с ними серьезен и как-то по-своему добр. Они рассказывали ему о своих делах, о своих «секретах». И Герман, этот с виду замкнутый человек, был удивительно внимательным и ласковым к своим маленьким друзьям.

Умел Клим Андреевич в самом трудном ученике разглядеть любознательность, смекалку.

На уроках электроники он, как добрый волшебник, открывал мальчишкам «чудеса». Что есть в железках, проводках, всякие там болтики не всем доступная суть. Что суть эта просто в рождении вещи — каждая выдумка обретает плоть, если вкладываешь в нее свой труд.

Говорили: «Он, Герман, что-нибудь изобрел? Разве что велосипед!»

При этом имели в виду планер и «Лайбу». Детище его и ребят.

— Ну, как машина, не сломалась еще? — усмехнувшись, спросили однажды.

Клим Андреевич посмотрел внимательно, закурил. Поднося спичку, заметил свои руки. В ссадинах, с вьевшимся маслом. Усмехнулся. Опять эта вечная тема, которую так часто переживают на переменах. Ну

да, можно что-нибудь и показательное сделать с ребятами. А машину на выставку не потащишь. Настоящая она. И марку ей дали ребята свою — «Лайба».

Испытывал планер сам. Разгоняли «Лайбой». Против ветра в степи гнали ребята машину, и планер взмывал, уже не сдерживаемый тросом, в небо. Для мальчишек это испытание — праздник... А немолодой уже Клим Андреевич, захлебываясь от восторга, подходил к товарищам и рассказывал. Блестел глазами, повторял о том, что такое полет.

Он удивлял многих. Клим Андреевич не любил отдыхать, особенно летом. Однажды в Москве, в тот единственный и вынужденный отпуск, он встретил своих ребят, приехавших по туристским путевкам. Увидел и... прощай, отдых! Все это время водил ребят по Москве. Больше тянул на ВДНХ. Около первого космического корабля стояли часами — объяснял устройство. Подробно, будто сам делал. Фотографировал. Всех.

Как-то в Доме пионеров на семинаре вожатых услышал такое: принимать в свои кружки только самых лучших!

— Нет. Буду всех принимать. Я не знаю, кто из них лучший. Бывает, учится на пятерки, а в практическом деле ничего не смыслит.

А так всегда. Если уверен, что прав, скажет.

Его всегда с нетерпением ждали кружковцы. Сидя в «Лайбе», мальчишки с восторгом встречали учителя. И тогда странная машина, дребезжа деталями, переваливаясь, выползала со двора и бежала по улице. Прохожие узнавали и махали руками.

На перекрестке Костя-милиционер проверял сцепление, тормоза и, сдерживая улыбку, отпускал: смешная машина — деревянная коробка на колесах без кабины продолжала свой путь.

Дул холодный прерывистый ветер. С самого утра начал и не переставал.

Договорились сегодня с кружковцами поехать в степь. Последний раз испытать планер, а уж потом переделывать. Хорошо бы машину, не самодельную, как «Лайба», а настоящую. Тогда можно быстро и высоко затянуть планер. У друга машина есть — не хочет ехать. Связываться, говорит, не хочу. Вдруг что случится? Ну что же, по-своему он прав.

Что-то сердце сдавливает. Табак? Полгода не курил — не выдержал. Да, не такой уж он сильный, как представляется ребятам. Внешне — да. А взять те же полеты. Сколько раз уже поднимался, а страшно вато. За механизм спокоен — сам делал. Страшно за себя. Видно, не зря врачи не пустили учиться на летчика. Пришлось свой «аэродром» организовывать. Сначала детский — модели, теперь это... И мальчишек не смог бы учить, будь летчиком...

Пока шел к мосту, раз двадцать останавливался, пожимал протянутые руки: полгорода знакомых...

Как и прежде, в «Лайбу», в эту романтическую коробку, которую взрослые называли «машиной Кулибина», набились ребята. Постоял, подумал, посадил.

Первым летел Борис. Разогнали «Лайбу», трос натянулся, отцепился — и планер плавно пошел на снижение. Александр копошился в потрескивающем моторе машины. Была его очередь.

Герман смял окурок, шагнул вперед.

— Я полечу!

Затрясаясь по кочкам «Лайба», все быстрее, быстрее, планер оторвался, выше, выше, вот уже трос, струной звеневший, отцеплен. Герман парил свободно против ветра.

Упал под прямым углом. Сразу. Словно наткнулся на невидимую стену...

На станции юных техников, в Доме пионеров по-прежнему собираются ребята. Кружок ведет Борис Шин. Он заменил Клима Андреевича Германа.

Борис старается во всем походить на него, даже в жестах... Когда я спросил у него: «Полетят они теперь?» — он вскинул глаза и, как бы отвечая всем мальчишкам, сказал: «Обязательно полетим!»

Герман любил небо. Родное кзыл-ординское небо над головой. И мальчишек, неугомонных, бесстрашных, их мечты, радости. Любил по-отцовски, умел цепким взглядом увидеть в них то, что не могли разглядеть другие.

Я безуспешно искал в школе хотя бы фотографию Клима Андреевича. Нет ее там. Ничего, зримо напоминающего о нем, кроме сотен мальчишек.

А помнить Германа они все равно будут. И любить. И подражать.

М. КУРАЕВ.

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ

Большой и маленький. Один достает в автобусе головой до потолка, другой — носом до кармана. Одному все собаки на улице кажутся добрыми и кудрявыми, другому — огромными и зубастыми. Один, нахмурившись, думает над сложными проблемами, а другой, забравшись с ногами на подоконник, грызет морковку и часами без всякого дела смотрит на улицу. Большой и маленький. Сильный и слабый. Прошедший длинную дорогу и едва ступивший на нее. Нелегко и непросто им понять друг друга. И не с первого взгляда они становятся друзьями. Но есть среди взрослых счастливые, которым дети без оглядки верят, которых любят со всей преданностью. Я встречала этих людей в разных городах, в деревнях и все думала: чем берут они, какой секрет постигли?

Петр Васильевич Астанин не получил педагогического образования, да и никакого другого тоже не получил. Он смотритель причала: принимает катера, кладет трап, помогает пассажирам перенести тяжелые вещи, машет белым флажком, когда надо остановить летящую по волнам на широких лыжах ракету, чтобы захватить срочный груз. А в обычные дни ни ракета, ни большие теплоходы на причале Шатрище не останавливаются. Причал маленький, нет здесь ни буфета с кофеваркой, ни парикмахерской. А есть каюта, где живут все лето Петр Васильевич и жена его, тетя Зина, носящая гордое название «матрос».

Жизнь у них тихая и медленная. Впрочем, «тихая» — слово не совсем точное. С утра и до позднего часа звенит причал ребячьими голосами. Мальчишки и девчонки со всей округи прибегают сюда купаться, хотя на много километров вправо и влево тянется удобный песчаный пляж.

Маленького Пашку, который не умеет плавать и бродит по воде вдоль берега, навлекая на себя насмешки других мальчишек, дядя Петя подзывает к себе.

— Ты, Павел, их не слушай. По грудь зайди и барахтайся. Вода любит смелость. Не бойся, тогда поплывешь. А насмежаются — не слушай, этот Васька сам только в то лето поплыл. Так, Васька? Ну то-то. А лю-

дей задеваешь. На-ка тебе, Паша, бинокль, погляди, какой пароход на повороте, а то я что-то не пойму.

И Пашка, едва удерживая в руках огромный морской бинокль, наводит его на точку на горизонте и счастливым голосом кричит:

— Дядь Петь, «Суворов» это!

— Вот и спасибо, вот и молодец.

Вынырнули из глубины два накупавшихся до синевы паренька. Коленкой об коленку стучат, выбивают зубами дробь. Один худенький, лицо веселое. Другой, краснощекий и рыжий, в сатиновых выгоревших плавках с белыми завязками на боку. Дядя Петя смотрит на озябших трясущихся мальчишек и спрашивает:

— Вперегонки бегать умеете?

— Ум-м-еем,— дрожат мальчишки.

— Тогда вон до той сосны — и навад! Быстро! Раз-два-три — пошли!

Мальчишки срываются с места и несутся по берегу. Рыжий впереди, худенький отстает.

Прибыл рыжий, запыхался, покраснелся, ждет, что дядя Петя похвалит. Первый пришел. А дядя Петя ждет худенького мальчишку, потом похлопывает его по острым лопаткам и говорит:

— Одинаково прибегли, молодцы.

Мальчишки уходят рядышком, а дядя Петя смотрит им вслед и не то улыбается, не то щурится на солнце. А вокруг гам и визг. На палубе не просыхают следы босых пяток, стекла каюты дребезжат от шума и суеты.

— Голова от них разламывается,— жалуется тетя Зина.— Ну ни минуты покоя.

— А ты думала, Зинаида, почему детвора кричит? — спрашивает негромко дядя Петя.

— Что тут много думать,— отмахивается тетя Зина,— от дурости орут и от беспорядка.

— Ничего ты не понимаешь,— качает дядя Петя головой.

— Кричат они потому, что одиночества боятся. Ты представь: все говорят, а я молчу, и про меня забыли, никто меня не замечает. А ну-ка я чего-нибудь крикну? Все на меня поглядят. От одиночества дети кричат, а мы серчаем.

Дядя Петя любит пофилософствовать.

— Ты детей люби,— рассуждает он.— Люби, и они тебе свой ответ дадут. И ничем ты их больше не приманишь — хоть ругай, хоть пляши перед ними. Их обмануть невозможно. Взрослого можно обмануть, кого улыбкой, кого бутылкой. А ребенок обмана не примет. Дети все душой берут.

Я уезжаю с причала туманным утром, пахнет сырими бревнами, смолой, рыбой. Дядя Петя в форменном выгоревшем кителе провожает наш катер. А рядом с ним стоит мальчонка лет одиннадцати, заспанный, еще и умыться-то не успел, а прибежал на причал, к дяде Пете — за дружбой и добром.

Захар Закиров живет в казахском городе Темиртау. Город в степи — ни дерева, ни холмика. Захар — электромонтер в стройуправлении. Много работы, много забот. И одна самая главная — мальчишки. Пришло ему в голову создать морской лагерь для подростков. Не сомневался: дело хорошее, само завоюет сторонников. Не смутило даже отсутствие моря или хотя бы реки. «Зато наши мальчишки мечтают о море,— говорил Захар,— может быть, они его любят больше, чем те, кто вырос на берегу. А на мечте многое в жизни держится».

Он оказался кругом прав, этот невысокий быстрый человек с блестящими глазами. Собрал сорванцов, списался с бывшими своими товарищами по флоту; пришла посылка, а в ней тельняшки. Кто был мальчишкой, тот знает, как это много — тельняшка, настоящая морская одежда. Они жили в своем лагере по строгим и четким морским законам, несли вахту, драили полы. «Но настоящий моряк не в этом,— шел в наступление Захар,— настоящий моряк не подводит друзей, ничего не делает исподтишка, живет открыто и честно». Они верили своему капитану, эти ершистые и неподатливые моряки. Он не заигрывал с ними, а работал серьезно, не жалея себя. Появились и помощники, и даже море, точнее говоря — водохранилище, куда повез Закиров сорок своих сорванцов на целый месяц.

Они ходили под парусом, вязали хитрые и крепкие морские узлы, пели суровые песни о походах и штормах.

Они вернулись в город другими — в этом не было чуда: это был результат большой работы.

Один скупной знакомый спросил Закирова:

— Зачем тебе они? Денег за эту каторжную работу не получаешь, ответственность на себя берешь: шутка ли — сорок пацанов у глубокой воды, да и отдыхать тебе некогда — на танцах все лето не был, девчата тебя забыли, какой ты есть.

Захар рассмеялся. А потом стал серьезным.

— Я о своих похоронах беспокоюсь. Вот ты умрешь, — кроме твоей семьи, никто не заплачет. А я помру — парни мои (их уже тогда не сорок будет, сотни две) узнают, со всех морей приедут. Их по такому делу в отпуск спишут на берег, и они приедут все до одного. Будут они грустные, высокие, в морской форме, а некоторые даже заплачут. И скажут друг дружке: «Умер наш Захар, вот беда. Как же мы без него?» Вот я для чего стараюсь.

Приятель так и не понял, шутил Захар или говорил серьезно. Кто его разберет? Такие, как он, не каждому раскрываются. Он и с ребятами не запанибрата: строго и отрывисто командует своим отрядом, никаких нежностей не допускает. И они к Закирову не ластятся. Они выходят из школы, когда кончаются уроки, и зорко глядят в степь, где шагают стройным рядом столбы с проводами. И, завидев на верхушке столба человека, спешат к нему. Разговаривать во время работы Захару нельзя, ток — дело нешуточное, ребята понимают, не маленькие. Но можно просто постоять, задрав голову, и посмотреть, как ловко, цепляясь кошками, Захар лезет на столб, как быстро и уверенно ставит изоляторы, зачищает провода.

А когда он спускается на землю, с ним можно поговорить о том, что не всякому скажешь.

Учительница строго посмотрела на класс и сказала:

— Вчера вечером трое из вас пели на бульваре под гитару. Я огорчена.

Класс напрягся: каждый готов был защищать гитару, восставать против взрослых, которым почему-то кажется, что на улице петь неприлично. А где же тогда петь? Дома? А мама?

Но Светлана Михайловна продолжала:

— Я не против гитары и не меньше вашего люблю песню. Огорчила меня та безвкусица, которую вы с таким увлечением исполняли. Я на уроках литературы

стараюсь привить вам хороший вкус. Мне грустно, если я не сумела этого сделать.

А теперь начнем урок...

На перемене класс гудел. Светлана Михайловна умеет зацепить своих девятиклассников за живое, а готовых решений не предлагает. «Думать надо» — вот любимая формулировка учительницы. И ребята думали, спорили и волновались; а кончилось это тем, что в одну из суббот в класс принесли гитару, и после уроков был горячий диспут о песне, о красоте, о пошлости и хорошем вкусе. И опять Светлана Михайловна не навязывала ученикам своих мнений. Опытный и чуткий педагог, она понимала, что правильные ответы каждый находит сам, и тем ценнее такие находки.

А ребята, чувствуя, что на них не давят авторитетом, сами хотели знать, что думает она, Светлана Михайловна, которой они привыкли верить.

Случай с песнями—лишь частность, маленькое звено в цепи отношений. Не сразу сложились эти отношения с классом: были и настороженность, и ложь, и обиды. Но учительница оказалась сильнее, потому что была влюблена в свою работу, в стихи Пушкина, в тишину слушающего ее класса.

Она полностью доверяла ребятам, их уму, чутью, их оценкам, подчас наивным, но искренним. И они привыкали доверять ей. И от разговора о Лермонтове, Светлове и Павле Когане они переходили к самым сокровенным — о любви, о ссоре с мамой, о написанных сегодня ночью стихах.

Я сидел на уроке у Светланы Михайловны Бахтиной в 20-й каунасской школе, смотрела на лица, на глаза ее учеников и завидовала им. Я вспоминала слова дяди Пети с причала Шатрище: «Ты детей люби. И они тебе свой ответ дадут. И ничем ты их больше не прима-нишь»¹²

Л. МАТВЕЕВА.

начало
всех
начал

— 4

ШКОЛА СЕМЬИ

«Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле,— писал Макаренко.— Воспитывает все: люди, вещи, явления, но прежде всего и больше всего — люди. Из них на первом месте родители и педагоги». Результаты исследований причин преступности несовершеннолетних подтверждают справедливость слов большого педагога и для случаев, когда подросток «сбивается» с пути. Антиобщественные проявления в среде молодежи — показатель недостатков и пробелов семейного, школьного, производственного воспитания. И прежде всего семейного. Ведь в детстве семья почти безраздельно формирует личность ребенка. Значительным остается ее влияние и на подростка. Конечно, каковы бы ни были причины правонарушения, подросток полностью ответствен за него. Но знать причины правонарушений подростков мы должны, иначе нельзя предупреждать преступления.

Распространенное объяснение недостатков семейного воспитания и связанных с ними преступлений несовершеннолетних материально-бытовыми трудностями, как оказывается, не выдерживает критики. У правонарушителей и у подростков «контрольной группы» (с нормальным поведением) жилищные условия, например, в принципе одинаковы. В частности, по выборочным данным, более двух третей подростков, совершивших правонарушения за последние три года, жили с родителями в отдельной квартире или собственном доме. Не было в большинстве случаев существенных различий и в материальном уровне семьи (размер дохода на одного человека). Даже на мотивы имущественных преступлений подростков материальное положение

семьи влияло в трех процентах случаев (притом трудности возникали в связи с уходом из дома, пьянством родителей и т. п.). Около половины краж и ограблений сейчас совершается подростками для того, чтобы добыть спиртные напитки или деньги на выпивку. Не в материальных условиях, а в дефектах нравственного воспитания в семье надо сейчас искать объяснение детской «трудности».

Представление о том, что большинство правонарушителей воспитывались в неполных (разведенных) семьях, также требует серьезных поправок. Действительно, подростки из таких семей примерно в полтора-два раза чаще встают на преступный путь, чем из семей с двумя родителями. Одной матери труднее контролировать ребенка, на него отрицательно влияет конфликтная ситуация, которая привела к распаду семьи. Но в целом в последние годы две трети несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в «нормальных» семьях с двумя родителями. Причем отнюдь не в многодетных, а чаще всего с одним-двумя детьми.

Многие считают, что малолетний правонарушитель — продукт неустроенной, неблагополучной семьи. В действительности же постоянный отрицательный пример родителей (пьянки, скандалы, жестокость, разврат) прослеживается примерно лишь в тридцати процентах случаев преступлений подростков. При планировании профилактической работы, конечно, этого нельзя недооценивать. Но все-таки речь идет о тридцати процентах... А остальные семьдесят?

«Робинзон среди людей», «заброшенный родителями» подросток — отнюдь не единственный и даже не основной вариант социально-психологической характеристики личности несовершеннолетнего правонарушителя. Правда, он особенно бросается в глаза, но мы не можем ограничиться изучением явлений, лежащих на поверхности. Да и своевременно распознать симптомы неправильного формирования личности подростка в неблагополучных семьях относительно нетрудно. Закон в этом случае предусмотрел немало «лекарств»: от постановки семьи на учет в детской комнате милиции и назначения шефа до наложения штрафа и изъятия детей из семьи или лишения родительских прав. За вовлечение детей в пьянство, бродяжничество, разврат родители и дру-

гие члены семьи, как и любой взрослый, могут быть привлечены к уголовной ответственности, закон предусматривает в виде наказания лишение свободы на срок до пяти лет.

Гораздо сложнее разобраться в причинах совершения преступления ребенком «из хорошей семьи», найти меру вины и ответственности семьи и разработать эффективные профилактические меры для этих случаев.

И все-таки для искаженного формирования личности подростка все эти обстоятельства решающего значения не имеют. Ведь не во всех же семьях, где они действуют, вырастают правонарушители. Подтверждают эту мысль и некоторые данные статистики. Около половины преступлений в обследованных нами крупных городах совершаются после десяти вечера, когда работающие родители давно дома (и, кстати, когда подросткам полагается тоже быть дома). Доля подростков-правонарушителей, воспитывающихся в семье, где мать не работала, примерно равна доле подростков из таких семей в контрольной группе. Значит, сам по себе факт — мать не работает — не является существенно сдерживающим началом для 14—17-летнего человека.

Реальные трудности воспитания подростков в современных условиях, безусловно, преодолимы. Неправильное формирование личности подростка — следствие не этих трудностей, взятых самих по себе, а их игнорирования семьей, школой и другими институтами воспитания. Анализ причин конкретных правонарушений неизменно показывает, что в основе «напряженности» и «конflikта», приведших подростка к антиобщественному поступку, неизменно лежала социальная невоспитанность.

Неправильное формирование личности подростка чаще всего связано с общей атмосферой, общей нравственной и воспитательной позицией семьи. Литовский исследователь В. Кояла отмечает, например, что доля «трудных» подростков в семьях, где процветает эгоизм, черствость, грубость, в десять (!) раз выше, чем в семьях, где отношения были дружелюбными, отзывчивыми, уважительными. Искажения нравственной позиции семьи неизбежно влияют на личность подростка, на «сдвиги» в его представлениях о том, что «хорошо» и что «плохо». Не менее опасно потребительское воспи-

тание, когда отец и мать удовлетворяют любые требования ребенка, освобождают его от домашних обязанностей. Почти в семидесяти пяти процентах изученных семей, в которых росли подростки-правонарушители, родители подчинялись требованиям детей о приобретении дорогостоящих вещей. В то же время почти никто из опрошенных правонарушителей не знал бюджета семьи, не участвовал в обсуждении ее расходов.

Существование, не связанное с обязанностями по отношению к близким, забвение родителями одной из основных заповедей коммунистического воспитания — формирование коллективизма, «ощущения солидарности» — пагубно сказывается на подростке. Он привыкает к безответственности, не умеет и не хочет учитывать интересы окружающих, требует безусловного выполнения всех своих желаний. Такая позиция «активного эгоиста», если ее не удастся исправить школе, комсомолу, производственному коллективу, служит базой для возникновения негативного отношения к семье, к коллективу, дешевого «бунтарства» и т. д.

Потребительское воспитание отнюдь не свойственно семьям с уровнем дохода выше среднего. Не от уровня дохода семьи зависит оно, а от низкой педагогической и общей культуры некоторых родителей. Причем основана ли такая позиция семьи на соображениях престижа («не хуже, чем у других») или на родительских эмоциях («пусть поживет лучше, чем мы в его возрасте», «успеет еще наработаться» и т. д.), вредоносность ее не становится меньше. В подобных семьях у подростков развивается индивидуализм. Они как бы освобождаются от самоконтроля и самоограничений. Таков, как показывает анализ, один из наиболее типичных вариантов механизма развития антиобщественного поведения (мы находим его в шестидесяти — семидесяти процентах изученных случаев, разумеется, нередко в сочетании с другими вариантами).

С потребительским воспитанием чаще всего «взаимодействует» слепая защита «своего ребенка» от любых упреков. По данным исследований, до двух пятых родителей подростков, совершивших преступления, демонстративно пренебрегали соображениями школы, детской комнаты милиции, представителей общественности, позволяли грубые выпады (нередко в присутст-

вии детей) в адрес лиц, сообщающих о неправильных поступках подростка, и т. д.

Антиобщественное поведение подростка часто возникает оттого, что родители не в состоянии целенаправленно помогать гармоническому развитию личности ребенка, крайне узко понимают свои родительские обязанности. «Мое дело кормить, обувать, а воспитывать школа должна», — так с предельной четкостью выразил свое «кredo» отец одного несовершеннолетнего хулигана, давая объяснения суду. Пассивная роль родителей в воспитании детей чаще всего вызвана их недостаточным образовательным и культурным уровнем. Образовательный уровень родителей несовершеннолетних правонарушителей в среднем в полтора-два раза ниже, чем у родителей «благополучных» детей. При образовании в четыре-пять классов, конечно, трудно завоевать и удержать авторитет у подростка, и родители отступают.

У родителей с низким культурным уровнем обеднены формы досуга, они не умеют интересно и содержательно проводить свое свободное время. И вот итог: подростки-правонарушители, по сравнению с контрольной группой, в три-четыре раза меньше занимаются в кружках, в два-три раза меньше читают, в пять раз реже посещают театр, у них в десять-пятнадцать раз слабее интерес к искусству, в двадцать-тридцать раз ниже их общественная активность.

Повышение культуры досуга соответствующей части подростков, безусловно, один из главных «ключей» к проблеме детской преступности. «Ключ» этот прежде всего в руках семьи. И здесь имеет значение не только непосредственный пример родителей, но и руководство формированием интересов, духовных запросов ребят.

Родители с низким культурным уровнем часто сами «выталкивают» детей из семьи, из-под своего контроля. Многих подростков, ставших правонарушителями, буквально выставляли на улицу, чтобы «не шумели», «не пачкали» и т. д. Поддержание внешней чистоты и порядка превращалось в самоцель. Поцарапанный во время игры пол, сдвинутая мебель рассматривались как ЧП, а места, где подросток мог бы мастерить, принимать друзей, у него не было. Естественно, подросток предпочитал бывать там, где он чувствовал

себя свободно, где ему не было скучно, — на улице. Понятно, что среди правонарушителей оказалось в восемь раз меньше подростков, проводивших свободное время с родителями, чем среди «благополучных».

Социальный портрет семей, в которых чаще всего вырастают правонарушители, будет неполным, если не упомянуть об отсутствии у большинства (восемьдесят пять процентов) таких родителей сколько-нибудь четкого представления о мерах воспитательного воздействия на детей. «Что вы делаете, когда дети себя плохо ведут?» — ставился вопрос при обследовании семей малолетних преступников. И больше половины ответило: «Ругаем, но мало помогает».

Роль семьи в воспитании детей огромна. И поэтому нужно очень серьезно подумать об организации подлинного педагогического всеобуча родителей совместными усилиями органов просвещения, Академии педагогических наук, комсомола, органов здравоохранения и юстиции, общества «Знание». Речь идет об общегосударственной программе, учитывающей уровень образования родителей, объективные условия воспитания. Базой для такого всеобуча может быть школьный микрорайон. Необходимо единство действий и требований семьи, школы, общественности для такой организации досуга, которая поставила бы во главу угла не просто развлечение, «заполнение» свободного времени подростков, но их целенаправленное, идейное и культурное воспитание¹³.

Г. МИНЬКОВСКИЙ,
кандидат юридических наук,
заведующий сектором Всесоюзного
института по изучению причин
и разработке мер предупреждения
преступности.

БЛАГОРОДСТВО ОСТАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Первое письмо:

«Дорогая редакция! Прошу вашей помощи. У меня есть дочь. Но моя жена — теперь уже бывшая — не хочет, чтобы я виделся с девочкой. Я приехал издалека, чтобы повидаться с дочкой. Пришлось обратиться

за содействием к помощнику прокурора. Только после звонка из прокуратуры жена разрешила мне свидеться с дочерью, но заявила, что эта встреча будет последней. Я обратился к судебному исполнителю. Тот ответил, что одной встречи вполне достаточно. Пришлось уехать назад на полмесяца раньше.

Алименты я плачу честно, но неужели же я лишен права хоть изредка видеть своего ребенка? Родители жены как угодно распоряжаются судьбой ребенка, а когда я, родной отец, настаиваю на встрече с ним, пускаются на прямые оскорбления. Даже в нарсуде я оказался настоящим посмешищем. Я могу как угодно относиться к своей бывшей жене, это мое личное дело, но почему мне отказывают в праве видеть своего ребенка? Адрес жены: Джамбул... Мой адрес: Кемеровская область...»

Письмо второе:

«Уважаемая редакция! Обращаясь к вам за помощью, я не думаю тем самым снять с себя ответственность за решение этого трудного вопроса. Просто мне очень нужно услышать добрый совет. Уже третий год, как мы с женой разошлись. Она уехала и увезла с собой своих детей. Но вот недавно ко мне приехала, бросив мать, старшая дочь. Я еще до ее приезда пытался узнать, как живут девочки у матери, не плохо ли им. Писал в Сарканд Алма-Атинской области, где живет моя бывшая жена, в роно. Мне не ответили. Обращался в суд того же района. Тоже не ответили.

Сейчас я вынужден обратиться в редакцию, так как меня волнует судьба второй дочери. Слышал я, что ей не очень сладко с матерью. Не знаю, правда ли это. Ответьте мне, пожалуйста, по адресу: Белгородская область...»

Мы учились в институте вместе. Как-то так получилось однажды, что он рассказал мне историю своего детства.

Мать с отцом разошлись, когда Валер. е было четыре года. Отец остался в том же городе, что и Валерка с матерью. Иногда отец днем приходил за Валеркой в детский сад (он был военным, и его свободное время редко когда совпадало с общепринятыми выходными), и они шли в зоопарк, или в кино, или еще куда-нибудь. Потом отец отводил Валерку домой, к маме. Он ни-

когда не заходил в комнату, а передавал мальчика матери в дверях, да и мать никогда не приглашала его зайти. Потом, когда Валерка уже ходил в школу, отец вторично женился. Сын по-прежнему бывал у отца, даже, пожалуй, теперь чаще, чем раньше: раньше-то отец жил в общежитии... Валерка с отцом ходили в тир и на стадион, а еще в кино, как раньше, и на ипподром. Валерка вырос, и отец больше не провожал его домой. Случалось, что Валеркины отец с матерью, хоть и жили в одном городе, не виделись годами. Хотя мать всегда интересовалась, где они были с отцом, о чем говорили. Впрочем, и отец тоже нередко расспрашивал о здоровье матери, о том, как им живется.

Однажды — Валерке уже было в ту пору лет тринадцать, — повздорив дома с матерью, он при отце грубо отозвался о ней. Отец резко одернул сына.

— Не смей так говорить о матери! Твоя мать — человек редкого ума и сердца.

— Почему же тогда вы разошлись? — ехидно спросил сын.

— Потому что разлюбили друг друга, — сказал отец.

— Ну-у, то ты сам говоришь, что она редкий человек, а то вдруг разлюбили. Неувязочка!

— Тебе сейчас это трудно понять, потому что то чувство, о котором я говорю, испытывают только взрослые люди. Вырастешь — тогда тебе многое станет ясным в наших с твоей матерью отношениях...

Позже сын рассказал об этом разговоре матери. И услышал в ответ:

— Твой отец, Валера, один из самых благородных людей, которых я когда-либо встречала.

У матери в ту пору уже была новая семья...

Встречаются два человека. Между ними любовь и полное согласие. Они живут, радуясь друг другу и своему счастью. Они находят друг для друга ласковые слова, которые, возможно, стороннему человеку покажутся глупыми или сентиментальными. Но, впрочем, они и не предназначаются уху стороннего человека. У двоих появляются свои милые привычки, свои маленькие тайны. Но потом вдруг все это куда-то исчезает: и слова, и привычки, и тайны. И двое или один из двоих понимает, что дальнейшая совместная жизнь

невозможна. И тут начинается то, что трудно, невозможно осмыслить. Куда делись милые прозвища? Их поглотила, растворила в себе злая, беспощадная брань. Где некогда дорогие двоим привычки, где большие и малые общие радости? Все предано, все отдано на поругание. Светлое, возвышающее чувство отдано на откуп мелким, низменным страстишкам. И вот уже жена, пытаясь хоть как-то досадить мужу, бьет, корежит молотком его фотоувеличитель. И вот уже муж, упиваясь мстью, демонстративно кромсает ножницами новое платье жены — свой недавний подарок...

Обидно и больно за таких людей. Но еще больней бывает, когда в качестве орудия мести человек избирает не вещь, а живое существо — ребенка.

«Плывать я хотела на твою привязанность к ребенку,— цинично заявляет иная мамаша,— не видать тебе ребенка, как собственных ушей. Ты еще попомнишь меня...»

Вдумайтесь только: отец едет за тысячи километров, чтобы повидать дочь, еще в дороге, наверное, представляет, куда они вместе пойдут и что будут делать: сначала в кафе-мороженое, потом в кино... Но нет ни кино, ни кафе-мороженого. Есть прокуратура. Отнюдь не лучшее место для свидания отца с ребенком, свидания, оказавшегося в тягость отцу и не в радость ребенку. Но зато мать ребенка была довольна. Ее мстительное чувство было удовлетворено полностью. Она согласилась, пусть даже по настоянию заместителя прокурора, на 1 (одну!) встречу отца с дочерью, и она выдержала характер. Что же касается чувств отца и ребенка, то они меньше всего ее интересовали. Главное — дать почувствовать. Главное — не пожалеть сил, но оградить ребенка от отца.

А почему, собственно, надо ограждать? Что — отец дебошир, пьяница? Да нет же. Обыкновенный он, нормальный человек. Но вся беда в том, что душу его бывшей жены обуревают всепоглощающее мстительное чувство.

Очень трудно помочь — делом ли, советом — автору первого письма. Да, пожалуй, не проще помочь и автору второго. Ведь писал же он и в Саркандский рон, и в суд. Но, видимо, письма его попадали к нечутким, неотзывчивым людям. раз не получил он ответа.

Хотя кому уж быть более чутким, как не педагогу и не юристу.

Что ж, возможно, редакции больше повезет на отзывчивых людей или попросту убоится кто-либо вот так просто взять и не ответить на письмо из редакции. Возможно, и пойдет какой-нибудь добрый или попросту исполнительный человек, по указанному в письме адресу. Но сможет ли он узнать, хорошо ли, плохо ли живет ребенку у матери? Сама ведь мать не будет говорить о плохом, а соседи... И соседи ведь бывают разные: один придерживается одних методов воспитания, другой — прямо противоположных.

— Ну зачем же так сложно,— воскликнете вы: отец пишет в редакцию, редакция пишет еще куда-то, оттуда идет человек узнавать, как, в каких условиях живет дочь у матери, сообщает об этом в редакцию, та, в свою очередь, ставит в известность отца. Не проще ли, чтобы отец ребенка сам бы написал своей бывшей жене: так и так, мол, черкни пару строк о нашей дочери, как она там, может, ей чего нужно. Но в том-то и дело, что не проще. В том-то и дело, что отец знает заведомо, что ответа от своей бывшей жены не получит. А ведь прожили они вместе не день, не месяц — несколько лет. И было ведь что-то хорошее за эти годы. Неужели же хотя бы в память о прежнем своем чувстве друг к другу нельзя остаться человечными? Неужели хотя бы ради детей, перед их чистотой и безыскусностью нельзя отринуть то мелочное, жалкое, мстительное, что кроется порой в потайных уголках души?

Все случается в жизни. Порой человек утрачивает какие-то иллюзии, а порой — и идеалы. Бывает, что проходит любовь, бывает, что исчезает вера... Но ни одно потрясение, ни одна беда, постигшая человека, не дают ему права потерять человечность, утратить благородство. Благородство всегда должно оставаться с человеком. Какие бы испытания ни выпадали на его долю.

Каждый отец и каждая мать хотят, чтобы их ребенок вырос смелым, честным, добрым. И благородным. Но не все понимают, что честности, смелости, доброте ребенок учится прежде всего у родителей. И благородству тоже учится у родителей. И не надо считать,

что ребенок мал, что он многого не поймет. На всю жизнь может запомнить ребенок, как однажды привела его мать на пятнадцатиминутную встречу с отцом в какое-то непонятное учреждение. И на всю жизнь может запомнить ребенок слова своих давно уже не живущих вместе родителей:

— Твоя мать — редкая женщина...

— Твой отец — благороднейший человек...

И. И Н О В Е Л И.

Я И МОЯ МАМА

КАК МЫ ЖИЛИ

Я и мама — вся наша семья. Но мне и теперь иногда кажется, что нас трое. Наверное, потому, что часто думаю, а как поступил бы папа, если бы был жив. Я знаю, мама тоже так думает, когда ей бывает очень трудно или очень радостно. Его карточка висит у нас в большой комнате над диваном. Папа на ней похож на меня. На фото он в белой рубашке, улыбается и весь в солнечных зайчиках. Это он в Крыму, в санатории. Папу каждый год там лечили. Из санатория он приезжал почти совсем здоровым и снова много работал, потому что очень любил свои проекты. Он был архитектором. Дворец культуры на соседней улице тоже придумал папа. Дядя Петя, его друг, называет дворец Сережиным (так звали папу) памятником. Но какой же это памятник? Ведь памятники мертвые, а дворец всегда живет.

Дядя Петя часто вспоминает папу-солдата. Тогда он еще не знал маму и был связистом. Им с дядей Петей повезло — они брали Берлин! А в последний день войны папу ранило в легкое. Мама рассказывала, что дядя Петя его спас: из-под огня вытащил.

Мне было полгода, когда папа умер. Умер от той самой раны, хотя уже десять лет не было войны. И мы остались вдвоем. Я и мама — вся наша семья. Я стал ходить в ясли, потом в детский сад, а мама стала чертежницей на инструментальном заводе. Она и сейчас там работает. Только теперь, после техникума, — конструктором.

Недавно иду я в булочную, а бабушка Шура, что напротив в квартире живет, говорит:

— Ишь, совсем большой мужик стал, а матери мало помогаешь. Смотри, как она, бедная, мается. И на работе, и дома. Раньше в твои-то годы у нас в деревне мальцы уже землю пахали.

Обидно мне стало. Думаю: и в школе учусь, и в спортсекции баскетбольной занимаюсь, и за хлебом хожу, а все, выходит, бездельник. Если мама о чем-нибудь просит, я всегда сделаю. Только просит она редко. Лучше, говорит, уроки поучи, да на свежем воздухе побегай. Вот я и стараюсь, бегаю.

Недавно в футбол во дворе играли и окно у профессора Крупова разбили. Так жена его на весь двор кричала:

— Что с него (это с меня) взять, если он без отца растет!

Только окно вовсе не я разбил, а Васька Белых, у которого отец директором маминого завода работает.

Мама у меня добрая, но строгая. И еще: если не выучишь уроки, не ругается, не кричит, а сразу тихая станет, загрустит и на папину фотокарточку посмотрит. И так мне ее жалко станет, даже плакать захочется. Потом целую неделю подряд все наизусть выучиваю. Когда она грустная, я замечаю у нее морщинки и седые волосы на висках. А когда мама веселая, ее все просто Лелей зовут. Она и на самом деле тогда на Елену Григорьевну не похожа. Я бы лично ей, когда она Лелей бывает, лет двадцать дал.

А бабушка Шура говорит прямо:

— Мать у тебя красавица, Андрюшка. И чего себя губит? Замуж ей давно пора.

Скажет же такое, будто у нас с мамой никогда папы не было.

Так бы мы, наверное, с мамой и жили, если бы не эта проклятая история с кино.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Вышел я вечером во двор, а Васька Белых знаки подает, в сторону отзывает. Вытащил из кармана какие-то бумажки. Посмотрел я и ахнул: и как он только билеты на «Спартак» достал в первый же день?

— Айда,—говорит Васька,— утром в кино.

— А как же школа? Ведь завтра контрольная по арифметике.

Васька смеется.

— Отец и то сказал — один день пропустишь, ничего не случится. Только за билеты трешку гони. На марки нужна.

Легко сказать — трешку. А где ее взять? Ведь не объяснишь маме, что вместо школы мне в кино надо.

Васька и тут не растерялся:

— А ты ручку шариковую, которую тебе дядя Гриша подарил, продай Кольке Длинному. Он и за три с полтиной купит.

Сбежал я за ручкой, получил трешку с полтинником, спрятал в карман билеты, а настроение неважное. Вспомнил, как мама была довольна, когда дядя Гриша сделал мне подарок. Еще школу прогуливать и врать классному руководителю надо. А мне как назло ничего подходящего в голову не лезет. Зато утром, когда в кинозале потушили свет и я прочитал на экране — «Спартак», я позабыл и о школе, и о ручке...

Вечером пришли с работы мама и дядя Гриша — с пирожными и цветами. Мама веселая, поцеловала меня в макушку и говорит:

— Праздник у нас сегодня, Андрей. Хотят мне на заводе звание ударника коммунистического труда присвоить. Только ты, смотри, теперь меня не подведи. Послали с завода в школу письмо, как, мол, сын сотрудницы нашей, Елены Григорьевны, учится и как себя ведет. Достойным ли человеком она его воспитывает? Если плохо воспитываю, какой же я ударник коммунистического труда?

Сижу, пью чай, жую пирожные, а во рту горько.

— Не заболел ли? — спрашивает мама и кладет мне прохладную ладонь на лоб.

Взять бы эту ладонь, прижаться к ней щекой, закрыть глаза и все рассказать.

— Набегался, наверное,— смеется дядя Гриша,— глаза слипаются.

— Пойду спать,— нарочно зеваю я.

И уже из ванной слышу, как дядя Гриша говорит маме:

— Что-то неладное с парнем, Леля.

Мама тяжело так вздыхает:

— Я и сама заметила, да не хочу выпытывать, пусть сам расскажет.

А я думаю, что сидит она сейчас тихая, грустная и опять, наверное, на папину фотокарточку смотрит. Испортил я ей сегодняшний праздник, а что-то еще завтра будет?

Выхожу утром во двор, а у подъезда Васька Белых поджидает.

— Отец,— говорит,— записку написал учительнице, что у меня вчера насморк был и голова болела.

Посмотрел я на Ваську, и такое меня вдруг зло взяло. И на него, и на его отца. Так мне его самодовольная физиономия противна стала, что сам не знаю, как это случилось, бросился я на него и начал колотить. Хоть Васька и старше меня и сильнее, но от неожиданности оторопел и сразу поддался. Зато потом... Не знаю, чем бы это побоище закончилось, если бы не вышел Васькин отец. Разнял он нас и притащил к себе домой. Позвонил на завод, что на полчаса задержится. И пока Васькина мать примочки нам прикладывала и йодом ссадины и синяки смазывала, «допросил». Я все ему рассказал. И про кино, и про ручку, и про то, как я маму подвел. Смотрю, Васькина мама глаза вытирает. А отец, пока я рассказывал, все по комнате ходил и курил. Потом тихо так говорит:

— Что же, виноват я, выходит, ребята. А вину свою никогда не поздно признать. И вам советую пойти сегодня же к директору школы и все, о чем мы здесь говорили, рассказать. После и я скажу ему свое мнение. Думаю я вот что: правильно и хорошо своего сына Елена Григорьевна воспитывает. А вот мы с матерью насчет Василия маху дали.

Уехал он на завод, а мы с Васькой в школу поплелись. Обсуждали меня потом на сборе пионерского отряда. Директор школы тоже был, только не выступал, а ребят слушал...

Первого мая пригласила меня мама с собой на демонстрацию. Вошли мы во двор завода, а около проходной полукругом большие портреты ударников коммунистического труда стоят. И первый — моей мамы!

Взял я ее за руку и говорю тихо:

— Чуть было не подвел я тебя...

Она улыбается:

— Я все знаю, сынок. Главное, что ты это сам понял...

КАК МЫ БУДЕМ ЖИТЬ

После демонстрации мы не пошли домой, а до самого вечера бродили по городу, ели мороженое, смотрели кино. Когда уже к дому подходили, мама вдруг сказала:

— Я хочу с тобой посоветоваться, Андрей. Вчера дядя Гриша мне предложение сделал — выйти за него замуж. Ты ведь знаешь, давно он нас с тобой любит. Может быть, нам троим вместе легче и лучше жить будет?

Это правда: когда дядя Гриша в командировки уезжает, скучно без него. Он очень хороший друг. Только... а как же быть с нашим папой?

Смотрит на меня мама, волнуется. И снова мне ее жалко стало. Что она, думаю, хуже всех? Почему она должна всю жизнь со мной маяться? Я и на улицу, и в кино, и на стадион, а она то обед готовит, то стирает, то убирает дома. Хватит, теперь все трое поровну будем дома работать.

— Давайте, мам, женитесь,— говорю ей.— А сейчас ты иди домой, а я немного погуляю. Только дай мне, пожалуйста, рубль по секрету.

Взял рубль — и бегом в цветочный магазин. Протянула мне тетя то-о-ненький букетик. А когда я ей сказал, что это маме на свадьбу, она почему-то разохалась и добавила большие красные гвоздики¹⁴.

Р а и с а М А Л Ы Ш Е В А.

ЖЕСТОКОСТЬ

Вопрос Сережки прозвучал как гром среди ясного неба:

— Это правда, что я вам неродной? — мальчишка переводил глаза с отца на мать, во взгляде его было что-то новое, незнакомое, тревожащее.

Со звоном упала на пол и разбилась тарелка: семья заканчивала обедать. Молчание длилось ровно столько, чтобы Николай Иванович и Мария Михайловна Авдеевы оправились от неожиданного удара и приобрели дар речи:

— Что ты за ерунду говоришь, Сергей! — голос отца прозвучал строго, но Сергей, хорошо изучивший каждую его интонацию, уловил еле заметную фальшь.

— Кто тебе такое сказал, сынок? — возмутилась мать, но и ее голос выдал тревогу и боль.

Мальчишка усмехнулся:

— Бабка одна сказала... И что отец у меня есть, и братья, — он торжествующе и мстительно поглядывал на родителей, словно забавляясь их неожиданной растерянностью.

Те что-то сердито выговаривали ему, на этот раз возмущаясь по-настоящему, но Сережка почти не слушал их. Он уже понял, что все сказанное Юркиной бабкой — правда. Он поднялся, и какой-то новой, независимой походкой прошел мимо родителей. Уже с порога крикнул:

— Я на улицу, поиграть.

— А уроки, Сережа?

— Уроки не волк, в лес не убегут! — и скрылся.

В полной растерянности родители смотрели друг на друга. Так вот чем объясняется непонятное Сережкино поведение. Словно подменили парня после каникул, когда он целыми днями пропадал на улице Майское утро со своим приятелем Геней Мишиным.

— Что делать, что теперь делать? — подавленно говорила Мария Михайловна.

Николай Иванович вздохнул:

— Вести себя так, как будто ничего не случилось. Авось обойдется.

Но не обошлось. Сергей вел себя грубо и независимо, дома почти не бывал, разговора с родителями избегал. А тут стали поступать из школы тревожные вести: мальчик уходит с уроков, плохо учится.

Однажды отец подошел к Сережке, когда тот уже был в постели. Широко открытыми глазами смотрел он в потолок, и лицо его, такое родное, знакомое до каждой родинки, было не по-детски серьезным и несчастным.

— Почему ты перестал учиться, сынок? — Николай Иванович присел рядом.

Сын не подвинулся, как прежде, — весь он словно внутренне напрягся.

— Скажи, кто мой отец? — спросил он вдруг.

И Николай Иванович понял: от этого ответа нельзя уйти. Но как сказать подростку о разыгравшейся в его семье трагедии, о том, что его отец стал убийцей матери, а трое мальчишек, в том числе и месячный Сережка, попали в детский дом? Не слишком ли тяжелой окажется эта весть для него? А мальчишка ждал ответа.

— Я эти дни все время по городу ходил. На всех смотрел... Может, узнаю своих. И детский дом, где я был, пробовал узнать. Ничего не помню. Ничего,... — торопливым шепотом заговорил вдруг Сережка.

— Отец твой, Сережа, неважный человек. В детском доме есть расписка, что он отказывается от тебя. Хорошо, я назову тебе его фамилию — Казанцев Иван Дмитриевич, по-моему, он сейчас в Алма-Ате. Но вряд ли тебе стоит к нему идти.

— Нет, я пойду, — упрямо сказал мальчик.

И Николай Иванович понял, что спорить с ним бесполезно.

А еще несколько дней спустя супруги Авдеевы сами повели Сергея к его родному отцу. С болью смотрели, как суетился мальчишка, собирал в чемодан свои пожитки, любимые книги. Словно съезжал с квартиры. Будто и не было одиннадцати лет счастливого безмятежного детства, проведенного в стенах этого дома...

Иван Дмитриевич Казанцев встретил гостей приветливо. Впрочем, он был пьян и находился в том приподнятом, благодушном настроении, когда весь мир хочется назвать родным.

— Значит, ты жив, Сережка? — сказал без удивления. — А я-то уже думал, что не увижу тебя. Слабы был и совсем крошечный. Ну, давай поцелуемся.

Он сграбастал мальчишку, обдавая его запахом сивухи. Сергей брезгливо отстранился.

— Ишь ты! — удивился отец. — Брезгуешь. Родным отцом брезгуешь! — в глазах его мелькнул недобрый огонек.

Но он вспомнил о гостях.

— Спасибо вам за сыночка, хороший парень, я доволен,— обратился он к Авдеевым, подавленно сидевшим в сторонке.— Теперь он будет жить со мной.

Авдеевы ушли, встревоженно оглядываясь на своего сына. Да, сына. Вопреки всему они продолжали считать его своим дорогим мальчишкой, и их беспокоило, что вид у него был сейчас далеко не радостный. Схватить бы его за руку, увести! Но он и не смотрит в их сторону.

В эту ночь супруги Авдеевы долго не ложились спать. День за днем вспоминали все одиннадцать лет жизни Сергея в их доме. Они взяли его трехлетним. Худенький, ослабший, он первый протянул ручонки навстречу незнакомой женщине и сказал радостно:

— Мама!

Супруги еще не знали, кого возьмут, а этот возглас решил все.

Сережка рос болезненным. Он перенес все болезни, что «отпущены» на долю младенцев. Родители радовались его выздоровлению, его смеху, его первым «самостоятельным» словам. Чтобы уделять больше внимания малышу, Мария Михайловна оставила работу. Когда Сережка пошел в первый класс, в доме был праздник.

И вот Сережки нет. Он жив, существует, но вне их дома, вне их забот... И с этим трудно было смириться. Николай Иванович время от времени ездил в школу, куда теперь перешел его бывший сын, и справлялся об учебе. Итоги были неутешительны — Сережка учился плохо.

А месяц спустя Сергей возвратился. Похудевший, заросший, весь какой-то взъерошенный и жалкий. На вопрос, что ему не понравилось у отца, ответил хмуро:

— А чего там хорошего! Они с тетей Зиной (женой Казанцева) только пьют да дерутся.

Но не принесло в дом Авдеевых ожидаемой радости возвращение Сережи. Это был совсем не тот человек, которого они знали, каким пытались вырастить. Казалось, ничего не осталось от прежнего ласкового, доверчивого мальчишки в этом нарочито грубом, упрямом, невыносимо дерзком подростке. Он говорил матери, пытавшейся его урезонить:

— Кто ты такая, чтобы указывать? — и не замечал слез на ее глазах. Он надолго пропадал из дому, бросил школу, избегал встреч с родителями, отвечал дерзостью на их упреки и увещевания. И однажды заявил, что жить у них не собирается, уйдет в детдом. Отец и мать провели еще одну бессонную ночь.

А мальчишка бунтовал. Жизнь круто обошлась с ним, слишком тяжелой оказалась вся эта история для неокрепшей психики подростка, и он мстил за жестокость взрослых, мстил всем без разбору, не в силах разобраться, где правый, где виноватый.

Забегая вперед, скажу, что сейчас усилиями многих людей Сергей возвращен в школу, сдал экзамены, несколько ровнее стало его отношение к приемным родителям. И о детском доме почти не вспоминает. Но... пока еще рано успокаиваться.

Итак, в судьбе Авдеева, четырнадцатилетнего подростка, самым причудливым образом сплелись добро и зло, нежность и жестокость. Будем надеяться, что добро победит, ведь его все-таки на Сережкином пути встретилось больше.

Однако вернемся к началу этой истории, к тому, что послужило причиной стольких бед для дружной семьи Авдеевых. Право усыновления у нас оберегается законом. Ничего нет гуманнее, чем дать ребенку, волей судьбы потерявшему родителей, семейный кров, заботу и ласку. Конечно, придет время, и человек узнает все. И каким же надо быть жестоким, чтобы бросить камень в эту семью, лишить ребенка и родителей обретенной радости. Этим человеком оказалась Елизавета Викторовна Ежова, пожилая и много пережившая на своем веку женщина. Это она, разозлившись на расшалившегося мальчишку, кинула ему необдуманные слова: «Приемыш ты! Нет у Авдеевых своих детей!» Крикнула и не заметила, как побледнело, каким затравленным стало вдруг лицо мальчишки. Некогда ей было разбираться в таких тонкостях.

— Зачем же вы так! — спрашивали ее потом люди.

— Он мне, паршивец, стекло разбил! — ответила Богомольная женщина.

Вот, стало быть, как: ты мне — стекло, а я тебе — всю жизнь. Знай, как наших трогать!

Закон строго карает хулиганов, клеветников. А вот к людям, разглашающим тайны усыновления, он неоправданно мягок. Жаль. Ведь зло от таких ничуть не меньше, чем от хулиганов.

М. ВОРОТЫНОВА.

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

В одной школе после урока домоводства, на котором учащиеся упражнялись в сервировке обеденного стола, учительница предложила ребятам написать сочинение на тему: «Как мы обедаем дома».

Работы, естественно, получились разные. Но только в одной учительница нашла то, что искала. В этом сочинении девочка рассказывала, что обедают они в семье все вместе: мать, отец, бабушка и она. В остальных же семьях, как было видно из искренних ребячьих строчек, все получалось как-то колом-ломом. Обедали кто когда, второпях и вразброд, не собирались вместе за обеденным столом даже в выходные дни. Многие ребята сообщали, что им дома дают деньги и они обедают в школьном буфете или ближайшей столовой. А одна школьница написала: «Моя мама приходит с работы всегда сердитая и злая. На всех накричит, сама ничего не успевает поесть и другим аппетит испортит. Мама всегда спешит, потому что всегда занята».

Жизнь наша теперь и впрямь несравнимо усложнилась и ускорилась по сравнению с тем, что было еще несколько десятков лет назад. Нет той размеренности в домашнем быту и той известной отдаленности его от общественной жизни, какая была раньше. Причиной тому — рост общественных интересов и занятости людей, а также огромное развитие технических средств культуры (радио, телевидение, печать, кино, магнитофоны и т. д.), которые тесно связывают семью с кипучей жизнью общества. Все это по-своему сказывается на семейном воспитании: с одной стороны, обогащает его, а с другой... дезорганизует.

Как же сохранить воспитательные влияния семьи, родителей перед лицом внесемейных воздействий?

Единственный путь — повышать организованность и культуру семьи, насаждать и укреплять в ней определенные традиции. Беда в том, что решение этих важных вопросов мы, родители, часто пускаем на самотек, не придавая значения.

В самом деле, многим из нас кажется необязательным и несущественным требование — собираться всем вместе за обеденным столом. Не выходит — ну, и не стоит беспокоиться. Важно, мол, чтобы дети пообедали, а где и как — не столь существенно. Вот и получается так, как описали сами дети в своих сочинениях.

Не секрет, что во многих семьях, живущих в достатке, лишь по большим семейным торжествам, или при приеме гостей используется хорошая посуда, скатерти, а в остальное время все лежит под замком. В иных семьях квартира превращается в своеобразную «выставку», где ничего нельзя трогать, нигде нельзя свободно расположиться, а сами члены семьи ютятся на кухне, по углам, чтобы не испортить общего вида.

Но вернусь к семейным обедам. В некоторых семьях, даже устраивая их, порой обособляют детей от взрослых. Обычно это оправдывают тем (особенно, если приглашены гости), что взрослые могут позволить себе распить бутылку вина, а детям на то до поры до времени глядеть не полагается. Но ведь запретный плод сладок, и он становится еще соблазнительней, когда запретность внешне подчеркивается. Между тем дети вполне могут сидеть за одним столом со взрослыми, пить свой морс, квас или другой напиток, не интересуясь напитками взрослых.

В моей семье вот уже в течение ряда лет существует традиция общего праздничного стола в выходной день (детей у нас трое: младший сын сейчас учится во втором классе, средняя дочь — в четвертом, старшая — заканчивает восьмой). По сути, праздничный стол ничем особенным — в отношении продуктов и способов приготовления пищи — не отличается от будничного. Его особенность, так сказать, в морально-эстетической, воспитательной стороне подготовки. И дети всегда ждут воскресного обеда как праздника. Они знают, что без спешки все соберутся к назначенному часу за столом, что накрыт он будет по-особому, к нему обязательно будет вкусный напиток и несколько закусок.

Сервируют стол обычно сами ребята по очереди, иногда даже спорят, кому быть очередным «дежурным». В подготовку стола вкладывают немалую увлеченность и старание, не поленятся лишний раз сбегать в магазин, проявляют инициативу и изобретательность, когда приходится заменить один продукт другим, и т. д. Все это настолько вошло в привычку, что ее уже трудно стало нарушать.

Сами по себе, конечно, праздничный стол и обед — лишь внешняя сторона дела. Суть же в самой подготовке, которая организует ребят, воспитывает уважение к мелочам быта, приучает помогать старшим в домашних делах и в конечном счете формирует ценные навыки и привычки, которые понадобятся нашим детям в их будущей семейной жизни.

Но самое важное, пожалуй, то, что за праздничным столом дети и взрослые в живом общении делятся своими радостями и заботами, огорчениями и удачами. Часто разговор заходит о школьных делах ребят, выявляются их успехи и подвергаются осуждению их промахи или шалости. Словом, праздничный стол становится одновременно семейным советом, на котором разрешаются многие вопросы, начиная с пользования носовым платком и кончая большими нравственными проблемами.

И еще об одной семейной традиции хочется рассказать. Из биографий выдающихся деятелей культуры, искусства мы часто узнаем, что в их семьях в детские годы устраивались или домашние театры, или издавались рукописные журналы, или придумывалось еще что-нибудь большое, увлекательное, что оставляло яркий след в ребячьей жизни. И подчас создается иллюзия, будто такое возможно лишь в семье будущего гения. Но ведь никто наперед не знает, в какой семье он растет. На самом деле во многих культурных, хороших семьях организуют свои домашние театры, издают рукописные журналы или газеты, придумывают другие увлекательные затеи.

У нас дети к каждому большому празднику, начиная с Нового года и до октябрьских торжеств, а также к дням рождения членов семьи устраивают домашние концерты художественной самодеятельности. Программы разнообразные: и чтение стихов, и музыка, и скет-

чи. Вспоминаю недавний такой концерт. Дочь Лена (она второй год учится играть на пианино) с помощью подруг и брата подготовила большую программу: сольные музыкальные номера, песни, декламацию. Выступления длились больше часа, и никому не надоело: ни исполнителям, ни слушателям.

Хорошая семья немислима без своих традиций. Я стою за возрождение многих интересных семейных традиций, за создание новых, отражающих дух современной советской семьи ¹⁵.

В. АНАНИН.

ТАК НЕПРОСТО...

В первый раз я побрился где-то в начале восьмого класса. Днем, когда дома никого не было, я стащил отцовский бритвенный прибор. Отец говорил, что там какие-то особенные английские (или шведские) лезвия. Бритву собрать было легко. Затем я вскипятил воду, налил в стаканчик, выдавил на кисточку мыльный крем, намылился и... соскоблил пушок на лице.

При этом я забрызгал мылом пол в ванной. Пришлось его помыть.

Наутро отец сказал: «Кто-то брал мою бритву. Я не так ее складываю».

Но меня не заподозрили, так как после бритья моя внешность совсем не изменилась. Через полгода отец подарил мне электробритву «Харьков» а сам по-прежнему брился своими английскими (или шведскими) лезвиями высшего качества. Но когда он очень спешил, он просил у меня электробритву.

Впервые я пригласил девушку в театр примерно в то же время, когда побрился. Мне очень хотелось быть с Ирой чуть больше времени, чем отпускатось школьным расписанием. У меня родилась идея пригласить ее в театр. Я даже подумал, что это именно я впервые открыл такой способ укрепления дружбы между мальчиком и девочкой.

Встретились мы там, где договорились,— у памятника изобретателям первого в мире паровоза. Дальше все было чинно и благородно.

Как и полагается вести себя в таком случае воспитанным молодым людям, мы гуляли с Ирой в антракте по фойе под руку, обсуждали спектакль. Как вдруг я увидел, что к нам приближается бабушка Ирины.

Ее прислали присмотреть за Ирой. На всякий случай.

Я, конечно, поздоровался, а бабушка заговорила о чем-то домашнем.

Потом мы с Ирой весь спектакль молчали, в антрактах гуляли врозь, а в конце я сунул Ире номерок и убежал в раздевалку.

Не разговаривали мы друг с другом примерно месяц...

Впервые я ушел из дому в девятом классе. Конечно, я не насовсем ушел, а просто захлопнул дверь, не сказав, куда иду и когда вернусь.

Все получилось из-за того, что мама плохо сказала о девочке, с которой я тогда дружил.

Я вышел из дому и сразу понял, куда идти дальше и что дальше делать. И скоро оказался на городском бульваре.

Знакомых я нашел быстро. Взяли вина и пошли к одному, у которого брат был в отъезде, квартира свободная. Все там было хорошо. Только на закуску была всего одна банка сгущенного кофе. Я его поставил себе и почти всю банку съел и вина выпил тоже, хотя, честно говоря, оно мне и не понравилось.

Мы опять вернулись на бульвар погулять. Я много говорил, даже залез на скамейку и сказал небольшую речь о том, что родители не понимают детей...

Мой отец нашел меня где-то в первом часу ночи на бульваре и сказал:

— Пошли домой.

— Не пойду, погуляю еще.

— Пойдем!

Когда голос отца повышается до определенного уровня, это значит — надо идти.

Отец шел впереди, я — за ним, и всю дорогу и потом, дома мы не сказали друг другу ни слова ¹⁶.

В о л о д я К А Ш И Н

вас
вызывают
в школу

5

ЧТО ОНИ ЧУВСТВУЮТ!

Однажды вечером довелось мне быть свидетелем недолгого, мимолетного эпизода, который, однако, заставил о многом задуматься.

Стайка ребятишек играла у дома. В конце улицы показалась женщина, вглядывавшаяся в номерные знаки.

— Эй, Серега, твоя классная идет!

Гомон смолк.

— Побегу, встречу: к нам домой, наверно, — с досадой произнес Сергей и пошел навстречу учительнице. Все остальные помрачнели.

Больше всего меня поразила именно эта реакция, настороженная, недружелюбная. Странной она показалась и неожиданной. Что это — обычная ребячья солидарность или нечто большее? Правило это или исключение? Всегда ли появление классного руководителя в семье вызывает тревогу у детей, всегда ли кажется непредвиденным, внезапным, неприятным?

На эту деликатную тему я решил поговорить одновременно со многими школьниками. Несколько шестым и седьмым классам кустанайских школ предложили сочинение «Ко мне пришел классный руководитель».

Впечатления ребят одного из классов ничем не напоминали мне о том эпизоде. «Он первый, кто пришел ко мне на помощь, не оставил без внимания». «Большое спасибо Андрею Васильевичу за его чуткость и внимание». Слова благодарности здесь звучат чаще всего. Ученики хорошо чувствуют, с каким настроением приходит их воспитатель, с какой целью. Бесхитростные строки удивительно точно вскрывают педагогиче-

ский метод, нравственную позицию учителя. И доказывают, кстати, что позиция учителя — педагогически верная и высоконравственная. «Приходит — просто поговорить обо мне, о моих делах, иногда об успеваемости». «Потом мы стали пить чай. Мама расспросила классного руководителя, как я учусь и как сижу на уроках. Андрей Васильевич спросил, не нуждаюсь ли я в помощи. Он сказал, что я хороший коллекционер».

У этого классного руководителя не заметно никакой предвзятости, он доброжелателен и подчас искренне любопытен до любой мелочи мальчишеского мира. С ним с удовольствием беседуют, делятся наболевшим не только дети, но и родители. И в школе, и дома у ребят он неизменно одинаков — добродушен с виду, разговорчив и весел. До чего точны дети в оценке взрослых вообще и учителей в частности. Как ошибаемся мы, считая их легкомысленными, непонятливыми.

Сочинения показали и другое: отношения педагога с детьми — это прежде всего отношения человеческие, и они измеряются высшей нравственной мерой. Влияние педагога — это влияние человека, хорошего или плохого. А ведь порой мудреные слова, термины, глубокомысленные суждения о «подходе», «о приемах» скрывают эту очевидную истину.

«...Я хотел пойти в вечернюю школу и работать. Но он мне разъяснил, что так будет очень трудно, и я решил учиться в средней школе до конца. С этого дня я понял, как трудно быть учителем». Внешне здесь как будто все просто: поговорил, поубеждал — и ученик последовал мудрому совету. А на самом деле? Каждый из нас хорошо себе представляет, какой труд надо вложить, чтобы переубедить мальчишку, если он что-то решил изменить в своей жизни!

«Так началась наша дружба с моим преподавателем», — слова эти мне кажутся особенно значительными. Что может быть дороже такого признания? Ребенок признал своим другом взрослого. Не многие из нас могут сказать о себе, что и они добились столь высокой оценки.

К сожалению, сочинения других классов возвращали меня к ощущениям, пережитым во время случайной сцены у чужого дома. Бесхитростно, не вдаваясь особенно в значение слов, многие пишут о чув-

стве тревоги, озабоченности, которое возникает в ожидании прихода классного руководителя.

«Я сидел, делал уроки и каждую минуту смотрел в окно», — говорит один. Ему вторит другой: «Хотя ничего такого не было, все равно было страшно. Если пришел учитель, значит неспроста».

Не получил двойку, не опоздал, не ударил, не уронил и все же: будет худо, если классный идет домой. Быть может, именно сегодня он появится с добрым словом, но кто знает, как догадаться об этом, если до того в течение шести лет у ребенка складывалось иное представление.

«Она пришла потому, что я начал баловаться». «...Она говорила, что я недобросовестно отношусь к занятиям». «...Я покраснел, но речь шла не об учебе, а о поведении». «Я побледнел. Боялся, что будет говорить моей маме, что я плохо веду себя на уроках и получаю плохие оценки».

Эмоции переданы точно, по-детски непосредственно. «...Я возвращался от друга. День был прекрасный. Ярко светило солнце, на ветках деревьев лежал снег. Когда я пришел домой, то услышал за дверью голос классного руководителя. Я хотел было удрать, но тут вышла мама. И мне пришлось с ней войти в комнату. Мое настроение сразу испортилось. Классный руководитель говорил, что я стал хуже учиться. Я почти ничего не слышал и стоял ни жив ни мертв. Вскоре классный руководитель ушел. Я облегченно вздохнул».

«Испугался», «пропал», «заплакал», — увы, такие слова попадались в сочинениях слишком уж часто. Должно быть, не все учителя задумываются над педагогическими и психологическими последствиями своих посещений. Им важно одно: плохо ведет себя ученик в школе, на получал двоек — пусть родители берут в руки свое чадо.

Страх никогда не был союзником нашей воспитательной системы. Он чаще разрушает педагогические усилия, враждебно настраивает ребенка. И что, пожалуй, самое худшее — учит детей приспосабливаться, хитрить, изворачиваться. Это совершенно очевидная истина.

Учитель, прежде чем таковым стать, несколько лет изучает на студенческой скамье педагогику. Не впу-

стю ли потрачены годы, если не возникло естественного желания каждый свой шаг сверять с возможной реакцией ребенка? Не являются ли всякого рода крутые меры (к «трудным», в частности) неосознанным стремлением вообще уйти от всякой ответственности за свои педагогические решения?

Впрочем, иногда некоторый эффект бывает и от таких посещений. «Мне не хотелось, чтобы классный руководитель пришел еще раз, и я решил всегда учить уроки». Только мало радости в подобном признании.

Как правило, «устрашающее» посещение влечет за собой крупные неприятности.

«Вечером, когда я зашел домой после игры на улице, мне дали хорошую взбучку. Надежда Васильевна приходила еще несколько раз, и все начиналось сначала... Потом мама стала меня ругать, что плохо я веду себя на уроках и получаю плохие оценки».

«Ну, конечно, меня маленько поругали и все прошло». Последнее признание примечательно по-своему. От него веет откровенным равнодушием. Поругали — ну и что из того?

Конечно, нельзя считать, что к таким методам прибегают откровенно слабые или душевно черствые учителя. У нас в практике вообще слабо разработана методика работы классного руководителя с родителями и детьми в домашних условиях. К кому идти в первую очередь? Зачем идти? О чем говорить? Может, к кому-то и совсем не надо заходить? Множество вопросов. На них надо обязательно найти правильный ответ. Где он?

Судя по содержанию сочинений, у большинства ребят классные руководители дома не были на протяжении нескольких лет. Причина: главное внимание — на отстающих и тех, кто плохо ведет себя. И тоже ошибка. Если бы все педагоги знали, какая у ребят тяга к общению со взрослыми, как они мечтают о настоящей дружбе с хорошим и умным человеком! И не в официальной обстановке, а в интимной, незаметной для постороннего глаза.

«Ко мне за шесть лет не приходил классный руководитель. Но я думаю, что если придет, то я бы встретила хорошо. Я бы подала стул. Меня спросили бы, могу ли я хорошо учиться. Я, конечно, могу, но очень

ленюсь. Но бывает и так, что хочешь получить хорошую оценку, а получается наоборот».

Таких высказываний — единицы. Но не в количестве суть. Если бы все классные руководители поняли хорошо внутренний мир ребенка, его поиски добра, отвлечения ко злу, ко всему, что портит отношения между людьми, они по-иному бы взглянули на свою обязанность посещать квартиры.

Ю. КОВЕШНИКОВ.

Я ТОЖЕ УЧУСЬ

Впервые я вошла в класс учительницей пять лет назад в целинном совхозе Ново-Никольский.

Заведующий районо сам отвез нас — двух выпускников университета в совхоз. Наверное, все необходимые и полезные советы и наставления мы выслушали от него в дороге. И всю нужную для первых уроков литературу нашли в школьной библиотеке.

Но с каким волнением я переступила порог класса...

Тридцать восемь пар глаз — и все на тебя.

Я знаю: уже сейчас, в эту минуту, сравнивают меня со своей бывшей классной. Конечно, им же со мной жить, со мной вести счет удачам и неудачам каждого и всех вместе. Конечно, нам надо подружиться. Уже теперь они и примериваются: подружимся ли?

И я о том думаю. Все знаю о прежней их учительнице. Очень требовательная, очень строгая, суровая даже. Я, конечно, не такая. Подражать? Или, наоборот, постараться сразу расположить добротой, товарищеским тоном?

Смотрю на них и вижу на лицах спокойную серьезность. И тут же теряюсь совсем: как к ним обращаться — на «ты» или на «вы»?

Такие ли уж они дети, эти восьмиклассники?

На перемене поскорее спрашиваю совета у «взрослых» учителей. Они смеются: «Не хватало бы еще Хивронины звать на «вы».

Хивронин — это самый маленький, низкорослый в классе мальчик. Очень вдумчивый, очень самостоятельный в суждениях, как я узнала потом.

День за днем открывался мне в каждом из них человек «на свой манер», на свое лицо...

Некоторые из них даже поезда не видели. Родились и росли на целине. Интерес ко всему новому, ко всякому знанию у моих ребят был живейший.

А вот на последней парте почти постоянно «спал» Егоркин. Я применила все известные педагогической науке способы, чтобы активизировать его. Подходила, чаще, чем других, беспокоила вопросами. Но он только раздражался и однажды нагрубил. Я не выдержала и повысила голос.

— Встань! — категорически потребовала я. (Не встал).

— Выйди из класса! (Сидит).

— Если ты не выйдешь, мне придется выйти.

Из класса вышла я...

Я плакала в учительской, плакала в кабинете директора. «Да, он такой, Егоркин», — сочувственно говорил директор. Егоркина позвали, потребовали, чтобы он извинился перед учительницей. Но он не стал извиняться.

У него, мне сказали, была очень неблагополучная семья. Угнетенный, подавленный, он замыкался и старался и среди людей оставаться наедине сам с собой.

А мне даже в класс не хотелось заходить долгое время. Но что поделаешь, нам с ребятами надо было продолжать все наши дела, жизнь их и моя были неразделимы.

Егоркин наблюдал за нами. В чем-то принимал участие. Я не обращала на него никакого особого внимания, не «воспитывала».

Однажды он подвел всех нас, не пришел на школьный вечер, к которому ребята поручили ему подготовить беседу. И вдруг на другой день он подошел ко мне и извинился. Извинился перед ребятами. Оказалось, что он на самом деле в тот вечер никак не мог быть в школе. И на удивление нам сказал, что очень хочет провести беседу, потому что старался к ней хорошо подготовиться.

День за днем мы узнавали потом в Егоркине человека любознательного и с твердым характером...

Был у нас Шевкунов, ужасно несобранный и неаккуратный. Воздействовали на него даже таким обра-

зом: девочки, пока его нет в классе, обвернут все его учебники, аккуратно подпишут тетради, сделают записи в дневнике.

Но Володя оставался таким, каким и был. Несобранным и... очень добросовестным, увлекающимся. Ребята его любили. Возле них я как будто заново училась оценивать человека не по одной только, пусть даже и самой бросающейся в глаза черте.

Пять лет — это, правда же, небольшой срок, чтобы можно было забыть тех учеников, с кем встречалась изо дня в день, из урока в урок. Но если сотни дней, тысячи уроков отодвинули те, первые, в прошлое, которое кажется теперь очень далеким?

И все-таки я помню первых своих учеников. Почти каждый из них значится в моей памяти как большое или маленькое открытие: характеров, интересов, душевных качеств и связанных с ними педагогических истин, о которых не читала раньше в учебниках.

Володя Баратов слыл у нас в классе умником. Он был действительно знающим, начитанным мальчиком. Но немного высокомерным.

И вот вспоминаю я один урок. Может быть, один из самых памятных в моей жизни. В сельской школе не хватало учителей, и мне, литератору, приходилось вести в восьмом классе еще и уроки истории. И вот к одному из них я в страшной текучке дел подготовиться не успела. Как раз вся тема была малознакома мне — огрехи студенческой учебы! Готовиться к уроку надо было очень основательно, а у меня не хватало времени.

На урок пришел директор. От этого я чувствовала себя совсем неуверенно.

Мне оставался только бесславный пересказ текста из учебника. Прежде чем начать его, я задала ребятам вводные вопросы по теме...

И вот Володя, всегда чуточку надменный и отчужденный Володя, каким-то образом угадав мое состояние, встал и попросил разрешения рассказать новый материал урока, потому что он читал по этой теме много дополнительной литературы. Я не знаю, чему я больше радовалась тогда: тому, что Володя «спас» меня, или тому, что спасен был урок, который получился очень интересным.

Сегодня я отчетливее всего помню Володю Баратова на этом уроке истории — серьезного, умного, интересного и деликатного человека.

Однажды я предложила своим ребятам написать сочинение об учителе. Это вызвало возражение у моих коллег. Но разговор состоялся. И многое открыл нам в наших учениках.

Хивронин писал о школьном учителе физкультуры. Главное, что останавливало внимание мальчика на личности учителя, — его духовное влияние на учеников. Каждый урок, на котором «всего-навсего» отрабатывались бег, прыжки, броски, был для Хивронина временем дорогого общения с чутким, внимательным, душевно щедрым человеком, который не просто «работает» в школе, а заинтересованно живет одной с ребятами жизнью.

Хивронин был у нас в школе «известным» математиком и большим любимцем учительницы, которая вела в школе этот предмет. А он вот что написал о ней: «Мария Ивановна дает нам хорошие знания по математике, она знает и любит свой предмет. Но она не любит нас, вернее — ей безразлично, что там еще есть в нашей жизни, кроме математики. Даже когда она строго отчитывает нас за какие-то нарушения, она может рассеянно смотреть в окно и думать о чем-то своем. Наши шалости и ошибки мешают ее работе — и только».

Вот вам и маленький Хивронин...

В каждом пятерочнике, троечнике и двоечнике увидеть, распознать особенную личность — эту науку я проходила в первый год своей работы в Ново-Никольском. Эта наука до сих пор остается для меня самой трудной и самой важной.

Однажды я зачитывала ребятам четвертные отметки по литературе. Встал мальчик и сказал: «Я не согласен с тройкой, я заслуживаю лучшей оценки».

«Ты заслуживаешь то, что я поставила тебе», — строго возразила я. А потом шла домой и думала: «Что я знаю, помню о нем, кроме двух действительно сбивчивых ответов на уроке? Может быть, волновался, может быть, случайно не был готов... Почему я так резко оборвала его?».

Мы познакомились потом, разумеется, гораздо

лучше. Это был очень пытливый ученик, начитанный гораздо шире программных пределов. Понимающий литературу, думающий о ней.

За какую-то провинность один учитель однажды сердито и резко бросил ему в лицо: «Ты, наверное, собираешься идти по стопам своего брата!»

А брат отбывал наказание в заключении.

Юноша не простил оскорбления.

Его разбирали на педсовете, он держался сдержанно и спокойно. После обсуждения его мы, учителя, «обсуждали» самих себя. Каждый ученик может и должен иметь свое собственное мнение не только об окружающих, но и о самом себе. И слава богу, если он его имеет! Надо учить ребят дорожить им. И, конечно же, нам, взрослым, следует относиться к этому мнению внимательно и с уважением.

...В этом году у меня в классе совсем маленькие дети. Они еще не оставили повадок начальной школы, спрашивают и отвечают хором, ходят после уроков за мной следом, жалуются, плачутся.

У них совсем простые заботы и такие же простые радости.

«Вера Константиновна, посмотрите, какой я богатый,— весело кричит мне Айдар, когда я вхожу в класс.— Меня записали в секцию акробатики. Хотите посмотреть, как я делаю стойку?».

Айдар необыкновенно активный мальчик и немножко хвастунишка — это от огромного желания быть хорошим, красивым, храбрым, как герои жадно читаемых им книг.

Как будто бы прямая противоположность ему — Алик. Робкий, тихий, неуверенный. Но стоит кого-то похвалить, как он взволнованно спрашивает: «А я?». Дашь кому-то поручение, он тут же забеспокоится: «А мне?».

Мы готовились к празднику и раздавали ребятам стихи из литературной композиции. Пионервожатая знала, что чтец из Алика никакой, потому что голос у него тихий и неуверенный. И он это знал, и очень переживал, что ему не придется читать стихи со сцены, как другим ребятам.

Чутко, настороженно он следит, как относятся к нему взрослые и его товарищи. Не считаться с этим

нельзя. Мы дали Алику стихи, и он декламировал их так громко и отчетливо, как только смог.

Нурик, читающий книги о разведчиках и с радостью принявшийся за изучение иностранного языка...

Катя — очень маленькая, очень старательная девочка... Учится блестяще. Но такая тихая. Почему? Что кроется за этой сдержанностью, замкнутостью? Какие особенности личности намечены в этом? Их стоит поддерживать, беречь, или предстоит нелегкое преодоление недостатков, которые я пока не смогла угадать?

Впереди у нас много дней. Мы будем идти по ним вместе с моими ребятами. Они наполнены важными и неважными делами, радостями и печалью, открытиями и повторениями — дни нашей жизни.

Для меня эти дни — как страницы огромного учебника человековедения, по которому я учусь.

В. К А М Ш И Л И Н А.

О ПРИРОДЕ, РОМАНТИКАХ И ВОСПИТАНИИ

Вспоминаю совсем недавнее: весенние каникулы мои десятиклассники решили провести за городом. Уже были куплены все продукты, приготовлены палатки и спальные мешки. Запасли даже... дрова. И тут пошел дождь. Нудный, холодный, совсем не весенний.

Назавтра я пошел в школу раньше назначенного времени, без рюкзака. Хотел сказать ребятам, что поход не состоится. Комсорг класса Андрей Величко встретился мне по дороге в школу. Он тоже приехал без вещей, посоветоваться, что делать. «У нас там, в горах, даже выпал снег, ехать при такой погоде никто не согласится». С этими сомнениями мы зашли во двор школы. Но к нашему удивлению, все двадцать романтиков из 10 «а» были в сборе. Кричат: «Поехали!».

«А не отложить ли нам поход?» — обратился я к ребятам.

Не тут-то было: никто из собравшихся и не думал оставаться в городе. Тогда я вспомнил, что недалеко от озера Каскеленского зерносовхоза, где мы хотели

разбить лагерь, находится наша подшефная сельская школа имени Гагарина. В случае нужды мы могли рассчитывать на приют. «Нет, нет! Этого мы не хотим!» — мои романтики хотели жить только в палатках и ночевать в спальных мешках при любой погоде. Меня это обрадовало. Большинство ребят я знал по прошлым походам — не испугаются.

Как только прибыл автобус шефов из геофизической экспедиции, мы отправились в путь. Подъехали к озеру, вышли из автобуса и пошли вдоль берега в поисках удобного места для лагеря. Вот она, ровная площадка. Мои путешественники быстро и умело разбили пять палаток. В шестидесяти километрах от нас над Алма-Атой и снежными горами виднелись тучи, а над нами было голубое небо, светило яркое солнце. Термометр показывал 18 градусов тепла. Дежурные Ольга Штро, Люда Огаркова, Андрей Величко и Иосиф Ангелигер приготовили обед. Первый день прошел быстро. Одни играли в ручной мяч, другие — в бадминтон, третьи — сидели на озере с удочками, как замороженные. Потом до поздней ночи сидели у костра, рассказывали веселые истории, пели песни.

Ночь была холодная — 3—4 градуса мороза. Выручили добротные палатки, спальные мешки и закалка. Простуженных наутро не оказалось. Второй день выдался хороший, теплый, безветренный. Двое самых закаленных «моржей» решили искупаться. Три раза в сутки готовили сытную еду, дежурили по очереди. На ужин была долгожданная уха.

Третий день стал своеобразным экзаменом. С самого утра подул сильный холодный ветер. Костер перенесли в ущелье. Здесь было тихо и тепло. Я осторожно стал уговаривать своих юных друзей, что было бы гораздо разумнее здесь больше не ночевать, а перебраться в подшефную школу, чтобы переждать непогоду. Но об этом и слушать не хотели. «Все переживем!», «Если уж романтика, так до конца». И действительно, непогода как будто уступила упрямству и настойчивости ребят. К вечеру стало тихо и тепло.

Прощальный костер горел за полночь. Никто не думал спать. Кто-то вспомнил о запланированном диспуте «О дружбе и любви». «Давайте поговорим об этом здесь, у костра!» Мнений на эту тему было выска-

зано множество. Противоречивых, ошибочных, правильных — всяких...

И лишь тогда, когда погас костер и была съедена последняя печеная картошка, мои мечтатели отправились в свои палатки и спальные мешки с тревожными, не до конца понятыми представлениями о любви. И я в эту холодную весеннюю ночь был по-настоящему, юношески счастлив. Мне подумалось, что мои питомцы стали совсем взрослыми. Несколько самостоятельно прожитых дней показали, что хлюпиков среди них нет. Правда, им, конечно, не хватает еще жизненного опыта. Да ведь это не беда! На то ведь есть мы, взрослые, чтобы помочь разобраться в трудные минуты.

Этот поход обнаружил и небольшие изъяны в характерах некоторых моих десятиклассников. О них в обычной школьной жизни не узнаешь. Кто-то пробовал сквернословить, у двух-трех мальчиков обнаружилась склонность... к спиртным напиткам. Но даже не потребовалось мое вмешательство. Их же сверстники прямо и сурово выговорили им. И это радовало!

Воспитание через коллектив, самовоспитание. Что может быть ценнее? Приходится только сожалеть, что порой много говорят о проблемах воспитания там, где надо действовать. Действовать всем: и педагогам, и родителям. Ведь у большинства родителей теперь два выходных. Если их использовать для настоящего, разумного отдыха, можно предотвратить многие неблагоприятные поступки подростков. Совместные походы, беседы у костра, просмотры кинофильмов с обсуждением, как правило, плодотворно влияют на них. И это влияние будет тем сильнее, чем крепче духовные контакты между родителями и детьми, педагогами и учениками.

У нас же часто бывает так, что планы на период каникул мы составляем красивые, но для их осуществления не хватает подчас желания и действенной помощи самих родителей.

Э. ГЕРИНГ,
учитель Алма-Атинской
школы № 37.

БЫТЬ, А НЕ КАЗАТЬСЯ!

Открыв 706-ю московскую школу, я не открыла Америки. Ее адрес мне дали в гороно, сказав, что она интересна техническими средствами обучения. Действительно, здесь есть кабинет, носящий пока еще необычное для школы название — кабинет программированного обучения — с пультом и обучающими машинами. Здесь уроки телевидения включены в программу, здесь есть фонотека и диатека, здесь прекрасный лингафонный кабинет, здесь... Впрочем нет смысла перечислять, что есть еще в 706-й школе, потому что это не главное.

Сколько встречается еще таких школ, где на первый взгляд есть все: и учителя квалифицированные, и кабинеты прекрасно оборудованы, и паркет блестит, и походы «по следам..» проводятся, а школа не становится школой, потому что нет у нее той сердцевинки, которая не всегда сразу осязаема, не бросается в глаза в первый миг, как натертый паркет и прекрасные стены, нет того, что можно назвать духом школы, ее истинным содержанием. И именно поэтому я оставляю в стороне и гордость 706-й. Мне кажется, все эти новшества ценны тем, что они не основное, а производное того своеобразного и прелестного стиля жизни, который делает ее настоящей школой. Специфика не сразу бросается в глаза.

С первого взгляда все школы похожи друг на друга. Пятиклассники шумны и драчливы, десятиклассники солидны, девчонки шушукаются на переменах, дежурные умоляют выйти из класса. Только потом начинают выплывать детали, отличающие каждую школу и определяющие ее тон и ее собственную атмосферу жизни.

В буфете 706-й очередь. Трое мальчишек врываются туда так, словно в школе пожар. Стоящий в очереди учитель математики и физики Владимир Исаакович Каган не кричит: «Почему вы так себя ведете?» Он с интересом смотрит на ребят, понимая, что просто так солидный народ — девятиклассники из математического класса бегать не будут. И он не ошибся. Оказывается, ребята нашли пример, в котором альфа и бета делают что-то совсем не то. Владимир Исаакович

бросает очередь, и они вчетвером одинаково увлеченно решают уравнение.

А потом учитель говорит:

— Пусть вас не огорчает то, что вы сразу не поняли. Это закономерно...

На четвертом этаже в перемену группа десятиклассников ожесточенно спорит, правильно ли доказана теорема. А из другого класса дежурный пытается выпроводить ребят, а потом сам громоздится на парту, чтобы увидеть задачник, в котором особо сложные «пятерочные» задачи. Они в этой школе распространены. Не решишь — ничего не получаешь, решишь — пять.

Я была на уроке, где ученик вел с учителем теоретический спор. Ученик называл цифры, а учитель, постукивая мелом по доске, выводил формулу. Он сказал:

— Я предполагаю, что ты заблуждаешься. Но давай подумаем вместе. Может быть, ты и прав.

Меня поразило, что ученик, называя доводы в подтверждение своей мысли, сидел. Ну, конечно, же, есть смысл в том, чтобы ученики, разговаривая с учителями, вставали. Это вообще одно из правил вежливости: младший должен разговаривать со старшим стоя. Но они оба в этот момент просто-напросто об этом забыли. Это была уже не простейшая схема — учитель рассказывает, ученики усваивают. На этом уроке вырабатывалось нечто большее, чем отличное знание математики. Вырабатывалось уважение к чужим мыслям, умение аргументированно доказывать, воспитывалась любовь к поиску истины...

То, что наша школа, несмотря на все перестройки, которые все еще продолжают ее потрясать, дает высокий уровень знаний — этот факт мы признали вторыми. Первыми его признали за границей. Но сегодня нам уже этого мало. Сегодня от школы требуется не просто научить, а научить думать самостоятельно, воспитать жажду знаний, иногда никакого отношения к получению высшего образования не имеющую. Но все это невозможно сделать, если школа только добросовестно спрашивает и объясняет, излагает и контролирует. Мы не можем требовать от учеников того, чем сами не живем, не владеем. Нельзя воспитать новатор-

ство и творчество, не будучи новатором и творцом самому.

Когда я спросила у директора школы Александра Ивановича Серова, что за учителя здесь работают, он стал рассказывать так, словно речь шла не о рядовых преподавателях средней школы, а о крупных ученых. Он оперировал такими понятиями, которые обычно не бытуют в школьном языке: крупный теоретик... блестящий практик, но и в теории силен... явление в физике... она специалист по советской поэзии...

Я была на уроке, где Наум Борисович Кофман рассказывал об открытии атомного ядра. По ходу действия он чертил схемы и объяснял. Но он рассказывал не историю открытия. Это был криминальный роман, увлекательный детектив, интереснейшая история, в которой действовали старые и добрые знакомые Наума Борисовича — гениальный Резерфорд, обстоятельный Нильс Бор, Мария Склодовская-Кюри, «чей ум, — как сказал учитель, — равнялся ее женскому обаянию». Класс ахал, вздыхал и улыбался.

Прозвенел звонок, и я спросила сидящего рядом рыжего парня с умными глазами:

— Урок понравился?

Парень ответил с достоинством человека, привыкшего каждый день бывать на премьерах:

— Нормальный урок.

Потом я пошла еще на один урок по математике. Он был проведен с филигранной точностью, блеском и легкостью. И ребята на этом уроке отвечали живо, непринужденно, и уже тогда, сидя в классе, я думала о том, что как ни странно звучит это слово в сочетании с математикой, но я должна его применить, ибо оно точно отражает ту атмосферу, которая там была. Они занимались не только легко — они занимались даже весело.

А затем был урок литературы в 10-м классе у Елены Николаевны Леоновой по Маяковскому и у Евгении Никитичны Золотовской по Шолохову...

Мне приходилось и раньше бывать на блестящих уроках, где чувствовалось мастерство учителя и обаяние человека. В 706-й школе, кроме всего этого, я увидела, что здесь преподают люди, увлеченные определенной отраслью знаний, влюбленные в свой предмет,

заражающие этой увлеченностью и влюбленностью ребят.

Испокон веков считалось, что школа — не место для науки. И люди, занявшиеся ею, как правило, из школы уходили. 706-я опрокидывает и это понятие. Очевидно, из школы в науку уходят тогда, когда наука лежит где-то несколькими ступеньками выше и забраться туда почетно. Если же сама школа шагнула на эти ступеньки, тогда две сферы совместились. Для педагогов школа — научная лаборатория, где им интересно экспериментировать, а следовательно, и вносить в школу то новое, что ее отличает от других. И поэтому кабинет программированного обучения, уроки телевидения, прямая и обратная связь с каждым классом, когда учителю достаточно будет нажать кнопку и сказать лаборанту в аппаратной: включите, мне, пожалуйста, через пять минут Маяковского в исполнении Яхонтова, — все это не просто новые модные методы обучения, это собственный поиск.

И это относится не только к трем-пяти человекам. Это относится ко всему педагогическому коллективу. Математик С. М. Кушуль имеет авторские права на несколько сконструированных им приборов по математике. Он регулярно сотрудничает в методических математических журналах. Уже подписала в печать большую работу по методике преподавания советской литературы Е. Н. Леонова, написали методическое пособие для занятий физикой в кабинете программированного обучения А. И. Герваш и В. И. Каган. Очень многие имеют свои печатные труды и продолжают печататься и выступают с научными докладами и лекциями вне школы.

И все это ценно не только потому, что учитель-кандидат наук, конечно же, знает больше, чем просто учитель. И не только потому, что ребята всегда гордятся и относятся с большим уважением к учителю, чей авторитет признан и за стенами школы. Наличие людей ищущих, думающих творчески, оригинально, ярко, создает в школе особую творческую атмосферу. Этим, наверное, и должна отличаться школа завтрашнего дня. Та идеальная школа, которая, ничего не потеряв от лучших воспитательных учреждений прошлого, приобретает элементы научного учреждения, не

имея которых мы не сможем обучить ребят основам науки дня сегодняшнего и тем более — дня завтрашнего.

Творческая атмосфера в школе несовместима с успокоенностью, с застоем, со скукой и серостью. Учитель мыслящий своеобразно, широко, без предрассудков, в ученике видит не только пассивный объект обучения и воспитания. Здесь устанавливается тот, к сожалению, еще редкий в наших школах, тон взаимного уважения, доверия, та атмосфера благожелательности, без которой никакой педагогический процесс невозможен.

Нельзя, на уроке разговаривая с учеником как старший коллега с младшим, радуясь его возражениям, потому что это доказывает умение самостоятельно мыслить, — в другой сфере школьной жизни быть иным.

Мне вспоминается, как мы шли по школе с директором Александром Ивановичем Серовым, урок уже начался, а нам навстречу бежали двое: девочка и мальчик. И Александр Иванович не разговаривал с ними как с потенциальными нарушителями и лентяями, как порой — что греха таить! — у нас часто с ребятами разговаривают в школе, а спокойно и вежливо спросил: что случилось, почему они не на уроке?

Мне не показался этот разговор мелочью, потому что в школе нет мелочей. Я сказала бы больше: в школе мелочи — это фундамент. Нет достаточно крепкого фундамента — рухнет все остальное. Воспитывают не мероприятия, не формы работы, не слова, а то, что в них вложено, что за ними стоит, их искренность, жизненная необходимость и естественность. Если воспитатель, прочитав нотацію о вежливости, через некоторое время, забывшись, раздраженно, грубым тоном оскорбляет учеников, он порождает не только ответную грубость. В школе же, где, как в 706-й, директор разговаривает с провинившимся не в классе, а вызывает их в кабинет, считая, что человек не всегда становится лучше, если его проступки или недостатки выставлены на всеобщее обозрение, не надо много говорить о воспитании чувства человеческого достоинства.

И естественно, что, когда в школе такой тон и такой стиль взаимоотношений учителя и ученика, здесь

невозможен запрет как форма воспитания. В 706-й нет «вето» на каблуки, прически, длину юбок и чулки. И тем не менее она не стала сосредоточением длинноволосых мальчиков и накрашенных девочек. Здесь прекрасно понимают, что, сказав «нельзя», мы только облегчаем свою жизнь, искусственно удаляя из нее зло, с которым надо бороться, и отнюдь не изничтожаем плохой вкус, дурную привычку.

Конечно же, школа пытается влиять на своих питомцев, делая это единственно возможным образом — тактично и уважительно. Одна из десятиклассниц пришла в школу в ярко-сиреневых чулках в цветочек.

— Милая,—сказал ей Александр Иванович,— отведя ее в сторону,— у каждой девушки должны быть маленькие радости. Если ты эти прекрасные чулки будешь носить каждый день, что же ты наденешь на вечер?

— Знаешь,—сказал он другой,—мне просто жаль, что твой красивый греческий профиль портится взбитой прической. Твое лицо требует ясности и простоты.

И все. Никаких нотаций, раздраженного тона, оскорблений, которые вызывают чувство протеста. Никто никому не говорит, что он дурен, плохо воспитан, некрасиво одет.

И в этом крылась еще одна особенность, отличающая школу. В 706-й бросается в глаза, как спокойно и уверенно, с каким чувством собственного достоинства держатся учителя. Они не задерганы, не нервны, не крикливы. Наверное, это достоинство оттого, что за их плечами багаж знаний, опыта, удачной работы и признания, известности. Но я думаю, это и не только потому.

Я присутствовала на разборе открытого урока, проведенного с блеском, с мастерством, с интересными наглядными пособиями, но учитель нервничал, спешил, и урок из-за этого иногда терял свою четкость.

Директор этого не заметил, вернее, сделал вид, что не заметил. На разборе присутствовали учителя менее опытные, и он посчитал более полезным обратить их внимание на то, с каким интересом работал класс, какие поистине художественные чертежи висели на доске («Ребята делали? — спросил он учителя.—Я так и думал. Они у вас прекрасно чертят»), как интересно ло-

гически и математически мыслят учащиеся. Он хвалил учителя где-то даже больше, чем того заслуживал урок. Я была на следующем уроке этого учителя, не открытом. Он был еще лучше.

И когда директор недоволен, когда делает замечания, то говорит, что спрашивает вдвойне, потому что имеет дело с учителем способным, талантливым, незаурядным. Он прекрасно понимает, что ничто человека так не ободряет и не окрыляет, как вера в него, в его силы, в его способности.

Шел комитет комсомола, где принимали в комсомол. Когда растерявшаяся и запутавшаяся семиклассница в конце концов ответила на простенький вопрос, член комитета Ира Филимонова сказала:

— Умница, вот умница!

И девочка приободрилась и на все остальные вопросы ответила спокойно и разумно. Когда один из комсorghов никак не мог найти нужные слова о своем однокласснике и сказал, что он хороший друг и товарищ, и смутился, секретарь комитета комсомола Саша Липкин бросил:

— Ну это уже много!

И комсорг вдруг нашел слова и произнес восторженную речь.

Конечно, в своей изысканной вежливости они где-то копируют старших: «Я вынужден сделать вам замечание; я, кажется, кого-то перебил, прошу прощения». Саша Липкин всем вступающим в комсомол говорил «вы» — для торжественности, как он потом объяснил. Но как хорошо, что копируется не только внешняя вежливая форма — это легко, а сама суть заинтересованного, благожелательного отношения к товарищу.

В этой школе я увидела то, что обычно отличает хорошие дружные семьи. Здесь дети обычно растут спокойными, добрыми и вежливыми. Герцен сказал однажды: «Убеждение внушается теорией, поведение практикуется примерами».

В 706-й считают: нет учительского авторитета, который должен быть неприкасаем и непоколебим и который выдается вместе с учительским дипломом. Есть обычный авторитет человека, складывающийся из его истинных достоинств и недостатков. Только мало

умеющие и мало знающие не позволяют признавать себя неправыми.

В школе ввели единые педагогические требования. Одним из правил было: ученики во время перемены должны ходить по коридору, держась правой стороны.

Через несколько дней после введения «единых правил» эстрадный театр показывал свою новую программу. Я позволю себе несколько отклониться от темы и рассказать о школьном эстрадном театре. На мой взгляд, этот театр нечто большее, чем просто талантливый коллектив, чем театральный кружок, руководимый учителем физики, аспирантом Н. Б. Кофманом. Это — сатирическое начало 706-й школы, ее гордость и ее сила. Допустить эстрадное представление, где в очень мягкой и тактичной форме, как все, что делается в школе, появляются абстрактные учителя, в которых конкретные могут найти и свои черты тоже, — такое может допустить только сильный и умный педагогический коллектив. И в школе, где парадно-глупые пионерские сборы и официально-скучные комсомольские собрания показаны на сцене зло и беспощадно, таких сборов и собраний в жизни быть не может.

Так вот в новой программе была такая сценка. Самые высокие десятиклассники, взявшись за ручки, ходили парами по правой стороне и вели соответственные разговоры о том, что мыть уши хорошо, а ходить в неглаженных брюках — плохо. В стороне, с журналом в руках, за ними наблюдала учительница. Время от времени она делала пометки. Директор смотрел и хохотал до слез: «Вот разбойники!»

И не случайно в школьной стенгазете я прочла: «Просьба к учителям выполнять решение комитета».

Великие идеи и благородные цели сами по себе не воспитывают. Мы можем тысячу раз повторять, как надо жить, но если мы сами так не живем, наши декларации вызовут только неверие, породят цинизм, разрушат самые святые чувства.

И не может быть настоящей школы, которая бы пироговское правило «быть, а не казаться» не сделала бы основным своим правилом. Я счастлива, что мне удалось познакомиться с педагогическим коллективом, где этот девиз воплощен в жизнь ¹⁷.

Е. БРУСКОВА.

ПОЧЕМУ НЕ УДАЛСЯ ДИСПУТ

Плакат был броским. Две забавные рожицы — сияющая и плачущая. Размашисто-прямой вопрос: «Дорогие друзья, все ли вы счастливы?...» Он висел в 9 «а» отарской школы около двух недель, привлекая внимание всех.

В день диспута на него уже не поглядывали: каждый углубился в себя, настороженно ждал, что скажут товарищи. Как найти себя, свое место в жизни, свое счастье — извечные вопросы, терзающие пятнадцатилетних. У них уже есть кое-какой опыт, раздумья, добрые приметы и грустные просчеты. Рассказать бы, да вряд ли поймут, — думает каждый из них и молчит о сокровенном.

Вот и тогда, в день диспута, разговора не получилось. Валентина Михайловна, оставив у своего стола двух ведущих, замерла в стороне, словно устранилась от разговора. Ребята почувствовали себя неудобно. Один из ведущих нарочито бодряческим тоном торопливо скомандовал:

— Ну, давайте, высказывайтесь!

«Высказываться» ни с того, ни с сего ребятам не хотелось. Молчание затягивалось, минута за минутой из драгоценных сорока пяти уходили впустую. А ведь к диспуту готовились, нельзя же провалить его. Да и гости ждут. И вот один за другим поднимаются девочки и мальчишки, одеревеневшим языком отщелкивают бездумно готовые афоризмы, к которым не придерешься:

— Счастье каждый понимает по-своему...

— Надо жить для других, во имя будущего...

Все так гладко, бесспорно. Постороннему ясно — в классе тридцать четыре оптимиста, совершенно довольные всем, всеми и собой.

И вдруг неожиданная реплика с последней парты:

— А вот я несчастлив..

Это Володя Решетов. Он остановился на полуслове, побледнел от внезапной решимости.

— Да ты что? — замахали на него руками.

— Чего тебе не хватает? — удивился мальчик, старающийся казаться солидным. — Учишься, во всех делах участвуешь.

— Да, но все будто один, сам по себе, оторвался от ребят.

— Да ведь ты,— не выдержала Валентина Михайловна,— и учиться стал лучше, и всегда с нами. Чего тебе еще?

В ее голосе досада. Володя пытается что-то объяснить, но его уже никто не слушает. Дернуло же этого Решетова сорвать хорошее мероприятие!

Да, диспут не получился, потому что он оказался не откровенным разговором, а именно «мероприятием», броский плакат — просто рекламой. А ребята унесли домой то сокровенное, чем поделились бы, если бы могли разговориться. Если бы помогла им в том учительница. Но главное — несчастный Володя унес домой свою печаль и, может, долго еще останется с нею наедине.

Уж, видно, не полна его жизнь, если сознался он в своей беде, всегда такой сдержанный, замкнутый, чуть заносчивый. Не простой, наверное, он парень, мало ему для счастья тех компонентов, которые называли одноклассники. Вот и трудно ему.

Почему же оказались глухи к его переживаниям товарищи, почему не поверила учительница в серьезность его неудовлетворенности? Почему отмахнулась? Скорее всего сочли, что он скуки ради морочит голову, оригинальничает. Да и как это может быть одному плохо (без видимых причин!), если всем хорошо?

Но потому-то и продолжим мы разговор о неудавшемся диспуте, что счастье каждого ребенка — это очень важно.

В классе ребята почти всегда сидят на одинаковом, если можно так выразиться, воспитательном рационе. А ведь всякому нужна своя, особая радость. Кому, как не учителю, определить, чего недостает мальчишке, и потом помочь ему удовлетворить жажду счастья.

Конечно, трудно дать вот так сразу совет Валентине Михайловне Богдановой, педагогу еще молодому. Но, думается, стоит рассказать, как обычно готовятся к диспутам по вопросам морали и нравственности в школах № 22 и 65 Алма-Аты. Задолго до него ребята читают книги, герои которых — люди ищущие, счастливые борьбой за благородное дело, верностью в любви. Говорят о каждом прочитанном произведении отдельно или

о просмотренном фильме, спектакле. Пишут сочинение, в котором откровенно повествуют, чем полна их жизнь и чего недостает в ней для полного ощущения счастья.

Только после того как ученик глубоко продумал труднейшую из труднейших задач, когда учитель понял устремления каждого своего воспитанника, серьезный разговор в классе становится не только возможным, но и необходимым. Столкнутся разные точки зрения, в споре родится истина. Учитель, как человек знающий, более опытный, сумеет своим словом ответить каждому на именно его животрепещущие вопросы.

Перечитываешь сочинения старшеклассников этих школ и живо представляешь, чего они хотят.

Взрослые говорят, что нам повезло: живем в мирное время, в материальном достатке. Но разве можно этим ограничиваться? Мы хотим большего. Иначе можно уподобиться дикарям, ликующим от того, что нашли пещеру и развели огонь. «Не только внешний, но и душевный мир человека должен быть полон», — пишет Аня С.

А вот тоже поиск вещей совсем не материальных (Вова Н.) «Хорошо, когда тебя понимают другие. Если этого нет, становится скучно, тяжело, некуда себя деть, все кажется окрашенным в мрачные краски».

А иные ребята несколько наивно считают, что полной жизнь может быть только у взрослых: ведь большой любви, труда на благо Родины нет еще у подростков. И потому пишут: «Счастья у меня еще не было», или так же отчаянно, как Володя Решетов: «Я несчастлив...»

Может, то же самое думал и Володя, только не успел сказать, да его и не спросили. А жаль.

Надя Ф., например, пишет, что «счастье приходит само». Может, и Володя тоже ждет, как говорится, с моря погоды?

Какие бы предположения мы не строили, ясно одно: учитель должен знать истоки детской неудовлетворенности. Какой бы предмет он ни вел, цель у него одна: помочь юному человеку стать счастливым.

Мне вспоминается Лена Т., школьница из Алма-Атинского табаксовхоза, у которой рано умерла мать; отец, человек сухой по характеру, мало уделял ей тепла душевного. Девочка росла замкнутой, болезненной.

Часто слыша «соболезнования» досужих соседей: «Нечастливая сиротка», — она и впрямь считала себя обреченной судьбой. Настроение много значит и для взрослого и для ребенка. Оно было подчас причиной неудач Лены в ученье. Все как будто валилось у нее из рук. Может, так и ушла бы она в жизнь из школы с невидимой печатью неудачницы, если бы не заговорила с нею однажды хорошая, чуткая женщина Людмила Владимировна Смирнова, учительница истории:

— Ты же очень способная, умная девочка, хороша собой! Откуда у тебя эта расслабленность, жалость к себе? Если ты хорошо подумаешь, то согласишься со мной, что человек — хозяин своей судьбы.

Девочка впрямь задумалась. Часто приходила к Людмиле Владимировне поговорить наедине, потом потянулась к сверстникам. Но с особым желанием возилась с малышами, опекала их, короче — стала лучшей пионервожатой школы. Теперь заканчивает педагогический институт. Мечтает работать в родной школе. Когда я вижу ее на улице, она встречает какой-то особенной светлой улыбкой! Видно, что человек нашел себя, обрел силу и уверенность. Хорошо, что ей вовремя помогли.

Р. МОСКВИТИНА.

КЛАСС И МАРИНКИНЫ ПРИНЦИПЫ

— Мама, я правильно сделала?

Маринка задала этот вопрос, когда была во втором классе. Писали диктант. Учительница проверила тетради и раздала их ребятам. Маринка открыла свою и обрадовалась — пять! Еще раз прочла диктант и нашла ошибку, которой учительница не заметила, — пропущенную букву в слове.

— Тогда я подошла к Клавдии Яковлевне и сказала ей об этом, — рассказывала потом Маринка. — Клавдия Яковлевна взяла тетрадь, посмотрела, подчеркнула ошибку красными чернилами и переделала пять на четыре. Все ребята смеялись. А когда я шла на место, Яшка шепнул: «Что ты сделала, дура?» Я плохо сделала?

— Хорошо, Маринка.

— Но у меня ведь была бы пятерка.

— Эта четверка лучше, чем та пятерка,— ответила мать, а сама подумала, что учительница могла ведь и не снижать оценку. Разве правдивость девочки не стоила поощрения?

Это был первый случай в жизни Маринки, когда она заплатила за свою честность. Во второй раз «принципиальность» обошлась Маринке дороже. Она «заработала» четверку по поведению в четверти как раз в тот момент, когда должна была перейти в новую школу (семья переехала на новую квартиру в другой конец города).

Была она тогда в пятом классе. Разговор с матерью о случившемся начала весьма дипломатично:

— Как ты думаешь, можно отрываться от коллектива?

— Не понимаю, о чем ты?

— Ну когда человек в коллективе, например, в классе...

— Конечно, не надо отрываться.

— Я тоже так думаю.

И тогда рассказала. В школу пришла санитарная комиссия. Кто-то сказал, что не будет уроков. Ребята вмиг схватили портфели и с ликованием, с шумом и криком помчались по коридору в раздевалку. Кого-то толкнули, кого-то сбили с ног... Минут через пять все уже снова сидели за партами, и классный руководитель сказала:

— Тем, кто убежал, я снижу отметку по поведению. Поднялось несколько рук.

— Зинаида Николаевна, я в это время ходила за картой...

— Я, честное слово, была в это время в классе, искала ручку...

— Знаешь, мама, я в самом деле не выбежала, не успела собрать книги. Но я не подняла руку. Мне было стыдно отрываться от коллектива. Тем более, что осталась-то я не потому, что не хотела бежать, а потому, что не успела...

Мать улыбнулась, про себя: «Это не плохо, что предпочитает отвечать вместе со всеми».

Несмотря на то, что девочка «не отрывалась» от коллектива, в душе она иногда осуждала сверстников.

— Понимаешь, Боря набросал бумажки вокруг парты. Григорий Павлович, математик, говорит,— собери, а он даже не думает. Григорий Павлович еще раз повторяет, а он: «Если вам надо, вы и собирайте». У меня все кипит внутри, я еле сдерживаю себя, но ведь не скажешь при учителе. Вдруг я вспомнила, как Григорий Петрович однажды сказал, что никогда не променял бы свою профессию на другую, если бы пришлось начинать сначала...

А ведь как ему с нами бывает! Потом на перемене, я подошла к Борьке, а он и слушать не стал...

Иногда она решалась действовать в одиночку. За одной партой с ней сидел Иозас, способный мальчишка, но лодырь. Домашние задания он никогда не готовил. Перед географией он попросил у одной из девочек тетрадь по алгебре.

— Спишу на географии.

— Не будешь ты на географии делать алгебру! — сказала Марина.

— А вот буду!

— А вот нет. Ляля, не давай ему тетрадь...

Она не пожаловалась учителю, но Иозас на перемене «посчитался» с ней. Да еще и пожаловался.

— Любовь Александровна, пересадите меня. Я не хочу с ней сидеть. Без конца надоедает: почему без галстука? Где твоя тетрадь? Почему не слушаешь?

Однажды, два года спустя, Маринка пришла домой с горькой обидой на учителей.

Была у них физика. Перед самым звонком учитель неожиданно вызвал Олега. Надо было подать тетрадь, у него ее как обычно не было, и Зина ловко передала ему свою. Тут прозвенел звонок, Олегу повезло — не пришлось отвечать, но тетрадь он обратно не получил — учитель заметил, что она чужая, и забрал ее с собой. Тетрадь не была подписана, и физик не догадался, чья она. Не смогла догадаться и классный руководитель. Это ее рассердило. Встретив на перемене в коридоре Маринку, она спросила:

— Скажи, кто дал Олегу тетрадь?

Маринка молчала. «Надо бы ответить: не знаю», — промелькнуло в голове. Но она так не ответила. Ведь она знала.

— Ну, что ты молчишь?

— Тот, кто дал, сам пусть скажет.

— Нет, мне надо знать теперь. Скажи. не бойся. Никто не узнает.

— ...Понимаешь, мама, так и сказала: «Не бойся, никто не узнает». Я ничего не ответила и ушла. Услыхала вдогонку: «Не ждала я этого от тебя. А еще комсомолка...»

В этот день Маринка не находила себе места. Она с горечью думала о своей репутации «примерной», о том, что раз примерная — значит должна «выдать» товарищей.

В эти годы, идя навстречу своей зрелости, она все чаще думала о жизни, людях, об их взаимоотношениях. Это действительно нелегко — говорить всегда только правду и не портить отношений с учителями и одноклассниками. Даже дома с самым близким человеком Маринке порой было нелегко. Мать ее — скульптор. Закончив однажды новую работу, она спросила у дочери: «Ну, как?»

— Знаешь, мамуля... По-моему, не особенно.

Глаза дочери наполнились слезами. Она увидела, что мать погрустнела, а та поняла в эту минуту, что совершила непростительную ошибку: надо было любой ценой не показывать дочери своего огорчения. Но было уже поздно, и Маринка сказала:

— Мама, ты же знаешь, что у меня странный вкус. Не спрашивай лучше моего мнения...

— Буду спрашивать, а ты говори всегда то, что думаешь. Только так.

Рассказывая мне об этом своем разговоре с Маринкой, мать добавила:

— Так я ей сказала, а сама подумала: она будет в жизни терять друзей. Не каждый так, как мать, поймет ее.

Жизнь Марины только что началась, а что будет дальше? Как долго в своей суровой честности и прямоте выстоит она? Не наступит ли момент, когда она пойдет на компромисс с собственными принципами? Не замучает ли ее тогда чувство недовольства собой?

А может, она с возрастом станет проще и научится иногда поступаться своей «чистой правдой» ради простого человеческого сочувствия?

И чего я должна хотеть, думала мать, чтобы она «выстояла», или чтобы стала мягче, уступчивее, чтобы людям с ней легче было и ей с людьми? Но если я должна хотеть второго, то не следовало ли мне раньше об этом подумать и постараться научить ее с детства проще и снисходительнее смотреть на людей, на их недостатки ¹⁸.

Э. КАНЦЕДИКЕНЕ.

МОИ ДОРОГИЕ ДРУЖНЫЕ РЕБЯТА

Восемнадцать мальчишек и тринадцать девчонок. Разные по характеру, наклонностям, поведению. Это моя группа. И всех их надо спаять в один дружный коллектив. Только тогда я могу с них требовать хорошей успеваемости, дисциплины, только тогда будет успешным трудовое, нравственное, эстетическое воспитание.

Но легко задумать, а вот выполнить оказалось гораздо труднее. Начал с изучения личных дел, характеристик, здоровья воспитанников. Постарался сразу же наладить связь с родителями. С теми, кто живет поближе, встретился, остальным написал письма.

В трудном деле всегда нужны помощники. Посоветовался с ребятами. Они все, конечно, выразили желание помогать мне. Но обозначилась группа активистов, из числа которых выбрали старост: от мальчиков — Вову Пивоварова, от девочек — Нину Мурзагалиеву... Эти ребята были отнюдь не образцовыми, но я не препятствовал.

Изучение характеров, особенностей ребят стало моим главным делом. Наблюдал за ними во время игр, занятий, видел, как относятся друг к другу, к взрослым, к своим обязанностям, вещам, к поступкам своим и товарищей. Заметил, что Вова Маслов учится хорошо, дисциплинирован, но высокомерен, Гена Волков — тихоня, не слышно его, успевает по всем предметам и вроде бы, на первый взгляд, не вызывает волнений. Но как равнодушен он ко всему, как не приспособлен к жизни! Все это очень тревожило меня.

Вот мой ближайший помощник, староста, Вова Пивоваров. На него равняются в классе. А он то послушен

и вежлив, а то сам нагрубил преподавателю. Предложили ему заниматься в кружке киномехаников. Он не просто отказался, а с таким вызовом: «Что, мол, пристали».

Поговорил с Вовой. Рассказал о себе, о том, как в свое время мечтал научиться показывать кино. Но ведь не было такого кружка, не было и многих других, которые сейчас к услугам ребят.

«Ну, а зачем он, кружок? Деньги загребать!», — ответил мне Вова. Вначале я даже растерялся: откуда такое у малыша? Потом объяснил ему, что специальность приобретают не только для того, чтобы зарабатывать или, как он говорить «загребать» деньги, но и чтобы принести пользу людям, обществу.

Вова смутился, пообещал ходить в кружок. Надо сказать, что слово свое он сдержал. А потом так заинтересовался, что и не оторвешь. Грубость его, кривляние было труднее преодолеть. Порой не знал, что и сказать. Можно было, конечно, освободить его от обязанностей старосты, сказать, что не достоин он и т. д. Но изменился бы Вова от этого? Считаю, что нет.

Избрал другой путь: благожелательная беседа на равных. И только однажды наказал его. Уже после отбоя мальчишка стрелял из рогатки, пугал товарищей. Я не кричал на него, не ругал, просто велел стать к шкафу. Вова не привык даже к такому наказанию, а потому очень переживал. Потом молча достал свое «оружие» и протянул мне: «Извините меня, больше не буду», — сказал он негромко.

Я ликовал. Человек сам осознал плохой поступок. А что было бы, если бы я не сдержался, нагрубил ему, накричал. Пусть даже отобрал резинку. Победила бы моя требовательность, если хотите, сила, но не его сознательность.

Эту резинку я храню до сих пор.

Внутренний мир человека сложен: в нем уживаются и хорошее и дурное. Зло и добро соседствуют. Мне казалось, что мои ребята добрые, что умеют сочувствовать, понимают чужое горе. И вдруг... у Коли Курмангалиева нарушена координация движений. Он неуклюж, часто падает. Это вызывает смех у детей, а мальчишка плачет. Я не мог запретить ребятам смеяться, не мог наказать их. Это было бы несправедливо.

Объяснил им (и не раз потом мы возвращались к этой теме), как важно быть чуткими, как важно не смеяться, а помочь товарищу. Это труднее, но и благороднее, возвышеннее. Ребята поняли меня, устыдились. Больше не наблюдал таких тревожных симптомов. Видел, что стремятся они помочь, поддержать и Колю, и других, кто нуждался в этом.

К Воле Гайдуллину родители приезжают редко. Живут далеко, в овцесовхозе «Красный партизан» Уральской области. Оттуда только на самолете прилетать можно, а погода не всегда благоприятная. Смотрю — мой Вова плачет: каникулы начались, а за ним никто не приехал. Утешаю его, говорю, что за многими другими тоже не приехали. Не помогает. Не знаю, как бы справился, если бы не ребята. Они и играли с ним, и делились всеми детскими богатствами.

Постепенно создавался коллектив. Мы теперь вместе думали обо всем: о культуре поведения, о бережливости, о том, что надо ценить и уважать труд. Вместе пробирали нерадивых. Особенно тяжело нам всем было бороться с общим увлечением телевизионными передачами. Всем хочется смотреть до конца, уговоры не помогают. Конечно, можно запретить, выключить и все. Но убедит ли это ребят?

Мне хотелось, чтобы ребята сами приняли решение. Исподволь готовил их к этому. Беседовал, обсуждал с ними программы. 6 ноября была отличная детская передача. А у нас много забот: навести чистоту, вымыться, подготовиться к демонстрации. «Как быть?» — спрашиваю у ребят. Посоветались и пришли к выводу: дело прежде всего. Это была пока еще не победа, но шаг к ней сделан.

Так из маленьких побед складывалась наша дружба. Ребята стали реже ссориться. Появились общие увлечения: коллекционируем старинные монеты, значки, создали свой хор. Но самое главное, чего я добился, — это добрых, чутких отношений друг к другу, ко мне, их воспитателю, ко всем педагогам.

М. А Ш Г А Л И Е В,
воспитатель.

ДОВЕРИЕ

Цветы на подоконнике, зеленые, как летом, Валентина Яковлевна прихорашивала, будто живые существа. Одиннадцать лет покоя после школьного шума — большой срок, их надо было чем-то заполнить.

В тот октябрьский вечер, она, стоя у окна, взглянула на улицу и заинтересовалась живой картиной. Плачущего мальчонку сопровождала толпа сверстников, выкрикивая что-то оскорбительное. А когда он ускорил шаг, чтобы избавиться от преследования, мальчишки и девчонки неистово заулюлюкали ему вслед.

В волнении расплескав воду, Валентина Яковлевна выбежала на улицу и попыталась перекричать галдящую детвору:

— Почему вы обижаете его?

— Он опять сегодня две двойки получил, — объяснила девочка.

— Второгодник все нам испортил! — вскрикнули хором. — Выпустил из-под своей парты кота, перекрашенного в зебру. Какой переполох! И мы не успели все задачи решить. Теперь двойки получим!

Долго стояла Валентина Яковлевна среди улицы в раздумье. Вспоминала прежних своих озорников, отнимающих попусту драгоценное время глупыми шутками и проделками. Но все время возвращалась мысленно к слову «второгодник», больно резанувшему ее сердце. Недоумевала: «Почему в октябре уже второгодник?»

И пошла она в школу.

— Да, дорогая Валентина Яковлевна, — тяжело вздохнула директор школы, — учителя молодые, только еще вступают на тернистый путь. Вот и определяют заранее во второгодники.

— Я завтра приду на работу, — твердо сказала старая учительница, прервав его сетования. — Дайте мне самый трудный класс.

И вот жизнь началась как будто заново, не преминув тут же преподнести свои загадки. Класс как класс, только вот Ленья ведет себя так, будто не слышит слов учительницы.

— Ленья, как ты справился с домашней задачей?

— Я не решил, — отвечает небрежно.

— Почему?

— Не умею.

Плохую оценку она не торопилась ставить, но что делать. Мальчишку нисколько не огорчает, что он не умеет чего-то делать, в чем-то не разбирается. Никакого молниеносного решения не получилось. Болезнь застарелая — лечить ее надо долго.

Когда пришла в учительскую, была так бледна, что коллеги всполошились:

— Что с вами?

— Леня... — начала было Валентина Яковлевна.

— А, — понимающе кивнули все, — не волнуйтесь, его невозможно заставить учиться. Он один такой.

— Нельзя же отмахнуться, не поставив его на ноги, — возразила она, а сама подумала: а есть ли у него «ноги». На что ставить?

Как-то шли они вместе с Леней из школы. Хотела предложить ему позаниматься дополнительно, да поздно было. Решили они поужинать, отдохнуть, а потом — за работу. Почувствовав в словах новой учительницы тепло и заботу, он, будто впервые открывшись начистоту, признался, что давно сам на себя махнул рукой. А что стараться, если слышал, как его называли «неперспективным» учеником?

— Назло не хотелось учиться, — заключил Леня и покрепче зажав под мышкой портфель, вприпрыжку побежал домой.

Опускались вечерние сумерки, когда наспех поужинав и кое-что сделав дома, конечно, полив цветы, Валентина Яковлевна пошла в школу. Глядя в темноту класса, с тревогой подумала: «Не пришел», но все же щелкнула выключателем. Леня сидел за партой тихо, как мышка. Он был взволнован: понял, как за него переживает эта женщина, как хочет она, чтобы он хорошо учился.

С тех пор Леню редко можно было видеть на улице. Он сел за книги, выполнял все уроки сперва с превеликим трудом, а потом легко и охотно. Поверил, что он не хуже других, вполне перспективный. Он смело обращался к Валентине Яковлевне потому, что знал: ни занятость, ни любые другие причины не помешают ей уделить внимание мальчику.

Сейчас Леня имеет уже среднетехническое образо-

вание. Тот памятный год окончил почти на одни четверки, второгодником за восемь лет ни разу не был.

Валентина Яковлевна Сарматова, начав жизнь в школе заново, работает без второгодников и молодым педагогам поселка Родники Актюбинской области помогает трудиться так же вдумчиво, серьезно.

М. С К А Ч К О В.

9 «Б» УШЕЛ С ЗАНЯТИЙ

— Как это могло случиться, ребята? — голос председателя родительского комитета класса от волнения и обиды слегка дрожит. — Как вы могли?

Тишина. Густая, гнетущая тишина заполнила проходы между тремя рядами парт, свинцовым грузом легла на плечи. Все ниже опускаются головы...

Это случилось недавно. После второго урока 9-й «б» оделся и... ушел в кино. Вот так просто — оделись и ушли. Подобного случая в школе никто не припомнит. Чрезвычайное происшествие и привело нас, членов родительского комитета, на этот внеплановый классный час.

Так что вам сказать, ребята? Еще раз напомнить пословицу: «Учение — свет, а неученье — тьма?» или прочесть «Что такое хорошо и что такое плохо» Маяковского? Но эти стихи известны вам еще с тех пор, когда вы, мальчики, не просили у родителей полтинника на «канадку», а девочки совсем равнодушно проходили мимо зеркала.

Да и имеем ли мы, старшие, право, кроме родительского, как вы не без иронии выражаетесь, «читать мораль»? Может, в свое время и мы, 15—16-летние, тоже вот так иногда вставали и уходили из класса? Было такое? Откровенно — было. Об этом я и хочу рассказать.

...Звонок отзвенел давно, но преподавателя все не было. Притихшие было ребята снова занялись своими обычными делами — один вслух читал сводку Совинформбюро, другой что-то лихорадочно искал в учебнике, торопливо перелистывая его затертые страницы. Но вот открылась дверь и на пороге появился наш комсорг Панка Сумина.

— Ребята, вчера в больницу отправили еще двух «букварей». Воспаление легких...

Через час со школьного двора в сторону Таловки двинулся большой обоз: восемь розвальней — по двое на каждый 9 и 10-й классы, да около тридцати санок — их везли восьмиклассники. Двенадцать километров порожняком — куда ни шло! Их одолели часа за два. А вот обратный путь занял часов семь — уж больно круты сопки предгорий Кузнецкого Алатау. Дрова и в лесной сибирской стороне давались в ту пору школе нелегко, ведь все ее восемь лошадей не стояли в конюшне, а были подвешены в стойлах на ремнях: их не держали ноги — все сено было отдано на нужды фронта.

Так наш 9-й «б» стал в тот день инициатором срыва занятий во всех старших классах школы. Потом, правда, выход был найден: за дровами ездили по воскресеньям. Обмороженные носы и уши в расчет не шли. Разве это большая плата за то, что не стала замерзать тряпка у доски, а наши «буквари» сидели в классах даже без пальто?

А в конце декабря все того же трудного сорок первого класс с табличкой 9-й «б» снова пустовал. В этот день пришла похоронная на Сашу Щеглова, веселого темно-рыжего паренька, лучшего баяниста и любимца всей школы. Проводили мы его в армию в первых числах сентября всем классом (в детстве он болел, отстал от учебы, поэтому был старше нас года на два). Всем классом ходили и к его матери. Бумажка, что начиналась словами: «В боях за нашу Советскую Родину, проявив мужество и героизм, Ваш сын...» казалась нам вдесятеро тяжелее розвальней, груженных сырыми еловыми кряжами, на самом крупном подъеме. Ведь эту страшную бумагу мы несли матери нашего Саши...

Вы, девятиклассники шестидесятых, на чрезвычайном классном часе не называли инициаторов «культпохода» в часы занятий. Одни называют это круговой порукой, другие — товарищеской солидарностью. Но, в конечном итоге, дело не в названии, главное — другое: с кем эта солидарность, какие цели преследует этот «заговор».

В роли «заговорщиков» один раз был и наш 9-й «б», когда на комсомольском собрании разбиралось заявление Ленки Колмакова с просьбой принять в комсомол.

Дело в том, что до 15 лет ему не хватало пяти месяцев. В те же годы в комсомол принимали с 15 лет. Все мы знали об этом и дружно... ввали, что еще в минувшем месяце были у него на дне рождения. А наша совесть класса, наш принципиальный комсорг Панка Сумина вала столь вдохновенно и натурально, что мы диву давались. Она, мол, не только была на Ленькином дне рождения, но, как сейчас помнит, разбила его голубую чашку и ошпарила себе коленку. Панка скинула вале-нок и уже собралась было закатать полусуконную штанину, чтобы продемонстрировать шрамы от ожогов, но ее остановила Анна Федоровна, наш классный руководитель. Она... солгала последней, окончательно рассеяв сомнения президиума. Но за эту ее святую ложь, за этот конфликт с канонами педагогики уважать мы ее стали еще больше.

Так Ленька Колмаков стал комсомольцем. Тот самый Ленька который 16 февраля сорок второго года сорвал занятия 9-го «б» класса.

В семь утра в этот день к Геннадию Горшкову прибежала Ленькина мать с запиской: «Меня не ищите, я ушел на фронт...» Из дому, чтобы никто не помешал, Ленька выбрался в 4 часа утра, а через час началась пурга. Поиски, которыми занимался 9-й «б», закончились затемно — Леньку нашли в сугробе по воткнутым рядом лыжам (хорошо, что догадался!) в пятнадцати километрах от нашего рудника.

— Ерунда! — вместо благодарности сказал нам тогда стучавший от холода зубами Ленька. — П-п-переждал бы пургу — и дальше. Ведь до военкомата осталось 75 километров — полтора дня ходу. П-п-просили вас...

Но извиниться перед Анной Федоровной мы его все же заставили.

Был в ту зиму и еще один случай, когда 9-й «б» в полном составе покинул занятия. Вместе со всей школой мы встречали первый обоз эвакуированных из далекого блокированного Ленинграда. С ним приехала и наша новая одноклассница — голубоглазая, почти прозрачная от голода Нина Новикова. А потом пропускали занятия по очереди — ходили к ней домой топить печь. Начитанная, очень способная и развитая, Нина в домашних хозяйственных делах была до смешного бес-

помощна: доходило до того, что для растопки печи она, представьте, вместо бересты пользовалась бумагой!

...Так что же вам сказать, ребята? Как видите, мы тоже уходили с занятий, наш 9-й «б» пустовал даже чаще, чем ваш.

Но из класса уходят по-разному.

Очень хотелось, чтобы вы подумали об этом, ребята. Я умышленно не назвал номера вашей школы, потому что все мы надеемся на вас, верим в вас.

П. М И Х А Й Л О В.

ИНСТРУМЕНТ В УМЕЛЫХ РУКАХ

Случись это в другой семье, где налицо все «за» и «против», мне было бы легче разобраться в сути происшедшего. Долгое время тяготила мысль: а нужно ли писать? Возможно это заурядный случай, но тогда почему мы сталкиваемся с подобными фактами? И еще тревожило письмо-отклик. «Нет все-таки важнее дел, чем судьба подростка», — настойчиво напоминал он.

Письмо пришло в редакцию после нашего выступления в защиту подростка, которого просто выпроваживали из класса за «непослушание» — на этом объеме воспитательной работы с пареньком исчерпывался. Отклик был от супругов Васильевых (я изменил фамилию авторов и парня, о котором они рассказывали):

«Вот что произошло с хорошо знакомым нам мальчишкой Андреем Голубевым (мы более 10 лет жили вместе с Голубевыми, потому хорошо знаем эту семью). Воспитывался Андрей без отца. Мать посвятила сыну всю свою жизнь. Сама она хорошая производственница, ударник коммунистического труда, продолжительное время руководила профсоюзной организацией одного из крупных цехов нашего комбината. Рос Андрей здоровым, крепким. Учился хорошо, участвовал в художественной самодеятельности, много читал, слыл хорошим рассказчиком, пользовался авторитетом среди ребят. В 7-м их перевели в другую школу всем классом. Замечательная школа! Светлая, просторная, все в ней есть: специальные кабинеты для занятий, спортзал, всякие там уголки и прочее. Но... Андрей остался на

второй год. Появились «дружки». И пошло. Однажды встретили прохожего. Избили. Сняли с него вещи. Финал: Андрей получил два года исправительно-трудовых работ в детской колонии...»

К своему письму Васильевы приложили письмо Андрея, адресованного матери.

«Здравствуй, мама!

Мама, ты извини, что я ничего тебе не сказал на свидании. Ты, мама, не плачь, я же еще не совсем пропавший человек. Вот приду домой, и все будет хорошо. Я даже сейчас не могу опомниться. Я тебе обещаю, что такого больше не повторится. Мама, только выполни мою просьбу — сильно не расстраивайся и не плачь. Мама, ты прости, что я принес тебе столько неприятностей. Ладно? Конечно, если можешь. Мам, самое главное — не плачь и не расстраивайся: все будет хорошо. Быстрее напиши письмо, а то я совсем не знаю, что у вас делается.

Ну, пока все. Целую крепко. Андрей».

Не знаю, как кого, но меня это письмо потрясло. И сейчас, переписывая эти строки, я не могу спокойно их читать. Наконец-то! Вот только когда прорвалась вся ласка, вся любовь к матери. Потребовалась неимоверная встряска, чтобы ушло все наносное, гадкое, чтобы проявилась любовь к родителям, беспокойство за их судьбу, за судьбу тех, кто во имя сына не жалел ни душевных сил, ни физических. Но где все это было раньше? Не слишком ли велика плата за то, чтобы раскрылась настоящая, безусловно, присущая каждому подростку чуткость? Вправе ли мы ждать такого поворота событий? Конечно, нет. Но иногда мы ждем. И вот к чему приводит такое «ожидание».

У Александра Пахомова, о котором пойдет речь, жизненная стезя пробивалась несколько иначе, хотя...

Александр часто бывал у соседей в гостях. Встречали, не думая о плохом, угощали чаем. Колчин принимал все это как должное. На то и соседи, чтобы ходить к ним в гости, делиться новостями.

Александр не помнит, когда появилась в голове эта гнусная мысль, как угнездилась она где-то там, в глубине сознания, и неотступно сверлила его, сверлила...

Мучительным было желание. «Что будет? Ну, ловят, ну, сажают. Да разве не бывает таких случаев, когда все обходится благополучно?»

Из рассказа Александра:

«Не знаю, зачем они мне были нужны, деньги эти. Подходил праздник. Хотелось отметить «по всем правилам».

...Ночью не спалось. Не то, чтобы сны кошмарные снились. Боязно было. «Да разве не бывает таких случаев, когда все обходится благополучно?» Пришел из школы, постучал к соседям. Никого нет. Осторожно, на цыпочках, бродил по знакомым комнатам чужой квартиры. Деньги не попадались. Ушел. Во второй раз нашел несколько авторучек. Продал. Легкость, с какой достались первые, не своим трудом заработанные — ворованные деньги, угасила проблески стыда. Бывает!

Третья попытка увенчалась успехом. Сунул пачку купюр в карман. В школе подозревал дружка, одноклассника Костю Салыкова:

— Во, смотри.

Добычу поделили на двоих. «Обмыли». Пиво, папиросы.

...Пусть меня простит читатель за небольшое отступление, но, право, хочется сейчас пройтись по всем закуточным, пивным. Наверняка встретятся вот такие же, как Александр и Костя. За бокалом пива, с сигаретой в зубах. Подойдите к любому, скажите:

— Ваш сын в соседней пивной...—Побежит! А что здесь, рядом, подросток, какое ему дело? При случае еще и угостит.

...Недолго жили Пахомов и Салыков «по всем правилам». Следовательно дело знал хорошо. О правонарушении узнали и в семье.

Мать Александра работает старшей медсестрой, отец — шофером. Сын ни в чем нужды не испытывал. Одет, обут, сыт. Дома приличная библиотека. Разговор на семейном совете был не из мягких, но и без перегибов. Пахомов дал слово, что подобного впредь не повторится. Родители возместили соседям ущерб. Все вроде бы стало на свои места. Есть только одно «но». Проступок Александра получил должную оценку лишь в семейном кругу.

Правда, об этом говорили и в школе, но не на клас-

сном собрании, а на... родительском. Ребята узнавали о преступлении Колчина из вторых рук: папы и мамы, одни обстоятельно, другие мимоходом, рассказывали дома о случившемся. И вышло так, что школьники уже и не пытались говорить в классе об этом во всеуслышание.

Казалось бы, именно в классе, где все равны и слово однокашника, мнение коллектива действеннее самых громких высказываний, нужно было обсудить этот мерзкий поступок, дать ему истинную оценку. Но, очевидно, сделала свое дело боязнь, что ребята могут что-то не так сказать или что-то не так оценить. Да пусть не везде и не во всем были бы правы восьмиклассники, пусть бы они кое в чем и ошиблись! Опытный педагог легко бы исправил эти просчеты.

Если тебе, не боясь, не пытаюсь подобрать изящно отточенную фразу, товарищ говорит обидные, но справедливые слова, ты не сегодня, так завтра обязательно поймешь, что продиктованы они были верой в тебя, в твои силы, в то, что ты можешь и должен стать настоящим человеком. Трудно в четырнадцать лет смотреть на себя со стороны. Зато сам-то ты уже видишь все в других — остро, прямо.

Нет, не поставили Александра Пахомова перед всем классом, не спросили полной мерой за содеянное. Даже когда шел разговор о работе Александра как старосты — он в свое время занимал эту должность — никто не осмелился вспомнить о воровстве, а все знали об этом постыдном, выходящем за все рамки поступке. И кто знает, сколько ребят восприняли все это как урок лицемерия...

Ведь за спиной Александра шептались:

— Украл, и ничего. Ему, значит, можно.

Подобные заскорузлые чувства порождают тот нравственный климат, в котором находят себе подспорье молодые человеческие души, по разным причинам потерявшие равновесие. В этом климате оступившийся юноша не только теряет свой облик, он теряет самое главное — свое человеческое «я». Позже за все это придется расплачиваться обществу. Необходима будет острая, принципиальная, даже физически тяжелая борьба. И благо, если она окажется успешной.

Но об этом попозже. А сейчас...

...Товарный состав не сбавлял скорости. Александр стоял в тамбуре. Сырой промозглый ветер пронизывал насквозь. Мимо скользила степь, большая, сумрачная. Хотелось есть. «Напрасно не захватил с собой ничего. Мама, наверное, плачет. Может, еще и не знает, что убежал. А может, уже знает... А соседи?»

Смутно восстанавливал события... Утром зашел к Кислицыным. Выпили. Петька Кислицын вообще имел дурную привычку рассказывать соседским парням и девчонкам всякие небылицы про Александра. Те при встрече посмеивались.

В Кокчетаве Александр не задержался, он продолжал свой путь, и остановили его только в Москве. «Александр детприемнике. Отправляем семью», — так было написано в телеграмме.

Почти месяц ушел на путешествие. В школе встретили настороженно. Воровство, побег. Взяли объяснительную, письменное заверение в том, что отныне Александр исправится.

У некоторых в классе после приезда Пахомов стал кумиром. Появилась отнюдь не хорошая зависть: можно, оказывается, сотворить что-нибудь из ряда вон выходящее — и ничего. Мало кто задумывался над тем, что Александр давно уже катится по наклонной плоскости.

...В детской комнате Александр вел себя непринужденно: поговорят, да и только — так ему думалось. Опытный педагог, старший инспектор Галина Евгеньевна Стиценко долго беседовала с ним, с родителями, она чувствовала, что уверенность в безнаказанности сослужила и Пахомову и классу плохую службу. Требовалось, пусть тяжелое, но единственное решение...

Когда назревает критический момент, когда родители, школа, общественность, даже детская комната милиции затрудняются принять однозначное решение, тогда дело Иванова, Петрова, Сидорова выносится на повестку дня комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме. Директора школ, работники милиции, прокуратуры, предприятий — свыше пятнадцати человек откладывают дела, чтобы и время и самое себя посвятить детям. Кому не приходилось бывать на заседаниях этой комиссии, где подчас сталкиваешься с самыми неожиданными изгибами детских судеб, тому

трудно представить себе, какой трепет души вызывают эти заседания у взрослых людей: ведь идет поиск пути, который должен стать поворотным в жизни подростка.

Пахомов предстал перед комиссией таким, каким он был везде, — дома, в школе, на улице. Аккуратная одежда, внешняя невозмутимость. Галина Евгеньевна изложила суть дела. Нет, не изложила, а горячо, волнуясь, рассказала о поведении подростка, о том, какую неблагоприятную роль в его судьбе сыграло всепрощение.

Разбор длился долго. Комиссия пришла к неутешительному выводу: хирургическое вмешательство необходимо. И Александра Пахомова, 1954 года рождения, ученика 8-го класса одной из алма-атинских школ, направили в спецучилище для трудновоспитуемых подростков.

Да, Александра не постигла судьба Андрея Голубева, о котором я рассказывал вначале. И рассказал не случайно: можно с уверенностью сказать, что и его в свое время не обошла эта «душевная доброта». Ему тоже многое прощали.

Правовые нормы вполне четко и определенно устанавливают, что совершеннолетним считается гражданин, достигший шестнадцати лет. Он отвечает за свои поступки полной мерой. Когда же речь заходит о подростке, здесь начинают входить в полномочное действие критерии несовершеннолетия. Но во сколько же лет считать подростка морально ответственным за свои деяния? В десять, двенадцать, пятнадцать?

Почему, прививая с детской скамьи школьникам уважение к коллективу, мы делаем слишком малый упор на то, что первая и важнейшая ответственность каждого — это ответственность личная? Почему мы не спрашиваем полной, строгой мерой за уклонение от нее? Не слишком ли большой вред наносит подростку наша, иногда ненужная и даже опасная доброта? Убеждение приносит эффект исключительно в комплексе со строгими требованиями. А мы порой забываем о строгости, хотя без нее немислим воспитательный цикл.

Было бы несправедливо все упреки адресовать исключительно школе, где учится Александр: всего полгода, как она открылась, и в процессе ее становления другие коллективы «постарались» передать новой школе далеко не самых примерных учащихся. В такой

обстановке неизбежны просчеты. Но просчет есть просчет, и обходить его молчанием вряд ли имеет смысл, хотя бы потому, что именно молчание не позволило 8-му «а» опереться на мобилизующую силу коллектива, а без этой опоры даже сильному педсоставу невозможно положительно решать поставленные задачи.

«Мы видим прежде всего,— говорил А. С. Макаренко,— что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив».

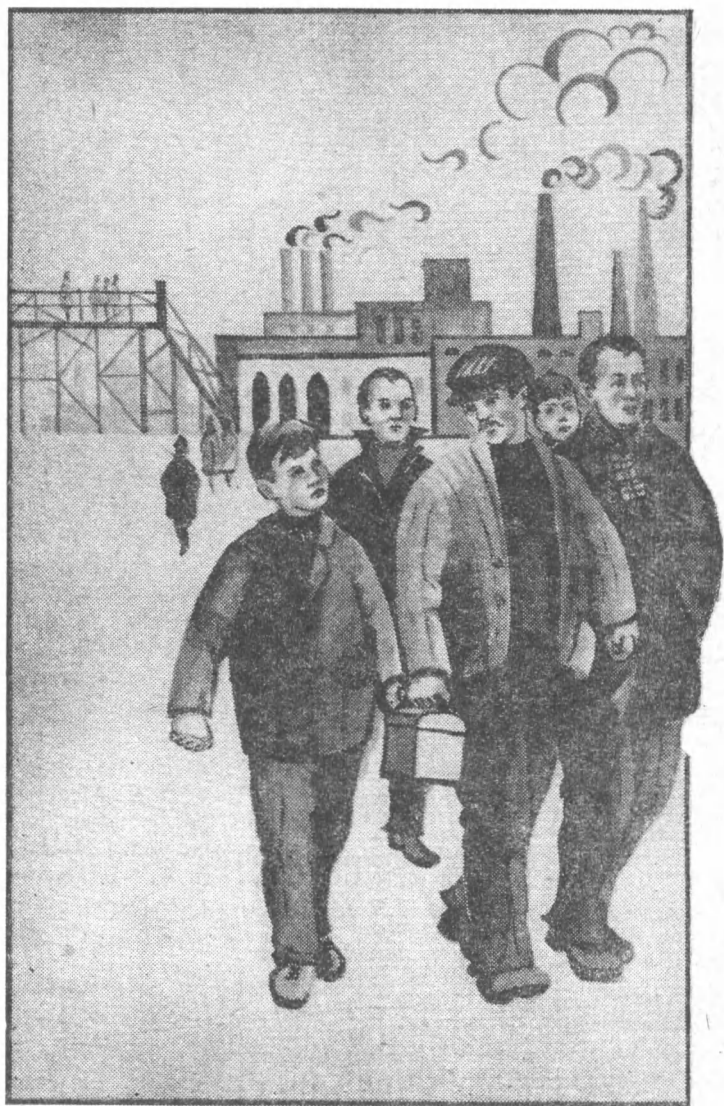
Детский коллектив хочет быть полноправным явлением общественной жизни — это никоим образом нельзя сбрасывать со счетов. Тем более, что такое стремление в умелых руках педагога может стать прекрасным инструментом воспитания.

В. С О В А.

МАЉЧИШКИ
НА ЗАВОДЕ

6

НАШУ СМЕНУ НАМ И ВОСПИТЫВАТЬ

Вот уже более полувека каждое рабочее утро я прихожу на родной завод. Здесь вместе с товарищами я сражался за власть Советов, дважды своими руками отстраивал разрушенное войной предприятие. Завод стал моим вторым домом, его коллектив — второй семьей.

Передо мной лежит пожелтевший от времени номер «Правды». На первой странице — фотоснимок: три молодых парня, демобилизованных из армии, встретились на заводе «Арсенал» имени В. И. Ленина. Подружились они еще в ремесленном училище и уже с завода ушли на военную службу. Станислав Реуцкий, Василий Маланин, Григорий Шугайло после армии вернулись на старые рабочие места. Василий руководит теперь бригадой коммунистического труда, хорошо работают Станислав и Григорий.

Когда-то им помогали, их наставляли кадровые рабочие, старые арсенальские умельцы. А теперь все трое сами учат молодежь. В этом, наверное, и состоит суть непрерывного прогресса, наше движение вперед.

Среди моих товарищей-арсенальцев уже 89 человек по праву носят звание мастера «золотые руки». Это, как правило, люди, умеющие не только хорошо работать, но и воспитывать молодежь.

Пришел как-то в цех № 7 худенький, невысокий подросток. Посмотрел на него старший мастер Григорий Гешихтер и вздохнул: не выдержит парень, бросит работу. Но Михаил Король поступил на завод с мечтой стать отличным фрезеровщиком, таким, как мастер П. Иванов и А. Пиорко. Именно они стали его наставниками. Ученик оказался способным, быстро освоил секреты мастерства. Вскоре он создал бригаду таких

же, как и сам, вчерашних школьников. Она стала одной из лучших в цехе. А минувшей осенью, когда Михаила Короля провожали в армию, он подвел к станку паренька и сказал, что оставляет вместо себя младшего брата Степана.

Мастер «золотые руки» В. Бабушкин научил своего сына профессии газорезчика. Сын токаря В. Найденко сам стал высококвалифицированным токарем. Г. Харлашкин обучил двоих своих сыновей специальности электротехника. На участке, где трудится Иван Федорович Радченко, мастером стал работать его сын Юрий. И мой сын Василий трудится мастером в одном из цехов нашего завода.

Минувшей осенью мы, ветераны завода, между собой решили: каждый из старых арсенальцев может и должен взять шефство над двумя-тремя новичками, пришедшими в цех после окончания школы. В бригаду имени XXIII съезда КПСС — одну из передовых в нашем цехе, которой руководит П. Андрусенко, первая на заводе женщина-мастер «золотые руки», — пришли три девушки-ученицы. Одну из них взяла к себе на обучение Прасковья Тимофеевна. Надо видеть, с какой любовью и каким старанием она передает ей свое мастерство, любовь к работе. Таких примеров теперь много.

Нас, ветеранов, особенно беспокоит то, что еще нередко случаи, когда молодежь без всякого на то основания уходит на другие предприятия. За легкомыслие, конечно, хвалить не приходится. Но иногда их можно понять. Как-то я разговорился с группой ребят. Оказывается, для них никак не найдут другой работы, кроме как чистить снег или подметать пол. Парни хотят стать станочниками, а их к станку почти не подпускают. Целый день они на побегушках, их посылают то за деталями, то за заготовками, то за смазочными материалами.

Бывает, что парни бегают от одного рабочего места к другому — может, кто даст постоять за станком хоть немного. Не всегда молодой рабочий обеспечивается комплектом необходимого инструмента, шкафчиком для одежды...

А разве нормально, что заявления, поданные молодыми рабочими на повышение разряда, не рассматриваются иногда по три, а то и по четыре месяца? Прихо-

дится слышать жалобы и на то, что начальники цехов, мастера подолгу не бывают в общежитии у молодежи, недостаточно заботятся об удовлетворении их жилищно-бытовых и культурных запросов.

Заводская молодежь — это наша смена, будущее рабоче-го класса, и мы должны сделать все, чтобы окру-жить ее отеческим вниманием ¹⁹.

В. Б А С К А К О В,
токарь киевского завода
«Арсенал» имени В. И. Ленина.

МАЛЬЧИШКАМ НУЖНЫ НИКАНОРЫ ИВАНОВИЧИ

Наша строительная организация выполняет в основ-ном заказы колхозов и совхозов района. Людям прихо-дится добираться на объекты, расположенные за не-сколько километров от города, порой по бездорожью, и работать в трудных условиях. В трудностях проверяет-ся человек, и, конечно, каждый имеет определенное мнение о своем товарище.

Есть у нас «железный», проверенный костяк строи-телей, людей солидных, людей в годах, составляющих основное ядро коллектива. Появляются иногда на гори-зонте и те, чья основная цель — «зашибить легкую деньгу». Этим не клади пальца в рот, этот знает все хо-ды-выходы, где надо и не надо. Есть у нас и несколько десятков подростков, которые еще толком не освоили свою профессию, не разобрались, с кого им пример брать.

Не будем торопиться с простыми выводами. Что же привело молодого человека на стройку? У одних это процесс вполне нормальный: школа — работа. Других «трудоустроила» комиссия при горисполкоме (кстати, таких ребят в последнее время становится все больше). К третьей группе можно отнести подростков, которые за первый год своей работы успели побывать в десят-ках организаций и заработать там нелестные характе-ристики.

Во-первых, прямо скажем, не всякий молодой чело-век смиряется с тем, что в шестнадцать ему приходится заниматься такой прозой — строить кошары и коров-

ники. И определенная часть ребят смотрит на стройку, как на промежуточную базу, как на «трудовую» разведку. Но даже в этой разведке много значит, кому он станет подражать, с кого делать жизнь. И, не найдя ничего нового, не найдя человека, заинтересованного в их судьбе, в отделе кадров хватаются за голову. Но тем не менее от таких молодых «летунов» не стоит отказываться, хотя, как правило, их принимают с великой неохотой.

Принять на работу пусть даже трижды трудного подростка — наша прямая обязанность. Даже если этот трижды трудный ввалился в кабинет в шапке, бросил на стол направление и всем своим видом подчеркивал, что своим приходом он сделал снисхождение взрослым (еще бы — в милиции ему простили хулиганство, а на комиссии горисполкома «пропесочили» родителей и т. д.). Но в этом случае рано вешать на парня ярлык «неисправимый». Единичный разговор в кабинете, конечно, не поставит на место юнца, но он должен понять, что отныне он не мамин сын, а член коллектива, и должен подчиняться его требованиям и законам. Нужно всегда использовать удобный случай, находить время для откровенных бесед с молодежью. Каждый из нас, прошедший какую-то жизненную школу, имеет в своем опыте и памяти достаточно поучительных примеров, имеет моральное право по-отцовски говорить с молодыми рабочими. Подчеркиваю, именно от того, кого подросток встретит на пути в своей трудовой разведке, будет зависеть его дальнейшая судьба.

Я несколько отвлекусь. Мне навсегда врезался в память образ дорогого для меня человека, моего старшего товарища Никанора Ивановича Бородина. Я рано лишился родителей. И у меня оказались для своей самостоятельности неограниченные возможности. На жизнь зарабатывал сам: разгружал на станции уголь и лес. Правда, пришлось для этого приписать себе полтора года. Я был крепким и выносливым, и парни с улицы не раз подсылали ко мне своих доверенных: «Чего, хлопец, спину гнешь? Пойдем с нами и сразу заработаешь кучу денег». Мне тогда было очень нелегко. Не всегда досыта поесть приходилось.

Я мечтал работать токарем на тракторном заводе. Но токарем меня не взяли, а приняли учеником заточ-

ника. Эта работа, честно говоря, мне не нравилась, и я ушел.

Кто знает, как бы повернулась жизнь, если бы я не встретил Никанора Ивановича, который в ту пору заведовал шахтой на Липецких рудниках. Не знаю почему, но этот человек проявил личный интерес к моей персоне. Он несколько раз ездил за много километров в рудоправление, чтобы ему разрешили взять в контору грамотного мальчишку-сироту. Так я стал таксировщиком. Под руководством Никанора Ивановича я познал законы нормирования. Одну смену я работал в конторе, а в другую мы вместе спускались в шахту, где Бородин рассказывал шахтерам о категории руд, о строении и залегании пласта.

Конторская работа уже не казалась мне скучной, потому что я близко познакомился с делом и за каждой цифрой видел нелегкий труд своих старших товарищей-горняков. Я верил Бородину и старался во всем подражать ему. Это был кристально чистый и честный человек, который всегда считался с интересами рабочих.

Прошли годы, я стал инженером-экономистом и сейчас иной работы не представляю для себя, хотя в юности мне очень хотелось быть токарем. Иной раз, когда я спрашиваю себя: почему, ответ один — Никанор Иванович. Зачастую именно в этой связи и решается вопрос о «любимой» и «нелюбимой» работе, в связи с авторитетом конкретного близкого и понятного человека. Вот почему у нас стало золотым правилом: всех молодых рабочих прикреплять обычно к лучшим, проверенным производственникам.

Одним из них является Иван Дмитриевич Варнаков, опытный мастер-плотник. Разные ребята у него работали в бригаде. Многих из них за короткий срок сумел он обучить плотницкому искусству, привить любовь к профессии. И ребята его любили. Мог он понять мальчишескую душу. Не грубил, но умел не только научить, а заставить работать. Он никогда не забывал проверить задание у своего ученика и, если чувствовал, что парень «не тянет» или дело ему не по душе, давал ту работу, которая сподручнее.

Иван Дмитриевич знает все о своих мальчишках. Знает, с кем они «ходят», как учатся. И если парень пропустил занятия в вечерней школе, надо сказать об

этом только Ивану Дмитриевичу. Он уж знает, как и о чем поговорить с членом своей бригады, которая твердо и последовательно идет к званию коллектива коммунистического труда. И молодой человек, хочет он этого или не хочет, обязан подчиниться силе коллектива, авторитету своего бригадира.

Авторитет старшего товарища... От него зависит многое, если не все, самое главное в воспитании подрастающего поколения. Там, где отличная трудовая дисциплина, где бригадир, как говорится, на своем месте, нет почвы для разгильдяйства «трудных» подростков. Но если мастер «воспитание» начинает с того, что посылает своего подопечного за бутылкой водки, то о каком авторитете здесь может идти речь? Разница в годах должна обязывать старшего с большей требовательностью относиться к себе, к своим поступкам.

Конечно, было бы неплохо, если все без исключения не приученные к самостоятельному труду подростки, вливаясь в хороший коллектив, как говорится, с ходу усваивали жизненные принципы лучших его людей.

Был у нас один паренек — Геннадий Б. Он трижды самовольно бросал работу, долгое время не появлялся, потом снова просился на стройку. Грубил, обманывал товарищей. Рождения он 1948 года, а про него уже говорили: неисправимый, испорченный. И факты подтверждали: с этим нельзя не согласиться. Вызывал я его, беседовал с ним, убеждал, горячился, помочь хотел. Знал, что мальчишке живется плохо, что не ладит он с родственниками. А парень взял да сбежал. Собственно говоря, и воспитанием его никто не успел заняться.

А потом письмо получаю откуда-то из Павлодарщины: «Дорогой Иван Васильевич, понял я свою ошибку, но поздно. Когда уезжал от вас, меня сманили плохие дружки. Попал в заключение. Отсидел пять месяцев. Сейчас снова поступаю на стройку. Я никогда не забуду вашей доброты и ласки ко мне и еще прошу — не ругайте меня, пожалуйста. В управлении одна работница дала мне спецодежду, а я поступил как последняя сволочь — увез ее.

Прошу вас и умоляю — вышлите мне трудовую книжку и профбилет. А с деньгами я рассчитаюсь в ближайший аванс или получку».

Что знал я об этом парне? Что он грубиян и неисправимый, что он трижды обманул нас. Зачем ему нужно было бросать одну стройку, чтобы устраиваться на другую. И мы ему поверили, выслали все, что он просил. А ведь работай он у нас, будь под контролем постоянных людей — наверняка сложилось бы иначе все.

И мне думается, что определенному кругу подростков, особенно тем, кто совершил уже какие-то проступки и был направлен на работу комиссией по трудоустройству, необходимо в законном порядке запретить в течение длительного времени, например, года, переходить с одного предприятия на другое.

А если такой переход необходим, то нужно проверить и взвесить связанные с ним обстоятельства. В принципе неважно, что молодой человек будет строить и где. Важно другое — с кем он начнет строить, кто из старших товарищей будет рядом. Не дело, когда подросток начинает свою трудовую жизнь с «перебежек».

Говорил я на эту тему с мальчишками. Находятся у них и свои причины, но многие жалуются на то, что, мол, скучно в коллективе, видишь только одну работу, а в свободное время — всяк по себе. Или бывает так, что и мастер хороший, и дело по душе, а вот со своими однолетками парнишка не сошелся, и чувствует такой человек себя лишним. А почему не сошелся?

Иногда руководителям ставят в упрек то, что у них на предприятии молодежь неинтересно проводит досуг, не занимается спортом, не принимает участия в туристских походах и художественной самодеятельности. Нет спору, руководитель должен оказывать определенное воздействие, но ни в коем случае не брать все обязанности на себя. Здесь широкое поле деятельности для комсомольцев. Есть у нас и коньки, и лыжи, и спортзал. Давайте, ребята, занимайтесь, все для вас.

Долгое время наши комсомольцы не могли провести отчетно-выборное собрание. Пригласили как-то нашу молодежь в красный уголок. Стали говорить о комсомольской дисциплине. Один заявляет: так, мол, и так. нами не занимаются, ничего интересного нет, на собраниях скучно и т. д. Словом, затянул человек старую песню. А, прсстите, кто же должен заниматься вами?

Вспомнил, что как-то в Среднегорском прорабстве мальчишки резались в домино, а старики столбы вка-

пывали для волейбольной площадки. Перегнули они со своей заботой.

Взрослые много говорят, особенно в последнее время, о подростках. Одни — сторонники очень осторожного, чуткого отношения к ним, другие говорят наоборот: надо меньше нянчиться, а принимать самые решительные меры, если человек не считается с честью коллектива, в который пришел. Но мне кажется, в том и другом случае никогда не следует забывать, кто такой и что такое подросток. Это еще и не оформившееся «я», и не осознанный протест, и нарочитая грубость, желание казаться взрослее и самостоятельнее, чем он есть на самом деле. Поэтому каждого молодого человека надо рассматривать в отдельности, чаще беседовать с ним, особенно если коллектив маленький.

Письмо Геннадия Б. из Павлодара не удивило, но обрадовало меня. Оно убедило, что у этого неисправимого грубияна и нарушителя трудовой дисциплины много наносной шелухи, которая со временем перетрется.

Верю, что Геннадий попал к хорошим людям и пойдет по правильному пути. Было бы гораздо хуже, если бы мы дали этому парню «по шапке» за первую же провинность, а в другом месте его просто не приняли на работу из-за приводов в милицию.

Какой будет наша трудовая смена, во многом зависит от нас с вами. Одно скажу: в жизни у каждого мальчишки должен быть свой Никанор Иванович.

И. В. ЧЕРНЫШЕВ,
начальник управления «Гражданстрой»
треста «Зыряновскстрой».

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ БОРИСА БЫКОДАРОВА, И О ТОМ, КАК ИСЧЕЗАЮТ «БЕГУНЫ» В ОДНОЙ АВТОРЕМКОЛОННЕ

А хотел пойти в радиотехнический.

На хлебозавод пошел. Отца не было. В семье двое маленьких. Кто матери поможет?

Директор Семипалатинского хлебозавода встретил Бориса вежливо. Борис сбивчиво, смущаясь, рассказал все о семье.

— Ну, хорошо, устроим тебя.

Устроили. Разнорабочим. И пятнадцатилетний подросток почувствовал себя увереннее. Радовался, когда принес матери получку.

Кажется, это была единственная радость. У подростков есть так называемый ученический день. Сначала Бориса отпускали с работы, чтобы готовиться к занятиям в вечерней школе. Но как-то мастер развел руками и сказал:

— Не могу отпустить, парень, кого вместо тебя поставлю...

Рассказать бы комсомольскому секретарю о своей беде. Не рассказал: тот только однажды подошел, чтобы «решить» вопрос о приеме в комсомол. А приняли Бориса, забыл о нем.

А тут заболел. Когда выздоровел, старший мастер «обрадовал»:

— На твое место приняли другого.

— Как же я?

— Не знаю. Куда переведу парня?.. Да он и старше тебя, работает полную смену...

— Увольняйте тогда.

Двоюродный брат все приглашал к себе, в авторемколону 2587: «Чудак, иди к нам, у нас ребят много. Не жалуются. Весело живем». Может, так, а может, и не так, скептически думал Борис. У него уже был, пусть маленький, но горький опыт.

Все-таки сдался. «Ладно, дай посмотрю». В отделе кадров узнал: в шинный цех нужны люди. Специальностью «не обременен»? Тогда начинай с подсобного рабочего.

На следующий день его разыскал парень в спецовке.

— Ты комсомолец? Дело тебе найдется.

(Забегая вперед, скажу: дел комсомольских много было. И воскресники, и вечера в клубе «Бригантина», и рейды «КП». Но это уже другая тема. Кстати, Борис возглавлял «прожектористов» шинного цеха).

Так вот, встретив впервые комсомольского секретаря Евгения Бойкова, подросток усмехнулся про себя: разговор чисто «по делу», встану на учет — и никаких больше разговоров не будет.

Были. Евгений Бойков и бывший начальник шинного Шамиль Нугманович Галиев постарались понять,

почему подросток робкий, замкнутый. Взгляд исподлобья.

Хотел в радиотехнический. Не удалось. А ведь неглуп и учился лучше других. Хотел матери помочь — тоже не сумел. Долго продержался на хлебокомбинате? Считанные месяцы. Черствость людей, с которой там столкнулся, болезненно восприняла легкоранимая душа. Тогда и замкнулся в себе.

Только бездумные оптимисты могут поверить, что болезнь неуверенности излечивается быстро. Участие и сердечная щедрость многих людей, ненавязчивая помощь — и начался, наконец, медленный процесс самоутверждения подростка.

— Случилось так, что я и мать должны были идти в первую смену, — рассказывал мне Борис Быкодаров. — А за ребятей дома некому присмотреть. Честно говоря, тогда не очень верил, что переведет в другую смену. И напрасно. Но больше я не беспокоился, понял: всегда пойдут навстречу.

Как-то в минуту душевной слабости хотел бросить школу. Разговаривал с ним начальник цеха: знаю, мол, как тебе приходится, перебори. Перебори! И не слова действовали, в общем-то обычные. А власть души человека, которого тревожила судьба подростка. Все-таки не разрешил бросить.

Борис помнит людей, которые трудное для него делали легким.

Ему понравилась работа вулканизаторщика. Подкатывают выдавшую виды покрышку, закладывают в шиноварочный аппарат. Какой-нибудь час — и готово. Час — и готово. Все просто. Только для постороннего. Чтобы покрышка вышла из аппарата, словно «новорожденная», нужно в строго определенное время подавать пар и воду. Ошибешься — и начинай все сначала.

Хочешь стать вулканизаторщиком — иди на курсы. (Ребятам в цехах стараются обучать профессиям, которые им нравятся).

И вот уже самостоятельная работа. Старший мастер был доволен новичком. И осталась довольна его ответами квалификационная комиссия, которая через несколько месяцев принимала в цехе экзамены.

Борису скоро в армию. Он сказал мне:

— Нравится, как живут здесь ребята. Так что после армии вернусь. А в радиотехнический все равно поступлю...

А я посмотрел на мальчишеское лицо и вдруг подумал: «Не попади к душевно щедрым людям, снова, наверно, ударился бы в бега».

Когда-то (а этому «когда-то» немногим более года) подростки и молодые рабочие в авторемколонне не задерживались долго. Никто ими особенно не интересовался. Как говорится, пришел — пожалуйста, ушел — привет.

Борис появился как раз, когда проблема молодых рабочих вызвала пристальный интерес.

Стали анализировать. Оказалось: очень много уходит ребят, которые совсем недавно окончили профтехучилища.

...Двое оказались «в бегах». Неожиданный сюрприз для бригадира? Мастера? Ничуть. Ребята заранее и недвусмысленно поставили всех в известность: отпустите, а то сами удерем. Мотивы? Одному захотелось к маме, в родной город (домашний борщ — не столовский. Да и по дружку Кольке соскучился). Другому захотелось на завод перейти. Тут побуждения простым — «хочу к маме» — не объяснишь.

Приезжают из профтехучилища новоиспеченные токари, слесари. Теорию знают «назубок». А практику? Пройдет не один месяц, прежде чем приобретут профессиональные навыки. Они как бы ходят в учениках. Но подростку вдруг понравилась другая работа. Рано или поздно он уходит. Тем более терять, с его точки зрения, нечего: специальности, которую получил, закончив училище, практически в руках нет.

— Если мы пытались удерживать такого, толку было мало,— говорит заместитель начальника авторемколонны Ш. Н. Галиев.— Работают кое-как, а другого не возьмешь: место занято. Административные меры? Что они для парнишки, которому нет восемнадцати. Трудовая книжка? Скажет: «Не работал» — и получит на другом предприятии новую. Да и сомнительна польза мер взыскания. Все равно любовь к любимой профессии не привьешь.

В «бегунах» оказывались и прибывшие с учкомбината. Кстати, эти даже теорию слабо знали.

Ребята, которые приходили со школьной скамьи, тоже чувствовали себя «временными». Во всяком случае, многие.

Решение сложной проблемы начали с восстановления в правах старого доброго принципа: хочет молодой рабочий получить следующий разряд — получай. Конечно, если выдержишь экзамены.

Теперь о мастерах. К подросткам они стали взыскательней, что ли. Бывало, дадут кому-нибудь задание. Срок — смена. Но мастер забывает проверить (маленький, мол, чего с него взять). А иной «маленький» и рад.

Мне понравился стиль мастера Николая Петровича Петрова. Сам он человек как будто суховатый. Но, странное дело, умеет привить даже взбалмошным сознание важности и нужности работы. Николай Петрович загружает его подростка, справедливо полагая: безделье подтачивает дисциплину. Его любимая фраза: «Ты должен сделать».

Все это уже не ново — повышать разряды без ненужных проволочек и находить мастерам верный тон во взаимоотношениях с молодыми рабочими.

А как сделать, чтобы не было все-таки «середнячков»? Начинается поиск.

— Попадались ребята,— говорит старший мастер Виктор Жердев,— которые заявляли: «Я не очень заинтересован в зарплате. Родители живут хорошо». Так они и стоят за станками, а выработки нет. Мы создали как бы комплексные бригады. И теперь, если один не закончил задание, сменщику приходится доделать сначала «чужую» работу. Только потом уже он принимается за свою. Оговорюсь: здесь нет стандарта. Бывает, ребята, не из лени не успевают выполнить задание. Что ж, сменщик не в претензии. Но если кто-то попробует лодырничать, ребята воспитывают сами. При такой организации труда у молодых быстрее возникает чувство профессиональной гордости и моральной ответственности друг за друга. Впрочем, уравниловки в смысле заработка нет. Каждый получает в зависимости от разряда.

И вот что еще интересно. В авторемколонне нашли своеобразную форму подготовки кадров. Здесь работала школа технического обучения молодых рабочих.

Теоретические курсы читали свои специалисты и пригласили преподавателей из учкомбината. Практику же ребята проходили прямо в цехах авторемколонны. И почти все они «осели».

— Я за такую форму подготовки кадров,—говорит Ш. Н. Галиев.— У нее много преимуществ. Во-первых, можно более оперативно обучать людей профессиям, в которых ощущается острая нужда. Во-вторых, ребят легче приучать к дисциплине. Кстати, у выпускников профтехучилищ с дисциплиной неважно. Сколько раз было: паренек во время работы сядет на автокар и катается. Сделает мастер замечание и слышит в ответ: «Я не с умыслом, просто захотелось покататься». А у наших, «доморощенных», такие казусы случаются гораздо реже.

Для нашей школы мы разработаем специальную программу. Инженеры будут читать теоретические курсы применительно к специфике нашего производства. А некоторые предметы могут читать преподаватели из учкомбината. Прошу понять правильно: мы не против централизованной подготовки молодых рабочих. Но пока профтехучилища и учкомбинаты, к сожалению, не удовлетворяют полностью нужд предприятий. Да и в любом случае нельзя абсолютно точно предусмотреть потребность в той или иной профессии.

Все это хорошо. Допустим, увеличился план или изменили программу. А скажем, токарей не хватает. Человеку предлагают пойти на курсы. Но у него уже есть специальность, зарабатывает прилично. Между тем он прекрасно знает: после курсов 2—3 месяца будет «осваиваться». Заработок, конечно, снизится, так почему бы на это время не сохранить прежний? Новичок, понимая, что это своего рода материальное поощрение, будет стараться скорее «освоиться». Разумеется, нужно оговорить: если после двух-трех месяцев выработка изменится незначительно, автоматически начинает действовать принцип: сколько сделал, столько и получишь.

— Сделать это можно: предприятию выгодно в конечном счете,—согласился Ш. Н. Галиев.— Тогда молодежь будет охотнее приобретать вторые профессии.

Год на исходе — никто из ребят не уволился. Уходят, но только в армию, вузы и техникумы. Уже когда

я собрался уезжать, узнал: на предприятии создан специальный фонд материального поощрения подростков. Тех, кто работает старательно, будут премировать. Не знаю, есть ли такой фонд на других заводах.

Все это — поиски и эксперименты. Можно кое с чем не согласиться. Можно спорить.

Мне не хочется спорить, потому что я знаю историю самоутверждения Бориса Быкодарова.

Б. Г А Р И Н.

СТУПЕНИ

1. ДЕТДОМ

Приходили к другим: шелестели свертками, прятали виновато глаза. Виталий убегал гонять мяч. В игре забывался и уже не вспоминал, что к нему не придут.

Сестра? Она где-то на Алтае. Не может же она просто так собраться и прийти. Она приедет. Потом. Виталий ждет, пытается представить ее лицо и не может. Вспомнил лишь тоненькую в черном фигурку девочки на похоронах матери..

Сестра! Она приехала. Ждет в комнате, где они готовят уроки. Теперь он не один. Он дождался... Виталий бежит со всех ног, задыхается.

Но что это?

Все происходит совсем не так, как он думал. Совсем не так.

— Ты Витя Алябьев?

— Да.

— А я твоя сестра, Надя. Я тебе писала. Ты получил мое письмо?

— Да.

— Ты меня узнаешь, помнишь?

— Нет. Я не знаю тебя. Но я тебя ждал.

Женщина плачет, шелестит кульком.

— Как ты изменился, вырос. Посмотрела бы мать...

Он не помнит матери. Не помнит ее — сестру. Он ошибся, фантазируя о ней. Сестра — это чужая тетя, которая почему-то все о нем знает. Чужая тетя.

Она спешит. Неловко целует и уходит, оглядываясь и плача.

Виталию все это кажется сном, который он надолго забывает.

Он — один. Вот и теперь — первый день за воротами детдома, в который уже никогда не вернется. Не чувствует Виталий радости, что, наконец-то сам себе хозяин. Тревожно на душе.

Работа есть. В кармане лежит направление на Алма-Атинский литейно-механический завод. Но там нет даже общежития. Куда идти? Что делать?

А в чемодане под парой белья письма: «Извини. Все эти годы тебя не искала, но думала о тебе, даже во сне видела. Что поделаешь, разлучила нас судьба и, возможно, навсегда».

Судьба. А зачем тогда письма? Живет же где-то старший брат Виктор, не пишет писем, ничего не знает о младшем, не переживает и не ссылается на судьбу. А отец... Кто он? Где? Жив ли вообще?

Вопросы. А ответов нет. Сестра, отец, брат — одни слова, за которыми ничего не стоит. И не таят они в себе никакого тайного смысла.

«Конечно, мне жаль, что ты начинаешь свою самостоятельную жизнь без моего участия. Помочь тебе ничем не могу».

«В войну я окончила всего четыре класса школы. Работать надо было. Целый день в поле, а вечером приду — ужин готовлю, полы мою, воду грею — мать и тебя — грязнульку обстирываю. На зиму дрова, хлеб добывать надо, а мне всего семнадцать лет...

... Ты без присмотра целый день... А потом в детдом отдала. Когда маму похоронила, жутко стало, страшно. Страшнее голода. Уехала...»

Письма. Будто не ему, Виталию, а кому-то другому написаны. Не трогают они его, жалости не вызывают. Один он. С тех пор, как помнит себя. Один, без родственников. Лишь детдомовские друзья.

Теперь опять один, и его не волнует, что маленьким он «не умел как следует играть в кони и забавно бегал за сестрой». Письма: слезы и жалобы на судьбу. Не помогут они.

— Ты обедал сегодня?

— Нет. Завтракал утром в детдоме.

— Идем. У меня «дуб» есть. На двоих хватит. А жить пока со мной будешь...

Это Буров Михаил. Он взял чемодан Виталия и идет рядом. Рядом, как в детдоме. Смотрит серьезно, понимает. Столько лет жили они вместе, по одному расписанию. Вместе оставляют дом, где прошло их детство...

Друзья? Нет. Больше, чем друзья. «Мы, как братья», — скажет потом Виталий, и это будет правда.

2. ЗАВОД

Он отложил готовую деталь, выключил станок. Стало слышно, как хлопают дверцами шкафов и торопятся на обед слесари. Цех затихал.

— А ты почему без головного убора работаешь? Виталий вздрогнул, оглянулся. Рядом стоял Иван Аполлонович — начальник цеха.

— Это не в первый раз, — сказал он и добавил: — Если замечу без фуражки, оштрафую. Должен же ты понять, что по технике безопасности не положено.

— Я понимаю, но привык с открытой головой...

— Не вилай.

— Куплю с получки. Я пойду! В столовой очередь.

— Ты по какому разряду работаешь?

— По первому.

— Надо готовиться сдавать на второй.

— Готовлюсь.

— А живешь где?

— Сейчас у Саши Пичугина.

— Ты же жил у Бурова.

— Его в армию призвали.

— Ну, иди.

В столовой очередь, долгая и утомительная. Но чувствует Виталий в себе какую-то легкость, даже приподнятость. Сам Иван Аполлонович помнит о нем. И хоть отругал, но без зла, по-товарищески.

... В каждодневной текучке дел проходят годы. У Виталия их прошло уже три. Многие дни слились для него в один огромный день с равномерным жужжанием фрезерного станка, с маленькими победами в борьбе за право называться настоящим именем — рабочий, с законной усталостью к концу рабочей смены.

Но помнит Виталий из этих лет и другие дни. Точнее, не дни, а моменты, которые — как вспышки, как огоньки среди сотен похожих друг на друга часов.

Виталий помнит о них, хранит, как драгоценный напиток, который не хочет расплескать.

Вот они с Михаилом Буровым впервые вошли в инструментальный цех. Ровные ряды станков — токарные, фрезерные... Несмолкающий гул, широкие окна. Большой коллектив.

Оба почувствовали себя неуклюжими, неповоротливыми в этом строгом царстве машин, царстве рабочего ритма и чистоты.

На стене портреты лучших людей, передовиков. Сколько их? Они теснятся узкой полоской и теряются в глубине цеха. Виталий ищет среди них фотографию женщины, ради которой собрался весь цех. Она ветеран. И многие из присутствующих помнят ее, наверное, еще с молодых лет.

— Мы собрались чтобы проводить на пенсию, на заслуженный отдых нашу работницу... На смену ей к нам в цех пришли двое молодых. Я прошу тех, у кого они будут учениками, передать им весь свой опыт, все «секреты» профессии, отнестись к ним, как к своим детям, — так говорил начальник цеха И. А. Пошиев. Виталий и Михаил стояли перед рабочими, ловили каждое слово выступающего. Не ожидали они такого отеческого приема, этих теплых слов участия.

В раздевалке они встретились. Учитель и ученик.

— Вы, дядя Гриша?

— Я.

— Меня к вам... учеником.

— Вот и хорошо.

Виталий и Григорий Генрихович Дик вошли в цех. Через месяц Виталий уже работал самостоятельно, через три — сдал на первый разряд, потом начал работать по четвертому...

Учитель передал своему ученику все, что мог, и был искренне обрадован, когда в канун пятидесятилетия Советской власти Виталий стал участником конкурса на лучшего молодого токаря и фрезеровщика Алма-Аты.

По мастерству, скорости и качеству обработки контрольной детали Виталий занял второе место в городе.

— Работать он умеет,— говорит Григорий Генрихович.— На лету схватывает. Объяснишь ему что новое и знаешь, что не впустую. Будет отдача.

3. ЦЕХ — СЕМЬЯ МОЯ

Говорят, пришла беда — открывай ворота. А если победа? Пусть даже маленькая, незаметная? Окрыляет. Вступают в силу какие-то новые законы: работа ладится, сам не замечаешь, как легко делаешь то, что раньше не мог. Будто сдвинулся с «мертвой точки» и пошел, будто проснулся. Любая цель кажется достижимой и на людей смотришь по-иному. Добрее, что ли. Ведь все, что есть в душе хорошего, так это от них. Все, чего достиг ты, их заслуга. Кто словом, кто делом, а кто просто рукопожатием, взглядом, как бы подбадривал, помогал крепче стоять на ногах и, ничего не беря взамен, отдавал частичку себя. Ты убеждался, что для них ты не случайный прохожий, нужен им.

— Будет отдача,— сказал Григорий Генрихович и не ошибся.

Комитетчики выпускали очередной номер «Комсомольского прожектора». Не было рисунков. Виталий взялся и сделал. Наутро рабочие толпились у белого листка и смеялись.

— Похоже.

— Молодцы ребята.

Ничего особенного, а Виталию легко как-то, празднично.

Поручили ему организовать заводские соревнования — организовал. По волейболу цеховая команда завоевала первое место. Сам Виталий — первое место по теннису.

Заметили ребята организаторскую жилку, комсоргом выбрали.

— Работай. Покажи, на что ты способен.

... Проходят дни. Они как минуты для Виталия. Не успеет оглянуться — конец смены. И устал, и в техникум на занятия надо, а не хочется уходить из цеха.

— Ребята его любят.

— Если за что берется, то сделает как надо, на совесть.

— Старательный. Чего не знает, спросить не стесняется.

— Дело знает. Осваивает смежные профессии.

— Не ошиблись мы в нем.

— Особо выдающегося в нем нет, но если бы все молодые в цехе были такими, мы бы и забот не знали...

Это слова товарищей по работе, тех, кто так или иначе знает Виталия: конструктора Б. А. Можая, комсомолки Тони Ищенко, инженеров В. Н. Никулина, А. Н. Стукалова, И. А. Пошиева, фрезеровщика Г. Г. Дика, учителя Виталия, и всех тех, с кем пришлось мне разговаривать о судьбе бывшего подростка, а теперь юноши.

Говорившие почти единодушны в характеристиках Виталия. Единодушны они и в том, что говорили о нем как о близком человеке, которому желают только добра.

А Виталий?

— Здесь я как дома,— говорит он и добавляет:— Как в большой семье. Я не чувствую себя должником, но мне хочется сделать для этих людей что-нибудь хорошее.

Сделает.

Эта уверенность не покидает меня и сегодня, хотя с момента поступления Виталия на завод прошло пять лет. Совсем недавно я встретил его. Случайно. На улице. Он шел с ребятами из цеха на дежурство. Красные повязки. Уверенный шаг...

— Как жизнь, Виталий?

Он остановился. Знакомая, смущенная улыбка.

— Как видишь — работаем..

Б. МАРЫШЕВ.

МЫ ЗА НИХ В ОТВЕТЕ

Шел суд. В зале сидели родители подсудимого, соседи, учителя, люди, знавшие его с самого детства.

Еще недавно это был неплохой парень. Правда, молчаливый, замкнутый, но учился хорошо. А потом вдруг Виктор У. стал пропускать занятия, перешел в разряд «неблагополучных».

И вот он на скамье подсудимых. Под руководством одного великовозрастного бездельника подросток совершал кражи.

Хриплым голосом Виктор рассказывает, как каждый день, словно на вахту, выходил на улицу, садился на скамейку в скверике, ожидая своего «опекуна», а затем вместе с ним бесцельно слонялся в поисках приключений.

Однажды попробовал хмельного на деньги Черного (так звали «опекуна»). Затем подошла очередь угощать Виктору. Денег не было, и Черный научил, как доставать их.

Почему Виктор потянулся к Черному? Увидел какие-то внешние приметы героического? Деньги вон как достает — не боится ни капельки. Держится всегда независимо, дерзко. А к нему, Виктору, отнесся, как к равному...

Вот и попался мальчишка.

Как воевать с Черным, как вырвать из-под его влияния ребят, подобных Виктору?

В одном из разговоров мать такого же сбившегося с пути мальчишки жаловалась мне: «Конечно, я прежде всего отвечаю за своего сына. Но что я одна могу сделать? Ребятам нужны хорошие вожак не только в школах, но и на улицах, во дворах».

Да, сколько у нас энергичных, жизнерадостных юношей и девушек, обладающих умелыми руками, занимающихся спортом, увлекающихся науками, искусством! Пусть нет у них специального педагогического образования, но каждый из них может сделать много доброго, полезного для мальчишек и девчонок, которые очень часто не знают, на что потратить свое свободное время, ищут дел увлекательных и необычных, а не находят их, тянутся порой к той уличной «экзотике», которая приводит их к беде, так же вот, как Виктора У.

И каждый из нас, отцов, может многое сделать, чтобы увлечь ребят настоящим делом, в котором будет укрепляться здоровая нравственная основа их личности, крепнуть характер.

Торопливо проходим мы через двор, отправляясь на работу, возвращаясь домой, — утром, вечером...

Видим, что утром и вечером слоняются по двору мальчишки, колотят о стенку дома мяч, гоняют в пыли

какую-нибудь банку, устраивают кучу малу на покосившейся, разодранной скамейке.

Часто ли кто-нибудь из нас останавливается возле этих мальчишек? Не должны они быть безразличными нам! Ведь это от нас тоже во многом зависит, какими вырастут «чужие» дети. Не надо дожидаться, пока они совершат первый неверный шаг, чтобы только потом бросаться «на выручку», принимать меры к перевоспитанию.

Я думаю, пока каждый из нас, взрослых, не научится видеть в сегодняшнем мальчишке человека с особым миром интересов и пристрастий, не позаботится о том, чтобы всякий нашел занятие по душе — мальчишкам будет трудно.

Мы, взрослые, обязаны им помочь.

Я хочу рассказать, как делают это работники Бурундайской автобазы.

У каждого предприятия есть свой производственный план, свои заботы. Есть они и у работников Бурундайской автобазы. Но тем не менее с некоторых пор все, начиная с директора Михаила Акимовича Мазурика, кончая молодым рабочим Владимиром Гребенцовым (кстати, он ученик 11-го класса нашей школы рабочей молодежи), помимо своего прямого долга, заняты делом, которое не предусмотрено никакими планами. Каждый подросток, работающий в том или ином цехе, имеет своего шефа в лице старшего товарища, бригадира или начальника цеха. Автобаза, по выражению многих, стала «высшим педагогическим заведением».

Рабочие и бригадиры в большинстве случаев и понятия не имели о педагогике, о методике воспитания, и едва ли можно поручиться, что каждый из них абсолютно правильно воспитывает своего собственного сына или дочь. Но все вместе они, несомненно, были умными, чуткими педагогами. Немалая заслуга в этом начальника электроцеха бригадира В. З. Дехтяря и других, которые затратили много сил в работе с подростками. Их воспитанники сейчас самые дисциплинированные, работоспособные, целеустремленные ученики нашей школы.

Здесь в словах и действиях взрослых ребята чувствуют неприменную силу их внутреннего единства. Здесь щедро делятся с подростками не только опытом,

знаниями, но и своей целеустремленностью, умением жить полнокровно и интересно.

Пора на каждом предприятии создать совет помощи семье и школе. Эти советы организуют при предприятиях и во дворах спортивные секции, технические кружки, займутся трудовым воспитанием подростков. Я уверен, это дело реальное, потому что такие советы будут объединять и направлять усилия многих и многих людей, каждый из которых может и должен внести свой вклад в воспитание подростков.

Совет при Бурундайской автобазе — авторитетный действенный орган, он дает возможность объединять усилия семьи, школы и воспитателей-производственников и, кстати, воспитывает не только подростков, но и взрослых. Прививает каждому высокое чувство личной ответственности за растущую смену.

Б. М. МИРОШИН,

директор бурундайской школы
рабочей молодежи
Алма-Атинской области.

ДОРОГОЙ РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА

Опять неудача! Окошечко захлопнулось сразу, как только он сказал, что нет у него никакого паспорта. Никого не интересует: почему он хочет работать, почему не учится? Видимо, эти вопросы задают потом, а пока только один: «Паспорт?»

Из проходной Димка побрел в противоположную сторону, домой идти не хотелось. Спадала жара. «Прощайтесь до темноты», — решил он.

В запущенном скверике с чахлыми деревцами, высаженными в этом году, он отыскал единственную скамейку. Скверик его устраивал — здесь не было никого. Он откинулся на спинку скамейки и задумался: как быть дальше? Больше всего волновал его вопрос с работой, она нужна была ему, как воздух, как еда. Заводом он мог в какой-то степени успокоить мать, хотя с того дня, как он бросил учебу, она не находит себе места и все еще надеется, что он пойдет в школу. Димка с ней не спорит, конечно, он будет учиться в вечерней или заочно в техникуме...

Его одиночество нарушил какой-то мужчина — сел, развернул газету и углубился в чтение. Газета тряслась в его узловатых руках, закрывая все лицо, виднелась только оголенная голова, покрытая редкими серебристыми нитями волос, влажно блестящими. «Он уже свое отработал,— подумал Димка,— теперь газеты почитывает...»

— И что же это вы, молодой человек, отдыхаете? — неожиданно спросил мужчина, повернувшись к подростку. Он смотрел сквозь очки с какой-то долей любопытства, уважения и желания затеять разговор.

— А что делать? На работу-то еще не принимают... — Димка явно рассчитывал, что теперь собеседник оставит его в покое.

— Специальность?

Димка еле сдерживал раздражение: и здесь специальность! Видно, без этой специальности никуда.

— Нет у меня никакой специальности. Понимаете, нет! Что ж, по-вашему, все рождаются со специальностью? Ведь ее приобрести надо...

— Идите учеником.

— Да паспорта нет! Или подай им направление от комиссии. А мне работа — вот так нужна!

Сосед пододвинулся к Димке и доверительно заговорил:

— А ты в отдел кадров больше не ходи. А жми прямо к начальнику цеха. Так, мол, и так! Хочу освоить какую-нибудь специальность, возьмите учеником, и гляди прямо в глаза, понял? Возьмет, слово даю!

Димка усмехнулся.

— К начальнику цеха? А как, простите, к нему пройти? Пропуск нужен, а кто мне его даст? Скажут — зачем? И опять пошлют в отдел кадров...

Минуту-две сосед молчал, потом оживился, посветлели крапинки в глазах, тряхнул головой.

— Вот что! Здесь в одной стене, в заборе, есть пробоина, сейчас покажу. Только не теряйся — пролезешь! А там все разыщешь. В любой цех заходи и в ученики просись. Постой, постой! Лучше в литейный. Работа не ахти какая чистая, зато всегда берут. Знаешь, что такое стержень? Ладно, там научат.

Они пошли по скверику, пробрались через аллею разросшихся карагачей к заводской стене. Здесь, слов-

но не замечая Димки, мужчина остановился и заворчал:

— Хм... Лазейка. Директор-то куда смотрит...

Димка закрыл глаза и пополз через узкое и замусоренное отверстие. Стряхнул пыль с брюк, оглянулся — не заметил ли кто — и пошел по территории. Здания возникали со всех сторон и были то невзрачными простыми домами, то огромными коробками. Одни были тихими, утопающими в зелени, другие — открытыми со всех сторон, грохочущими. «Литейный, литейный... — вертелось у него на уме, — который же из них литейный?»

— Где здесь литейный? — спросил он у пробежавшего мимо мальчишки.

— Не видишь, что ли? Вон как дымит! — мальчишка презрительно посмотрел на него и махнул рукой, указывая вправо.

Кабинет начальника цеха помещался на втором этаже. Димка постучался и вошел, не дожидаясь разрешения. Начальник разговаривал по телефону, он кричал в трубку о непонятных делах и досадливо ерошил вьющиеся волосы на голове. В трубке раздался треск, он повертел ее и положил на рычаг. Потом долго смотрел в окно.

— Ну, что? — спросил он Димку, после молчания и заговорил о своем. — Дефициты! А кроме дефицитов есть и другие дела... Верно?

Димка кивнул в знак согласия и торопливо, сбиваясь и боясь, что его не выслушают до конца и откажут, стал рассказывать о себе. Начальник цеха слушал терпеливо, не перебивая; делал какие-то пометки на большом чертеже. Время от времени он отрывался от чертежа, бросал короткие взгляды на Димку и тогда тот замолкал на полуслове.

— Научим делать стержни, раз тебе так хочется, а пока поработаешь подсобным рабочим, присмотришься... А ты не искал работу поинтереснее?

— В моем положении любая работа представляет для меня интерес! — отчеканил Димка.

— Ишь ты, серьезный парень. Ну, хорошо, оформим! Дай-ка твой пропуск, я подпишу!

Димка замешкался: ложь не спасет, лучше сказать все как было.

— Я пролез через стену, мне не выдавали пропуска...— Сказал и подумал: «Все! Сел на мель...»

— Надеюсь, ты не собираешься выйти с завода таким же путем? Я позвоню в проходную.

— А заявление? — робко спросил Димка.

— Приноси!

Мир принимал радужное очертание, снова возвращалась сказка из детства, радостное пробуждение и рассвет.

...Димка любил вставать рано — накидывал на плечи одеяло и забирался на подоконник. Город просыпался медленно, как бы нехотя. И это ожидание, когда наконец-то покажутся прохожие, начнется говор за окном, доставляло ему необъяснимое удовольствие. В шесть часов, как обычно, проходила поливальная машина, сыпала на асфальт брызги и, поблескивая мятыми боками, скрывалась за углом. Ненадолго устанавливалась тишина. Димка радовался новым, неожиданно появляющимся на небе краскам. Они разбавляли густоту неба. В прозрачном легком воздухе четко высились горы, пониже виднелись тупые крыши зданий и совсем близко — черные проемы окон.

Димка любил встречать восход. Солнце выплывало из-за высокого забора, который отгораживал улицу от стройки, но еще задолго до этого все свежело, розовело, словно наливалось соком. И наступающему дню Димка радовался как подарку. Таким было утро.

Неожиданно все обрывалось. За стеной раздавались тяжелые шаги отчима, надсадный кашель. Потом появлялся он сам, в облаке водочного перегара.

— Чего сидишь? Чего уставился? Марш в школу! — бросал он короткие фразы, как команду, и торопливо скрывался за дверью, словно боялся встретиться глазами...

— ...Ты бывал в литейных? — спросил его старший мастер Широков и представился: — Зови меня дядей Леней.

Они на мгновение задержались у двери. Оттуда доносились незнакомые выхлопы. Дядя Леня пропустил подростка вперед. Димку оглушил шум, глаза, привыкшие к яркому свету, не различали ничего. Грохот цеха что-то ему напоминал. Где-то он уже слышал этот хаос звуков. Море... Шторм... Они сидели тогда с отцом в

кафе на поплавке. Ветер рвал шелковые занавески, волны бились о легкие стены, грозясь разнести их в щепки, ходуном ходил пол. Говорили — приближается шторм. Отец торопливо покормил его, и они вышли на набережную. Твердый асфальт, прочная-прочная земля и рядом беснующееся море. Лязгали корабельные цепи, свистел ветер. Хаос звуков оглушил Димку, как и сейчас здесь в цехе.

Дядя Леня легонько подтолкнул его в спину. Серебристо-черная пыль носилась в воздухе.

— Графит. Опрыскиваем формы, стержни.

На стержневом участке, куда привел его старший мастер, было относительно тихо. Но в ушах все еще стоял гул — то ли он был отражением услышанного, то ли слабо доносился сюда.

Все были заняты работой и не замечали Димку. Он оглядывался по сторонам и ничего не понимал. Мелькали лица, руки, спины, сыпалась в деревянные ящики земля, затем эти ящики переворачивали и на чугунных плитах оставались замысловатые сооружения. Но вдруг движение замедляется.

...Плиты загромоздили все небольшое пространство стержневого участка — остановился кран. Работницы нервничают.

— Куда кантовать стержни? На голову себе, что ли... — налетает на дядю Леню одна девчонка. Тот и сам в легком замешательстве. Только было на участке все в порядке, и он ушел на земледелку, чтобы подогнать бункеры с составом — и вот кран не работает.

Когда мотор забарахлил, крановщица вызвала дежурного электрика. Пришел Крабов, снял мотор и минут через пятнадцать принес другой. Через полчаса кран остановился совсем. Как потом выяснилось, Крабов снял неисправный мотор с другого крана, что-то там минут за пять подправил и принес в кабину, выдавая его за новый.

Теперь он снова возился с мотором наверху, и там шла перепалка.

— Совести у тебя рабочей нет, честности никакой... — кричала крановщица.

— Потихе, потихе на поворотах... Работать мешаешь, — доносился голос Крабова.

— Я тебе покажу потихе!

А тут, внизу, тоже беспокойно, даже ногу поставить некуда — девчонки прыгают за составом земли через плиты. Дядя Леня ушел что-то выяснять.

Димка приноравливается, поднимает плиту с траками и несет в сушильную печь. Крохотное пространство высвободилось. Он неожиданно ощущает прилив сил, подхватывает еще одну плиту. До сушильной печи не так уж и далеко. Он считает шаги — всего лишь двенадцать. Считает плиты. Они убывают — десять... девять... восемь...» «Перетаскаю все», — решает Димка. Остается пять... четыре... три... Вот-вот участок будет разгружен, и тогда пусть этот Крабов возится с мотором хоть до утра.

Димка поднял последнюю плиту, выпрямил спину и перед ним закачались люди, стены, потолок. До звона в ушах давила тишина. Плита упала к ногам, и Димка вдруг очутился на полу.

Первым скатился к нему Крабов, он наблюдал за Димкой сверху, и теперь картина для него была ясна.

— Дурак ты, я тебе скажу, — суетился Крабов, приподнимая Димку, — небось, сам собой восхищаешься, в ладоши сам себе хлопаешь? Может, и о награде подумываешь?

— Ну и ладно! — огрызнулся Димка, поднимаясь на ноги, — не из-за благодарности...

— Значит, ты один сознательный нашелся на весь цех? Или в герои полез?

— Никуда я не лез. Стержни кантовать негде...

Димка почувствовал неприязнь к стоящему рядом человеку — отталкивали ухмылка, слова, жесты. Не было у Крабова ничего общего с Димкиным отчимом ни в возрасте, ни во внешности — и все-таки они чем-то походили друг на друга, суждения и взгляды роднили их. Воспоминания об отчине Димке были неприятны. За два года их совместной жизни Димка так и не стал ему близким.

Уходил отчим с самодовольной улыбкой, с красноречивым жестом: «Вы у меня еще поплачете!» И потом лично матери: «В ногах валяться будешь, чтобы назад вернулся...»

После его ухода мать и правда повалилась на постель, глухо зарыдала, уткнувшись лицом в подушку, Мать плакала впервые после смерти отца.

Она поднялась, разглядывая Димку с ног до головы, словно перед ней стоял не сын, а кто-то другой. И, сжав ладони, проговорила:

— Как мне теперь жить? Ребенок скоро у меня будет...

Димка ответил просто и твердо:

— Работать пойду!..

Дядя Леня бежит через весь цех — запыхался, хватается рукой за сердце — этот жест уже к Димкиному «подвигу» относится.

— Кто позволил?! — кричит он, — кто позволил вручную плиты... Тебя знакомили с инструкцией по охране труда подростков? Ты кого режешь? А?!

Выговорившись, он берет Димку за плечи и подталкивает в спину, выпроваживает из цеха.

— Иди домой, отлежись! Если завтра почувствуешь ноги на месте — приходи!

«Вот так-то, — думает невесело Димка, — закончился мой первый рабочий день».

Вечером старший мастер Широков приходит к ним домой. Мать проводит его в свою комнату, и они долго разговаривают. Ну, конечно, о нем, о Димке. Наверное, о стержнях. Дядя Леня, вероятно, жалуется на него и оправдывает себя. Зачем он тогда пришел? О чем они там разговаривают?

Кто-то внутри так и подталкивает Димку встать и подойти к двери, а он продолжает лежать на диване. Поразительно упрямый человек. Чем сильнее толчки, тем тверже упорство. Две равные силы сцепились: кто же победит?

...Отчим часто вдалбливал матери: «Щенок щенком, а самонравства через край... Будь я ему родным, выучил бы его!»

А раз она не выдержала: «Родной бы только радовался — весь ведь в него: и гордый, и упорный, и правдивый...» Там на кухне раздался странный хлопок, словно чашка разбилась о что-то мягкое.

— Принизить меня захотела... А того все возвышаешь!

— Пощечина тебя великаном не сделает... А до него теперь уже ясно, не дорастешь!

Мать тогда пробежала мимо Димки, закрывая лицо руками.

...И все-таки Димка слышит голос дяди Лени, он уже собрался уходить и подошел к двери.

— Он у тебя еще, конечно, молодо-зелено! Но работать научим и учиться парень пойдет.

Он присаживается на диван к Диме и широкой ладонью прихватывает плечо подростка:

— Не дрейфь, сынок! Рабочим человеком вырастешь!

От дяди Лени пахнет металлом, дымом и еще чем-то далеким и знакомым. И Димка опять вспоминает свой рабочий день: и плиты, и горластую крановщицу, и такой уже волнующий его шум и грохот цеха...

Н. ЯНИНА.

ЗАВОДСКАЯ ПЕДАГОГИКА

Собирая материал для новой книги, я подружился со многими рабочими, техниками, инженерами одного из крупных предприятий Таганрога. Эта дружба не прекращается и теперь. Недавно одна из моих заводских знакомых показала письмо, которое собиралась отправить своей бывшей однокласснице, ныне учительнице. Думается, оно представляет общественный интерес. С разрешения автора я предлагаю его вниманию читателей. Некоторые имена по понятным соображениям изменены.

«Мне, вчера, Алена, стукнуло 32. Много это или мало? Вероятно, много.

Собственно, я уже прожила несколько жизней: ту, юную, ученическую, в которой мы были вместе; студенческую, когда училась сначала в металлургическом техникуме, потом, заочно, на литфаке педагогического. И вот — пошла в нынешнюю, главную для меня жизнь, — заводскую.

На бумаге должность моя выглядит довольно громко: «инженер-методист по техническому обучению и воспитанию подростков». По существу же все гораздо прозаичнее: поступают на завод мальчишки и девчонки, а я — их «главмама».

Некоторые из этих ребят «крепкие орешки», надо же добраться до их сердцевины, чтобы выпрямить ха-

раक्टर, дать образование, рабочую профессию: прессовщика, токаря, штамповщика, слесаря.

На заводе нашем тысячи рабочих, и вот, когда подростка, этого малолетнего правонарушителя, от которого порой довольно легко избавляетесь вы, школьные учителя, посылает детская комната милиции или райисполком на «перевоспитание» — начинается процесс обкатки. Дело скажу, тебе, без фальшивых вздохов, люблю мне, хотя и дьявольски трудное.

Сейчас, думая о специфике своей работы, о том, из чего она складывается, я невольно перебираю в памяти свой обычный рабочий день.

Каждый из этих трудовых дней связан с моим городом, с моими воспитанниками, «трудными» и непонятными вначале ребятами, в которых я под внешней небрежностью и показной бравадой с волнением и радостью нахожу доброе человеческое сердце. За день этого не узнаешь и много не увидишь, не почувствуешь. Настоящее знакомство с моими подшефными, их узнавание потребует не одного десятка обыденных дней, кропотливого и внимательного наблюдения.

Утро обычно начинается так: встаю в шесть, кормлю сынишку, отвожу его в детский сад и еду на завод.

Я люблю наш Таганрог: дремучие заросли городского сада, каменную лестницу с солнечными часами, причалы и белые паруса яхт-клуба. И новый Таганрог люблю с его приморским парком, широкими проспектами, потоком студентов радиотехнического института.

А трамвай все везет и везет — через весь город. Вот остановка «Шлагбаум». Когда-то здесь действительно был конец города: стояли две неслепые кирпичные пирамиды с позолоченными шарами на вершинах. Но вот и пирамиды снесли, и город далеко отодвинул свою окраинную черту, а название «Шлагбаум» осталось.

Вероятно, и с человеком бывает так: он уже вырос, стал совсем другим, а его все принимают за прежнего.

Вот мой воспитанник Вова Дроздов. Представь себе мордашку с носом «сапожком» и ржаными волосами. Впереди они, словно умышленно, не стрижены и кустиками нависают на уши, а сзади подворачиваются вверх.

Когда парнишка впервые предстал передо мной, то был в роскошных блекло-зеленых «джинсах». Ладонку картинно держал в проклепанном впереди кармане...

Я уже была наслышана об этом «золотце», но при виде его мне было трудно поверить, что детские губы могут изрыгать отвратительную хулу, а синие наивные глаза воровато озираться, когда ночью с друзьями вскрывал киоск.

В колонии для несовершеннолетних правонарушителей Дроздов, пожалуй, добирал печальный опыт, и, конечно, умно там сделали, выпустив мальчишку раньше срока.

— Ну что, Витя, будем работать? — спрашиваю.

Дроздов иронически улыбнулся, поглядел с превосходством:

— Я ж ребенок...

Пошла к этому «ребенку» домой. Ничего утешительного. Отец в «бегах», неизвестно где. Мать, преждевременно состарившаяся, работающая женщина, давно утратившая власть над сыном, стала жаловаться:

— Водится Витька с каким-то отребьем. Только слышу: «Цыган», «Черт»... Этому «Черту» уже под пятьдесят, а он ночью стучит в ставню: «Выйди, Витька, на момент...»

Определили мы Дроздова в модельный цех — там делают деревянные формы для будущих отливок. Мастер цеха Трифон Васильевич — воспитатель божьей милостью. Своих троих детей вывел в люди, да и на заводе вечно с кем-то из молодых возится. Вся его худощавая фигура, спокойные, внимательные глаза словно излучают отцовство. Но строг, требователен и к похлопываниям по плечу не склонен.

Когда я привела к нему Виктора, скупно сказал:

— Здесь теперь твоя рабочая семья, уважай ее.

Помолчал, словно решая, следует ли еще слова тратить, и, достав из кармана спецовки конверт, добавил:

— Вот получил... Наш Леша Попов на границе служит... Командование прислало: хорошего воина дали...

Незаметно посмотрела на Витю, выражение его глаз стало раздумчивым.

Но ведь чудеса мгновенных превращений в жизни вряд ли встретишь. Начал на новом месте наш Дроздов фокусничать. То в соседнем цехе ножик себе для чего-то сделал, то в вытрезвитель попал.

Трифон Васильевич все мрачнее на него поглядывает.

— А ведь уволим, парень,— говорит однажды.

Витя дурачком прикинулся: «Куда же вы меня, несовершеннолетний я». И опять за свое.

Отправили мы его на месяц в летний военнизированный лагерь. Сбежал оттуда на третий день. Пришел в цех:

— Меня не имеют права там держать.

О правах своих он хорошо знает. Вскоре с бригадой послали подростка в колхоз на уборку фруктов. Он и там напакостил. Выдворили и оттуда. Вызываю Виктора к себе, спрашиваю:

— Как же ты рабочим своего цеха на глаза покажешься?

Молчит, в сторону смотрит.

— Иди, проси прощения.

Лицо у него красными пятнами пошло.

— Не простят они мне.

Но пошел все же. Через час, в перерыв, прибегает сияющий:

— Простили. Говорят: «В последний раз».

Но он-то не один — в 37 заводских цехах мои питомцы пристроены. И надо выяснить, почему Шура Малыгин вчера прогулял, Толя Сивцов нагрубил мастеру, Феде Климову задерживают присвоение разряда, а от Гали Кутенко — отвести нависшую беду. Выяснилось: попала девчонка в скверную компанию, дома не ночует, по цеху ходит сонная, из-за этого руку себе повредила. Комиссия за комиссией — почему не доглядели?

Пока разматывала эти клубки, Дроздов опять в милицию угодил. Пошла туда, прошу начальника:

— Бога ради, уберегите Виктора от какого-то «Черта».

— А-а-а, давний наш знакомый. Можете быть спокойны — младенца он оставит.

...Осенью прошлого года задумали мы провести на заводе вечер посвящения в рабочие. Большие надежды я на этот вечер возлагала.

В одну из суббот после смены на заводском дворе фанфары протрубили: «Слушайте все!» Секретарь завкома комсомола говорит:

— Этот вечер мы посвящаем Его Величеству рабочему классу и его смене.

Собрался цвет завода — лучшие бригады, люди, чьи

портреты висят в Аллее славы. Смотрю, сколько вокруг молодых задорных лиц. И мои... Уже оперившиеся. Так это дорого для меня. Веришь, Алена, на заводе не первый год, а силы такой никогда не видела. Вот он, действительная глыбища, этот рабочий класс. А подростки наши, «будто капельки», среди этих славных и сильных людей.

Я глазами ищу Виктора — нет парня.

Ветеран труда, седоусый Павел Захарович, вносит заводское знамя. Рядом с ним — Трифон Васильевич, у него на груди Звезда Героя Социалистического Труда.

— Сегодня, — обращается он к молодым, — принимая вас в свои ряды, мы пожмем ваши еще не мозолистые руки и скажем: «Глядите людям прямо в глаза».

А Витьки нет, хоть плачь! В воскресенье иду к нему домой. Сидит на постели мрачный, нахохлившийся.

— Здравствуй. Что же ты не пришел на вечер? Не заболел ли?

Посмотрел на меня разнесчастными глазами, потом взгляд перевел на свои «джинсы»:

— Не в них же идти на такой вечер.

У меня с сердца камень свалился — ну не дурачок?

— Мы сегодня отправляемся автобусом на Петрушину балку... Поедешь с нами?

— Поеду...

Балка эта — страшное и святое место. Фашисты здесь десятки тысяч людей расстреляли. Теперь там обелиск, парк.

Стояли у могилы в молчании. Подошла женщина из соседнего села. «Здесь фашисты мою дочку живьем закопали». И заплакала.

Смотрю, у мальчишки губы дрожат. Присунулся ко мне ближе, прошептал: «Дедушку моего они здесь тоже расстреляли».

Вечером мы с Виктором сидели на берегу моря. Чернели рыбацкие лодки на зеленовато-багряной воде. Проскользил на крыльях, раздувая седые, как у Павла Захаровича, усы, «Метеор» — взял курс на Ростов. За косой зажглись огни нашего завода — такая махина! Витя задумчиво глядел вдаль. Совсем взрослый парень.

Поднял на меня глаза:

— Все, Евгения Петровна! С прошлым покончено. В восьмой класс вечерней школы иду...

На днях заходила в модельный цех. У каждого цеха свои звуки, краски, запахи. Здесь звон пилы, запах клея, белые стружки на полу.

Еще издали увидела: Витя склонился над листом фанеры на верстаке, заглядывает в чертежи, что-то измеряет, фартук делает парня еще длиннее, берет лихо сдвинут на правое ухо. Постригся, наконец!

Ко мне подошел Трифон Васильевич, подмигнул в сторону Дроздова:

— Маракует... Все же будет, Петровна, из него рабочий человек.

И, знаешь, словно я высшую награду получила..

Ну, Алена, кончаю. Завтра думаем вручать у рабочих мест трудовые книжки «новобранцам». Так сказать, заводская педагогика... Она похожа как-то на твою, школьную. Ведь одно дело делаем — людей растим. Не забывай свою подругу и пиши.

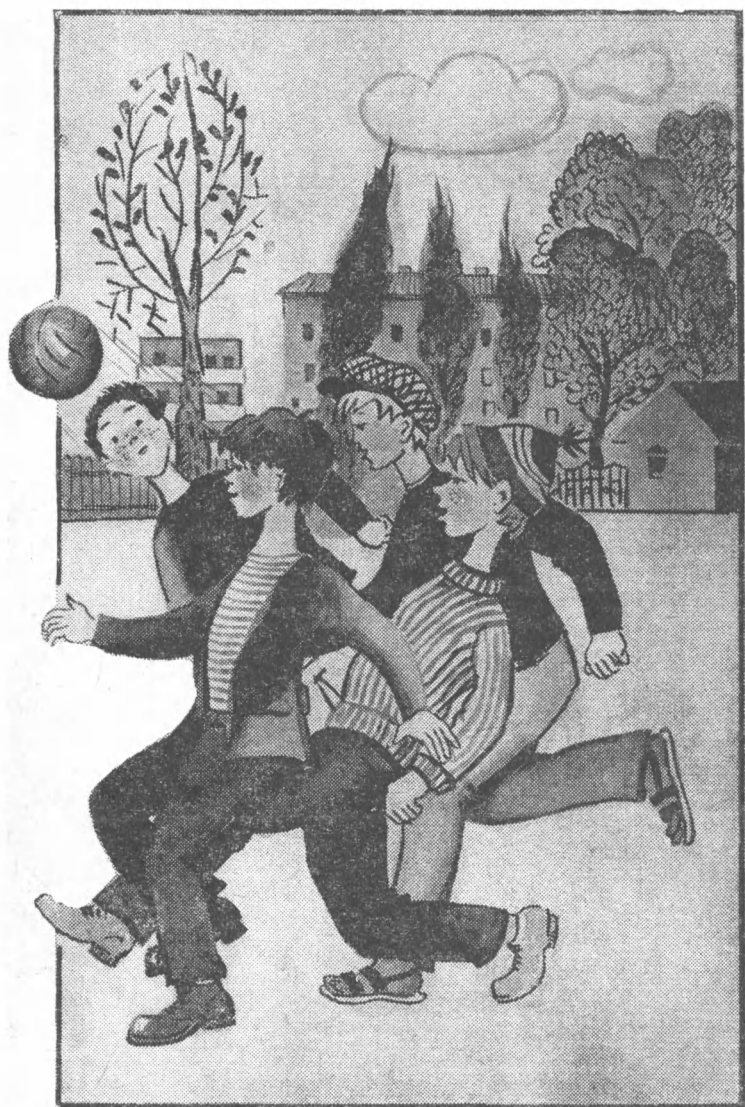
Твоя «инженерша» Женя» ²⁰.

Б. И З Ю М С К И Й.

ГОЛ
В ВОРОТА
УЛИЦЫ

— 7

УЛИЦА ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ

Улицы боятся. Улицу не любят. На ее репутации, видимо, сказывается то, что больше половины преступлений несовершеннолетние совершают на улицах, во дворах домов, на танцплощадках — словом, в общественных местах в вечернее время. Около восьмидесяти процентов преступлений совершаются подростками в группах, причем эти группы в основном формируются не по месту учения или работы. Так что «влияние улицы» — не досужий вымысел, а действительность, тающая в себе подчас вполне реальную для подростка или юноши опасность оказаться в числе правонарушителей. Какие же опасности ожидают подростка, когда он перешагнул порог своего дома, не зная, чем заполнить свободное время?

Дома, в школе, на работе подростки постоянно находятся под контролем. Пусть этот контроль еще далек от совершенства, но он есть. Кроме того, и дома, и в учебном заведении подросток имеет определенные обязанности: он помогает по хозяйству, отвечает на уроке, обязан выполнить какие-то задания. И только на улице он чувствует себя «свободным» и от контроля, и от каких бы то ни было обязанностей. Опасность улицы в том, что она — наиболее сложное и наименее контролируемое звено воспитательного воздействия на подростка: вот почему она всегда «полна неожиданностей».

Нам могут возразить: но ведь на улице подростка окружают такие же ребята, как он, такие же школьники, рабочие и т. д.? Да и не пустыня ведь улица: вокруг много взрослых людей, они всегда могут остановить ребят, удержать их от необдуманных поступков!

Все верно. И тем не менее существует особый микроклимат улицы, который не очень легко подчинить разумным влияниям. На улице встречаются ребята, различные по возрасту, по уровню образования и развития, наконец, по наклонностям и интересам.

Хорошо, если в возникающих группах подростков «закоперщиками» становятся лучшие парни, способные увлечь сверстников интересными занятиями, полезными делами. К сожалению, чаще бывает наоборот, и это, пожалуй, не случайно. Как правило, хорошие ребята иначе проводят свое свободное время: они занимаются в технических кружках, спортивных секциях, участвуют в художественной самодеятельности. В основном всеми организованными и целенаправленными мероприятиями «охвачены» у нас именно лучшие, а те, что вроде бы «оступились», в поведении которых наметились отклонения от нормы,—те остаются за бортом и, располагая свободным временем, используют его подчас во вред себе и окружающим.

Большинство подростков, попавших «с улицы на скамью подсудимых», не знали, чем им занять свободное время. Пятая часть их не читала вообще книг, остальные — только детективную литературу. Интерес к техническому творчеству у правонарушителей оказался в три, а к искусству в десять раз ниже, чем у обычных подростков.

Бедность интересов—наиболее тревожный симптом, на почве которого может сложиться антиобщественное поведение. Духовная нищета, соединенная с неорганизованностью досуга, закономерно ведет к тому, что ребята начинают употреблять алкоголь, вести аморальный образ жизни. Примерно две трети подростков совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения, почти половина — чтобы добыть спиртное.

Мы видим иногда бесцельно шатающихся юношей во дворах домов, на улицах, на бульварах. В подъездах домов они собираются группами, курят, сквернословят, нарушают общественный порядок. Подчас среди них появляются «герои», уже имеющие печальный жизненный опыт, побывавшие в трудовых колониях и не исправившиеся. Тут же, на улице, пытаются утвердить свой престиж ребята, потерпевшие неудачу в школе, надо ведь хоть где-то чувствовать себя «на высоте по-

ложения». Именно «наиболее запущенные» в педагогическом отношении подростки подчас завоевывают себе авторитет среди сверстников и направляют их интересы по неправильному пути.

Плохо не то, что ребята образуют группы. Явление это само по себе вполне нормальное: молодому возрасту свойственны общительность и коллективизм. Важно то, что ребят связывает.

Подростки никогда не организуются в группу специально для того, чтобы совершить преступление, и это подтверждают результаты исследований. Группа подростков возникает случайно, скажем, на почве праздного времяпрепровождения, бесцельных шатаний. Как убить время? Кто-то предлагает выпить. А дальше — как поведет себя хмельная голова! Заметим, кстати, что таких вот неустойчивых, праздничношатающихся ребят используют в своих целях взрослые люди, знакомые с преступным миром. И чаще всего в восьмидесяти пяти случаях из ста связи эти возникают на улице, во дворах.

Отсутствие контроля и обилие разнообразных влияний, часто резко отрицательных, делают улицу опасной для подростков, интеллектуально и эмоционально не развитых.

Как же быть? Нельзя ведь запереть двери на замки, посадить ребят под стеклянный колпак и следить за тем, чтобы туда не проникли вредоносные бактерии? Нет, в жизни так не бывает и не должно быть. Маленький человек, выходя на жизненные пути-дороги, неизбежно встречается не только с хорошим, но и с плохим. Задача подлинного воспитания заключается в том, чтобы, столкнувшись с отрицательными явлениями жизни, с дурным примером, подросток мог противостоять им, оценить критически и отвергнуть. В этом смысл подлинного воспитания.

Но все же как помочь ребятам на улице? Как оградить их от беды? В последние годы для этого делается многое. Строятся спортивные площадки и стадионы, в домоуправлениях детям отводят специальные помещения, общественность организует клубы по интересам, кружки, спортивные секции... Много, но все-таки недостаточно для растущего детского населения в городах. К тому же не всегда созданное использует-

ся по назначению или на полную мощность. Возьмем для примера тот же Дворец пионеров в Москве. Многие ли ребята могут заниматься в нем? Конечно, немногие. Одни лишены этой возможности потому, что живут вдали от него. Ребята более развитые, более определившиеся в смысле интересов и пристрастий принимаются более охотно. Но дело не только в этом. Если даже вдвое увеличить количество технических и художественных кружков, вряд ли резко изменится положение. Главное — воспитать духовные потребности подростков, их нравственные идеалы.

Как лучше организовать внешкольное и нерабочее время подростков старшего возраста по месту жительства? С младшим возрастом дело обстоит более благополучно. Это и понятно. Младшие ребята всегда легче поддаются воздействию. Другое дело — старшие. Пятнадцать — семнадцать лет — это тот самый возраст, когда подросток начинает чувствовать себя взрослым и, главное, считать взрослым. Отсутствие же жизненного опыта нередко приводит к тому, что многое из предлагаемого взрослыми кажется ему неинтересным, слишком «детским». Поэтому важно, чтобы с ребятами занимались люди, более близкие им по возрасту, но уже имеющие жизненный опыт, а главное — занятые интересным делом, увлеченные им.

Именно эти обстоятельства были учтены при организации работы с «трудными» подростками в Ленинграде. Там работу с детьми по месту их жительства проводят комсомольцы с заводов, фабрик, из воинских частей, военных академий, вузов. Эти учреждения организовывали летние спортивные оздоровительные лагеря, ребята выезжали со студентами на целину, на стройку, с энтузиазмом работали. Многие из подростков летом вступили в комсомол, за отличную работу были награждены почетными грамотами. А преступность несовершеннолетних в Ленинграде в результате многих, в том числе и этих мероприятий, за пять лет снизилась почти наполовину.

Ярославский же обком КПСС привлек ребят, в том числе и правонарушителей, к важной работе — участию в лесонасаждениях, чтобы предупредить оползни на берегах Волги. Подростки приняли горячее участие в этой работе, они поняли ее общественную полезность,

свою ответственность за результаты. А это воспитывает лучше всего — что давно известно педагогике, много раз блестяще подтверждено и только требует своих энтузиастов, заинтересованности.

Но не всегда можно рассчитывать только на энтузиазм. Давно стало ясно, что в жилых массивах при домоуправлениях и ЖЭКах имеет смысл организовывать группы ребят, сходных по возрасту, образованию и интересам. Группа, на наш взгляд, должна быть в пятнадцать — двадцать человек. Для руководства целесообразно приглашать воспитателей, но не на общественных началах, как это практиковалось до сих пор, а за определенное вознаграждение. Средства для оплаты труда воспитателей, хотя бы временно, с нашей точки зрения, могут давать сами родители, которые в силу занятости или по другим причинам лишены возможности уделять достаточно времени воспитанию детей. Думается, что один-два рубля в месяц на оплату воспитателя может выделить почти каждая семья без особого урона для своего бюджета. В качестве наставников в группы ребят старшего возраста желательно приглашать не старичков пенсионеров, а молодежь: студентов педагогических вузов, спортсменов.

Воспитатели могут в свободное время устраивать походы на каток, лыжные прогулки, посещение различных выставок и музеев, кино и театров. Там, где при ЖЭКах имеются специальные помещения для работы с детьми, могут быть созданы различные кружки. Словом, надо разработать обширную программу организации разумного и интересного досуга детей и подростков. Это будет одним из эффективных средств борьбы с «влиянием улицы» ²¹.

Н. ГУКОВСКАЯ, Э. МЕЛЬНИКОВА,

кандидаты юридических наук,
сотрудники Всесоюзного института
по изучению причин и разработке
мер предупреждения преступности.

ВЕСЕЛЕЙ ЖИВИ, ОТРЯД!

Все началось с того, что из старой трансформаторной будки монтеры увезли трансформатор.

Однажды вечером в будку пришли ребята. Оглядели стены и потолок, зачем-то потопали по полу, плотно закрыли дверь, и Саша сказал:

— Здесь.

Так начал существовать очень секретный и очень отважный штаб.

Теперь здесь собирались посвященные, зажигали свечку, даже если был день, и чертили карту. Сквер, булочную, дорогу в ближайшую школу и пруд, которого пока еще не было, но который предстояло выкопать ближайшей весной. Черными кружочками старательно отмечались все «враждебные» группировки соседних дворов.

Когда карту повесили на стену, чтобы удобнее любоваться на нее, принялись составлять страшную клятву.

«А если кто выдаст тайну, тот предатель».

«А если кто вынесет хлеб с колбасой или яблоко, или что угодно, делить на всех».

Все венчал пункт:

«А если кто будет водиться с девчонками, того гнать и обратно не принимать».

Предстояло приступить к деятельности. Но тут неожиданно обнаружилось, что делать-то, собственно, нечего.

Копать пруд было рано, потому что земля еще не оттаяла, а другие идеи не приходили в голову. Ни командиру Алеше, ни рядовым.

В другое время, может быть, и простилась бы Алеше дружба с Мариной из параллельного класса, но теперь это послужило началом большого конфликта.

— Командуешь, а сам!..

Начало лета стало концом штаба.

Они создаются в разных городах и разных дворах, эти ребячьи таинственные группы. Психологами замечено: мальчишки 10—12 лет испытывают неодолимую тягу к придумыванию паролей, сочинению глубочайших тайн и важнейших секретов.

Но странное дело: почему-то все штабы на свете,

как родные братья, похожи друг на друга. И всюду они, как правило, разваливаются по одной и той же причине — дефицит программы, недостаток идей.

Однако иногда от безобидной игры совершается переход к опасной, переход, не всегда заметный для самих ребят.

Нельзя изолировать ребят от общения со сверстниками, создавать им искусственный микроклимат домашней теплицы. Но нельзя и безоглядно доверять их стихии двора — слишком дорогой ценой приходится иногда платить за такое невмешательство. Жизнь двора становится по-настоящему хорошей для всех ребят — и старших, и маленьких, и слабых, и крепких, только тогда, когда жизнь эта организована, а не стихийна.

В Свердловске, Горьком, Волгограде, как и во многих других городах, созданы клубы для ребят при домоуправлении.

Если взять карту Свердловска и нарисовать на ней звездочки там, где работают детские клубы, карта заpestрела бы ими. Сто сорок восемь звездочек зажглись бы на ней, сто сорок восемь огоньков ребячьей радости, полезных дел, хорошего настроения. В городе очень много делается для того, чтобы каждый подросток мог найти себе занятие по душе, чтобы послешкольные часы не таили в себе опасности, не были заполнены бессмысленными или сомнительными развлечениями. Не жалеются ни время, ни деньги. Работают сотни энтузиастов, создаются спортивные команды, творческие кружки, ставятся спектакли, проводятся соревнования. Можно привести сотни ярких, убедительных, а порой и трогательных примеров, как работники детских клубов помогали стать человеком сбившемуся с пути мальчишке.

Но задача детского клуба, к сожалению, очень часто рассматривается так: заинтересовать подростка, чтобы отвлечь от улицы. И если настольный теннис в клубе стал привлекать мальчишку больше, чем карты в подъезде, это считается крупным успехом. Но на таком уровне велика ли разница между пинг-понгом и картами? Где гарантия, что ракетки и белый шарик не наскучат игроку и он не уйдет снова в подъезд, где, кстати, нет взрослых дежурных и вести себя можно

«свободнее?» Нет полной гарантии, потому что в клубном коллективе ребят нередко держит только мимолетное увлечение, а не долг.

Что же делать, чтобы было иначе?

А делать есть что. И не надо, думается, даже никаких открытий. Просто нужно, чтобы ребячий коллектив во дворе, на улице следовал нормам жизни и законам пионерской организации. Глубоко, по-настоящему. Правда, у дворового отряда своя специфика и свои сложности. И они, конечно, должны быть учтены.

Принято думать, что те, кто задает тон во дворе, — старшие ребята — не терпят красивых слов, они и сами говорят: «Опять слова, завели демагогию», «Звон один».

Только это выдумка. Всегда любили и по-прежнему любят высокое слово, чистое слово ребята в четырнадцать лет. А протестуют против затертости, шаблонности и приблизительности слов.

Но самое прекрасное, самое высокое слово немного стоит, если за ним не идет дело.

Ребят влечет яркое. Влечет риск. Преодоление страха. Испытание предела своих возможностей. Проверка товарищества на разрыв — вот что бродит в мальчишках в эту пору. «Оттащить» их от романтики, посадить в кружок слушать нравоучительные беседы нельзя.

Учителю легче. У него есть возможность потребовать, приказать. Гораздо труднее тем, кто пришел к ребятам двора. Тут приказом не возьмешь.

Спросите ребят из любого настоящего, крепкого дворового отряда — одного, другого, третьего: «За что вы больше всего цените своего руководителя?» И о мягком, спокойном, и о строгом, суровом скажут приблизительно одно и то же: «Он с нами».

Ощущение боя, сражения, схватки по душе ребятам всегда. Кажется, в самой их природе заложена эта страсть к бою. Если работа идет, как сражение — она делается лучше, быстрее, в ней всегда больше догадки, мысли. Однажды испытав это чувство радости от работы, ребята будут искать его еще и еще. Это непреложно, как закон.

...Началось с того, что старшие ребята объединенными силами решили построить в своем дворе плава-

тельный бассейн. Для себя. И вот бассейн готов. Окунайся, плавай в его прохладных водах. Но, видно, по душе пришлись стройки с их веселым напряжением, видно, понравилось радостное ощущение созидания. И словно сама собой (на самом деле вовсе не случайно) возникла мысль: помочь взрослым построить детскую площадку тут же рядом. А потом, по окончании строительства, открыть свой игрушечный комбинат, шить нужные малышам вещи, делать игрушки. Когда комбинат открыли, придумали устроить театр, и тоже на широкую ногу: со всеми театральными цехами — декораторским, костюмерным, реквизитным — и, конечно, со своим директором, администратором, контролерами.

И никто не заметил, как вместе с делами пришла в отряд тесная и теплая дружба. Ведь именно во времена «строек» родилась традиция: собираться всем вместе в условленный час и устраивать игры в баскетбол, волейбол, а то и в «третий — лишний», уезжать в далекие велосипедные прогулки, затевать горячие диспуты и просто так петь хорошие песни.

И вот что еще любопытно: накал деятельности в отряде все нарастал, но никто уже не пытался «отбиться» от дела.

— Просто понравилось отвечать за что-то, соревноваться.

Мысль эта, выраженная ребятами не совсем ясно, была в чем-то совершенно правильна. У ребят возник «аппетит» к живым делам.

Взрослый, который с ребятами до конца, каждым словом, каждым поступком своим воспитывает в них отношение к делу, как к бою, он не скажет: «Давайте поработаем в саду», или: «Пойдите поиграйте с малышами». Он сумеет сделать так, что ребята сами начнут волноваться: «Сад зарастает!», или: «Малышам скучно». И пойдут на прополку. И сделают игротеку для маленьких. И будут рады, что благодаря им еще одним добрым делом на нашей земле больше.

Каждому отряду, особенно такому, в котором больше маленьких, обязательно нужен свой штаб. Не комната, не красный уголок, а именно штаб, который ни с каким другим помещением не спутаешь.

Помните, как у Гайдара: «Этот чердак был обитаем. На стене висели мотки веревок, фонарь, два скрепленных сигнальных флага и карта поселка, вся исчерченная непонятными знаками... Возле дырявой замшелой крыши торчало большое, похожее на штурвальное колесо. Над колесом висел самодельный телефон...»

В штабе отряда невозможно представить себе столы, составленные буквой «Т», потому что там вовсе не собираются заседать часами по всякому поводу, нет там и тюлевых занавесок, и дорожек на полу, и цветочков в горшочках — уют гостинных штабу тоже не подходит.

Чем больше в нем будет того, что придумывают мальчишки 12-ти лет, когда собираются втайне от всех строить свое пристанище и убежище, тем, пожалуй, лучше.

Тон деловитый: четкий, по-военному красивый. Он по душе мальчишкам, да и девчонки принимают его охотно. Он нравится, а еще и без лишних слов воспитывает точность, собранность.

Естественно, эти заметки не претендуют на всеобщность и окончательность выводов. Но, думается, важно, сравнивая и сопоставляя опыт, который дает нынешняя «дворовая педагогика», отыскивать те основы, на которых держится единство, стройность и жизнеспособность дворовых отрядов, их успехи в воспитании ребят ²².

В. МАТВЕЕВ,
заместитель главного
редактора журнала «Пионер».

АДРЕСА ЭНТУЗИАЗМА

В древности говорили, что тот, кто приласкал ребенка и вызвал улыбку на его устах, достойнее зодчего, построившего самый величественный храм. Эта истина бесспорна: узнать и оценить человека можно по его отношению к детям. Спросите у ребятешек, кого они больше всего уважают в своем доме, и будьте уверены: тот, кого они назовут, — несомненно хороший, добрый и интересный.

Так уж повелось у мальчишек этого двора, что всегда, со всеми радостями и невзгодами идут они к своему лучшему другу Павлу Григорьевичу Бобкину. Есть у этого человека какая-то удивительная способность привлекать к себе ребячьи сердца. Умеет он найти для ребятшек и интересное занятие, и теплое слово.

В полуподвальном помещении жилого дома № 119, что на улице Фурманова, мальчишки и девчонки с его помощью создали свое маленькое волшебное царство. Здесь у них и клуб, и техническая мастерская. Верстак, столярные инструменты и множество различных поделок: избушка «на курьих ножках», жирафа, воздушная полка, хоккейные клюшки. Все сделано руками ребят.

Павел Григорьевич осторожно переставил ребячьи поделки на полку. Постоял, полюбовался «техническим творчеством», усмехнулся. Вспомнил, с каким усердием работали над этой полкой братья Накиновы, — Алмаз и Айдар. Все свободное время проводят в мастерской. А еще несколько месяцев назад о них была во дворе слава как о неисправимых... Или взять хотя бы Анвара Калиева. Тоже жаловались — «трудный подросток». А сейчас он в дворовом отряде самый дисциплинированный.

Из раздумий Павла Григорьевича вывел стук в дверь. В мастерскую вошли двое посетителей.

— Тен Валентин, — представился первый. — Жилец соседнего дома. Чем могу вам помочь?

— Ага, подкрепление, значит? — обрадовался Павел Григорьевич.

— Малярничать умеете? Надо вот привести в божеский вид сцену нашего клуба. Сейчас же можно и приступить к делу.

— А вы кто будете? — обратился Бобкин ко второму посетителю, молодому парню.

— У меня к вам рекомендательная записка, — сказал юноша.

— Записка, говорите? Давайте-ка сюда... Серик Исаков, студент мехмата КазГУ. Комитет комсомола направил? — Павел Григорьевич улыбнулся. — Откликнулись-таки на мою просьбу. Ну что же, товарищ тренер, милости просим. Мальчишки очень хотят иг-

рать в хоккей. А вот посмотрите, как они умеют делать клюшки...

И сразу же решили просить разрешения провести первую тренировку дворовой команды на стадионе «Спартак».

— Нет у нас своего катка, а на стадионы не набегашься,— сокрушается Павел Григорьевич.— Да и не пускают туда обычно дворовые команды.

Это больной вопрос для Павла Григорьевича. Он хотел бы, чтобы в каждом дворе был свой спортивный комплекс, чтобы ребятишки с малых лет приобщились к спорту. Но как добиться этого? Взять хотя бы двор. Добрую часть площадки здесь долго занимал старый, никому не нужный сарай. Наконец сарай убрали, но зато на его месте остался огромный котлован. Вместе с ребятами Павел Григорьевич сходил к строителям, попросил помочь. Было завезено 120 машин земли. Мальчишки довольны: заровняли, наконец, площадку, будет у них к зиме свой каток.

Но радость оказалась преждевременной. Ровная площадка двора приглянулась владельцам автомашин. Словно грибы стали расти частные гаражи. Детский клуб заволновался: как, кто разрешил? Но, оказывается, все было предусмотрено. Строительство гаражей было начато с ведома домоуправления № 5 и райисполкома...

Теперь надо начинать все хлопоты сначала.

...В полдень в мастерскую пришла и Елена Александровна — жена Бобкина. Окинула хозяйским взглядом помещение и сказала то, что говорит каждый день вот уже шесть лет:

— Сходил бы пообедать. С семи часов ведь на ногах. Одна забота, что дворовый клуб. О здоровье подумал бы.

Павел Григорьевич чуть виновато улыбается и говорит примирительно:

— Ну-ну, старая. Не ругайся. Помоги-ка вот лучше.

* * *

На улице Калинина живет Анна Алексеевна Ключева. Во дворе не нашлось помещения для детского клуба, поэтому дети приходят к ней домой.

...Анна Алексеевна открыла мне дверь, и я подумала, что попала по меньшей мере в детское ателье мод. В комнате было несколько девочек, они что-то примеряли, шили.

— Готовим к празднику костюмы,— сказала Анна Алексеевна.

В углу комнаты вымпел: «Детскому танцевальному коллективу, занявшему 1-е место на городском смотре юных талантов». Ключева показывает грамоты. Их много. И отзывы людей, похвальные, восторженные. И все это адресовано маленькому детскому коллективу одного лишь двора!

Программе, по которой работает этот детский кружок, может позавидовать любой коллектив художественной самодеятельности. Кроме песен и чтения, есть в программе у ребят и такие номера, как гимнастика, выступление балетной группы.

— Когда внучка моя пришла в первый класс,— рассказывает Анна Алексеевна,— мы решили учить ее основам хореографии. Но мы подумали тогда, что плохо, если бы в классе только наша девочка умела хорошо танцевать. А как же остальные дети? И вот тогда мы с дочерью Нелли стали заниматься со всем классом.

По соседству жила балерина Галия Хорасовна Урманова. Анна Алексеевна обратилась за помощью к ней и обрадовалась, когда получила согласие. Потом пришли на помощь студентка Люда Мартынова, Галя Железнова.

Два года прошло с тех пор, но успехи детского кружка художественной самодеятельности превзошли все ожидания. Из этого самого первого класса 25-й школы, над которым два года назад было взято шефство, десять мальчиков и девочек приняты сейчас в балетную группу алма-атинского Дворца пионеров.

Художественная самодеятельность не единственная забота этой удивительной женщины. Она сумела создать во дворе две футбольные команды из ребят младшего и старшего возраста. Организовала секции шахмат, шашек, тенниса. Но главное, что волнует Анну Алексеевну,— это отсутствие помещения. В квартиру ведь всех не вместишь. Пришли как-то к ней семеро ребят из соседнего дома, принесли с собой элек-

трогитары. Хотим, говорят, создать свой дворовый джаз-оркестр, примите к себе в отряд.

Обрадовалась Анна Алексеевна и в то же время расстроилась:

— Милые вы мои мальчики, что же мне с вами делать?

Было у Анны Алексеевны на примете одно полуподвальное помещение. Раньше там находился кулинарный магазин, а теперь помещение пустовало. Почему бы не отдать подросткам?

* * *

Живут на свете люди. До всего им есть дело, все их волнует. За что бы они ни брались — они все делают с душой, с энтузиазмом.

Я рассказала о пенсионерах-общественниках 5-го домоуправления Алма-Аты, которые делают много полезного. Но почти все, чего они добиваются, делается чаще всего ценой только одного энтузиазма. Потому что находятся еще люди, которые непрочь переложить заботы о подростках, свои заботы, на чужие плечи.

Можно много говорить о вредном влиянии «улицы» на подростков. Можно обвинить школу, родителей. Но нужны не разговоры, а работа, и прежде всего тех, кто непосредственно, по долгу службы отвечает за воспитание подростков. В этом смысле некоторым нашим штатным работникам не мешало бы, наверное, поучиться у общественных, таких, как Бобкин и Ключева.

Г. СУХАРЕВА.

ПРИМИТЕ МЕНЯ В «ЖАШ ТИЛЕК»...

«Прошу зачислить меня в «Жаш тилек»... «Примите меня в «Жаш тилек»... «Очень хочу заниматься в клубе «Жаш тилек». Десятки таких заявлений лежат на столе Иркина Муратова, седого, высокого, очень сердитого на вид человека, руководителя 6-го домоуправления г. Фрунзе. Хотя он действительно редко улыбается, окрестная детвора отлично знает, какой он добрый и мягкий человек.

По-русски «Жаш тилек» — мечта юности. Это — детский спортивный клуб на окраине Фрунзе. Клуб, известность которого уже перешагнула и черту города и границы республики.

А началось все очень традиционно. Окраинный район столицы Киргизии. Дома-новостройки. Народ сюда съезжался разный. И конечно, среди более чем пятидесяти тысяч детской армии оказалось немало таких подростков, которые сразу же сделались объектом внимания местных органов милиции. По мере заселения домов участились драки, скандалы. А школы тоже новые. Педагогические коллективы в них только сколачивались. И что обиднее всего — ни в одной из шести окрестных школ не нашлось хорошего спортивного организатора. Уроки физкультуры, конечно, проводились. Но о внеклассной физкультурной работе никто в школах даже и не думал.

Об этом подумали работники домоуправления и родительский комитет. Кстати, это во Фрунзе только название такое «домоуправление». На самом деле б-я жилищная контора по своим масштабам куда больше, чем многие московские ЖЭКи. И средств у нее оказалось достаточно. Во всяком случае, когда зашел разговор о создании своей спортивной базы, Иркин Муратов и его сотрудники сразу же решили: распылять деньги не будем. Мелкие спортивные площадки нерентабельны. Ведь территория большая, народу здесь живет больше 12 тысяч человек. Надо попробовать создать сразу целый спортивный комплекс.

Вот тут-то и начались осложнения. Главным из них стало резко отрицательное отношение к замыслу районной организации начальника горжилуправления М. Кричевского.

— Что вы тут за воздушные замки затеваете! — гневно восклицал т. Кричевский, вызвав к себе на очередную «беседу» И. Муратова.

— А что мне с владельцами индивидуальных гаражей делать? Вот, полюбуйте, на вас жалуются. — И начальник потряс в воздухе увесистой пачкой бумаг.

На Муратова действительно жаловались. Дело в том, что по всей территории домоуправления в хаотичном порядке, как грибы, выросли гаражи. И каждый

из владельцев машин хотел видеть свой личный транспорт из окна собственной квартиры и не желал, чтобы гараж был передвинут в сторону, освободив место для спортплощадки.

Но Иркин Муратов оказался твердым человеком. А когда управляющего домами поддерживали горком партии и республиканский совет, М. Кричевский, скрепя сердцем, вынужден был дать согласие на перенос гаражей.

Они мешают ребятам и сейчас. Но право же, надо отдать должное изобретательности и предприимчивости создателей спортивного комплекса «Жаш тилек». Десятки гаражей поставлены в один ряд. Сзади них высокая стена, на которой множество мишеней. А перед мишенями теннисные площадки. И я видел, как человек 50 ребятшек отрабатывали здесь свои первые удары по мячу. Это под руководством теннисистки-перворазрядницы Анары Домокобаевой занималась младшая группа юных спортсменов. Сама Анара в этом году еще только заканчивает школу. Но у девушки уже немалый педагогический и спортивный опыт.

— Куда дальше? — улыбается она. — Конечно, на факультет физического воспитания. Если примут, конечно. Очень хочу и в дальнейшем с моими малышами работать. Ведь это удивительно интересно видеть, как на твоих глазах растет человек. Я здесь уже два года, и посмотрите, какими «солидными» стали «первоклашки». Годам к 13—14 они обязательно начнут меня обыгрывать.

Таких энтузиастов, как Анара Домокобаева, в клубе уже более десятка. Это тренеры-общественники. Но самая, пожалуй, большая нагрузка ложится на плечи педагога-воспитателя домоуправления Валентины Наумовны Степанищевой.

— По образованию я биолог, — рассказывает она. — Но вот пришлось уже в зрелом возрасте менять свою учительскую специальность. Занялась физкультурой. Теорию изучила. В нашем клубе мы стараемся заниматься с детьми на основе самых последних достижений науки. Вот один из примеров. В клубе сейчас 550 человек, а всего тренируется на спортплощадках свыше четырех тысяч. Это дети разных возрастов, по-разному загруженные в школе. Мы стараемся в зави-

симости от физических данных каждого ребенка, его склонностей и наличия свободного времени заинтересовать его разными видами спорта. К этому делу подключены врачи. Иногда приходится рекомендовать тому или иному мальчику или девочке специальные упражнения.

— И ваши рекомендации выполняются?

— Как правило, всегда. Ведь клуб не только любят и уважают окрестные ребята, но и их родители. Каждый совет педагога или тренера это, — она смеется, — вроде бы даже закон. Хочешь у нас заниматься — выполняй, что рекомендуют.

Главное, что поражает, когда знакомишься с этим детским спортивным общественным клубом, — это большая серьезность всего, что там делается. И размах.

Хорошая инициатива что снежный ком. Сначала район преобразовывали в основном вручную. Силами общественности. Потом подключились окрестные предприятия. Ведь там трудятся те же родители. И появились на площадках и грейдеры, и бульдозеры. И сразу легче стало со стройматериалами. А многое домоуправление получило вообще бесплатно. В порядке шефства. Знакомишься со спортивным комплексом и просто удивляешься: ведь поистине первоклассную спортивную базу создали на окраине Фрунзе. Отличный теннисный городок: больше десятка кортов. Не перечисть волейбольных и баскетбольных площадок. Свое хоккейное поле. Есть где потренироваться и юным футболистам.

Причем вот ведь как бывает. Поначалу в местных спортивных организациях поглядывали на «Жаш тилек» с сомнением, а то и с иронией. Что это за клуб такой при домоуправлении? Сейчас здесь регулярно тренируются и спортсмены сборной республики: баз то маловато.

— Мы никому не отказываем, — говорит Иркин Муратов. — Но ходишь к нам на тренировки — помоги ребятам.

И республиканский спортивный совет помогает. В клубе часто бывают ведущие тренеры Киргизии. Многим в спортсовете ясно: эта, пожалуй, самая массовая в республике детская спортивная школа, неисчерпаемый источник роста юных дарований. Ведь не-

мало талантливых ребят уже есть среди этих четырех тысяч школьников. И сколько еще появится вновь.

А вот хулиганство в районе исчезло. Начисто. И, видимо, больше по привычке важно прогуливаются вечером по территории спортивного городка старшеклассники с красными нарукавными повязками — дежурные клуба.

— Роль улицы разнообразна, — сказали мне в местном отделении милиции. — Улица, она ведь и воспитывает, если, конечно, умело взяться за дело ²³...

И. ТАРАБРИН.

СВЕТ НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Лично мне всегда слышалась в этих словах какая-то грустная утешительность. Житейская мудрость, заключенная в них, словно обещает надежду только на самый, уж самый последний случай. Сто «чужих» мимо твоей беды пройдут, не заметят — сто первый поможет! Растеряет человек себя, сам себе покажется никчемным, а найдется кто-то сердобольный и все равно пожалеет — зря, не зря. Жалостливый какой-то слышался мне в них смысл. А вот тут познакомилась с историей Оли Колкиной и никакими другими словами не могу начать рассказа о ней.

Хорошо устроен свет, населенный добрыми людьми! Иначе б совсем другая вышла история...

* * *

Оля дважды приходила в редакцию. Мы не могли понять, что это в ней — волнение, неловкость от посещения незнакомого учреждения или чисто деревенская «воспитанность» — сидит на стуле, вытянувшись, не шелохнется, ладошки аккуратно положены на колени, глаза опущены, только когда услышит вопрос, тогда вскинет живой взгляд, а отвечать начнет — снова его погасит.

Рассказывает о своей жизни, о всех ее передрягах спокойно и деловито. Мы слушаем и не можем догадаться заранее, о чем попросит нас девочка, за какой

помощью пришла. И вот она говорит, что хотела бы жить у Степановых, «они очень хорошие люди».

Значит, в этом просьба?

Но, придя в редакцию во второй раз, Оля так же деловито, как и в первое посещение, сообщила, что теперь хотела бы жить у Подстегиной Марии Михайловны, «она тоже хорошая женщина, все в колхозе так о ней говорят».

Степановы и Подстегины, сказала нам Оля, живут на одной и той же улице в колхозе Мичурина.

Деревенская улица остается деревенской улицей если даже езды до нее от центра большого города всего полчаса. Едва остановилась машина, рядом обнаружили выжидательно поглядывавшие на нас здешние жители: не нужна ли помощь, не будет ли вопросов?

Легко нашлись нужные адреса, нужные люди, и потом, когда мы переходили из дома в дом, за нами следили, взглядами и речами провожали нас люди, тут же собравшись на небольшую уличную сходку — все сразу догадались, что приехали «по Оли Колкиной делу», а имели они насчет этого дела свое, особое мнение.

Мать Оли, Мария Андреевна Фадеева, работала раньше на МТФ колхоза им. Калинина, совсем рядом с колхозом Мичурина. Сюда, на эту улицу, ходила в гости к Марии Мартыновне Михеевой.

Потом переехала в Баканас. Здесь у нее менялись мужья. Поуходили из дома, когда им было по шестнадцать лет, сестры Оли Юлия и Лидия. Без них жизнь Оли не стала ни лучше, ни хуже — все ссорились между собой и с матерью, как будто и не любили друг друга.

По утрам Оля разыскивала среди пьяного разгрома свои вещи. и, схватив тетрадку, зажав в кулаке чернильницу, бежала в школу — окольным, обходным путем, чтобы не встретить «своих», чтобы не остановили.

После пятого класса мать купила ей билет на автобус и сказала: «Поезжай к отцу».

Олин «нерегистрированный» отец живет в Алма-Ате. Минтяй Хамитов, рабочий СМУ-15. У него новая семья, «регистрированные» жена и дети.

Олю приняли, она проучилась в столичной школе одну четверть, а потом ее решили отправить обратно к матери. Оля стала упрашивать, чтобы разрешили закончить здесь, в Алма-Ате, шестой класс. «Папка не пьет и не курит», спокойно в доме — можно хорошо учиться. У нее уже успехи в школе, учительница попросила заниматься по математике с отстающими, ей нравится в этом классе.

Олю оставили. Но когда закончился учебный год, отец сказал твердо и категорично: «Не голодное время, а на одежду сама себе на стройке заработаешь. Не маленькая!»

Оля поехала. Но не к матери — «туда ни за что!» — а в колхоз Мичурина, на знакомую деревенскую улицу, к Михеевой.

Михеева в колхозе не работает, но дел всегда много, особый ее промысел гоняет ее из села в село, из города в город, домашний огород остается без ухода. Олины трудолюбивые руки оченьгодились здесь.

Рядом с домом «Михеихи» — дом Екатерины Бондаренко. Родные сестры по крови, но «сродственниками» никогда не были — так говорят о них в Мичурино. Екатерина Мартыновна — смолоду в колхозе. Муж погиб на войне, одна растила двух детей, работала «и на стогу, и на молотилке, и поливала», имеет медаль.

И сейчас работает и растит внучку-восьмиклассницу. Привязалась к ней девочка, не хочет уходить в материн дом. Деньги, которые ей идут от родного отца, Екатерина Мартыновна складывала для нее на книжку: «Сейчас работаю, а девочке потом учиться надо будет».

Олю Екатерина Мартыновна очень жалела. Говорила Михеевой: «Она же тебе всю работу замещает, как взрослая. Пожалей ты ее, зачем так ее затрудняешь?»

Но «Михеихе» надо было, например, чтобы Оля непременно таскала полные корзины картошки, такая у нее мера, как же иначе учтешь, сколько чего насыпано на зиму в домашние закрома.

Однажды Олю остановил на улице учитель-пенсионер Федор Витальевич Михайловский. Остановил, потому что удивился — тащит девочка такие огромные тяжеленные ведра воды. С Олей познакомилась жена

его, тоже учительница-пенсионерка, Александра Александровна.

На деревенской улице заговорили об Оле, задумались о ее судьбе.

Анна Дмитриевна Степанова (она медицинский работник) вступила в переговоры с Михеевой. У девочки светлая голова, хорошие стремления — ей надо учиться, Анна Дмитриевна предложила, пусть девочка живет у нее.

«Ты-то чему девочонку выучишь?» — увещевали Михееву хорошо знавшие ее односельчане.

Оля стала жить у Степановых. Ей купили школьную форму, учебники и портфель, девочка ждала наступления 1 сентября.

А Михеева дала телеграмму Олиной матери в Баканас — сообщила, что живет девочка не у нее, «а у врачей».

Олю от Степановых забрали поздно вечером, почти ночью, мать «изъяла» все личные вещи, купленные Оле Степановыми.

Оля сказала матери, что не хочет жить с нею, потому что она не дает нормально учиться.

Девочка убежала и буквально в кустах пересидела то время, пока мать бушевала в яростном приступе родительских чувств. Потом мать уехала, а о том, как быть дальше с Олей Колкиной, снова стала думать вся деревенская улица.

Связались с детской комнатой милиции. Там девочке посоветовали: «Поезжай, поживи с матерью. Если она не изменится, напиши нам. Будем думать, как тебя выручать».

Родителей себе не выбирают. Не выбирала Оля Колкина для себя и легкой жизни. И хотя любому человеку свойственно тянуться к доброте и ласке, она даже и их не искала.

Удивительное чувство самосохранения заложено в этой лобастой сероглазой девочке. С ясностью взрослого человека она осознала, чем грозит ей беспутная, безответственная материна жизнь: ее учебе, ее школьным радостям, ее взрослому будущему. За право на них Оля стала бороться тоже с недетской серьезностью и последовательностью. И ищет людей, которые помогут ей в этом.

Оля не разделяет надежд работников детской комнаты милиции на исправление. В Баканас она поехала, отыскала в доме свои ученические вещи, свои школьные документы. На столе оставила записку для матери и отправилась обратно в колхоз Мичурина.

* * *

Степановы к тому времени переехали в Алма-Ату. Олю приняла Екатерина Мартыновна Бондаренко.

Я приехала в колхоз в конце сентября и к тому времени нашла Олю в доме Николая Ильича и Марии Михайловны Подстегиных. Хозяйки не было. Она работает дояркой на ферме (тогда стадо перекочевывало из летних лагерей), и хозяйки, сказали, не будет дома и к ночи. Николай Ильич — инвалид Отечественной войны, пенсионер, трудится только в домашнем хозяйстве. Он как раз вернулся с огорода.

К ногам его метнулся кудлатый песик. «Марат, Марат, дай лапу», — приказал хозяин, и, улыбнувшись, сказал мне: «Другая у нас собачка была, так танцевать умела. Эту тоже научим».

Вошли в просторный дом. Екатерина Мартыновна Бондарева, вызвавшаяся мне в провожатые, сразу к окошку, где аквариумы. «Ах, как повырастали рыбки», — поудивлялась она, больше, по-моему, для удовольствия хозяина.

Оля стояла у стены, совершенно не беря во внимание все эти незатейливые разговоры.

«А ну, Оля, сотри со стола», — нарочно строжась, велел Николай Ильич.

От мороза заносили с улицы на ночь в дом цветы, и лепестки насыпались на блестящую клеенку. Оля метнулась к столу, вмиг исполнила, что велели, и снова замерла у стены.

«В школе, говорят, боевая, вожатой работает в третьем классе. Подружки бегают — она им математику разъясняет. Дали денег, материю купила, одежду себе шьет — для чего это?» — Николай Ильич обратился за помощью к девочке. «В отряд ЮДМ мы записываемся», — напомнила Оля.

Я спросила Олю, как идет учеба, и она с радостью бросилась в соседнюю комнату и вернулась оттуда с дневником и, когда протягивала его мне, руки ее дро-

жали от волнения. На аккуратно заполненных страницах я увидела только пятерки и четверки — больше пятерок.

— Пусть учится, ей надо, неглупая, — снова объяснил Николай Ильич, — кормить, поить, одевать будем, пусть живет. А удочерить или не удочерить — какая большая разница? Хотя и удочерить — человека этим не привяжешь. Как она свыкнется.

Оля провожала меня до дома Михайловских. Мы шли с ней по теплой, золотой осенней улице, а держалась она собранно, настороженно, как на уроке у мало знакомого учителя. Немного словно отвечала на мои вопросы. Сама же рассказывала только, что 7 сентября ей исполнилось четырнадцать лет. Да еще о том, что нашла ее тут сестра, о которой она ничего не знала два года. Оля сказала об этом и улыбнулась — это был единственный раз, когда я увидела, как она улыбается.

На деревенской улице продолжают думать, как лучше устроить Олину судьбу. Все убеждены, что к матери ей нельзя возвращаться. Думают о Подстегиных и о Степановых.

Ведь разные жизни надо сложить в одну. Вот в чем трудная задача. А чей хлеб девочка будет есть, возле чьей печки греться — в этом нет «никакой разницы», как сказал Николай Ильич Подстегин.

Думают. Совещаются между собой, со стороны советчиков зовут. Найдется, наверное, со временем самое мудрое решение. Ищут...

Доверчиво шагнула девочка к чужим людям. И не ошиблась. Они оказались добрыми. Натруженные их руки заботливо берегут маленький, но упорный, настойчивый росточек умной жизни.

И. БОРОНАЕВА.

ДВОРОВАЯ ПЕДАГОГИКА

Ни о каких переменах в жизни дворов и улиц и речи быть не может, если десяток-другой ребят увлечь игрой в футбол, а остальные по-прежнему будут толкаться в подъездах.

Общественники нередко жалуются:

— Не идут ребята в кружки. И объявления вывешиваем, и на собрания приглашаем — не идут...

И в то же время есть дома и квартиры, где спортом, театром, любительскими киностудиями увлечена поголовно вся молодежь. Почему же одним это удается, другим — нет?

Все дело в отношении воспитателя к ребятам.

В самом деле, в школу, например, ребята ходить обязаны, обязаны подчиняться учителю, соблюдать дисциплину; дома действуют естественные привязанности, да и родительские права — дело не шуточное; на заводе подросток должен старательно трудиться — иначе ничего не заработаешь. А двор для ребят — единственная вольница, и они не очень-то склонны поступиться своей свободой. Развлечение — дело добровольное. Захочет мальчишка — будет играть в дворовой команде, не захочет, не поладил с инструктором — только его и видели.

Однако опасения и страхи насчет трудности работы во дворах сильно преувеличены. Она по силам каждому добросовестному человеку.

Расскажу о том, как начинала работу наша группа комсомольцев и общественников Киевского района Москвы. Было это в 1963 году.

Первый двор — на улице Барклай. Мои товарищи, хоть и солидные отцы семейства, чувствовали себя очень неуверенно. Мое настроение было не лучше. Но все понимали: нужно стать своим среди ребят, нужно непременно войти на равных в их мир. Но как? Не в казаки же разбойники с ними играть.

Именно эта неуверенность помогла нам. Не решаясь сразу подступить к дерзким компаниям двора, мы решили познакомиться с каждым мальчишкой и девчонкой отдельно, каждому рассказать, что мы задумали сделать, узнать их мнение.

Принялись обходить квартиру за квартирой. Разговоры получались настолько серьезными, что за вечер мы успели побывать лишь в одном подъезде. А на следующий день ребята сами бегали из подъезда в подъезд, звонили в квартиры узнать, «здесь ли дяденьки», чтобы зайти к ним. Дружба с нами оказалась вдруг желанной и необходимой всем ребятам.

Что же за механизм тут сработал?

Все объясняется детской психологией. У ребят крайне обострено чувство своей исключительности. Для какого-нибудь малыша Вовки дико, непонятно, если ты, раз поговорив с ним, потом, встретив, не узнал. «Это же я!» — восклицает он с недоумением и обидой. Для взрослого достаточно, если при встрече приятель лишь кивнет ему. Для ребенка такая встреча — не встреча, свои в мире детей встречаются иначе. Свои обязательно постоят, потолкаются. Если личное дружески-деловое знакомство с Вовкой состоялось, он уверен, что стал вам близким человеком, что именно с ним и произошел у вас самый главный разговор. Это решает дело. Ребятам мало знать вообще, что для них затевается что-то. Личные знакомства хороши тем, что убеждают десятки других ребят, что они тоже могут стать вашими приятелями. Ребята бросились к нам, увидев, что мы с некоторыми мальчишками здороваемся за руку. Остальные забеспокоились: «А ну, как они меня не заметят и я останусь ни при чем?»

Если воспитатель не умеет встать в дружески-деловые отношения с каждым мальчишкой и девчонкой — объединение ребят во дворах не состоится.

Отсюда понятна низкая эффективность объявлений и организационных собраний. Не способствует сближению и входящее в моду «анкетирование» ребят. Написать собственной рукой в анкете, что ты двоечник — не легко. Человек сразу почувствует себя объектом каких-то воспитательных усилий, и вам долго не удастся преодолеть его настороженность. Иногда воспитатель поручает обход квартир летучим бригадам. Смысл тот же, что и у анкетирования, — собрать данные о ребятах. Инструктор получает сведения, никого не повидав. Конечно, нелегко обойти всех. Но лучше повременить со знакомством, чем подменять его формальными опросами.

Когда мы создали четыре команды в одном доме, это были команды разных возрастов, между собой они играть не могли. А ребятам, да и нам, нужны были регулярные игры, иначе от нечего делать возобновлялась картежная игра и всякое озорство. Мы принялись обходить дворы, знакомились с ребятами, говорили, что организуются большие районные соревнования. Тут же формировались команды, назначались капитаны, спо-

ки, когда будут готовы окончательные списки. Наметили день первых игр. С представителями каждой команды обменялись адресами и телефонами.

Несколько дней я не знал дома никакого покоя, телефон звонил не умолкая. От одной команды, для надежности, не ленились позвонить и два, и три человека. Но зато ни единой осечки. Десятки команд были созданы в несколько вечеров. Эти люди умеют ценить деловой подход.

Если взрослому кажется, что ему в ребятах, собственно, и понимать-то нечего, а нужно лишь приказывать да скомандовать,— такому человеку, конечно, смешны церемонии рукопожатий, деловых бесед на равных и терпеливые телефонные разговоры.

Приключилась со мной странная история, которую я переживал как ошибку, бесхарактерность и которая вдруг получила совершенно неожиданный поворот.

Получил я адрес Васьки, состоявшего на учете в детской комнате милиции, и во время первой же встречи увидел, что несмотря на впечатляющий список его погрешностей, с ним можно вступить в нормальные отношения. Чтобы «развлечь и отвлечь» паренька, я устроил его в секцию бокса. Через пару недель он по всем усвоенным правилам свернул носы нескольким пацанам. Уже собирали соответствующие характеристики и справки, чтобы принять к Ваське нужные меры. А мне все больше казалось, что можно найти с ним общий язык. Терпению работников детской комнаты приходил конец, а я обнаружил у парня интерес к путешествиям и начал сочинять с ним маршрут на лето. Неудовлетворенный путешествиями по карте, Васька решил катануть в Крым, но по ошибке залез в грузовой отсек самолета, готовившегося к зарубежному рейсу...

Как раз в эти дни мать Васьки получила квартиру в другом районе, и мне осталось предаваться размышлениям, чего же я, собственно, достиг...

Прошло более года. Зайдя однажды в райком комсомола, я увидел в группе ребят Васькину физиономию.

Оказалось, теперь он в ПТУ, вступил в комсомол, ведет общественную работу.

Что же произошло? Сейчас по всему видно, что парень не был глух к хорошему. Почему же это совершенно не сказывалось тогда? Такое впечатление, слов-

но сначала работал я, а потом сработало время. Сработало самостоятельно и чрезвычайно эффективно. А если бы я реагировал на Васькины художества «как надо»? Могло выйти совсем другое...

Лев Львович Бархаш, много лет работавший с детьми во дворах Октябрьского района Москвы, рассказывает, что, недовольный грубостью манер некоторых молодых людей, он однажды потребовал, чтобы они разговаривали вежливо. Ребята его уважали. На следующий день подходит к нему один из ребят и, заикаясь от старания быть вежливым, выпаливает: «Лев Львович, я сделал то-то и то-то». (Следует сообщение о выполненном задании). И тут же, без передышки: «Спасибо! Пожалуйста!»

Оказывается, ребята не просто не хотят, они не умеют, не привыкли быть вежливыми. Даже при огромном желании воспринять хорошее им нужно время. А воспитателю в свою очередь нужны терпение, способность верить в человека.

Каждый наблюдал такой случай. Парень озорничает. Взрослый делает замечание. Парню неловко, но он улыбается. Многие ли удерживаются от раздраженного: «Чего ты смеешься?» И тут же получают почти всегда одинаковый ответ: «А что мне плакать, что ли?» И смущение пропало. Нахальная ухмылка кажется оправданной. А если бы взрослый удержался от этого «естественного» упрека, если бы он дал возможность парню постоять так, с улыбкой на лице и жгучим чувством стыда?

Тут надо понять разницу между взрослым и подростком.

Взрослый в ответ на замечание начинает думать, делает выводы, которые и кладет в основу своих дальнейших поступков. В психике подростка срабатывает иной механизм. Ощущение неловкости охватывает его так сильно, что он как бы перестает владеть собой, как бы из упрямства повторяет нехороший поступок, чувство стыда от этого усиливается. В результате не рассудочное (на что ребенок еще не способен), а именно эмоциональное начало оказывается направляющей силой поведения. Вот почему не надо беспрерывно «нажимать», надо дать возможность поработать времени, чтобы в психике юного человека мог благополучно за-

вершиться начавшийся благодатный процесс. Иными словами, нельзя отчаиваться при виде кажущейся безрезультатности попыток повлиять на подростка. Добрые семена дадут всходы.

В течение года мы просили, требовали, шли на все хитрости, чтобы заставить группу парней изжить иждивенческие настроения и не только приходить поиграть, но и помочь нам провести соревнования. В ответ были или ухмылки, или молчание. Но однажды мы попали в безвыходное положение: срывались игры 16 команд на одной из хоккейных площадок — заболел ответственный за проведение игр. Так эти же самые парни провели игры и с тех пор стали нашим надежным активом.

Был такой случай. Володя Казаков, один из комсомольцев, вместе с которым мы проводили несколько сезонов районные соревнования, руководил играми старших ребят в отдаленном уголке парка, где нередко собирались «веселые» компании. Незнакомые парни на кромке поля устроили ссору. Создавалась опасность вовлечения в драку и футболистов. Казаков подошел к задирам и, хотя от них пахло спиртным, спросил, не хотят ли они сыграть в футбол. Забыв про междоусобицу, парни изъявили бурную готовность. Игра пошла отлично. Новая команда играла весь сезон, стала одной из лучших по организованности и дисциплине.

Говорят, организатор здорово рисковал: играть с пьяными! Могли быть травмы. Ну, а если бы началась драка, опасность травм была бы меньше? Но речь не об этом... Интересно разобраться, почему человеку удалось мгновенно повернуть к хорошему группу парней в ситуации, в которой обычно не обойтись без милиции или дружинников?

Впоследствии сами виновники происшествия все объяснили так:

— Мы всех вас, организаторов, знали. А уж ребят, с которыми играли, и подавно. Знали, сколько у вас команд, кто на первом месте. Очень хотелось играть. Думали только, что нас не примете...

Деловитость, усердие, самоотверженность — качества, ценные в любой работе. Однако в работе воспитательной они приобретают значение совершенно исключительное, они не только помогают работать, они, мож-

но сказать, сами работают. Дело не только в том, что воспитатель воспитывает прежде всего личным примером. Есть и еще одна серьезная необходимость большой деловитости воспитателя, размаха в его работе. У молодежи снижается интерес к воспитателю, если он замыкается в границах двора, ЖЭКа. Иное дело, если он для ребят абсолютно свой, но в то же время чуточку и чужой, если он, кроме работы в ЖЭКе, ведет какую-то еще «более важную» работу, например, связан с райкомом, организует, проводит общерайонные соревнования. Ребята гордятся тем, что их знакомый — личность авторитетная. Через него и они как бы не посторонние тем значительным делам, которыми занят их старший товарищ.

Можно наблюдать такой тип воспитателя: он сочиняет планы, атакует все инстанции, требуя выполнения своих предначертаний. Дети очень скоро узнают: если что и появилось во дворе, то заслуга в этом исключительно общественника — он «выбил»! Они твердо усваивают, что и ЖЭК, и завод, и все на свете должны им, ребятам, быстренько перенимают и фразеологию и позицию, которой воспитатель придерживается по отношению к другим взрослым и организациям. Надо ли показывать на примерах, как недолговечно влияние такого организатора? И что все его благие дела, по сути дела, не затрагивают личности подростка. А ведь в конце концов цель наших хлопот и есть формирование личности.

Умение воспитателя сделать так, чтобы каждый его шаг воспитывал у ребят деловитость, коммунистическое отношение к жизни, к людям — вот в этом и заключается самое основное, самое ценное в облике, характере тех, кто работает с молодежью²⁴.

А. Я К О В Л Е В.

КОРЧАГИНЦЫ

Сложилось мнение: совсем одолели ребята комсомольского секретаря! «Надолго ли хватит тебя, комсорг?» — высказывали некоторые сомнения. Но Юрий никого не переубеждал. Верил в себя, в свои силы, в доброе дело, которое он начал. Судя по тому, как он

терпеливо разрешал, казалось бы, неразрешимые проблемы, те неожиданные «сиюминутные» вопросы своих подопечных (а их в подростковой дружине имени Павки Корчагина 160 человек!), можно было понять, как дорожит Ю. Емельянов их уважением, ребячьей солидарностью, их пониманием большой ответственности за порученное дело.

Много хорошего рассказал об оперативной дружине корчагинцев секретарь комитета комсомола Алма-Атинского домостроительного комбината. Чувствовалась его искренняя озабоченность делами юных энтузиастов. Отрадно, что удалось Юрию наладить с ребятами те правильные, психологически тонкие деловые отношения, которые позволили ему добиться успеха — втянуть в орбиту комсомольского влияния разноликое племя рабочих-подростков.

Некоторые недоумевали, зачем, мол, еще и подростковый оперативный отряд, коль давным-давно существует на комбинате добровольная народная дружина. Есть у нее свои оправданные многолетней деятельностью принципы и методы работы, свои успехи, скупыми строчками записанные в журналах дежурств. Не будет ли дублирования?

Далеко не на каждом предприятии молодые рабочие находятся под строгим вниманием старших. Именно они, новички, труднее всего привыкают к взрослому окружению. Взрослые же не всегда достаточно проявляют терпения, выдержки, требуя от начинающего рабочего выполнения обязанностей, которых, кстати, у него немало: отлично работать, учиться, активно участвовать в общественной жизни и т. д. В то же время иногда прямо нарушаются или ущемляются права молодых рабочих на предприятии. Видимо, необходим контроль за отношением к подростку, так называемая гласность во взаимоотношениях молодых рабочих и их наставников.

На домостроительном комбинате ребята из штаба подростковой дружины показали мне удостоверение, подписанное руководителями АДК. Этот документ дает право подросткам самим контролировать условия работы своих сверстников, требовать от мастеров, начальников цехов, рабочих неукоснительно соблюдать трудовое законодательство.

Но это лишь деталь в деятельности штаба подростков. Круг охватываемых им вопросов гораздо шире.

Идет заседание штаба оперативной дружины имени Павки Корчагина.

— В комитет комсомола, — читает комиссар корчагинцев электросварщик Фанил Янатханов, — поступило заявление от Валерия Т.

Перед ребятами 16-летний подросток, только что отбывший наказание в исправительно-трудовой колонии. В четырех организациях побывал он, но везде ему отказали в работе (мол, своих «непутевых» хватает). Волнуется парень — глядят на него пятнадцать его сверстников. Смотрят строго, но доброжелательно. Расспросили подробно: есть мать и три сестренки. Валерий, старший, должен помочь семье. Обещает работать добросовестно.

— А учиться? — спрашивают дружинники.

— Где же заниматься, учебный год кончается?! — недоумевает Валерий.

— Ничего, есть ускоренная группа в нашей вечерке. Да и мы поможем, — обнадежили Валерия ребята.

А в постановлении штаба подростков записали: «Ходатайствовать перед завкомом о приеме на работу Валерия Т»;

в связи с материальным положением ходатайствовать перед администрацией цеха допустить Валерия Т. к сдаче экзамена на разряд через месяц после поступления на работу».

Передо мной объемистый журнал дежурств. В нем не просто протоколы собраний актива корчагинской дружины. Здесь именно то, что сами ребята называют «романтикой настоящего коллектива».

В штабе дружины узнали о плохом поведении Петра Д. в семье. Пригласили его мать. Она рассказала о том, что он к тому же бросил школу. Дружинники вынесли решение: просить бухгалтерию выдавать зарплату Петра его матери, а поведение его обсудить на цеховом комсомольском собрании.

Вечерами в штабе дружины народу особенно много. Приходят молодые рабочие, начинаются беспокойные часы дежурств. Звонит телефон — идут сообщения о положении на участках. Вдруг тревожная весть. Тотчас

на место выезжает оперативная группа во главе со старшим лейтенантом милиции И. Горовых.

А на другой день в журнале появится запись: «Группой дружинников задержан и обезоружен человек, угнавший автомашину...»

Свободное время. Вряд ли кто из подростков-дружинников назовет день, не заполненный делами. Посвящение в рабочий класс, рейд по рабочим местам подростков, посещение вечерней школы членами дружины, стенгазета «Корчагинец», выездной спортивный семинар, строительство оранжереи и т. д. В этом далеко не полном перечне дел самые разнообразные занятия и интересы молодых рабочих домостроительного комбината. В них — ребячья озабоченность, та серьезность, которая заставляет юношей и девушек быть требовательными не только к себе, друг к другу, но и к старшим товарищам.

Как видите, дружина имени Павки Корчагина, созданная целиком из подростков, — это не просто объединение по интересам. Здесь парни и девчата делают гораздо больше. В своей дружине воспитывают себя и своих сверстников. Сами приобщаются к производственным и общественным делам. И в этом их взрослость, их самостоятельность.

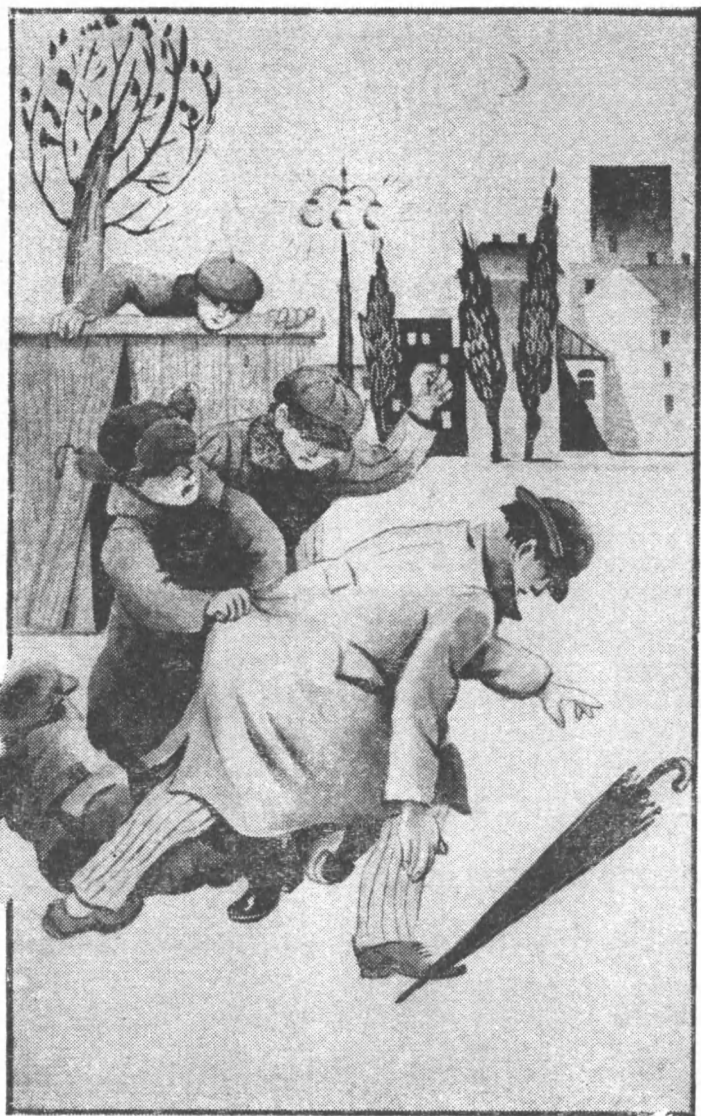
Сейчас, когда закончился организационный период в жизни дружины, перед активистами АДК возникли новые вопросы. Многие из ребят рассуждают: а почему бы не сделать дружину военизированной? Ведь если подсчитать, преобладающая часть подростков на комбинате — допризывники. И вполне объяснимо стремление ребят к романтике военной службы, олицетворяющей собой мужество, отвагу, бесстрашие воинов и офицеров Советской Армии.

Новая форма работы с заводской молодежью, подростковая дружина, оправдала себя. Именно благодаря ей возросла общественная активность молодых, разнообразные интересы которых стали целенаправленными. Влияние на так называемых «трудновоспитуемых» — более непосредственное и организованное.

Ш. С А Р М У Р З И Н А.

самые
«трудные»

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР О «ТРУДНЫХ» ДЕТЯХ

С Володей Н., — тринадцатилетним подвижным пареньком — мы познакомились в детской комнате милиции. Нехотя, не поднимая глаз, он односложно отвечал на вопросы инспектора.

— Сколько трубок срезал?

— Семь.

— Куда дел?

— Не помню.

— Зачем срезал?

— Не знаю.

Беседа не получилась.

Первое, что я увидел, войдя в Володину комнату, — это обилие каких-то проводов, лампочек, металлических деталей и много другого, свидетельствующего о технических наклонностях хозяина. Володя рассказал, что пытается сконструировать портативную телефонную станцию. Дела идут неплохо, да вот деталей не хватает. Пришлось воспользоваться трубками телефон-автоматов.

Из школьного физического кружка Володю исключили: двойки по математике. Записаться в детскую техническую станцию не удалось (она одна-единственная на город, где 60 тысяч пионеров). Мальчика все-таки удалось пристроить в школьный технический кружок, но это уже после того, как состоялся визит в детскую комнату милиции.

За последние два года мне пришлось иметь дело с несколькими десятками подростков 13—14 лет, которых мы называем «педагогически запущенными». В судьбе каждого из них ясно прослеживались те или иные пробелы семейного, школьного, общественного

воспитания. Много разного было в таких судьбах. Но было и то, что объединяло, пожалуй, всех — это отсутствие в жизни этих детей каких-либо жизненных устремлений, интересов, склонностей или при наличии этих склонностей (как в случае с Володией) — неумение, незнание, как удовлетворить хороший, нужный интерес. А раз так — избирались вовсе не лучшие средства, не лучшие пути.

Отчего так получается? Не виноваты ли в этом прежде всего мы сами — педагоги, родители, все взрослые? Не слишком ли много пестуем мы наших дорогих мальчишек и девчонок? Не слишком ли мало учим их самостоятельности?

Вы помните зимние каникулы? В эти дни десятки массовиков, затейников были заняты тем, как развеселить, занять, рассмешить многочисленных посетителей празднеств.

Я подумал, а что, если бы вместо этой армии шутников задолго до празднеств к детям пришла бы армия умельцев, людей творческого дела и предложила мальчишкам и девчонкам быть не только зрителями, но сначала — полноправными участниками интересных дел, требующих знаний, смекалки, сил, энергии. Ну, например, одним поручили заняться оформлением площади Ленина к новому веселью, другим — оформлением парка 28 панфиловцев, третьим поручили иллюминировать город.

Думаете, не сумели бы сделать? Еще как сумели! Ничуть не хуже, чем это делают взрослые.

Особенность подросткового возраста как раз и заключается в неиссякаемом стремлении к действию, к подвигу, к самоутверждению. И если для этого вполне естественного стремления не будет создано необходимого простора, то энергия подростка может получить иное — антиобщественное направление. Пожалуй, это главное, о чем следует помнить, организуя работу по предупреждению правонарушений детей.

Исключительную актуальность приобретает в наши дни еще одна проблема — юридическое просвещение в школе. Я глубоко убежден, что многие преступления из имеющихся стали возможными лишь в результате элементарного незнания подростками законов. Сначала мальчишка таскает в кармане нож, совсем не подозре-

вая, что за ношение холодного оружия человек привлекается к ответственности. Затем наступает такой момент, когда у него возникает желание попробовать, что можно сделать с помощью ножа. А потом его судят по двум статьям: за преступление и за ношение холодного оружия. Знай он об этом раньше, наверное, сумел бы подавить в себе желание прогуливаться с ножом просто так, от нечего делать.

Мне приходилось встречать много подростков, ставших правонарушителями именно в результате незнания права. Вместе с тем, если вы посмотрите планы внеклассных мероприятий школ, вы почти не встретите таких, которые предусматривали бы знакомство с правовыми основами. А ведь они могут стать определенным барьером на пути правонарушений, хотя бы у части подростков. Еще большего эффекта пропаганда юридических знаний достигнет, если к этой работе привлечь опытных судей, следователей, адвокатов, ученых-юристов и т. д. Когда эти товарищи на конкретных примерах расскажут ребятам, к чему может привести правонарушение, чем заканчиваются «шалости», многое удастся предотвратить.

Профилактика и преодоление педагогической запущенности подростков немыслимы без серьезной и кропотливой работы педагога с родителями. Мне кажется, что существующая ныне система родительского всеобуча очень далека от совершенства. Мне приходится часто выступать перед родителями с лекциями в различных родительских университетах — их в Алма-Ате несколько. Слушатели — это обычно папы и мамы из так называемых благополучных семей. Получается почти то же, что бывает в атеистической пропаганде: «Бога нет!» — заверяем мы сидящих в зале, хотя они сами в этом никогда не сомневались. Родители, которые посещают университеты, вполне могли бы обойтись самостоятельным чтением имеющейся популярной литературы о воспитании детей. Родителей же, у которых явно неблагополучно с воспитанием, я встречал в университете как редкое исключение. Видимо, нам пора отказаться от многих устаревших, так называемых массовых форм работы с родителями. Родительский всеобуч должен быть реорганизован в плане его большей индивидуализации.

Здесь нелишне вспомнить опыт экибастузцев. Там многие школы имеют такое правило: берут конкретную тему собрания, рассчитанную на определенный круг родителей. Зная, что этих пап и мам не то, что добровольно — на аркане не затащишь в школу, они связываются с администрацией и общественными организациями предприятий и просят помочь обеспечить явку. Там относятся к этому с полным пониманием. И вот какое-то время спустя бывшие нерадивые папы и мамы, почувствовав, что такие конкретные беседы помогают им наладить отношения в семье, уже сами тянутся к школе.

Легче работать и лектору: зная заранее, что представляет собой аудитория, он не будет «растекаться мыслию по древу», а поведет конкретный разговор о путях и возможностях работы с детьми именно в этих семьях. Конечно, подобная форма родительского всеобуча нуждается в ряде уточнений, но ее необходимость совершенно очевидна.

* * *

Последнее. Трудно найти в наше время такую отрасль человеческой деятельности, где эффективность, правильность проводимых мероприятий не подкреплялись бы серьезными научными исследованиями.

Но вот в педагогике и психологии, или точнее — в работе с педагогически запущенными детьми, сложилось именно такое положение. Многочисленная армия педагогов, родителей, работников общественности не располагает необходимыми научными рекомендациями по профилактике и преодолению педагогической запущенности. Более того, в республике нет научного центра, который бы, сконцентрировав усилия педагогов, психологов, юристов, врачей, всерьез повел бы эту научно-просветительную работу.

При кафедре педагогики и психологии Казахского педагогического института имени Абая есть научная лаборатория по изучению проблемы «Трудные дети». Ее штат 2 (!) человека. Если бы министерства просвещения, здравоохранения, высшего и среднего специального образования, скооперировавшись, изыскали возможности расширения этой лаборатории, выделения средств для публикаций, такой центр был бы создан.

В условиях нашего социалистического общества проблема ликвидации педагогической запущенности детей не является неразрешимой. Она может и должна быть решена в кратчайшие сроки.

Г. У М А Н О В,
кандидат педагогических наук.

СЛАВКИНА ЦЕЛИНА

Славка не приходит. Не потому, что добраться до общежития трудно. Причина, вероятно, опять та же — отец... И Славку, и отца его знаю более двух лет.

В первый же день, когда я пришел в детскую комнату милиции, я познакомился с матерью двух малолетних правонарушителей и с ними самими — Славкой и его младшим братом Володей. Жили они в старой части города, в крохотном домишке, затерявшемся в узкой улочке. В одной из двух небольших комнат — стол, два табурета, полка с потрепанными учебниками... Дверь в другую комнату была надежно закрыта на два замка.

В этот же день пришлось разыскивать Володю — сбежал из дому. Разыскали около стройки... Я подружился с ребятами. Володя смотрел на меня так удивленно, когда я рассказывал о Камо или читал Паустовского, что казалось, он слушает глазами. Когда я замолкал, вопросы так и сыпались.

Трудно было со Славкой. В разговорах молчал, отвечал односложно «да», «нет». Становился разговорчивым, лишь когда говорили о море, о природе.

Первое время отец, хотя и скуп, но говорил о бродяжнической жизни сыновей, об их проделках. Потом — «их ничто не исправит, кроме трудколонии». В его словах было явное недоверие к моим воспитательным методам. Наконец, соткровенничал: «Не стоит вам тратить время — бесполезно. Сам воспитаю. Не нравится, что бью? Так Макаренко тоже бил».

После одного такого педагогического сеанса Славка ходил с перебитой рукой. Отец никогда не оставлял дверь дома раскрытой. Запирал ребят, чтобы учили уроки. Все это вызывало протест у подростков. Володя убегал, по нескольку дней бродяжничал. Славка еще больше уходил в себя, становился нелюдимым.

Весной, когда формировался студенческий целинный отряд, я впервые увидел Славку сияющим:

— На целину едем!

Еще недавно я говорил с целинниками о Славке, хотел, чтобы он поехал с отрядом (кстати, отправлять «трудных» ребят на целину со студентами стало традицией). Перед отъездом на целину в списках среди 42 фамилий стояла фамилия с пометкой «ТВ» «трудновоспитуемый» — Вячеслав Е.

В первые дни я предоставил Славке полную свободу — пусть все поймет сам. Целина для подростка не только физическая работа, отдых. Это и сорок новых человеческих характеров.

Как-то Славка подбежал ко мне возбужденный:

— Видел гнездо? Нет? Пойдем!

Метрах в семи от фундамента будущего двухэтажного дома притаилось гнездо с крошечными, только что опушившимися птенцами.

Славка догадливо обнес гнездышко кольями, оградил его от случайного сапога камнями. Все уже узнали о Славкином открытии и предупреждали проходящего: «Осторожнее!».

Незаметно для себя я привязался к подростку. Мы вместе ходили на фотоохоту в березовые рощи, с ластами и масками выслеживали окуньков в озере. Вечерами после работы — наши кровати стояли рядом — долго разговаривали. Больше говорил Славка. О дельфинах, об авиационном празднике в Москве, о космических полетах. Под подушкой у него были вырезки из газет, журналов, статьи, фотографии новых машин, самолетов. Он мог долго объяснять мне, как из обыкновенного «москвича» сделать... самолет вертикального взлета. Я не связан с техникой, имею самые общие понятия о людях, изобретающих новые машины. Но мне кажется, что они начинали с таких же фантастических замыслов. Часто мой юный друг засиживался вечерами у ребят физмата. Молчаливый Валерий Безуглов в спорах со Славкой оживлялся. Они ломали голову над разными проблемами физики, решали задачи. После таких «разминок» перед школой Славка с нетерпением воскликнул:

— Интересно, что будет в восьмом классе?!

У подростка появлялись все новые и новые друзья.

Ребята уважали его за честность, трудолюбие, сообразительность.

Они недоумевали: «Почему Славка «ТВ»? Как он попал в детскую комнату милиции? Какой же он несовершеннолетний правонарушитель?».

...Конечно, на несовершеннолетнего правонарушителя Славка не был похож. На целине исчезли его угрюмость, замкнутость. Как он попал в милицию, я знал. Но не хотел ворошить больное Славкино прошлое, вспоминать о его доме-тюрьме. Ребята улавливали это, не задавали лишние вопросы.

Глядя на Славку, я понимал, что здесь он живет радостно, свободно. Впервые у него так много друзей. Славка буквально горел добротой. Трудился он отлично. С трудом его заставили работать лишь положенное ему, как подростку, время. Но Славка все равно находил себе дело. То рубил дрова для кухни, то устраивал ребятам полочку для книг, то мастерил ружье для подводной охоты. А однажды мы пришли в свой вагончик, ярко залитый электрическим светом...

Ребята давно просили электриков сделать проводку. Славка, не говоря никому ни слова, прорезал в фанерной перегородке отверстие и протянул электрошнур. Ребята хлопали себя по лбу и превозносили Славку.

Когда мы собирались на фотоэтюды, с нами увязался рыжий забавный пес. Славка подружился с ним и учил его простым командам. Пес очень привязался к мальчишке, подчинялся его первому приказу. Нужно было видеть, как пес важно носил за мной футляр фотоаппарата по приказу Славки.

Однажды Славка принес из леса ежа. Быстро его приручили. Через два дня еж уже жадно ел из рук, с любопытством поглядывал на окружающих черными смородинками глаз. Собаке он не понравился. Сунулась она раз, уколола нос. Прыгает вокруг колючек, вертится. Обиженно отворачивается от Славки. А у Славки озабоченный вид: как сдружить ежа и собаку?

Не всегда, конечно, просто и весело было у нас. Случались и трудные дни. Сталкивались характеры.

Как-то я поссорился с ребятами из бригады. Славка сказал:

— Ты сейчас тоже один, как я был когда-то. Это трудно. Правда?

Или:

— Федя, почему никому не сказал, что тебе исполнилось 20? Сам себе испортил радость...

Славка вырослел.

...Много времени прошло с тех пор, как мы вернулись с целины. Славка часто заглядывал к нам в общежитие. Ходил к ребятам с физмата заниматься математикой. Он возвращался радостным, довольным. Но однажды я встретил его мрачным.

— Знаешь, отец не разрешает бывать у вас. Чуть не до драки доходит. Хотел заниматься в секции борьбы — раскричался. Что делать?

Я пришел к подростку домой. Хотел рассказать родителям Славки о его целине. Дверь открыл отец, окинул меня равнодушным взглядом и заперся в соседней комнате. Славка поспешил проводить меня.

— К отцу не подступишься. Говорит, зачем он пришел?

Мы распрощались. Славка обещал приходить. А я шел и думал: трудные ребята начинаются с трудных родителей²⁵.

Ф. П И Л Ю Г И Н,

студент историко-филологического
факультета СГПИ.

ДЖИНН ИЗ БУТЫЛКИ

Нередко с маленькой, на первый взгляд, ошибки начинаются большие беды. Нам, работникам милиции, это известно доподлинно. И поэтому невольно задумываешься о том зле, которое причиняют обществу неправильные взаимоотношения в семье, плохой пример родителей и слепая любовь к детям, оказывающаяся ничуть не лучше равнодушия. Вот, скажем, деньги. Даете вы их своим детям. А интересуетесь ли тем, на что они расходуются?

«Мальчику необходимы карманные деньги», — думает иная заботливая мамаша. И «мальчик» всюду тратит рубли, им не заработанные, воображая, что уже одно это дает ему право числиться в кругу сверстников человеком взрослым и самостоятельным. Если попытаться ему доказать, что жизнь, которую он ведет, ни-

кчемна, то он в ответ будет развивать свою «теорию». А она столь же проста, как и отвратительна: жить для себя, в свое удовольствие и при этом «не ходить в робе работяги».

И растет себе этаким лоботряс, не имеющий представления о подлинном человеческом достоинстве. Поэтому-то легко попадает он под влияние дурной компании, совершает аморальные поступки и нередко становится опасным для общества преступником.

...Судьба Саши Зорина могла бы сложиться иначе. Ведь он рос и воспитывался, казалось бы, в здоровой семье, как и многие другие мальчишки его возраста. В доме достаток. Живи, учись — предоставлены все возможности! Но не шла парню в голову учеба...

С некоторых пор за Сашей начали замечать странности. Приходил в школу задумчивый, на вопросы учителей отвечал неохотно, а иной раз говорил, что уроки не смог выучить — болел. А потом стал пропускать занятия, не появлялся в школе по нескольку дней. Обеспокоенные учителя беседовали с родителями Саши. Те заверяли, что мальчик исправится. Но Саша не только не исправлялся, а стал «хромать» по многим предметам, постепенно начал грубить учителям и родителям. И, наконец, был замечен... в воровстве.

К сожалению, и эта беда не посеяла тревоги в родительских сердцах. Саша бросил школу, завел приятелей, чье поведение было далеко не идеальным. Вместе курили, нередко выпивали. Уж здесь бы хоть взяться родителям и педагогам за воспитание подростка, поговорить с мальчишкой по душам, показать ему, что он стоит на неверном пути. Но этого не случилось, и результаты равнодушия взрослых не замедлили сказаться.

Зорин попадает в детскую комнату милиции за хулиганство. Спустя месяц — вторично — за позднее пребывание на улице и курение. И вот со стоянки угнана машина. Правонарушители задержаны — это Саша и пятнадцатилетний Шамиль Джейскенов. Не успели с этим случаем разобраться, как через пять дней те же Зорин, Джейскенов и четырнадцатилетний Калинин вновь угнали машину. Так цепь мелких антиобщественных проступков переросла в преступление.

Когда Зорина спросили, на какие деньги он пьет и курит, он спокойно ответил: «Ведь мать с отцом работают...» Он привык уже к легкой, «вольной» жизни, ему неизвестна цена трудовой копейки, он, по существу, не уважает ни родителей, ни их труд.

Родители... Что представляют они собой — родители Саши? Отец — Иван Михайлович Зорин и мать — Елизавета Никаноровна трудятся на заводе имени Калинина. Зарабатывают хорошо. Есть в общем-то все условия для того, чтобы семья была крепкой, здоровой, а взаимоотношения в ней основаны на уважении и доверии друг к другу. Но Иван Михайлович — большой любитель выпить. Когда пьян, плохо отзывается о людях и даже сквернословит в присутствии детей, устраивает дебоши. Когда протрезвится, извиняется перед женой, но проходит время, и пьяные оргии повторяются. Вся душевная энергия отца и матери уходит на примирения и ссоры. До сына ли им?

Часто в преступлениях подростков винят прежде всего школу, а потом уж родителей. Бесспорно, в случае с Сашей Зориным вина учителей есть. Но ведь большую часть времени дети находятся вне школы. Кому же, как не родителям, следует в первую очередь знать, где их сын или дочь бывают до полуночи? Почему некоторые родители совершенно не интересуются, с кем дружат, как проводят время их дети?

Передо мной уголовное дело группы подростков. Шестнадцатилетние Г. Гусельников и В. Старостин нигде не работали, не учились. Возвращались домой обычно поздно ночью. Родители не обращали на них внимания. И вот некий Шарафутдинов, рецидивист, имеющий к 29 годам жизни три судимости, заинтересовался ими. Он пришел к ребятам и предложил совместно выкрасть деньги из сейфа государственного предприятия. Они охотно согласились, и только благодаря бдительности охранника преступление сорвалось.

В один из вечеров в Петропавловске группа хулиганов напала на работника городской электросети С. Сергейчука. Четверо на одного, да еще с ножами! Тяжелое ранение в область грудной клетки. Преступников поймали. Это были молодой рабочий передвижной механизированной колонны № 6 В. Нефедьев, учащиеся городских профессиональных училищ С. Складов,

В. Воронов и А. Шайхислямов. Все они привлечены к уголовной ответственности.

Но оставим пока Уголовный кодекс. Давайте посмотрим на моральный облик самих хулиганов. На что же все-таки надеялись эти «храбрецы», когда посягали на жизнь человека? Какие мотивы толкали их на преступление? Мсть? Нет, водка! В алкогольном угаре, потеряв способность рассуждать здраво, они из пьяного бахвальства решили показать, что им «все нипочем».

Удивляться тут нечему. Сто граммов водки, стакан вина, кружка пива, встреча с приятелями, день получи и день аванса, пьянка по случаю праздника и просто так, без повода сегодня, завтра, послезавтра... И человек теряет рассудок и совесть. Джинн выходит из бутылки. Незримый и страшный, он начинает руководить поступками того, кто его освободил. Так нередко закладываются преступления.

Порой мы слышим скептические замечания: «Человек совершил преступление, а виноваты окружающие? При чем здесь другие? У него своя голова...» Эта позиция не только не верна, но и вредна. Человек растет и взрослеет в окружении людей, в коллективе. И будь это семья, школа или предприятие, коллектив не может не быть заинтересованным в правильном воспитании молодого поколения. Надо всегда помнить, что мы, созидаящие самое справедливое и гуманное общество на земле, несем моральную ответственность за будущее каждого без исключения юного гражданина нашего государства²⁶.

А. ПОЛЕЩУК,
младший лейтенант милиции.

ОНИ БЫЛИ «ТРУДНЫМИ»

Бесспорно, разговоры о «трудных», «неисправимых» детях — зачастую не что иное, как попытка некоторых учителей, родителей оправдать свое педагогическое бессилие. «Если ребенок становится хулиганом,— говорил в свое время А. С. Макаренко,— то в этом виноват не он, а виноваты педагогические методы».

В спецшколы, созданные несколько лет назад вместо воспитательных колоний, присылают самых что ни на есть «трудных» ребят. Об опыте одной такой школы идет сегодня разговор.

Таджикская республиканская специальная школа не существует и трех лет. За это время, как отмечается в официальных справках, воспитатели «создали дружный коллектив, нашли эффективные формы самоуправления подростков, сумели приобщить их к труду и общественной деятельности». За этими определениями стоит многое.

Жители Душанбе, когда-то взволнованные тем, что в центре города организуется учреждение для малолетних «преступников», теперь частые гости на школьных праздниках. Пугавшие когда-то прохожих высокие ворота школы открыты настежь и никого уже не тревожат.

Приобщение воспитанников к труду происходит, конечно же, не сразу и нелегко. Нельзя не учитывать, что в спецшколу доставляют подростков, которые честный труд считают позором, а когда им воспитатели предлагают работать, первым делом задают вопрос: «Что я буду за это иметь?» Словом, на первых порах труд ребятами воспринимался как наказание, как ненавистная обуза. Именно поэтому коллектив воспитателей отказался от такой меры наказания, как наряды на работу, хотя она и предусмотрена в Положении о спецшколе. Гораздо более эффективным оказалось впоследствии наказание «бездельем», лишением труда на глазах всех товарищей.

Романтизация трудовых процессов, соревнование и пример взрослых постепенно привели к тому, что труд вошел у ребят в привычку, стал приносить им радость. Особенно ярко это проявилось в летнем лагере. Для устройства его спецшкола получила заброшенный кишлак в Калайдаштской долине, что в семидесяти километрах от Душанбе. Разрушенные глиняные кибитки — скопища фаланг и скорпионов — и высыхающий без воды сад предстали перед взорами подростков, приехавших посмотреть место своего будущего лагеря. Воспитанники в короткий срок построили тентовые навесы для спален, кухню, столовую, провели водопровод, электрифицировали территорию, соорудили спортив-

ный городок, бассейн для плавания, провели арыки, и вода вернула к жизни засыхающие фруктовые деревья. Но суть не в том, сколько было вырыто ребятами кубометров земли. В совместном труде спланивался коллектив.

Столь же серьезно ведется работа и в производственных мастерских. Воспитанники по желанию овладевают специальностями столяра-краснодеревщика, токаря, автослесаря, радиотехника, киномеханика, повара. В июне прошлого года подавляющее большинство ребят, успешно выдержав квалификационные испытания, получили второй и третий производственные разряды.

Еще труднее было приобщить мальчишек, бросивших школы, к учению. Большинство из них оставались в свое время на третий, а некоторые и на пятый (!) год в одном классе. Система дополнительных занятий, предметные кружки, экскурсии, тематические вечера проводятся школой для того, чтобы развить у ребят интерес к науке, знаниям. Итоги? За последние полгода основными нарушителями режима школы были те, кто после отбоя, забравшись в укромный уголок, штудировал учебник.

Одним из главных принципов в работе с подростками в спецшколе с первых же дней стало правило — не лгать воспитанникам ни в большом, ни в малом, не бросать слов на ветер. Это очень способствовало сближению подростков и воспитателей, созданию в школе атмосферы полного доверия и искренности.

Большую роль в правильном воспитании играет соревнование. В ходе его и складывается система «ближних и дальних перспектив». Соревнование охватывает отрезок времени длиной в год, но он делится на десять этапов. Каждый из них интересен сам по себе. А тут еще привлекают ребят и премии за лучшие результаты. Так, по итогам первого месяца группа, отличившаяся в борьбе за дисциплину, чистоту и порядок, ездила на школьном автобусе в Самарканд.

Воспитанники соревновались и за право поездки на Тихий Океан. Больше года они вели переписку с моряками гвардейского крейсера. Однажды к ребятам приехал старшина, направленный командованием. Вручив памятные подарки, он пригласил ребят от имени моряков на корабль. Летом прошлого года шестеро лучших

из лучших вылетели во Владивосток. Теперь впереди — поездка в город Ленина.

Лучшим в школе вручается удостоверение «на доверие» (вместо практиковавшихся в детских колониях «увольнительных»). Его получает тот, кто заслужил прочное уважение коллектива. Удостоверение дает воспитаннику право свободного выхода за пределы школы в любое время, не связанное с обязательными занятиями. Первый воспитанник, получивший в торжественной обстановке такое удостоверение, — Умат Баратов, — помнится, не бросился «на радостях» за ворота, а все ходил по школе, зажав в руке драгоценную книжечку, показывая встречным.

Но ребята знают: получить удостоверение — мало, надо и дальше оправдывать доверие. Только тогда можно будет надеть красный галстук пионера, носить у сердца комсомольский билет. У подростков в красном галстуке или с комсомольским значком уже никто не спрашивает пропуск!

Много сил, ума и сердца отдают своим питомцам педагоги спецшколы. Разными путями пришли они сюда. Секретарь партийной организации школы Амадбек Кучкаров до этого работал в детской воспитательной колонии, преподаватель живописи Курбан Сафолов — в телестудии. Демобилизовавшись из армии, приступил к работе инструктор физкультуры Анатолий Александрович Белоусов. Из Института языка республиканской Академии наук пришел воспитатель Азиз Халимов... Всех их собрал воедино и сплотил в дружный коллектив директор школы Давид Иосифович Фельдштейн.

Много, очень много в работе этого самоотверженного педагогического коллектива по-настоящему нового и интересного. И все же самое многообещающее — это неудовлетворенность достигнутым, постоянный творческий поиск. Нерешенных проблем здесь, конечно же, масса. Взять, например, такие.

В условиях спецшколы в классе насчитывается порой всего 8—10 человек, в группе же по 20 воспитанников. Как лучше формировать группы? По времени поступления? По возрасту? По принципу — «драчливых» в одну группу, а смирных — в другую? Пока еще ответа на этот вопрос педагоги не нашли.

Не менее важным является вопрос о командирах

ребят. Из числа каких подростков их следует назначать, а по мере роста и сплочения коллектива рекомендовать к избранию? Формируя группы вновь прибывших, воспитатели опирались чаще всего на наиболее авторитетных ребят. Понятно, это был лишь авторитет силы. Но ничего не поделаешь: пришлось работать с таким «активом»; не навязчиво, но твердо направлять его в нужное русло. В то же время, приобщая к общественной деятельности остальных подростков, педагоги искали пути формирования коллектива, учили каждого умению и командовать, и подчиняться. Вначале это делалось во время строевой подготовки, когда каждый побывал по очереди в роли командира. Затем были избраны командиры отделений внутри групп. Время от времени для выполнения конкретных заданий создавались сводные отряды из двух-четырёх человек, в которых кто-то был за старшего... Сейчас каждый воспитанник школы имеет постоянное общественное поручение.

Исключительно важен для специальных школ вопрос о взаимоотношениях подростков с родными. Вот что пишет своей матери воспитанник Анвар Ф.: «Меня не жди, я к тебе никогда не приеду... Из-за тебя я стал воровать. Больше на такой путь не встану, на какой ты меня толкала...» К сожалению, не одному ему не повезло с отцом или матерью. В связи с этим возникает вопрос: куда направлять исправившихся ребят, если в семью нельзя?

Трудоустраивать выпускников спецшкол пока нелегко. Специальность-то они получают, а вот не многие трудовые коллективы готовы взять на себя дальнейшую заботу о ребятах. За два года существования единственной в республике спецшколы душанбинские городские организации так и не собрались выделить ей шефствующее предприятие или группу предприятий.

Педагоги убеждены, что многих ребят нельзя направлять в те города, откуда они прибыли в спецшколу. Почему бы, например, не трудоустроить в Душанбе подростков из иркутской или алма-атинской спецшкол, а в Иркутск или Алма-Ату отправлять душанбинских выпускников? Это исключило бы нежелательное влияние на подростков прежней среды, возможность рецидива. Решать этот вопрос надо Министерству просвещения СССР.

Больших доработок требует и Положение о специальной школе, многие пункты которого скопированы с Положения о детских воспитательных колониях и давно устарели. В частности, следует пересмотреть сроки приема и выпуска ребят из спецшкол. Значительно правильнее было бы содержать здесь воспитанников не до 15, а до 17—18 лет. Ведь за год-два трудно привить мальчишке устойчивые навыки хорошего поведения, полностью освободить его от дурных привычек. Преждевременный выпуск может в один миг перечеркнуть все хорошее, что накопилось в душах ребят за время пребывания в школе.

Специальные школы испытывают серьезные трудности при подборе кадров, особенно педагогов-воспитателей. Тем более необходимо заботиться о сохранении уже имеющихся коллективов. Между тем по существующему положению число воспитателей дается спецшколе не на плановое количество воспитанников, а на фактическое. Через месяц-другой из душанбинской спецшколы, например, будет выпущено 25 подростков. При этом, возможно, в июне или августе не придет новое пополнение из 25 воспитанников. И дирекции придется сократить двух воспитателей. Школа потеряет опытных педагогов. Когда же придут новые подростки, найти нужных людей для работы с ними будет трудно. Разумно ли это?

Надо рассмотреть и вопросы материального обеспечения спецшкол, выделения для этих специфических учебно-воспитательных учреждений руководителей кружков, мастеров и т. д. В трудном деле перевоспитания подростков педагоги вправе рассчитывать на большее понимание, поддержку и заботу всей нашей общественности²⁷.

Х. КАРИМОВ,
заведующий кафедрой Таджикского
университета, заслуженный
учитель школы,

Н. ОРЛОВА,
старший помощник прокурора
Таджикской ССР по делам
несовершеннолетних.

КАК ИДЕТ ЭКСПЕРИМЕНТ!

Я должен сразу оговориться. Наше училище не обычное, а экспериментальное. Как известно, в системе профессионально-технического образования много разных типов учебных заведений. В одни принимают с твердыми знаниями за восьмилетку; чтобы поступить в другие, я имею в виду технические училища, нужен аттестат за среднюю школу. Наше училище (оно готовит рабочих строителей-сантехников и авторемонтников) открыло свои двери перед самыми что ни на есть трудными ребятами. Перед теми, кто кое-как учился в школе, а потом и вовсе ее оставил.

Суть эксперимента в следующем. За два года обучения надо обучить ребят профессии и дать знания в объеме восьмилетней школы. (Мы принимали к себе только тех, кто закончил шестой или седьмой класс) Конечно, мы понимали: справиться с нелегкой задачей нам удастся лишь в том случае, если мы сумеем вернуть каждому из ребят, а во многих и пробудить заново, уважение к самому себе, воскресить в них веру в собственные силы.

...Итак, в сентябре прошлого года мы приняли 270 новичков. Проведенные вскоре контрольные работы заставили нас буквально схватиться за голову. Задание по математике выполняло 203 человека, из них 195 получили двойки. Диктант по русскому языку закончился не лучше — 125 двоек!

С внутренним волнением мы стали просматривать списки новичков. Кто же из них на первых порах станет нашей опорой? И тут выяснилось: из двухсот семидесяти не было ни одного комсомольца, ни одного сильного ученика и даже ни одного спортсмена-разрядника. А уж эти ли бедовые головы не любят спорт?!

Знакомясь с ребятами, я про себя отметил: у многих обувь давным-давно не чищена. Брюки на коленках вздуваются пузырями, головы плохо причесаны. Но об этом пришлось до поры до времени молчать.

Может быть мы, рядовые учителя и рядовые мастера, были уж слишком самонадеянны, что ли, согласившись на подобный эксперимент? И в самом деле, в школе на целый класс попадаете порой один-два трудных, ершистых парня, с которыми нет сладу, а мы собрали

всех вместе. На что же мы рассчитывали, на что уповали?

Прежде всего на силу самого труда. По сути, в жизни этих ребят труд — осмысленный, систематический — входил ведь впервые. Мы не хотели упрощать своей задачи — дать сорванцам ремесло, и, как говорят, баста! Взялись за более сложное — их гармоническое воспитание...

Новички растекались по группам. Теперь мастеру предстояло главное — изучить возможности каждого. Что касается слабостей их, то они в общем-то были на виду, но куда сложнее было определить резервы сил, самим себе ответить: на что же в характере именно этого паренька можно надежно опереться.

Они вошли гуськом в класс, ознакомились с мастерскими. Затем мастера повели их на строительство. И каждый убедился: без сантехника дом не дом. А без авторемонтника никакая машина не сдвинется с места.

Мы стремились дать ребятам прежде всего хорошие трудовые навыки и хорошие знания по общеобразовательным предметам. Но неожиданно, буквально бичом нашим стали прогулы. Пропустив уроки, дети всякий раз давали какие-то сбивчивые пояснения, но внутренний подтекст был всегда один и тот же: «Подумаешь, а что особенного?»

Вот, к примеру, объяснение Сергея А. Оно довольно типичное: «Я пришел из училища и встретил Володю Г. Он принес пластинки, мы хотели переписать их на магнитофон. Потом выпили. А когда выпили, то решили поехать к моим родным в Орехово-Зуево».. И уехали. Другой парень мог преспокойно проспать занятия, третьего отвлекло кино, четвертого завертела веселая компания.

Прогулам, внутренней расхлябанности была объявлена жестокая борьба. Как мы действовали? Я боюсь, что если воспитательные средства, к которым мы прибегали, просто перечислять по пунктам, то со стороны они могут показаться обычными, примелькавшимися. С прогульщиком, например, прежде всего обстоятельно беседовал его мастер. Если это не помогало, за нарушителя принимались активисты. Если это не действовало, включалась вся группа, комсомольский комитет, общественность по месту жительства подростка.

А сколько прошло тревожных партийных собраний, педагогических советов училища! Прогулов становилось все меньше и меньше. Ребята осваивали ритм жизни училища.

А тут, посоветовавшись, мы решили еще ввести у себя продленный день. Хотелось, чтобы новички подольше оставались у нас на глазах. Начались дополнительные занятия по русскому языку и математике. По этим важнейшим предметам знания ребят были особенно слабыми.

Конечно, если подходить к делу формально, то на обязанности мастера — лишь обучать мальчишек профессии. Не его, казалось бы, дело — учить их правильно писать и решать без ошибок задачи. Но у нас не привыкли рассуждать формально.

После рабочего дня (а он был накален до предела!) мастера Владимир Викторович Вуколов, Владимир Владиславович Беляков, Юрий Николаевич Страхов, Вячеслав Федорович Черноглазов принялись еще и заниматься по 2—3 часа в день математикой и русским языком. Мастерам охотно помогали наши воспитанники: Саша Безпалько, Сережа Зольников, Виктор Юдин, Саша Баранов.

В июне мы вновь предложили своим воспитанникам контрольные работы. На этот раз картина была уже иной. По математике двойки получили 38 человек, по русскому — 25 человек. Общая успеваемость по всем предметам составила к концу года уже 87,2%. Может быть, в обычной школе, увидев такой итог, и сказали бы, что дела идут не блестяще. Но нас, признаюсь, этот первый успех обнадежил. Ведь впереди еще год работы.

Крепнуть новому коллективу помогло разное.

Мы договорились: первая вещь, сделанная в училище самостоятельно, должна быть преподнесена школе. Поначалу это предложение, как я заметил, вызвало у ребят разноречивые чувства. Как я догадывался, было стыдно показываться в прежнем коллективе, они оставили о себе дурную память, а теперь должны явиться с подарком, как их там встретят?

Нам важно было пробудить в ребятах искренние желания подарить своей школе хоть маленький, но сувенир. Важно это было для того, чтобы сам подросток

почувствовал, что приходит в свою школу уже иным. Это когда-то, давным-давно он слыл плохим, отстающим, причинял одни огорчения. Но у него нашлось достаточно сил, чтобы многое плохое победить. И старые учителя должны были отметить эти перемены.

Первая получка — что-то не больше рубля. Мы договорились: хоть деньги не велики, но на этот рубль надо обязательно что-нибудь купить маме или отцу. Пусть и они знают, что дела пошли по-другому.

Объединились в спортивные секции: рыболовы, любители парусного спорта, легкой атлетики, волейбола и баскетбола, и это, конечно, тоже пошло на пользу.

С первых дней много внимания уделялось внешнему виду учащихся. Стало, например, правилом по утрам встречать подростков, идущих на занятия, у самой двери училища. Тому, у кого плохо отглажены брюки, небрежно причесана голова, дежурные приказывали: «Немедленно в бытовую комнату». Это помогало вводить аккуратность, подтянутость. У воспитанников училища хорошая, как мне кажется, форма одежды. Но они сами решили к белой сорочке надевать черный галстук.

Но было бы, однако, неразумным делать ставку только на училище и держать ребят, что называется, под замком. Это невозможно сделать, да мы и не ставили перед собой такой цели. Напротив, стремились, чтобы наши воспитанники учились ладить с людьми, устанавливали с ними деловые контакты, всегда оставляя о себе хорошую память.

В начале статьи я рассказывал: среди 270 новичков не было ни одного комсомольца, ни одного спортсмена-разрядника. Сегодня комсомольская семья училища разрослась. За год в организацию принято 186 подростков.

В глазах ребят комсомольская организация постепенно приобретала все больший авторитет. И ей мы во многом обязаны тому, что в конечном счете в жизни наших воспитанников наступил решающий перелом. Теперь, когда вырос комсомольский актив, легче стало решать и многие воспитательные задачи. Почему? Я вижу главную перемену в следующем. Раньше училище явно делилось на два «лагеря» — воспитателей и воспитанников (воспитанники, как вы помните, бы-

ли трудными). А теперь среда самих ребят стала куда менее однородной. Причем активистов среди них гораздо больше, чем «пассивных». Комсомольская организация стала влиятельным, самодействующим коллективом.

В сентябре, год назад, ребята впервые взяли в руки инструменты, теперь же нашли силы вступить в соревнование на звание лучшего слесаря. Все знают победителей: Валерия Сатанова, Сашу Ломакина, Валерия Иванова.

Закономерно спросить: так что же, удался наш эксперимент? Думаю, да. Но он поставил перед нами и жгучий вопрос: как быть с теми, кто приходит в училище с шестиклассным образованием? Ведь сегодня, по сути, мы бросаем таких подростков на полдороге. Нам кажется, было бы разумным для тех, кто имеет за плечами знания в объеме шести классов, установить срок обучения трехлетний. Это позволило бы дать подростку и профессию, и знания в объеме восьмилетней школы. Важно ответить на этот вопрос потому, что мы вновь приняли к себе 250 трудных ребят.

Я взялся рассказать обо всем не с целью подчеркнуть: дескать в школе записали мальчишку в неисправимые, а вот мы поставили его на ноги (кстати, еще только пытаемся это сделать). Другие мысли заставили взяться за перо. Наш скромный опыт еще и еще раз убеждает в том, как сложна и как удивительно богата силами каждая человеческая натура. Пробежит еще один год и те, кого мы взяли к себе, скажут людям: «Здравствуйте, я молодой рабочий».

Хочется верить, что это будет произнесено с гордостью, с осознанной ответственностью за будущее ²⁸.

В. ДУБРОВИН,
директор московского ГПТУ № 76.

СЛОВО «ТРУДНОМУ»

Вроде бы совсем небольшой срок — два месяца, а все же заметно изменились наши ребята за лето, повзрослели, и думается: раз повзрослели, значит, поумнели. Легче, стало быть, будет. А нередко бывает и

наоборот. Часто, как и родители, учителя вспоминают поговорку: «Маленькие детки — маленькие бедки, большие детки — большие бедки». Чем взрослее наши ученики, тем сложнее с ними. Если мы не сумели проникнуть в мир чувств, понять боль или радость ученика (а это ой как не просто!), то все наши усилия повлиять на него будут бесплодны.

На последней парте сидит бывший кандидат во второгодники. Сколько усилий, терпения, времени потратили учителя в минувшем году, чтобы он не остался! Я вижу, он многое понял и благодарен учителям, что сегодня вместе со своими одноклассниками. Парень самолюбивый, если бы отстал от товарищей — бросил бы школу. Но полной уверенности, что ученик стал на верный курс, пока еще нет. Как-то поведет он себя теперь? Смотрю на последнюю парту и думаю о письме, которое получил от бывшего ученика (он тоже сидел на последней парте) в канун встречи выпускников школы. Вот это письмо:

«Здравствуйте, Александр Ильич!

Получил Ваше письмо. Вспомнил школу, немного взгрустнул... Спасибо за приглашение, но, к сожалению, приехать на встречу с «бывшими» не смогу. Задерживают экзамены.

Интересно, кто придумал тематические встречи? Это очень здорово! Вы, конечно, понимаете, что намеченная тема «Откликнитесь, «трудные»!» меня волнует: это же моя тема!.. Разрешите мне принять участие во встрече своим письмам. Прошу: «Дайте слово «трудному!».

Много я доставлял школе хлопот, долгое время не выходил из «трудных». Сейчас очень четко представляю себе, с чего все началось. Ушел отец. Оставил мать и меня с братишкой. Дом опустел и помрачнел, даже привычные вещи стали какими-то чужими. Растерянность, а потом злость переполнили меня.

Горе мое воспринято было сочувственно, но в кипучей школьной жизни о нем забыли. Мое мальчишеское самолюбие мешало позвать кого-нибудь на помощь. В дневнике косяком пошли двойки. Меня обсуждали, предупреждали. А я с каждым днем становился все злее и упрямее. Поручили меня в «нагрузку» активу класса: воспитывайте, мол, общими си-

лами. Но, по-честному, слабый актив был тогда в нашем классе. Кого учитель наметит, тот и числился в активе.

Вы, наверное, помните мой конфликт с физичкой Марией Александровной? Было у меня в то время единственное утешение — фотолаборатория. Все свободное время пропадал там. Трое друзей, я хозяин. Приятно, когда чувствуешь, что ты что-то значишь. И вдруг — пропали реостаты!.. Кто мог взять? Ключи только у меня и Марии Александровны. Решили: польстился на реостаты я. Не учительница же, разумеется? Не сдержался я тогда — влетел в кабинет, перебил стекла в шкафах, раскидал содержимое, а Марию Александровну скверно обозвал. Три дня не выходил из дома. Чтобы не досаждали сочувствующие, к воротам привязал своего верного пса. Мало-помалу остыл, и сразу мысль: «Что же будет?»

Видно, отчаявшись справиться со мной, педсовет принял решение: сообщить о случившемся на работу матери. Пусть, мол, и там знают, каков сыночек. Наверное, должна существовать связь школы с производством, где работают родители учеников. Но твердо убежден, что сообщать обо мне на завод было жестоко. И наверняка смог бы сейчас это доказать. А тогда, в шестнадцать лет, убедить взрослых в своей правоте не смог.

Я все дальше отходил от школы. Дом и школа оказались бессильными. Дурная слава обо мне росла, фамилия стала «знаменитой». А я чувствовал себя героем, около меня группировались мальчишки. Хотя понимал: так долго продолжаться не может, а остановиться не хватало сил.

Конечно, был бы рядом отец — все было бы по-другому. Я часто спешил домой в надежде, что он вернется. Открою рывком дверь — никого. Однажды вместе с газетами вынул из почтового ящика маленький листок. Перевод на 13 рублей — от отца. Не помню, как добежал до почты. Вернул деньги обратно с припиской: «В подачках не нуждаемся». Этим окончательно отрезал пути к отцу. Обиде не было границ. И свое отчаяние я вымещал на всех.

Наверное, вы не забыли, как однажды я довел вас до точки кипения. Пытался сорвать урок математики.

У многих срывал, а у этой учительницы не получилось. Умела она мирно улаживать конфликты. На этот раз я буквально шел напролом. С задней парты перелез на первую и вместе с ней стал двигаться к доске. Ребята, понятно, смеются. В классе гул. Видимо, шум и привел вас. Вы с минуту стояли молча в дверях. Класс притих. Я смутился и, признаюсь, испугался. Потом вы стремительно подошли ко мне, и через мгновение я очутился за дверью. Теперь я понимаю: правильно, конечно, вы поступили. А тогда, в вестибюле, я громко плакал. Из других классов выглядывали учителя...

Чуть позже мы сидели рядом у вас в кабинете. Я еще всхлипывал, вы молчали. Потом и я притих. Казалось, прошла вечность, пока вы, наконец, заговорили: «Устал я с тобой, Витька. Прости, что сорвался. Знаю — хороший ты парень».

Говорят, доброе слово исцеляет, даже враг делается милостивее. Я еле сдержался, чтобы вновь не разреветься, готов был обнять вас. Давно не слышал доверительных, теплых мужских слов. Вы устало улыбнулись, положили руку мне на плечо и продолжали:

— Что у тебя там с английским? Опять отказался отвечать. Обиделся? Забудь. Погорячилась Зинаида Степановна. Вы ведь и святого из терпения выведете, а она еще молодая, ей и без этого трудно. Я договорился, она примет у тебя зачеты по всем темам. Идет?

С того памятного разговора я пошел в гору.

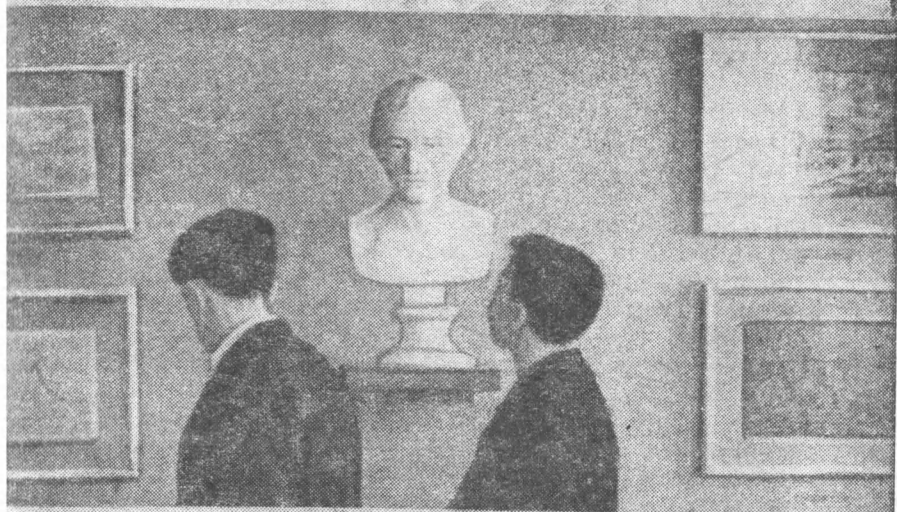
Вот какое может произойти с человеком за два года. Любил школу, потом стал ее ненавидеть. Теперь снова люблю. Не успею с поезда сойти — сразу в школу. Издалека вижу желтое трехэтажное здание. И слова на фронте: «Добро пожаловать в мир знаний». Это мы их придумали и высекли на стене. Что ни ближе подхожу к школе, то сильнее бьется сердце. Здесь я рос и мужал, становился человеком. Спасибо вам и учителям за все, что вы сделали для меня.

Витька».

Письмо читали вслух на встрече выпускников. Зал аплодировал. Виктору послали телеграмму: «За лучшее выступление — первый приз. Поздравляем. Школа»²⁹.

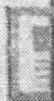
А. Г У С Е В.

**КОГО
МЫ ХОТИМ
ВОСПИТАТЬ**

9

МУЗЕЙ В.И. ЛЕНИНА

ЛЕНИН, ВРЕМЯ И МЫ

Во многих школах страны созданы музеи В. И. Ленина. Есть такой музей и в селе Лебяжьем Алтайского края. Здесь под руководством опытных педагогов проводится большая работа по воспитанию школьников на примере жизни и революционной деятельности вождя. Ее девиз — «Ленин, время и мы».

Передо мной письмо молодого коммуниста, сержанта Советской Армии Н. Злотарева, адресованное в Лебяжинскую среднюю школу.

«Я горжусь, что учился в такой школе, как ваша,— пишет он учителям.—Работая в музее, занимаясь в ленинском кружке, мы не только изучали биографию Владимира Ильича, но и учились с детских лет понимать его идеи. А поняв Ленина, по-иному смотришь вокруг, увереннее чувствуешь себя в жизни»... Таких писем педагоги получают немало.

Школа эта находится в далеком сибирском селе Лебяжье. Здесь все напоминает о нем. Ильич входит в жизнь детей с первого класса. Малыши играют в любимые игры Володи Ульянова, читают те же самые книжки, которые он читал в детстве. Старшие ребята занимаются в ленинском кружке, пишут рефераты на ленинские темы, выступают с докладами об Ильиче в школе, в сельском клубе. А все вместе они особенно дорожат маленьким кирпичным домиком, что стоит возле школы.

Снимите туфли, наденьте тапочки и тихо войдите в этот дом. «Товарищи, вы находитесь в школьном музее Владимира Ильича Ленина»,— скажет вам звонким голосом экскурсовод в красном галстуке.

Юный экскурсовод поведет вас от стенда к стенду, расскажет о славной жизни Владимира Ильича, о том, как он рос и мужал, как создавал партию рабочего класса, которая подняла народ на великую революцию. В витринах вы увидите редкие фотографии вождя и другие материалы, подаренные школе ее многочисленными друзьями. А потом узнаете, что вот здесь, у скульптурного портрета гимназиста Володи Ульянова, октябрят принимают в пионеры. Пятнадцатилетним в музее вручают комсомольские билеты, а выпускникам школы — аттестаты зрелости.

В соседней комнате можно познакомиться с библиотекой, где есть Полное собрание сочинений В. И. Ленина, более трехсот книг о нем и его соратниках, пластинки с записями речей Владимира Ильича, его любимых музыкальных произведений. Дорожат ребята и разделом библиотеки, который состоит из книг, подаренных школе авторами — старыми большевиками, писателями, журналистами.

Уже само по себе существование такого музея в деревенской школе говорит о многом. Воспитательное воздействие его огромно. Но школьникам хочется все больше узнать об Ильиче, лучше почувствовать напряженный пульс его юности, сравнить эпоху, в которой жил Ленин, с нашим временем. Ведь и для сегодняшних комсомольцев, пионеров каждый прожитый день — шаг по тому же пути, который выбрал, будучи юношей, Владимир Ульянов.

А кто лучше всех может рассказать молодежи о Ленине? Люди, делавшие под его руководством революцию. С ними-то в первую очередь и подружились ребята. Не случайно в школьном музее на видном месте висят фотографии таких ветеранов партии, как Е. Д. Стасова, Т. С. Кривов, Л. А. Фотиева, Ц. С. Бобровская (Зеликсон). Под портретами почетных пионеров — слова Николая Островского: «Мы в своей жизни старались быть похожими на тех изумительных людей, которые называются старыми большевиками, которые через героические бои привели нас к счастью жить в стране социализма».

В фондах музея хранятся десятки волнующих писем этих людей. Они не только делятся с ребятами воспоминаниями о своих встречах с Ильичем, но и

интересуются, чем живет нынешняя молодежь, что она думает, о чем спорит. Читаешь эту переписку, и кажется, будто слушаешь диалог бывалых людей с пытливой юной сменой. Умело, истинно по-отцовски, без назиданий дают они детворе житейские советы, ведут запоминающийся разговор.

В одном из писем к Е. Д. Стасовой школьники рассказали, как помогали взрослым вовремя убрать свеклу с поля. «Вы пицете, что работать было нелегко,— отвечала им Елена Дмитриевна,— мешали дожди. Ну что же, наша молодежь должна расти волевой и закаленной. Это хорошо, что вы сумели, преодолев все препятствия, одержать серьезную трудовую победу».

Та же мысль проходит через переписку с ребятами Л. А. Фотиевой. «Нередко в самой будничной работе можно найти подлинный героизм, настойчивость, мужество, любовь к делу и человеку,— напоминает она детям.— Если такие примеры у вас встречаются, их не надо пропускать мимо внимания, на них воспитываются лучшие качества, ленинские черты человека коммунистического общества».

А как лучше воспитывать в себе эти черты? В чем конкретно они проявляются? Каким должен быть сегодня юный ленинец? Учителя, да и сами дети, все чаще задумывались над этими вопросами.

... Кому-то пришла мысль провести анкету. Наместили сто адресатов. Это были люди, лично знавшие В. И. Ленина, а также знатные рабочие и колхозники, писатели, актеры, художники, работающие над ленинской темой. Они получили из Лебяжинской школы письма с просьбой ответить на четыре вопроса. «Какая черта характера Владимира Ильича Ленина вас особенно привлекает? В чем, по-вашему, полнее и ярче всего проявляется торжество дела Ленина в наши дни? Какие произведения искусства и литературы, отображающие образ Владимира Ильича, вы считаете наиболее удачными? Что бы вы пожелали нам, юным ленинцам?»

Когда ответы собрали вместе, получился большой и яркий коллективный рассказ о Ленине — человеке, вожде, революционере. Е. Д. Стасова, отвечая на первый вопрос, сказала, что ее больше всего привлекала скромность Владимира Ильича. «Любовь к челове-

ку», — добавила О. Б. Лепешинская. «Целеустремленность», — ответил поэт Александр Жаров. «Страстность, принципиальность и одержимость в работе», — написал народный артист СССР Н. К. Черкасов.

Письма были короткие — в полстранички — и длинные. Но в каждом — раздумья старших о долге и чести молодежи, о смысле жизни, об ответственности подрастающего поколения за судьбу страны. Письма зачитывались на пионерских сборах, обсуждались на комсомольских собраниях. Они подсказали темы для диспутов и читательских конференций. А главное, они учили ребят вдумчивости, заставляли строже оценивать свои поступки, соизмерять их с поступками и делами коммунистов.

Как-то в школе решили познакомиться с историей памятников, воздвигнутых в честь В. И. Ленина. По просьбе лебяжинцев в поиск отправились юные следопыты во многих городах и селах. Дети переворошили подшивки старых газет, разыскали очевидцев, записали их рассказы. Интересно было узнать, к примеру, что среди авторов ленинских скульптур были не только профессионалы, но и рабочие, учителя, артисты. Из этой же переписки стало известно о подвигах патриотов Полтавы, Изюма, Бердичева, которые в годы фашистской оккупации ценою жизни спасли от уничтожения памятники В. И. Ленина.

Каждый ученик школы знает, с каким уважением и любовью Ленин относился к матери, сестрам. «Идеалы семьи Ульяновых» — так называли вечер в сельском клубе, на который были приглашены и родители. Все село смотрело кинофильм о семье Ульяновых.

Однажды дети решили пофантазировать. Представили, будто идут они по родному селу, а навстречу — Ленин. О каком самом памятном событии рассказать Ильичу?

Иным взрослым эта затея может показаться наивной. А детям... Оказывается, многие ребята хотели бы поделиться с Владимиром Ильичем своими впечатлениями о путешествиях в Москву, Ленинград, о встрече с земляками Германа Титова в алтайском селе Полковниково... Один мальчик писал: «Я бы рассказал Ленину, как ученик нашей школы Коля Морозов вынес

из горящего дома двух малышей». Или еще: «Показала бы Ленину «Книгу доброй славы» нашей школы и попросила б его расписаться в этой книге». «А я бы сказала: «Владимир Ильич, посмотрите, какую сосновую рощу мы посадили возле родного села, и как она разрослась»...

Фантазировать любят младшие. Ребята постарше проводят диспуты. Вот название некоторых из них: «Твой характер», «Комсомолец, ты — хозяин в своей школе», «Твой идеал и что ты делаешь для достижения поставленной цели?», «Что значит быть революционером сегодня?». Каждый такой коллективный разговор оставляет глубокий след в душах подростков. Убеждая, доказывая, аргументируя, они не только учатся самостоятельно мыслить, но и вырабатывают черты политического бойца.

По традиции здесь каждый учебный год начинается с ленинского урока. В середине сентября вся школа как бы отправляется в путешествие по стране: ребята собираются вместе и рассказывают обо всем увиденном в летних походах. В феврале встречаются в своей школе выпускники...

Школа стала центром просветительной работы среди населения. В Лебяжьем, да и в соседних селах нет, пожалуй, человека, который бы не побывал в ленинском музее. Его фондами пользуются пропагандисты и агитаторы, учителя и студенты-заочники. В музее В. И. Ленина лучших тружеников села принимают в ряды Коммунистической партии.

Воспитание школьников на примере жизни и революционной деятельности Ленина сейчас успешно ведут многие педагогические коллективы Алтайского края. В школах края создано 130 музеев В. И. Ленина, открыто более двух тысяч ленинских комнат и уголков. Обобщению опыта их работы была посвящена краевая научно-практическая конференция учителей. Я лишь читал стенограмму этой конференции, поэтому не берусь делать обобщающих выводов. Но на одно обстоятельство хочется обратить внимание, особенно если учесть, что школьные ленинские музеи у нас создаются не только на Алтае.

Перед краевой педагогической конференцией Институт усовершенствования учителей разослал анкету

в двенадцать школ разных районов. 1600 учеников ответили на поставленные перед ними вопросы.

Выяснилось, что только третья часть опрошенных принимает участие в работе школьных музеев. А более половины ребят обращают внимание главным образом на внешнее оформление витрин и стендов.

Отвечая на вопрос: «Какая черта В. И. Ленина тебя особенно привлекает?» — большинство учащихся 5—8-х классов отметили простоту, скромность Ильича, но не сказали о многих чертах, характеризующих его как борца, революционера.

Старшеклассники плохо осведомлены о жизни родного села, делах местных колхозов, совхозов. Многие подростки не знают, кто руководил партизанским движением на Алтае в годы гражданской войны, хотя эти ребята почти ежедневно ходят по улицам и площадям, носящим имена героев-партизан. Трое из четырех не могли сказать, кто из учителей или выпускников их школы сражался на фронтах Великой Отечественной войны...

Над этими фактами стоит задуматься педагогам, местным партийным организациям и особенно комсомольским работникам, отвечающим за руководство школьным комсомолом, пионерским движением.

Это хорошо, что у нас чуть ли не в каждом даже самом отдаленном районе есть в школах ленинские комнаты, музеи. Но в сложном деле воспитания детей и юношества на ленинском примере требуется не только широкий размах, но и вдумчивость, глубина содержания. Юных ленинцев надо воспитывать в тесной связи с жизнью, с повседневными практическими задачами, которые решают партия и народ ³⁰.

В. ГРИШИН.

ГЛАЗАМИ И СЕРДЦЕМ ПАТРИОТА

Извечно и объяснимо беспокойство, с которым старшее поколение смотрит на молодое. Нам все хочется, чтобы оно не только радовалось солнцу и жизни, но вспоминало иногда, какой дорогой ценой заплачено за это, чтобы чувствовало свою связь с прошлым.

Но надо ли омрачать душу детей этим требованием — помнить? Да и посильна ли такая задача для маленького? Может быть, смысл как раз в том, чтобы забыть то тяжелое, что было в истории нашей страны, и радоваться новой жизни?

Разумеется, не все дано ребятам понять и прочувствовать сразу, но впечатления останутся в их сердце неизгладимыми, чувство затаится, чтобы в свое время откликнуться. Я стараюсь воспитывать так, чтобы с детства человек воспринимал мир глазами и сердцем патриота.

Первые недели учебного года... Тихая, ясная осень. В один из дней я иду с малышами на окраину села. Есть тут древний скифский курган, с которого открывается изумительная красота: долина, за долиной — сады, там дальше — степь, откуда вечером приходят отцы и матери, принося аромат трав в складках одежды и искорку солнца в глазах. Я не тороплюсь говорить — пусть дети увидят эту красоту, запомнят это мгновение.

Через неделю в тот же час мы снова идем на вершину кургана. В природе открылось много нового: осень рассыпала свои первые краски, ярче стала маляхитовая озимь полей, глубже небо над степью. Постепенно этот степной уголок входит в духовную жизнь детей, становится дорогим для них. Теперь можно открыть им то, о чем они еще не знают. Я показываю ребятам еле приметную ямку на вершине кургана.

— Был такой же, как сегодня, солнечный осенний день. На нашей земле шла война с фашистами. Сюда, на вершину кургана, пришел молодой пулеметчик...

Я рассказываю им об одном из подвигов, каких много было в годы войны. Всматриваюсь в детские глаза, вижу в них изумление, гордость и боль. Потрясенные, они смотрят на окружающий мир: значит, вот этот куст и вот эта былинка видели величественное и прекрасное? Мы берем по горсти земли и несем в школу, находим самый красивый уголок и сажаем на этой земле куст красных роз. Детям хочется скорее увидеть, как они расцветут. Они прибегают рано утром и поздно вечером поливать свои розы, названные Сердцем Героя.

Тихий осенний вечер. Небо на западе пепельно-серое. Мы пришли в школу, полили розы. Детям не хочется домой. «Посидим под дубом,—просят они,—расскажите о героях...»

Познание разумом и сердцем героического возвышает человека, помогает ему понять, что есть в его жизни нечто великое, священное, ни с чем не сопоставимое — Родина.

А когда с деревьев опадает листва и степь покрывается туманом, мы приносим на верхушку кургана маленький дубок. Не надо никаких слов. Дети глубоко переживают то, что они делают: мы не просто сажаем деревцо,— мы ставим живой памятник герою. Зимой мы приходим к своему дубку, защищаем его от холодных ветров. Весной, когда курган покрывается нежной зеленью, дети бегают смотреть, не распускаются ли почки. Это не только забота о деревце — это встреча с героем. Старики, хоронившие бойца, помогают нам установить точно день подвига. Он становится для нас днем памяти о героях. Ребята приходят в этот день в школу рано утром. Розы расцвели. Мы плетем венок и несем его на то место, где неизвестный герой отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины. Красные розы мы несем и матерям, чьи сыновья погибли в войну.

Я не один год мучился над вопросом, как добиться того, чтобы дети стали нам братьями по возвышенной идее. Как достигнуть гармонии мысли и дела, убеждения и поступка? Почему в практике воспитательной работы случается так, что слово педагога о великом и героическом порой не доходит до сердца воспитанника?

Годы работы с детьми убеждают меня, что гражданин рождается в ребенке в те мгновенья, когда удастся прикоснуться к сокровенным уголкам его сердца, где дремлют желания, стремления, духовные порывы, и маленький человек хочет что-то сделать, хочет выразить себя. В побуждении этого стремления к самовыражению, к поступку, в котором сливаются идея и личность, и заключается один из самых непостижимых «секретов» педагогического мастерства.

Но желания не должны оставаться желаниями. Чем больше «холостых выстрелов» — тем больше опа-

сность духовного опустошения. Как раз для того, чтобы не было «холостых выстрелов», мы и создали живой памятник неизвестному герою.

Когда мы впервые понесли цветы матерям героев, один мой мальчик, Коля Налывайко, сказал: «Давайте напишем клятву герою...»

Дети долго составляли свою клятву, взвешивая каждое слово. Вот что они написали: «Клянемся тебе, Неизвестный герой, быть верными сынами и дочерьми нашей Родины. Никогда не забудем, что земля наша полита твоей кровью. Будем любить нашу землю так же горячо и преданно, как любил ее ты. Будем хранить в сердцах бессмертный огонь твоего сердца...»

Клятву подписал весь отряд. Вложили ее в снарядную гильзу, запечатали смолой и закопали недалеко от дуба.

Есть такие моменты в жизни детей, когда одухотворенность возвышенной идеей обостряет их восприимчивость к слову воспитателя. В такие моменты это слово особенно необходимо: оно пробуждает глубокие чувства, рождает благородные стремления.

Я еще раз повторяю: слово — тончайший инструмент воспитания. Прибегать к нему можно, только морально подготовив своих питомцев. Если этой подготовки нет — лучше его не касаться: слова превратятся в ваших устах в сухой горох, который не даст всходов, как бы вы не старались. И когда я слышу жалобы учителей: не доходят, мол, мои увещевания до сердец питомцев, я думаю о том, как нелегко морально подготовить детей к воздействию словом.

Простые истины — будь правдив, честен, дорожи своими убеждениями — дети восприняли лишь после того, как мы сумели пробудить у них чувство восхищения, изумления духовным мужеством Александра Ульянова, Сергея Лазо, Юлиуса Фучика...

Что делает человека зрелым, духовно взрослым? Взрослеет человек от горя... Но было бы глупо строить на этом воспитательную работу. Взрослым человек делается тогда, когда гражданское видение мира сливается с видением самого себя. Идея не является чем-то стоящим вне человека, она живет в его мыслях, чувствах, взаимоотношениях с другими людьми. Чувствуя себя преемником славы, чести, величия своих дедов и

отцов, ребенок становится очень чутким к хорошему и плохому в самом себе. А это, поверьте, в тысячу раз важнее наших споров о том, где быть пионерскому отряду — в школе или при домоуправлении. Решающее значение имеет то, что воспитывается в юном сердце.

Когда дети слушают рассказы о героическом, они думают впервые, может быть, за всю свою недолгую жизнь: а есть ли во мне хоть капля того, что меня так изумляет, восхищает? Не верю, что в нашем обществе есть хоть один подросток, который не мог бы подняться до этой мысли.

Хочу сделать маленькое отступление. Часто удивляются: почему иные подростки, юноши, девушки с пренебрежением относятся к нормам нравственности, почему они не переживают при этом угрызений совести и даже чувствуют себя чуть ли не героями? Мне кажется, дело в том, что в этих несчастных детях нет ни капли уважения к самим себе. Оно раздавлено бесконечными отчитываниями учителей (и обязательно при других детях), бранью родителей. Верю всей душой, что в нашем обществе не будет ни одного преступника, когда союзником воспитателя будет сам воспитанник — его чувство собственного достоинства, его гражданское видение самого себя.

Никогда не забуду солнечного весеннего утра, когда все мои дети пришли в дубраву Героев, чтобы разрыхлить почву. Все пришли с лопатами, а Юра Кобыляцкий без лопаты.

— Где твоя лопата, Юра?

Мальчик молчит, потупив голову. Мне жаль его, хочется чем-то оправдать его забывчивость.

— Ты играл и забыл о работе, так?

На глазах у мальчишки слезы. Что-то здесь не то. «Хорошо, Юра, потом расскажешь в чем дело, а сейчас будем работать».

Когда мы шли домой, Юра расплакался и рассказал: «Пошел в сарай взять лопату, вижу: стоит она окровавленная. Мать только что отрубила голову курице. А курицу-то принесла с колхозной фермы... Разве можно такой лопатой копать эту землю?»

Мне хотелось расцеловать его. Мы пошли в сад, сели на лавку под яблоней.

В тот вечер передо мной открылась еще одна грань

воспитания. Я понял, что самое тонкое прикосновение наставника к внутреннему миру ребенка происходит, когда ты остаешься наедине с ним, когда он сам пришел к тебе с открытой душой, со своими горестями, тревогами, сомнениями. Ведь никогда, ни при каких обстоятельствах не встал бы Юра перед коллективом и не рассказал бы того, что рассказал мне. И рассказ-то он лишь потому, что верил: никто не узнает. Об этом условии не говорилось ни слова. Оно подразумевалось само собой.

Становится не по себе, когда видишь, как воспитатель иногда проявляет удивительное равнодушие к чистоте и искренности душевных порывов ребенка, низводит их к будничному, приземляет то святое, великое, что еще только зреет в детском сердце и что надо бережно хранить в глубине души, а не делать предметом постоянных рассуждений. Нельзя упражнять ребенка в выражении не созревших еще чувств. И тем более нельзя побуждать ребенка к высказыванию перед лицом коллектива того самого сокровенного, что может быть высказано — если созрело в душе — только с глазу на глаз.

Душа человеческая — вот что главное в патриотическом воспитании. Какая бы возвышенная и отвлеченная истина ни открывалась перед ребенком, каким бы широким ни был ее общественно-политический смысл, она всегда должна затрагивать в детской душе что-то глубоко личное. И чем тоньше это прикосновение, тем ярче высвечивает свет гражданской идеи уголки его собственной души, тем выше требования, которые ставит перед собой юный гражданин³¹.

В. СУХОМЛИНСКИЙ,
член-корреспондент Академии
педагогических наук СССР.

ЕСТЬ У ПОДВИГА НАЧАЛО

В небольшое уральское село завел меня случай. Не было в нем ни промышленных предприятий, ни воинских частей. И школа, мимо которой я шел, была, вероятно, единственной. Из ее дверей говорливым пото-

ком выбегали мальчишки и девчонки. Увидев военного, замедляли на минутку шаг, чтобы непременно сказать приветливое: «Здравствуйте!» Я понимал, что приветствия эти относятся не столько ко мне, сколько вообще к человеку в армейской шинели, и невольно думал о тех, кто внушил это уважение детям.

Потом не удержался, заглянул в школу. Нельзя сказать, чтобы это было образцовое учебное заведение. Печное отопление. Тесновато в классах. Нет своего спортивного зала. И все же здесь выкроили небольшую комнату для школьного музея. Посвятили его односельчанам, не вернувшимся с войны. На стендах — документы, фронтовые письма, боевые награды и множество фотографий. И сразу стало ясно, откуда идет уважение к армии. В этом же селе я увидел потом дома, украшенные алыми звездами,—дома бывших фронтовиков.

Поездка вспоминалась мне не раз, когда я читал и перечитывал новый Закон о всеобщей воинской обязанности, беседовал о нем с людьми. И вот почему. В некоторых школах сейчас начинает укореняться такое мнение: вот, мол, введут штатных военруков, и все вопросы военно-патриотического воспитания будут решаться сами собой. Несомненно, начальная военная подготовка, вводимая в 9—10-х классах, позволит юношам основательнее готовиться к военной службе. Но, думается, делать ставку в этом деле только на старшие классы нельзя. Плановые военные занятия в школе должны стать завершающим этапом большой и разносторонней подготовки учащейся молодежи к выполнению высшего патриотического долга — вооруженной защите Родины. И она должна начинаться задолго до девятого класса.

Мне в свое время довелось побывать в небольшой польской деревне Герасимовичи. Может, немногим знакома она. Не на всех картах найдешь ее. Но советские люди, бывающие в этих краях, непременно стараются сюда заглянуть. В бою под этой деревней в 1944 году воин-уралец Григорий Кунавин совершил героический подвиг, грудью закрыв амбразуру вражеского дзота.

С тех пор каждый учебный год в школе этой деревни начинается с рассказа о Герое Советского Союза

Григории Кунавине. И ученики слушают этот рассказ стоя.

Так чтят память советских воинов-героев в братской Польше. Думается, в наших школах гораздо больше возможностей для воспитания у молодежи высокого чувства гражданственности, стремления в нужный час повторить подвиги дедов и отцов. И где к этому важному делу относятся с душой, там мы находим у школьников замечательные проявления патриотизма.

Питомцы Свердловской школы № 17, например, прошли сотни верст по местам боев 28-й стрелковой дивизии, которой командовал легендарный герой гражданской войны Владимир Азин. На первый взгляд, будничное дело — ходить по местам боев пятьдесят лет спустя. Ни тебе остатков оружия, ни старых траншей. И все же воспитатели сумели по-настоящему увлечь ребят. Тон всему задает директор школы Леонид Александрович Голубев, в прошлом воин-фронтовик, старшина запаса.

Однажды в руки ребят попало поблекшее фото. На нем парнишка лет двенадцати в кавалерийской бурке и подпись: «Володька Алексеев — сын дивизии». Той самой, 28-й.

Услышали ребята и рассказ о славных боевых делах далекого сверстника. Он отлично стрелял, отважно ходил в разведку. А однажды совершил настоящий подвиг. Пробрался в тыл врага, высмотрел все, что надо, и уже возвращался к своим. Вдруг на лесной тропинке — белогвардеец. Увидев мальчонку, тот, ничего не подозревая, беспечно шел ему навстречу. В нескольких шагах Володя выхватил наган.

— Руки вверх! Бросай винтовку! — приказал он. — А теперь марш вперед! — и привел беляка в штаб дивизии.

Загорелись ребята: найдем Владимира Алексеева. Кем он стал? Ищут мальчишки. Со многими ветеранами дивизии встретились. Не знаю, найдут ли они сына дивизии. Но уже сейчас многому хорошему научил ребят этот поиск.

Ученики другой свердловской школы решили создать у себя музей летчика-испытателя Григория Яковлевича Бахчиванджи, первым поднявшего в небо со-

ветский реактивный самолет. И сейчас ребята могут гордиться коллекцией снимков и документов, отражающих жизнь и службу отважного сына Родины. Их пионерская дружина завоевала почетное право носить имя летчика-героя капитана Бахчиванджи.

Эти примеры можно было бы продолжить. Дела энтузиастов вылились в массовое патриотическое движение юных следопытов. Но здесь хотелось бы сказать и о другом. Если проанализировать весь перечень мероприятий по военно-патриотическому воспитанию среди школьников, то бросится в глаза такая деталь. Подавляющее большинство их обращено в прошлое. Сегодняшнему дню армии и флота принадлежит ничтожная толика. А ведь нынешние мальчишки пойдут служить в армию не 1917 или 1945 годов. Требования к ним будут гораздо выше. И, право же, непростительно, обращаясь к прошлому, не говорить ребятам о том, насколько интересней, увлекательней, романтичней стала армейская служба в наши дни. И вина в этом, надо признаться, не только учителей.

Недавно довелось мне побывать у танкистов, где комсомольской работой руководит лейтенант А. Мещеряков. Танкисты шефствуют над местной школой.

— Как у вас дружба со школьниками? — спрашиваю заместителя командира по политической части.

— Самая хорошая, — отвечает. — «Зарницу» помогли им провести, стрелковый кружок ведем...

Директор школы, с которым я говорил позже, был менее оптимистичен.

— «Зарницу» действительно помогли провести, — подтвердил он и добавил: — В прошлом учебном году. А в этом решили было строевой подготовкой заниматься, прислали сержанта, только ребята вскоре все разбежались.

Несознательные, выходит, здесь ребята. Только, честно говоря, не хочется их обвинять. Да, видимо, и не стоит. Мальчишки по природе своей романтики. Романтика их и к армии влечет. И вряд ли строевая подготовка — лучшее, что можно было придумать для начала, для поддержания мальчишеской мечты.

А почему бы не создать, к примеру, кружок юных танкистов, чтобы изучать устройство боевой машины,

двигатель, вооружение. Да перед этим вывести ребят на стрельбище или танкодром, показать в действии боевую машину. Каким бы восторгом загорелись мальчишеские глаза!

К сожалению, чаще бывает по-другому. Пригласят школьников в военный городок. Чуть ли не за ручку проведут по усыпанным чистым песком линейкам. В казарму введут. Покажут аккуратно заправленные на вешалке шинели, койки солдатские, выровненные по шнуру. И все. Будто только и рвутся в армию ребята, чтобы спать.

А какие колоссальные возможности у воинских частей! Недавно я получил письмо от старшего лейтенанта Е. Романчукевича из Челябинского высшего военного авиационного Краснознаменного училища штурманов. Три странички текста. А какой романтикой пахло с этих страниц! Речь идет о тех же мальчишках.

Два года назад при училище была создана для них школа юных космонавтов. Брали в нее только крепких физически, только без двоек. И порядок ввели строгий: занятия по воскресеньям, один пропуск без уважительных причин — отчисление.

Только не испугались мальчишки всего этого. И, быть может, потому, что начали здесь не со строевой подготовки. Офицеры-преподаватели, лучшие курсанты изучали с ними самолетовождение, радиотехнические средства, парашютную подготовку. Ребята совершили потом по одному парашютному прыжку с самолета.

И не узнать стало вчерашних беспечных мальчишек. До поступления в школу юных космонавтов Владимир Шрайнер много хлопот доставил педагогам. Ставился вопрос даже об исключении его из школы. Военное дело захватило его целиком. Ныне, успешно закончив 10 классов, он стал курсантом училища.

А сколько завидного упорства проявили ребята! Взять, к примеру, Сашу Новикова. Рос он без отца. Во внешкольное время часто бесцельно слонялся по улицам. Когда его зачислили в школу юных космонавтов, стал учиться только на «хорошо» и «отлично». Но вот новое препятствие: врачи признали его не годным к летному обучению. По этой же причине не до-

пустили было и к прыжкам с парашютом. Но Саша добился своей цели.

В этом году состоялся первый выпуск школы юных космонавтов. Начальник училища генерал-майор авиации Г. Бельцов в торжественной обстановке вручил им свидетельства. Но ребята не расстались с училищем. Двадцать один из них, успешно выдержав экзамены, поступили на первый курс. И среди них Саша Новиков, пришедший в училище с третьим разрядом по парашютному спорту. Пройдут годы, и ребята эти поведут в заоблачные выси могучие боевые корабли. А разве не под силу подобные дела другим воинским коллективам? Для этого, право, не следует жалеть энергии и сил.

По журналистскому долгу мне не раз приходилось встречаться с прославленными людьми, Героями Советского Союза, совершившими не один подвиг во имя Родины. И когда заходила речь об истоках подвига, многие обращались к своим школьным годам. Там искали они начало героизма. На этот счет есть у пламенного большевика Михаила Ивановича Калинина замечательные слова: «Тот или другой конкретный факт геройства, стечения обстоятельств, при которых геройство проявляется,— они нередко случайны. Но люди, которые совершили героические дела, могли использовать эти случайные стечения обстоятельств потому, что физически, психологически, морально и политически они были подготовлены к проявлению героизма». Думается, что такая подготовка должна пронизывать всю школьную военно-патриотическую работу, в стороне от которой не могут стоять и воинские части, потому что плоды этой работы — это новые шеренги отважных патриотов, достойных подвигов Александра Матросова и Николая Гастелло, Ивана Кожедуба и Юрия Гагарина, сотен и тысяч других героев советской земли ³².

В. ПОПОВ,
подполковник.

ПОСЫЛКА

У Абая есть слова о том, что он вырывал бы язык каждому, кто утверждает, что человек неисправим. И мне бы грозила такая опасность, ибо я все больше склонялась к мысли, что Сашке Березкину из моего 5 «а» не помогут никакие самые испытанные, самые универсальные педагогические методы. Сашке пришлось претерпеть и выговоры, и ласковые беседы, и воздействия класса, и вызов на педсовет. Волшебный ключик к неподдающейся ребячьей душе, о котором так любят толковать все педагоги, безнадежно затерялся в неудачных, а иногда, как я теперь понимаю, просто смешных экспериментах. Сашка игнорировал мой почти десятилетний опыт и неуклюжие попытки обуздать его бесшабашную натуру.

Было что-то скользкое в этом мальчишке, и поступки его выходили далеко за рамки детских. Может быть, его и нельзя было еще назвать садистом, но я не была уверена в его недалеком будущем.

У нашего класса постоянное поручение: ухаживать за школьными кроликами. Ребята дежурили там поочередно, и в одно из своих дежурств Сашка отрезал хвосты у трех кроликов... У живых-то! Кролики сдохли, а с Сашкой перестали разговаривать даже мальчишки. Потом уже ребята рассказывали мне, что соседи прячут от него кошек и что ему ничего не стоит подбить птицу и мучить ее на глазах ревущих малышей.

На мои попытки доказать, что это бесчеловечно, Сашка угрюмо отмалчивался или бубнил:

— А вам че? А че я вам сделал?

В ответ на бойкот Сашка разорвал классный «Перец», хотя о нем там ничего не было. И мальчишки попросту «отлупили его, чтоб не лез». На классном собрании Гоша Старцев и Юрий Белов, непосредственно вершившие суд над Сашкой, покорно ждали наказания, но о них быстро забыли и опять перешли к Сашке. Он, конечно, ушел, пренебрежительно бросив на прощание, что он «плевать хотел на все митинги».

Я сидела на задней парте, ни во что не вмешиваясь, и наблюдала, как мои воробышки учатся разбираться в делах друг друга, в своих собственных и как

плохо им это удастся пока. Я работала с ними всего четыре месяца с небольшим и не успела даже узнать все семьи, как следует знать их классному руководителю.

Вот выступает Леночка Паркова. Мама — фельдшер, папа — шофер, живут крепко, большое хозяйство, сад, свой дом. Все солидно и, как любит говорить Леночкина мама, прилично. Леночка — единственная дочь, к тому же поздно рожденная, а, значит, не просто любимая, а обожаемая. Леночка прекрасно одета, очень аккуратная, с ребятами никогда не ссорится, благоразумно считая, что это ни к чему. Вот и сейчас призывает всех помириться, «потому что пионеры должны уважать друг друга, а Березкина надо исключить».

А вот черноглазая Кулян, горячая, резкая, отличный товарищ. Ребята любят ее, и я, признаться, тоже. Смотрю на своих ребят, представляю пап и мам, их комнаты, дома, и вдруг ловлю себя на мысли о том, что ничего, ну совсем ничегошеньки не знаю о Сашке. Вот тебе и все методы. Дома не была, только мать вызывала, а что толку? Я инстинктивно откладывала посещение Сашкиного дома на самый конец (все неприятное потом!), но прошли все сроки, а я так и не побывала у него, оправдываясь сама перед собой более неотложными делами. Теперь я поняла, что мне просто неприятно идти к нему. Значит, идти надо было срочно, ибо для учителя не должно существовать слов «неприятно» и «не хочу», когда дело касается ученика.

Вечером того же дня я подходила к Сашкиному дому. Во дворе ни деревца, хотя поселок наш зеленый и редко в каком дворе нет цветов. Я постучала, но никто не отозвался, хотя из-за полуоткрытой двери доносилась какая-то возня. На грязном полу валялись осколки тарелок, печка почему-то вся была в тушеной капусте. На мои шаги вышла очень похожая на Сашку девочка лет 5—6 и с любопытством воззрилась на меня.

— А где Саша?

— Папа выгнал. Дармоед, говорит. Да он придет, — успокоила она меня. — Папка только пьяный злой, а трезвый что теленок, пряники нам покупает.

Я подозревала, что у Сашки в семье не все в порядке, но подобной картины встретить не ожидала и те-

перь казнила себя за равнодушие к мальчику и душевную лень.

...В школу Сашка пришел только на третий день, пришел необычно тихий и чистый. В этот день у нас должен был быть классный час, и после второго урока я сказала ребятам, что к нам придет папа Оли Мерцаловой и расскажет о героической борьбе маленького Вьетнама за свою свободу. Остались все, даже Саша, хотя раньше на классные часы его нельзя было заткнуть никакой силой: знал, что без разговоров о нем не обойдется.

Ребята остались очень довольны информацией, но когда Мерцалов спросил, чем они помогали вьетнамским друзьям, в классе наступила тишина.

— А что мы можем?

— Только учиться хорошо. Так разве это помощь?

Руку подняла Леночка Паркова:

— Я читала в «Пионерской правде», что ребята московских и воронежских школ посылки с медикаментами посылают,— как всегда, спокойно и обстоятельно объяснила она.— Заработают деньги и посылают через Красный Крест. И мы давайте так сделаем.

— А где мы заработаем?

— Я знаю,— вскочил Павлик Штерн.— В Заготзерне, вот где!

— Так мы же еще маленькие,— пискнула Валя Савченко.

— Ого, малюточка нашлась! Ты что, двор подмести не сможешь? Там, знаешь, какая территория, на весь класс хватит. А договориться поручим...

Я видела, как напрягся и побледнел Сашка, как он поднял руку, потом выскочил из класса. Я не знала, правильно ли это будет и примут ли ребята мое предложение, но все же решилась:

— Ребята, пусть Березкин договорится. Давайте попытаемся еще раз.

Класс притих. Большинство опустили головы, некоторые делали вид, что их ничего не касается. Все как-то сразу потеряли интерес к нашей затее. Видя, что в классе что-то происходит и это «что-то» не должно коснуться непосвященного, поднялся Мерцалов. Галя Савченко смущенно поблагодарила его от имени класса, и я вышла проводить нашего гостя.

Когда я вернулась в класс, кричали все. Даже всегда спокойная Леночка Паркова с жаром доказывала что-то окружившим ее мальчишкам:

— Мало он нас позорил, мало, да? И опять все сорвет, да еще посмеется. И близко не пустим, не то, что руководить! Правда, девочки?

Классный час затянулся. И все же всю работу с посылкой во Вьетнам поручили Сашке. А настояла на этом, как ни странно, Кулян.

— Я за него отвечаю,— решительно тряхнула она роскошной косой.— И помогу, ясно? А кто будет смеяться, получит,— не менее решительно добавила она.— И пусть меня потом ругают.

На следующий день Сашка в школу не пришел, пришлось нам вдвоем с Кулян идти в Заготзерно и договариваться о работе.

— Дело есть,— сказал директор.— Тут один ваш пацан уже работает, отходы считает, очень просился. Для Вьетнама, значит? Хорошо, приходите.

В дальнем углу обширного двора Заготзерно маячила окутанная пылью маленькая фигурка. Сашка! У меня сжалось сердце. Куда-то исчезла неприязнь к этому мальчишке. Я поняла вдруг, как одинок и озлоблен был этот ребенок. Стало страшно от мысли, что получится из него, если не броситься, нет не прийти на помощь, а именно броситься, быстро, срочно, сейчас.

— Ах вот ты где,— накинулась на Сашку Кулян.— А еще руководитель называется. Кто, по-твоему, за посылку отвечает, я что ли? Мы ждем, что ты уже договорился, а ты сам тут работаешь, эгоист несчастный!

— Так я ж не знал,— пробормотал он,— я ж...— В горле у Сашки что-то булькнуло.

— Не зна-а-л,— передразнила Кулян.— Иди сейчас же к директору, надо наряд получить.

Ах, умница моя Кулян, и откуда же ты все знаешь: и про наряд, и как надо разговаривать с невыносимым Сашкой? Я впервые видела, как он улыбается такой недоверчивой, хмурой еще улыбкой, и сам стесняется этого нового для себя состояния.

Подписывал посылку Сашка сам. Он ужасно волновался, бегал к Марии Павловне, учительнице по русскому языку, и испортил несколько листов бумаги, прежде чем решил на окончательный вариант.

Чудес не бывает, и Сашка не превратился мгновенно в пай-мальчика из благополучной книжки. Знала я, что будут у него срывы и не сразу он научится ладить с классом, а главное, с самим собой, но теперь я была твердо уверена, что его озлобленная, уже начавшая вянуть душа приобщилась к добру и что-то сдвинулось в характере мальчишки. Теперь нужно помочь ему, ненавязчиво и дружелюбно. Он должен знать, что нужен в классе. Чувство собственной значимости необходимо людям, даже маленьким, и я сделаю все, чтобы оно пришло к Сашке, это редкое чувство.

Д. ЗАКРЖЕВСКАЯ,
учительница отарской
средней школы № 289.

ОРЛЯТА УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ

В столярной мастерской был полумрак и приятно пахло деревом. На мой зов откуда-то сбоку появился высокий худощавый человек с добрыми глазами. Как выразить более осторожно цель моего прихода? Мой небольшой опыт уже научил, что если прямо от порога начнешь: «Хочу писать о вас» — человек терется, начинает говорить официальными фразами, словно самому себе пишет служебную характеристику. Я слышала много хорошего о 54-й алма-атинской школе, в частности о человеке, который сейчас стоит передо мной, — военруке Станиславе Поликарповиче Тарасове. И сейчас убедилась, что он обладает одним из важнейших качеств воспитателя — умеет быть внимательным.

Я представляла его другим. Строгим, требовательным, даже суровым: строй, приказ, рапорты... А он очень хорошо умеет улыбаться, невольно отвечаешь ему тем же. Станислав Поликарпович сразу забеспокоился, не темно ли мне. «Может, пойти наверх?» Но здесь было уютно. Что меня интересует? Я слышала его выступление на расширенном пленуме ДОСААФ о дружбе ребят с воинской частью.

Станислав Поликарпович переложил с места на место какие-то дощечки, постучал по ним пальцем и вдруг взорвался:

— Нет, вы только подумайте, только наладили связь с частью, узнали друг друга, действительно начали работу — и нате вам? В этом году другие шефы, опять все сначала. А какой отличный был радио-телеграфической кружок! Специалист его вел. Ребята уже самостоятельно работали на телеграфном аппарате. В день Советской Армии приезжали солдаты из части в школу, проводили в классах беседы. Ребята забросали их вопросами... Причем чисто практическими — некоторые сами собираются в военное училище идти. И у младших свое интересное дело есть — «Зарница»...

Как только зашла об этом речь, в мастерскую заглянул высокий коренастый человек — Петр Кириллович Бугаев, ее заведующий. И вот два взрослых человека, забыв про меня, пустились в воспоминания о том, как ребята играют, как ждут не дождутся «Зарницы». Они напоминали друг другу интересные случаи, от души смеялись.

Звонок. Начинается энергичная беготня по коридорам. И Станиславу Поликарповичу надо на урок. Твердым быстрым шагом идет он по коридору, то здесь, то там появляются возле него ребята. Светлое пятно его волос еще долго мелькает среди детей и наконец скрывается в учительской.

Тихо, как может быть тихо только в школе, когда идет урок. Но это не равнодушная тишина, она наполнена голосами, и если идти вдоль дверей, голоса меняются, перекликаются, сливаются в нестройный рабочий гул. Вот и кабинет военного дела. Тихонько приоткрываю дверь. Мальчишка что-то хмуро объясняет у стенда. Запнулся, снова начал, опять замолчал... Явно «плавает». Станислав Поликарпович что-то сказал, все засмеялись, даже мальчишка. А военрук уже другим, строгим, судя по выражению лица тоном, что-то объясняет. Внимательная тишина, мальчишка уверенно подходит к стенду.

В коридоре на стендах висят портреты героев. Наверное, не один из ребят простаивал около того или иного портрета, мысленно сравнивая, решая для себя: смог бы? Их пути будут другими, но то, что откладывается в душе здесь, не пропадет напрасно!

Кончился урок, но еще долго не отпускают ребята Станислава Поликарповича. Тащат к нему какие-то

чертежи, он их терпеливо разбирает, и я тоже терпеливо жду. Наконец он выбирается из ребячьей толпы.

— Я к вашим услугам.

Мы идем с ним в маленькую светлую комнатку, увешенную белыми гипсовыми рельефами, схемами, плакатами. На столе недоконченный чертеж. Станислав Поликарпович смущенно объясняет:

— Я еще, кроме военного дела, веду черчение. Учусь в КазПИ на географическом факультете, скоро кончаю, в этом году.

Я неожиданно для самой себя спрашиваю:

— Станислав Поликарпович, а за что вас ребята любят?

Он даже растерялся, молчит.

— Не знаю, никаких специальных методов у меня нет. Я всегда стараюсь их понять, и иногда получается, сам ведь был таким. Нужно не забывать самого себя в таком возрасте, тогда легче.

Он пришел в школу после учебы в парашютном училище, службы в армии. У офицера свои ученики — солдаты. Станислав Поликарпович сменил форму на штатский костюм, а профессия у него, можно сказать, осталась прежняя.

Веселый гомон голосов, любопытные лица самых младших и полные собственного достоинства старшие — это беспокойная школьная жизнь шумит на все лады. Так же шумно встречают здесь гостей.

Высокий подтянутый человек, появившийся в школе, был спокоен и сдержан даже под перекрестным огнем десятков озорных глаз. Нет, у него не было особо трудных ребят, неисправимых лентяев и закоренелых нарушителей правил поведения, не было «неподдающихся». А может, в этом и была его заслуга?

Один день в неделю был днем их совместного отдыха. Всем классом ходили на каток, устраивали вечера поэзии, музыки. Они были товарищами, учитель и его ученики, вместе носились по льду катка, слушали музыку; здесь раскрывались ребячьи сердца. Незаметно, а порой и в шутку Станислав Поликарпович подсказывал им, как поступить и в каком случае. Ребята любили его: справедливый, зря не накажет. А что ценится подростками дороже справедливости, мужского весомого слова?

Улетают одни питомцы, на смену им приходят другие, и с ними те же заботы. Хочется, чтобы они вышли из школы настоящими людьми, всегда готовыми стать на ее защиту, верно служить Родине. Это чувство впитывается с молоком матери, за это воюют карапузы в уличных боях, в этом дают клятву пионеры своим старшим братьям и сестрам, погибшим за свою страну.

Есть хорошая традиция в этой алма-атинской школе имени Панфилова. В пионеры здесь принимают перед бюстом героя, а рядом висит мемориальная доска с именами учеников и учителей, погибших за Родину. Со стены смотрят совсем молодые лица.

Еще учатся будущие воины-защитники, и пусть лучше никогда не придется им в страшный час уходить из родного дома в бой, но уметь служить они должны, как должны гордиться ее славным прошлым и уметь отстоять, возвеличить ее славу.

С 1968 года в двух школах Алма-Аты, в том числе и в 54-й, была введена начальная военная подготовка с 9-го класса. Военруком стал С. П. Тарасов — прямое возвращение к прежней профессии. Был оборудован кабинет военного дела, рядом — комната для хранения оружия. Да, ребята на уроках держат в руках настоящие винтовки и автоматы. На лицах уже не интерес, а строгость и ответственность. Словно сразу повзрослели.

Перед звонком рапорт перед строем. Это организует. Никаких расстегнутых пиджаков, расхлябанной походки. Идет урок военного дела! В руках худенькой девочки кажется особенно тяжелым и громоздким автомат. А она спокойно произносит военные термины — темп стрельбы, прицельная дальность, учебный патрон. Десятиклассница Гуля Тургенбаева с автоматом обращается деловито и ловко.

А после звонка в дверях кабинета военного дела толпятся мальчишки и девчонки из 5—6 классов. В их глазах восхищение и уважение.

Двое рослых, прямо-таки налитых силой подростков энергично драили в кабинете пол. Это Володя Домбровский и Павлик Рубцов из 9-го «г». Они сегодня дежурные, и их не так-то легко оторвать от работы. В школе они оба первый год, их класс сборный. Но своей новой школой никак не нахвалятся. Высшая по-

хвала в устах школьника: «С военного дела никогда не «плануют!»

А Станислав Поликарпович...

— Мы вот скоро макет будем делать «Стрелковое отделение в наступлении». Уроки так быстро проходят... Во втором полугодии будут практические занятия... Ребятам уже не терпится...

Светлоголовый Павлик Рубцов, аккуратно выжимая тряпку, не спеша и обстоятельно перечисляет заслуги своего учителя. Лично он, Павлик, после школы собирается в военное училище идти. Володя рассказывает о кружках: авиа, судомодельном, стрелковом. Но сам он отдает предпочтение радиотехническому.

— Послушайте, приходите к нам на стрелковый кружок! — предлагает Станислав Поликарпович. Он улыбается гостеприимно и добро, и я соглашаюсь.

Утро было туманное и прохладное. Дверь кабинета военного дела как назло не открывалась. «Ну, конечно, — обиженно подумала я, — кружок сегодня не состоялся — холодно».

В ту же минуту в дверях появился Станислав Поликарпович, как всегда подтянутый и подвижный, хотя по глазам можно было догадаться, что выспаться ему не удалось.

— У меня сегодня 5—6 классы: первое практическое занятие с «воздушкой».

Маленькие взъерошенные воробышки не могли, просто не умели сидеть спокойно. Кто-то кого-то упорно жал к стенке, кто-то гудел над ухом товарища... Казалось, учителя не услышат.

— Между прочим, — спокойно начал Станислав Поликарпович, — должен вам сказать, что стрелки — очень дисциплинированный народ. Если вы пришли в игрушки играть — не держу. А мы здесь занимаемся серьезным делом, вам потом разряды будут присваиваться. Мастера спорта тоже начинали с воздушшек, учтите.

А кто из мальчишек не мечтает стать мастером спорта? Мне кажется, что сейчас им даже безразлично в каком виде — волейбол, фехтование, плавание... Но пришли они все же на стрелковый кружок, поэтому после слов Станислава Поликарповича наступила относительная тишина, и занятие пошло своим ходом.

Привычным движением загоняет малыш патрон и долго старательно прицеливается. Откуда это у него такая сноровка?

Тишина, все ждут, слышится лишь спокойный голос Станислава Поликарповича: «Внимательнее прицеливайся, плавный спуск...»

После каждого выстрела все мчатся к диску.

— В десятку попал, точно?

— Врешь!

— Станислав Поликарпович, правда он в десятку попал?

Станислав Поликарпович успокаивает расходившиеся страсти.

— Сколько раз говорил не выходить за линию огня? Смотрю я и кто стрелял. Быстро все по местам!

У Сережи Цветкова не получается прицел: упорно не закрывается левый глаз: или оба, или только правый. Целая трагедия, мальчишка прямо извелся. Наконец Станислав Поликарпович отправляет Цветкова на место.

— Иди, тренируйся.

Сережа сидит с прищуренным глазом, Станислав Поликарпович изредка посматривает на него.

Какие они все глазастые, ничто от них не ускользнет. А уж любопытные! Этого мальчишку я давно заметила, он вертелся, как будто его парта была сплошь утыкана гвоздями. И вот он тихонько перемещается в мою сторону.

— Вы стрелять пришли? Скажите, а вы мастер спорта?

Хотела бы я ответить утвердительно.

— Курников, последнее замечание!

Голос Станислава Поликарповича звучит строго, и бедный Курников водворяется на место. Но тут же его звонкий вопль: «Эх, мазила!» Да, трудненько с ними, но Станислав Поликарпович как будто и не ощущает этого, не кричит, не выходит из себя, наверное, поэтому на его редкие замечания реагируют молниеносно. Все-таки трудно требовать от детей полного молчания, да и нужно ли оно?

Небольшой перерыв, ребята снуют возле стендов, а мы со Станиславом Поликарповичем тихонько разговариваем.

— Вчера старшие ребята стреляли, молодцы некоторые, просто молодцы. Но, правда, и устал, три с половиной часа занимались. Каждый раз думаешь, ну проведешь занятия за час — полтора, и никогда не получается. Пока отстреляют, пока ошибки разберешь, позанимаешься с каждым индивидуально — смотришь, уже вечер.

— Вы так, наверное, все время в школе проводите?

— А что делать, иначе не получается. Своих детей совсем забросил, жена тоже учительница, так что можете представить, сколько времени мы с собственными детьми проводим. А старшему уже тринадцать. Заботы растут...

У него взрослые дети, а мне он кажется таким молодым. Да нет, вот и морщинки резче обозначились, и голос чуть усталый с хрипотцой. Сказывается напряжение.

— А раньше я еще судомодельный кружок вел, — продолжает Станислав Поликарпович. — Как засядешь с ребятами, о времени абсолютно забываешь.

Станислав Поликарпович ни на минуту не выпускает ребят из поля зрения.

— Вот и сейчас будем ошибки разбирать. Я вообще собираюсь в тир их повести, как только начнут более ровно стрелять. Им это интересно будет. А хотите с ними насчет «Зарницы» поговорить?

Они собрались мгновенно и на вопрос насчет того, нравится или не нравится им игра, ответили дружно: «Очень».

Только Сережа Цветков выбился из общего хора:

— А чего там хорошего, бегаешь да и все.

Общему возмущению не было конца, поднялся такой галдеж, что ничего невозможно было разобрать, и Сережа признал свое поражение.

Станислав Поликарпович незаметно вступил в разговор: что-то спрашивал, что-то напоминал. Ребячьи воспоминания стали более последовательными и более понятными.

Маленький крепенький Куат с ужасом вспоминал, как бежал от противника и нечаянно закрыл крышку противогаза — чуть не задохнулся.

А вот Валерик, проявив солдатскую находчивость, сумел скрыться от шести вражеских автоматчиков.

Остановить их было просто невозможно.

— Все-таки они нечестно поступили, затолкали знамя в стог сена, правда, Станислав Поликарпович, так нельзя?

— А мы вот раз здорово сделали...

— Я тогда в арык прыгнул, они меня и не заметили.

Станислав Поликарпович решает, что воспоминаний на сегодня достаточно.

— А ну, Сережа, бери винтовку, проверим, как ты целишься на этот раз...

Тихо облетает осенняя листва, кружатся красные, желтые листья около школы, иногда повеет такой осенней печалью, а школа живет бурной жизнью. Осень — золотое время для игр и походов. Ребята 4—7 классов готовятся к проведению очередной игры «Зарница». Создаются отряды «юнармейцев». У всех форма, знаки отличия, в мастерских готовят себе самое «совершенное» оружие, конечно, деревянное. Игры ждут не дождутся.

Сначала Станислав Поликарпович и старшая пионервожатая выбирают местность, где будет проходить «Зарница», а потом тему — поиск пакета или еще что-нибудь. Все отряды делятся на два лагеря: южане и северяне или красные и зеленые. За 3—4 дня до игры отрядам доставляются секретные пакеты — командиру отряда вскрыть за час до выступления. По школе прокатывается волна возбуждения, то здесь, то там собираются небольшие группы ребят, обсуждают, волнуются, загадывают. Мальчишки расправляют плечи, девочки пересматривают еще раз перевязочные пакеты. Скоро в «бой». Сколько волнений, сколько переживаний! Нарвались на засаду, но сумели отбиться, захватили 6 вражеских автоматчиков, не шутка. Ползут по-пластунски, осторожно пересекают в противогazaх зараженную местность, зорко высматривают врага. Бывают и свои беды — целый час просидел в засаде и не видел ни одного врага.

Когда маленькая живая Соня Карабаева и чуть стеснительная Люба Буфалова из 7 «а» рассказывали мне о последней «Зарнице», я не знала, кого слушать. Смущения как не бывало. Они перебивали друг друга, вспоминали, сколько перевязали раненых. Как зимой

ползли в масхалатах по снегу, как возвращались промокшие, но довольные. И под конец:

— О, Станислав Поликарпович! Он такой... Мы его, знаете, как любим?

И доверительно, полусшепотом, в глазах неподдельный ужас:

— Хотел из школы уйти — не пустили.

Вот какой у них Станислав Поликарпович.

А у его питомцев уже появились традиции и реликвии. Семиклассница Люда Буфалова привезла из Одессы пионерский галстук со множеством подписей. Она ездила от школы на слет «старых» и юных чапаевцев, и ветераны подарили ей на память этот галстук, на котором все они расписались. Теперь подарок лежит на видном месте в школьном музее боевой и революционной славы. Люда охотно делится впечатлениями от поездки, ее большие глаза так и сияют. Радужно встретили их в Одессе, показали город, памятники, рассказывали много интересного.

— Вот видите, здесь на фотографии мы на фоне обелиска у братской могилы — три поколения, бойцы 1918 года, Великой Отечественной войны и мы, юные чапаевцы. Вот чапаевцы сажают на память о слете дерева, а это у обелиска.

Все это для альбома, который Люда отдаст в школьный музей. Эта маленькая комната полна и других реликвий прошлого. Чапаевец И. Ф. Ефремов подарил пионерам солдатскую каску, пробитую пулей. Он привез ее из Одессы. Лежат на столе пакеты со священной землей с Малахова кургана, горы Сапун, камень из концлагеря Маутхаузен. И самое важное в музее — документы о Панфиловской дивизии, которыми школа очень гордится и дорожит. Большой еще довоенный альбом с фотографиями героев, приказ от 1942 года о присвоении школе имени Панфилова... Все это собиралось по крохам самими ребятами, и теперь они имеют полное право гордиться своим музеем. Заведует им тоже школьница — Люда Васильева.

Вместе с Риммой Газизовной Джангозиной, завучем по воспитательной работе, я молча перехожу от стола к столу: старые пожелтевшие бумаги, комсомольские билеты погибших... О многом рассказывают они ребятам.

На столе лежит журнал «Пограничник» с дарственной надписью. Ребята потрудились в совхозе, заработали деньги, яблоки и послали пограничникам в Жаланашколь две посылки. В ответ получили журнал и два патрона — один боевой, один с землей с сопки Каменной. Так завязалась еще одна дружба.

А вообще у ребят из 54-й школы много друзей. Дважды ездили в Панфиловскую дивизию. Пионерам показали оружие, танки. Представляете, какой-нибудь Петька, замирая от восхищения, влезает в настоящий танк. Давно все ушли в столовую, а он не может оторваться от «изучения» большой и грозной машины. Потом всей ротой разыскивали пропавшего, вытащили наконец. А вскоре в школе показывали фильм, заснятый в дивизии.

Частые гости в школе ветераны-панфиловцы, ни одно торжественное событие без них не проходит, была в гостях у ребят дочь Панфилова. На маленьких столиках кофе, пирожное, цветы. Школьники постарались — цветы крупные, яркие. Сегодня в 54-й школе традиционный ежегодный «Огонек» в честь разгрома немцев под Москвой. Вместе со Станиславом Поликарповичем ребята приготовили небольшую сценку: застыл воин с гранатой в руке, алеет пятно на снегу, ползет молоденькая медсестра... И рядом с ребятами сидели люди, для которых это героическое прошлое не скоро забудется. Для них, ветеранов, выступали ребята, читали стихи, пели песни, старались сделать все как можно лучше. На память об этом вечере останутся фотографии и самое главное, чувство теплоты и благодарности, которое возникло между старыми седыми бойцами и подростками, только познающими жизнь. Идет урок истории. Тема — Великая Отечественная война. В таких случаях урок ведет не учитель, а приглашенный участник великих битв. Оживают страницы учебника в рассказах Т. Бегельдинова, Г. М. Шемякина, П. Г. Бугаева. Слушают ребята живой захватывающий рассказ солдата. Задумался курносый мальчишка: интересно рассказывает Петр Кириллович Бугаев, и разве подумаешь, что этот обыкновенный человек, которого ты видишь сто раз на дню, — участник героического Крымского подполья?

Я часто прихожу в 54-ю школу, бываю на уроках

Станислава Поликарповича, беседуя с ним в его маленькой заветной комнатухе, где остро пахнет тушью и гипсовой пылью. Он быстро привык ко мне, обращается на «ты».

— Устала сегодня? Ну, отдохни, а я пока dokonчу пакет.

В дверях появляется большой белый бант.

— Станислав Поликарпович, скоро играть будем?

Глаза Станислава Поликарповича смеются.

— Ишь ты, а вы готовы? Ладно-ладно не пугайся, вот в конце месяца будет хорошая погода — двинем сражаться...

Бант убегает сообщить радостную весть.

— Знаешь,— продолжает Станислав Поликарпович,— жаль, что мне, как военруку, не положено классное руководство. Я ведь несколько лет вел класс, выпустил, снова взял, так ближе к ребятишкам, интересно с ними. Сейчас встречаю своих бывших учеников, сколько вместе интересного и смешного вспоминаешь... Как я их вежливости учил. Лекцию им, что ли, читать о правилах поведения, хорошего тона? Все равно половина мимо ушей пройдет, а половину забудут. Я практиковал такие маленькие сценки: просил мальчика и девочку выйти, а потом вместе подойти к двери и зайти в класс. Как поступит мальчик, пропустит ли он одноклассницу вперед? Чаше всего правила вежливости разлетались в прах перед энергией подрастающего человечка — он бурей врывался в класс, забыв о подруге. Потом я кое-что им объяснял.

— Станислав Поликарпович, наверное, в учительской жалуются на вас: время у ребят отнимаете, зачем, мол, им эти маршировки, в армии научат.

— Жалуются? — Станислав Поликарпович явно недоумевает. — Да что ты, скорее наоборот. Во-первых, дисциплина для ребят стала понятием осознанным, а потом как демонстрация, знаете, как школа марширует — загляденье. Притом ведь учителя не враги ребятам, дети растут на наших глазах, разве можно быть равнодушными к их судьбе? Мы рады, что наши ребята пойдут в армию подготовленными, ведь в школе они проходят курс молодого бойца, здесь же познают азбуку военного дела. В армии им будет намного легче. Конечно, мы стремимся не к тому, чтобы по школе

маршировали военные, цель наша куда более скромная — дать ребятам первые военные знания и навыки. А уж армия их сделает настоящими солдатами, там даже сама форма подтягивает. Видели сегодня их строй на рапорте? У одного сумка, другой скорее пиджачок запахивает... Это же все мешает, отвлекает.

Да, я помню сегодняшний урок. Строй волновался, ломался и вновь выравнивался. Ребятчи глаза так и стреляли по сторонам. На них еще действовало присутствие незнакомого человека, как тут не сказать что-то до предела остроумное. Все-таки это для них еще немножко игра, но игра настоящая, серьезная, интересная. По лицу рапортующего еще скользит смущенная улыбка, но шаг четок и тверд.

Обычный урок, с опросом, объяснением, только на этом уроке особенно ярко блещут глаза у мальчишек, и такая наступает тишина, когда Станислав Поликарпович начинает разбирать автомат. Не подумаешь, что минуту назад эти самые мальчишки только что не ходили на головах.

Паренек рядом со мной от смущения весь перемазался известкой в своем углу, редко встретишь такого стеснительного десятиклассника. Разговор у нас довольно односложный.

— Нравится тебе военное дело?

— Да.

— А чем оно тебе нравится?

— Интересно, потому и нравится.

Не разговоришься. А он вдруг завертелся, заметил, что весь в известке. Станислав Поликарпович тоже заметил его затруднительное положение, незаметно подошел сбоку:

— Выйди, отряхнись.

Мой новый знакомый, которого зовут Куандык Рамазанов, стрелой вылетел из класса.

Почему им нравится военное дело? Преподаватель хороший, это понятно. А сознают ли они, для чего занимаются военной подготовкой? Станислав Поликарпович уверяет, что да. Они должны понимать, в какое время мы живем, трудное, тревожное. В случае опасности им защищать Родину. И вот тут-то кончается игра, мальчишки становятся взрослыми, понимающими всю ответственность и сложность момента. Они

должны уметь держать в руках автомат, чтобы защитить свой дом.

Кончился урок, но не так-то просто оторваться от оружия. А тут еще Станислав Поликарпович, может, что-нибудь расскажет. Действительно, он не спешит в учительскую, что-то не часто он там бывает, все больше с ребятами. Наконец, кабинет опустел.

— Трудный сейчас урок был,— признается Станислав Поликарпович.— Это самый «разболтанный» класс из старших.

Да, я заметила, что поведение ребят не было образцовым, но мне еще и другое бросилось в глаза. Станислав Поликарпович на них ни разу не повысил голос, не требовал категорично абсолютной тишины. Просто вернул строй на место, когда ребята чересчур уж разболтанно зашагали в класс. В их отношении к учителю чувствуется главное — уважение.

Каждый год 9 мая в 54-й школе военный парад. Задолго до этого дня Станислав Поликарпович отрабатывает с ребятами строевой шаг, разучивает строевые песни. Ведь 9 мая по улице Панфилова будут маршировать настоящие пограничники, моряки, артиллеристы... Все рода войск в полной боевой форме, с «оружием», сделанным в мастерских. Счастливые ребята! Я никогда не видела этого парада, но представляю, с какой гордостью строятся ряды мальчишек около школы, как тщательно проверяется «оружие». А Станислав Поликарпович еще раз, в самый последний раз, все проверяет и отдает команду...

Ухожу из школы, на прощание заглянув в кабинет военного дела. Там опять мальчишки ведут уборку. Станислав Поликарпович в последний раз провожает меня до выхода. До свидания, ребята, хорошо вы живете! До свидания, Станислав Поликарпович!

Я еще раз оглядываюсь на строгое здание школы и думаю, что все-таки хорошо быть учителем, настоящим учителем.

Е. МАТЮНИНА,
педагог.

СЛУШАЙ ГОРНИСТА!

Мне вспоминается ясный осенний день на Черном море возле Артека. Смуглая девочка в белой панаме и красном галстуке скатилась ко мне по отвесному берегу, скинула сандалии и вошла в море. Холодная волна обожгла ноги. Девочка съежилась, втянула голову в плечи и сделала еще несколько шагов.

Я сидела на перевернутой лодке и наблюдала.

Ах вон оно что! На моих глазах «подкупали» море. На какую-то долю секунды, как крошечное солнце, блеснула монета.

Потом мы сидели на лодке уже вдвоем с девочкой. Я знала, что ее зовут Катя и она отдыхает в Артеке. Отдыхала. Завтра уже уезжает. Конечно, ей тут все очень понравилось. Еще бы! Очень, очень!

— А вы здесь первый раз?

Девочка посмотрела на меня снисходительно и сразу приняла роль гида. Меня тут же поставили в известность, что лагерь «Лазурный» в сто раз лучше, чем «Горный». На праздник Артека приезжали космонавты. Из моря выходил Нептун с русалками. А вон на той скале пел сам Шаляпин, ну, знаете, знаменитый русский певец.

А некоторые курортники из Гурзуфа тоже лезут на скалу и тоже поют, только у них, конечно, не получается, как у Шаляпина.

А некоторые мальчишки из Артека хотели удрать во время тихого часа на Шаляпинскую скалу, но их выдала девочка, и мальчикам очень попало. «А как вы думаете, правильно девочка поступила или неправильно?»

Катя вытряхнула песок из сандалий, вытерла ладошками загорелые ноги, задумалась и опять пошла к морю. Вернулась какая-то другая, притихшая:

— А вы знаете, Пушкин здесь писал стихи про море? Их еще в школе учат. Вы, наверное, забыли?

Девочка распрямила острые плечи, вскинула голову. Слова выговаривала старательно:

Прощай, свободная стихия,
Последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Катя стояла ко мне в профиль. Мне показалось, что так она похожа на Наташу Пащенко. Но ведь Наташу я никогда не видела в профиль. Я ее видела только на фотокарточке с траурной рамкой. Анфас...

Я думала про Наташу. А Катя говорила про Артек, что прямо к морю скоро построят канатную дорогу, и еще будет тут почти настоящий космический городок. И Катин товарищ непременно станет космонавтом.

— У него уже сейчас есть почетная грамота,— строго сказала Катя.— И часы ему подарили именные. За подвиг. И в Артек его послали как героя...

— А тебя?

Катя беспомощно хлопнула ресницами.

— Я тут просто так... Мама путевку купила...

— Наташа тоже приезжала в Артек просто так.

— Какая Наташа? — удивленно спросила Катя.

— Наташа Пащенко из Арык-Балыка. Это у нас в Казахстане, в Кокчетавской области...

— Что такое Арык-Балык? — улыбнулась Катя.— Какое смешное название. Ой! Слышите?..

Где-то рядом затрубил горн. К нему присоединился еще один. Еще... Казалось, все Черноморское побережье перекликается тревожно и торжественно. И на эти позывные спешат отовсюду, со всех сторон мальчики и девочки в алых галстуках. «Всегда готов! — выстукивают сердца.— Всегда готов!»

Блеснула над кустами белая Катина кофточка. И уже совсем далеко, на высоком берегу, мелькнула тоненькая девчоночья фигурка.

Наверное, вот так же бежала навстречу горну Наташа Пащенко и занимала свое место на пионерской линейке...

Когда-то у каждого из нас было свое место на пионерской линейке. Мне помнится мой лагерь с прозрачным названием «Золотая осень». Он в Северном Казахстане, недалеко от Петропавловска. Нас кормили омлетом военных лет из яичного порошка и по сигналу горна водили копать картошку. Ее возили на колхозный склад в стареньком грузовике с суровой надписью на борту: «Смерть фашистам!»

Про Артек мы знали тогда не очень много. Нам его даже в кино не показывали. В ту пору и в кино ухали бомбы, горели города.

Для нас Артек был такой же сказкой, как Изумрудный город, страна Синегория, как гайдаровский Мальчиш-Кибальчиш.

А на фронте живые, земные артековские Мальчиши, отважные Кибальчиши шли на подвиг.

В день своего сорокалетия Артек собирал артековцев всех поколений. Не пришли на торжественную линейку Тимур Фрунзе, Иван Туркенич, Гуля Королева, Володя Дубинин. Они героически погибли во имя того, чтобы для будущих поколений Артек был не сказкой, а доброй былью, чтобы летом в одну смену жили тут 4000 пионеров, чтобы приехали в Артек просто так девочка Катя, Наташа Пащенко...

Когда я была в Артеке, по сводкам бюро погоды, на всех широтах лили дожди, в Сибири выпал снег по колено.

Южный Крым сдерживал напор осени непогрешимой ясностью неба, кротостью моря. Только кое-где рассеянным мазком импрессионистов осень набросала желтые и багровые пятна в вечную зелень кипарисов. Вблизи они оказывались простыми березками, кленами...

Осеннее ненастье кружило где-то совсем рядом, прорывалось дождями и туманами в Симферополь, морскими штормами в Севастополь, но и оно щадило Артек, не смело нарушать границы пионерского государства.

Известного зарубежного публициста, побывавшего в нашей стране, спросили, есть ли в СССР привилегированное сословие. Он ответил: «Есть. Дети».

Лучшие санатории страны, самые красивые дворцы на южном берегу Крыма принадлежат детям.

Они хозяева солнечного пионерского государства у подножия Медведь-горы.

Артек и сегодня лагерь пионерской славы, лагерь героев. С одним я познакомилась в Москве, в гостинице «Юность». Герой бунтовал в бытовой комнате. Он категорически отказывался гладить брюки. Пионерский галстук — пожалуйста. Он его уже прогладил. Но чтобы каждый день на брюки тратить драгоценное московское время!..

Каждое утро за Сережей, Аней, Наташей и Симой подавали к гостинице «Юность» черную «Волгу». По-

ка девчонки умывались и прихорашивались, Сережа успевал сбежать до Лужников, посмотреть, как там тренируются футболисты. А потом ребят возили по Москве, показывали Кремль, Мавзолей, Музей революции. Наверное, вы знаете ребят из деревушки Коломовки, что на древней новгородской земле. О них писали в газетах. Через двадцать лет после того, как семья Зуева получила извещение о том, что Иван Васильевич пропал без вести, коломовские ребята разыскивали его могилу.

Восстановлен для истории еще один подвиг Великой Отечественной войны. Могила, которая могла остаться безымянной, оплакана сыновьями Ивана Васильевича. Комиссар Зуев посмертно награжден орденом Отечественной войны.

Ребят из Коломовки называли красными следопытами, боевыми наследниками комиссара и другими очень красивыми, справедливыми, но, пожалуй, немножко громкими словами.

Опять-таки в бытовой комнате, где происходили у нас самые важные беседы, Сережа сообщил мне, что его посылают в Артек.

Внешность у Сережи совсем не героическая — добродушная круглая физиономия, вздернутый нос посыпан веснушками, как бублик маком.

Сережа был уже один раз в пионерском лагере, где-то под Новгородом, бегал на пионерскую линейку, услышав пение горна, и сердце его выстукивало: «Всегда готов! Всегда готов!».

Пусть же Сережино сердце сохранит навсегда способность отзываться на позывные долга.

Пусть сердце каждого из нас выстукивает тревожные позывные: «Всегда готов! Всегда готов!».

А с берега синего моря смотрят на меня виновато обеспокоенные глаза девочки Кати, которая приехала в Артек просто так и ничего еще в жизни своей не успела. Я вижу, как бежит она навстречу пионерскому горну, как мелькает в кустах ее белая кофточка...

Слушай горниста! Он может позвать в любую минуту, затрубить неожиданно. И тогда все будет решать одно мгновение, как там, на озере Иммантау.

Пионерка Наташа Пащенко бросилась в ледяную воду, чтобы спасти подругу. Мне рассказывали это

арыкбалыкские мальчишки. Они вызвались показать дом под красной крышей, где живет хирург сельской больницы Таисия Ларионовна Пащенко. Главным провожатым был остроносый шустрый парнишка, мамке которого Таисия Ларионовна вырезала аппендицит. Мамку совсем скрутило. Думали, Таисия Ларионовна не сможет делать операцию, ведь она тогда только что дочку свою похоронила, Наташу, которая утонула.

Конечно, я не имела права беспокоить Таисию Ларионовну, но от разговора с ней зависела судьба другого человека — больного, которого она когда-то лечила.

И я постучалась в дом под красной крышей. Мне открыли. В доме врача двери отворяются на каждый стук днем и ночью. Редко кто спрашивает врача о его бедах, ему приносят чужие, возлагают ответственность за них, требуют помощи.

Через неделю после смерти единственной дочери Таисия Ларионовна делала операцию. Она не могла отказать. Другого хирурга в районе не было. Женщина умирала.

Таисия Ларионовна не удивилась моему визиту. Да, она лечила этого человека, о котором я спрашивала. Да, его непременно надо направить в хорошую клинику, лучше всего в Алма-Ату. И она сегодня же подготавливает историю болезни...

На пианино в траурной рамке стояла фотокарточка пионерки Наташи Пащенко. На белой стене, тоже в траурной рамке, Почетная грамота лауреата конкурса пианистов в Артеке.

Девочка из Арык-Балыка, далекого казахского села, которое по расстоянию до ближайшего города можно было бы назвать глухим, завоевала звание лауреата на конкурсе пианистов, в котором участвовали дети многих стран мира. В международном пионерском лагере Наташа играла Чайковского, Баха, Листа.

В день отъезда так же, как и Катя, Наташа бросила в море монету. Девочка очень хотела вернуться к подножию Медведь-горы. Не вернулась. Может быть, волна выбросила на берег Наташину монету?

В день своего рождения Артек почтил светлую память погибших героев-артековцев. Наташа из Арык-Балыка достойна твоей славы, Артек!

Сколько их, будущих героев, живут в пионерских

палатках просто так, бегают на зарядку по призыву горна.

Тридцать шесть лет назад горнист Николай Симаков играл артековцам зорю, созывал на пионерскую линейку. В Бухенвальде, в лагере смерти, Николай Симаков нес ответственность за маленьких узников восьмого блока. По его заданию пленные доставали ребятам огрызки карандашей, клочки бумаги. В лагере смерти работала подпольная школа.

Симаков пробирался в барак к ребятам и рассказывал про Артек, про детей революционного Мадрида. Он заставлял их хотеть жить, обязывал мечтать.

По всем дорогам земли шагают рядом с нами горнисты. Они перекликаются из поколения в поколение. Голос горна бывает веселым и праздничным, иногда звучит грозно, как бухенвальдский набат.

Слушай горниста! Не опоздай на его позывные!

В. МАРИЧЕВА.

РОМАНТИКА «ДЫБОМ»

Почему иной подросток не истратит деньги на хорошую книжку, красивую вещь для своего школьного или домашнего обихода, на подарок товарищу, сестре, подруге, на хорошую пластинку — да мало ли на свете вещей, способных доставить истинное удовольствие, радость! Так нет же. Мальчишка поступает в высшей степени нелогично: он покупает пачку сигарет и с отворачиванием закуривает...

Я умышленно беру эту крайнюю форму влечения, потому что здесь очевиднее всего предстает одна из «подводных», психологических причин поведения совсем еще юного человека, отступающего от общепринятых норм. Заключается она в искаженных представлениях о красоте поведения, о тех эстетических основах его, которые обуславливают облик личности «на людях».

Человеку свойственно желание выглядеть привлекательным. И не только в одежде. Пожалуй, даже чаще — в поведении. Это желание особенно сильно у детей и подростков. Причем оно, будучи не подчиненным ни

разуму, ни опыту, стремится к немедленному осуществлению: сейчас, в данный момент обнаружить, каковы ты. И пусть удивляются, поражаются, восхищаются. Причем нередко мальчик или девочка считают красивым как раз то, что в действительности жалко, претенциозно, просто дешево.

Будем откровенны: среди подростков в школе или на улице зачастую ценится не прилежание, не дисциплинированность, не корректность по отношению к старшим, не трудолюбие и даже не незаурядные способности, а прямо противоположные качества: развязность, бесцеремонность, щеголянье жаргонными словечками, такая божественная расслабленность, граничащая с цинизмом, и прочее.

Сначала здесь много напускного, подражательного. Но постепенно, подогреваемое откровенным одобрением, а то и восхищением ближайших окружающих,— а их мнение иной раз ценится более, чем мнение коллектива,— все это входит в привычку, становится своего рода стилем поведения. Юный человек начинает всерьез верить, что он-де и значителен в своем кругу, и романтичен, что он и Печорин, и Манфред, и Ринальдо Ринальдини одновременно. И все это им достигнуто почти без усилий.

Ведь для того, чтобы поразить людей умом, мастерством, душевной цельностью, нужно приложить много старания, труда. А тут же не требуется особых усилий. И вот мы замечаем: подросток становится неискренним, падким на сенсацию. Он больше всего стремится произвести впечатление, но не хорошей, не должной нормой поведения, а возможно более кричащим отступлением от нее.

Как-то в «Комсомольской правде» появилась заметка «Грустный монолог Яншина». В ней рассказывалось, как десятиклассники вели себя на спектакле в МХАТе: один подкидывал и ловил монету, другой оседлал верхом барьер, группа девушек обсуждала вслух вещи, не имевшие никакого отношения к происходящему на сцене... Автор заметки поражался эстетической глухотой молодых людей.

Думается, что здесь нечто другое. Возможно, тот же «жонглер» или «барьерный жокей» был бы захвачен этим спектаклем, если бы смотрел его в одиночку.

Не допускаю мысли, что современному юноше недоступны глубокие чувства, волнующие человека наших дней. Но там, в театре, его окружила аудитория, в которой были «свои», презирающие всяческие там сантименты. А потому трудно было избежать соблазна и не порисоваться такой непроницаемой душевной броней.

Вот эта романтика «дыбом», эти ложные понятия о красивом, к несчастью, играют далеко не последнюю роль в жизни многих подростков. Они-то и определяют нелогичность поведения юных людей. Посмотрим теперь, как мы с ними боремся.

Часто педагоги в школе, а родители — дома отвечают на них лобовым контрударом. Произошло, скажем, грубое нарушение дисциплины: великовозрастный ученик нагрубил хорошему преподавателю. Причем сделал это, несомненно, из дурно понятого молодечества, ухарства, а вовсе не потому, что он плохо относится к своему учителю. В школе объявляется пресловутое ЧП. Виновника обсуждают на собрании, вызывают родителей, делая большие глаза, ужасаются его поступку, взывают к его сознательности. Дома все повторяется примерно так же. Виновник, как правило, на словах раскаивается, но в душе ликует: он предмет внимания, удивления, даже какого-то страха — вот, мол отчаянный. Так (опять же по дешевке) «герою» набивается цена среди его сверстников.

Мои коллеги, педагоги, да и родители, могут задать резонный вопрос: «А как же реагировать?» Думаю, во-первых, не поднимать такого большого шума; во-вторых, пусть будет более чувствительной личная ответственность нарушителя и, в-третьих, нужно сделать виновника предметом осмеяния.

Стать смешным? На это не каждый отважится. Так вот и нужна организованная система воздействия на сознание подростка посредством смеха. Нужно очень тонко, умело развенчивать озорство, показной нигилизм. Как? Прежде всего острым, язвительным словом. Можно и с помощью «молний» или любых других оперативных приемов осведомления коллектива о жалком, претенциозном стремлении попасть в «герои». И на собраниях, где обсуждается поведение, и дома не следует злоупотреблять назидательными речами. Виновник, как правило, и сам прекрасно понимает, что так

поступать нельзя. Но быть высмеянным публично, умно — такое не скоро забудется. Действенное средство.

Конечно, это средство должно практиковаться не только в классном или школьном коллективе, узком домашнем кругу. Тут нужен широкий фронт, где бы в развенчании уродливой «эстетики» участвовали и журналы, и газеты, и радио, и телевидение. У нас это делается, на мой взгляд, явно недостаточно. А подчас «вирус», с которым мы боремся, нет-нет да и находит поддержку в иных книжках, стихах, пьесах, вольно или невольно возводящих подчас в ранг значительных душевных проявлений самую ординарную и протенциозную мальчишескую дребедень.

Зло искаженных понятий о красоте поведения — старое зло. Более ста лет тому назад Чарлз Диккенс предостерегал об опасности общественной недооценки тенденции к героизации поведения, идущего вразрез с нравственными нормами.

Нельзя сказать, что у нас в воспитательном процессе не используется сатирическое оружие. Но чаще оно применяется к уголовно наказуемым лицам. Стенные «крокодилы» обычно бичуют пьяный дебош, воровство, хулиганство. Мы же сейчас говорим о другом: о нарушениях в так называемой ранней стадии, той, где пока действуют относительно безобидные «эстетические» побудители. Тут-то и нужны профилактические меры, среди которых очень действенной может быть сатира. И наряду с ней — увлекающая молодежь самодетельность: музыкальные, художественные, драматические кружки, секции, поэтические клубы, литературные объединения. Только без строгой программированности, вполне добровольные, с умными, хорошими руководителями.

Жажда популярности — не такое уж плохое чувство в молодости, и надо давать ему выход. Но при этом ставить подростка в условия, воспитывающие подлинный эстетический вкус, желание уже на его основе проявлять себя, свои таланты.

Огромную роль могут играть в школах факультативные занятия по предметам эстетического цикла. Но в их организации пуще огня надо опасаться формализма.

Мы горды, что подавляющее большинство наших юношей и девушек растут идейно убежденными и нравственно здоровыми. Но какая-то часть юношества вызывает тревогу. Сколько их, таких «неблагополучных» подростков? Сколько бы ни было — все они наши. И мы обязаны вырастить их полноценными людьми. Помнить об этом постоянно должны учителя, родители учащихся, словом, все мы, взрослые ³³.

А. Р У Б А Й Л О,
педагог.

ДЕВОЧКИ ХОТЯТ ДРУЖИТЬ

Жила на свете девчонка. Не сказать, чтоб красавица, но и дурнушкой не назовешь. Обыкновенная девчонка пятнадцати лет, в форменном школьном платье, с вечным чернильным пятном на среднем пальце. Учила девчонка уроки, а вечером вместе с мамой ходила гулять. Не то чтобы эта Таня была какая-то особенная «мамина дочка», просто жили они много лет вдвоем, и были дружны, и привыкли перед сном ходить по улице и разговаривать. Им навстречу из темноты выплывали прохожие, чаще всего молодые парни с девушками. Рука парня лежала на плече девушки, и вид у них был такой, словно они молча уходили в какой-то неведомый мир. Мама краешком глаза поглядывала на свою Таню, но та смотрела вперед и ничуть не интересовалась теми, кто прошел мимо.

Они говорили о другом. О Кольке Сергееве, который запустил английский, и теперь Таня обязана ему помогать. Так сказала Вера Антоновна. Говорили о Таниной однокласснице Марине Кузнецовой: «Не подумай, что она мастер спорта». Говорили о том, что все в жизни имеет свою закономерность, ничто не пропадает даром: и добро, и зло, и труд, и дружба. Это только кажется, что нет связи между многими событиями. У всякой радости есть своя иногда забытая, иногда неугаданная причина. Так и у беды. «Ты понимаешь, Таня, о чем я говорю?» — «Ну, мама!» — «Нет, Танечка, я хочу, чтобы ты действительно поняла. В молодости иногда не видится связи между поступками. Многие

кажется случайным, чему нет ни объяснения, ни продолжения», — «Мама, я все понимаю».

Они гордились своей дружбой. И все в классе знали, что «у Таньки мать что надо! Любит, когда у них в квартире полным-полно ребят и девчат и вообще умеет не лезть в душу».

Мама действительно не лезла в душу. Она считала, что души Тани и ее сверстниц не такие уж сундуки за семью печатями, чтобы в них стоило проникать. Они просто распахнуты перед каждым, кто способен честно, без ханжества понимать их.

Так думала Танина мама. А Таня? Таня частенько доставала из укромного места клеенчатую в клеточку тетрадь и доверяла бумаге все самое сокровенное.

«Ну вот мы опять с тобой одни, мой дневничок! Танька тебе расскажет все, о чем не может рассказать никому.

Сегодня Люду опять ждал Юрка. Стоял у школы и ждал. Мы вышли вместе с Людой, и она, увидев его, сказала: «Вон мой хвостик стоит. Я на него не буду глядеть, а ты наблюдай». Я наблюдала. Он шел за нами, а когда Люда свернула, он тоже свернул. У меня было очень плохое настроение. Нет, я не завидовала Людке. Мне просто обидно за себя. Я никому не нравлюсь. Если бы кто-нибудь за мной бегал так, как Юрка, я бы над ним не издевалась. Я была бы благодарна такому человеку за любовь и верность. Почему меня никто не любит?»

«Вчера мы с мамой гуляли по нашей улочке. После дождя асфальт блестел, а мне было не до весны. Какая-то грусть напала. Мама говорила, что мне надо серьезно заняться математикой. Школьной программы для человека, мечтающего о техническом вузе, недостаточно. Я что-то ей отвечала, а сама думала: «Какая разница — поступлю или не поступлю? Ничего в моей жизни не будет. Ну закончу школу, потом институт, буду работать, состарюсь. И будем мы с мамой, две старушки, все так же вечерами ходить по нашей улице».

«Мама купила мне туфли на каком-то старорежимном каблуке. Она считает, что я настолько положительная, что все эти вещи меня не занимают. Знала бы ты, мой умненький философ-мамулик, как мне хочется

модненькие туфли, и трикотажное платье, и чулки с узорами. Но я ей никогда не скажу: у нас ведь нет денег на все это. Да, если бы и были, она бы не купила. У нее принципы. У Люды мать без принципов, считает, что дочка должна быть по моде одета. Не знаю, что лучше».

«Только сейчас ушел Колька. Мы занимались с ним английским, но плохо, Колька все острил и пытался перевести разговор на другую тему. Я сначала злилась, а потом махнула рукой на занятия. Колька спросил: «Бирюкова, ты в кого-нибудь влюблена?» — «А что?» — сказала я. — «А то, что одному человеку ты очень нравишься». Я постаралась рассмеяться, но что-то оборвалось у меня внутри, как от страха. Я потом к нему долго приставала, но он имени не сказал. Тогда я разозлилась: «Все ты наплел». А он вдруг сказал «Честное комсомольское».

Я не знаю, что делать. Кто? Кто этот человек? Господи, хоть бы не сам Колька. А почему?...»

Танина мама ошибалась. Душа самого близкого человека была не такой уж открытой, как думалось. Кажется, во всем они были единомышленниками, но нет.. Были у дочери свои собственные, затаенные тревоги, взгляды, сомнения. Страшно ли это? И плохо ли то, что Таня мечтает о модных туфлях и чулках с узорами?

Нет. Опасность в другом. Как бы девочка, считавшая, что никто не может полюбить, не попала в беду из благодарности, просто обрадовавшись тому, что вдруг кому-то она понравилась. Ведь все девчонки хотят быть любимыми, хотят, как они это называют, дружить. И стоит им, как Тане, узнать, что кто-то их любит, кто-то о них думает, и они начинают прислушиваться к себе. И находят, как им кажется, ответное чувство. Но желание любить и быть любимой — еще не любовь. Такое чувство быстро проходит, а всякое разочарование оставляет в душе горький след.

Вот передо мной письмо.

«Сейчас мне 15 лет, а я уже влюбилась в третий раз. Он ко мне подошел и спросил, как меня зовут. Говорил он со мной просто, и я ему просто отвечала. Потом он назначил мне свидание. Я пошла. И тут произошел мой первый в жизни поцелуй. А на другой

день он не подошел ко мне. Мне тоже было стыдно к нему подойти. В том, что я ему нравлюсь, я почти уверена. Но он проходит мимо. Я не знаю, что мне делать. Мне кажется, что я сама скоро подойду к нему. Такого парня, как он, я больше не найду».

Вся как на ладони эта пятнадцатилетняя девочка со своей «третьей любовью» и первым поцелуем, со своим убеждением, что парень, поцеловавший ее, лучший в мире. А кто ей объяснит, что любви у нее еще не было? Кто предостережет, что к парню подходить не надо?

И дома и в школе, наверное, заметили в ней какие-то перемены. Может быть, она ушла в себя или, наоборот, стала резкой. Ведь для нее решить «подходить или не подходить» — самое главное, самое важное в жизни. Но замечаем ли мы, взрослые, эти метания, знаем ли первопричины такого настроения и поведения девчонок? Не всегда. Чаще списываем все на трудный возраст.

Вот еще одно письмо. Как пароль откровенности его первая строчка: «Мне шестнадцать лет». А затем та же настойчивая просьба: «Дайте совет».

«У меня не было и нет настоящего друга. А у моей подруги Сони был друг, но он погиб. И теперь она одна. А другая моя подруга — Катя — каждый вечер с другим. Она их меняет, но ничего лишнего не позволяет. Поговорит, посмотрит — и до свидания. Я спросила: «Зачем ты так мотаешься?» Она ответила: «А что тут такого?»

Кто из моих подруг прав? С кого мне брать пример — с Кати или Сони? Все мы мечтаем о настоящей дружбе, а как ее искать, не знаем».

Девчонки хотят дружить. Они хорошо знают, что нет в жизни лучшего времени, чем юность. А в юности — любовь. Потом, думают девчонки, будет обыкновенная взрослая будничная жизнь. Разве можно упустить это время? Вот строчки из письма такой девочки: «Когда-то я выучусь, буду работать, будут деньги. А зачем они мне тогда? Несправедливо устроенная жизнь. Я бы согласилась всю жизнь одеваться кое-как, лишь бы в 16—17 лет быть нарядной».

Много песен пропели девчата о любви, хорошо уяснили, что приходит она в юности. Но нет ни одной

песни, которая бы честно и прямо сказала: «Я не про твою любовь, а про другую. Нет на свете двух людей с одной и той же судьбой, нет на свете такой любви, чтоб была похожа на твою. У каждого своя, собственная, не похожая ни на чью. И приходит она к каждому в разное время».

Молчат об этом песни, молчат взрослые, и примеряет к себе девчонка чужую любовь, мучается, просит совета. А сама начинает с отчаяния «искать дружбу», ходит прилежно на танцы, с недоумением, со страхом поглядывает на парней: «Что? Что у меня не так?» Ходит девчонка, и кажется ей, что только у нее одной не складывается счастливая любовь.

Не пришла еще любовь и к Тане, и к той девочке, что поспешила со своим первым поцелуем, и к третьей, что спрашивает, «как искать дружбу». Не пришла! Озабочены девчонки: надо что-то делать. Оставаться равнодушным к этому нам, взрослым, нельзя! Хорошо, когда молодой человек приходит к тебе с вопросом: «Как быть?» Но, если даже не приходит, отвечать надо. Потому что спрашивает сам возраст, спрашивает будущее человека. Каждая мать ответит по-своему. Тут нет и не может быть двух одинаковых ответов.

Однажды заговорила об этом и Танина мама. Они прогуливались вечером по своей улице, из темноты выплывали пары, и мама сказала:

— Я хочу, чтобы ты тоже когда-нибудь так шла с хорошим человеком.

— Не надо, мама.

— Надо, Таня. Послушай меня. Это очень важно знать. Может случиться так, что ты будешь идти вдвоем, а на самом деле одна. Потому, что твоя единственная, настоящая любовь будет шагать совсем по другой улице.

— Разве так бывает?

— Бывает. Когда человек торопится, он может принять тень за что-то живое, настоящее. Я не хочу, чтобы такое случилось с тобой. Ты меня поняла? ³⁴

Р и м м а К О В А Л Е Н К О.

НЕПРАЗДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Учительница стоит у своего стола. Ей сейчас трудно, это мы понимаем. Мы — это десяток пап, втиснувшихся в малогабаритные парты своих детей. Иным из нас Анна Михайловна, пожалуй, годится в дочери. Но она волнуется не только из-за этого.

— И тогда они купили спиртное?!

— И распили его... почти все, только три девочки не пили, а вылили спиртное в это... в унитаз...

Веселенькая история. Папы сидят, не шелохнувшись. Вот это да! Вот это третьеклассники! У Нины Ахматовой, ученицы третьего класса «б», день рождения. Мама Нины, Полина Астаховна, всего наготовила. Именинница, покрасневшая, взволнованная, принимала подарки и рассаживала всех за столом.

— Ну, деточки! — сказала мама. — Ешьте, пейте чай, играйте, только газ не включайте. А я пойду к своим. Ниночка, посуду не убирай, приду — сама уберу.

Так почти весь третий «б» остался самостоятельно пить-есть, гулять-играть. А потом... Деньги собирал Славка. У кого десять, у кого пять, у кого двадцать копеек. Магазин рядом, продавщица — добрая тетя. Нет, страшного ничего не произошло. Выпили всю бутылку портвейна или «почти всю», как сказала Анна Михайловна, побузили малость и разошлись. С одной стороны, ничего страшного, а с другой...

Мы порою не замечаем, как и у нас, и у наших детей вырабатывается некий праздничный стереотип: стол с питьем-закуской, немножко музыки, немножко шума, немножко песни-пляски. В общем не для души праздник получается — больше для желудка.

... В это утро Тима проснулся раньше всех. Сегодня ему подарят долгожданный космический трактор, на который он уже три раза ходил смотреть в магазин игрушек. Так и есть! Папа и мама целуют Тиму, тянут его за уши, и вот огромная коробка на Тиминой кровати. Но, оказывается, этот трактор еще надо собирать из десятков металлических и пластмассовых деталей. Самому, пожалуй, с этим не справиться. Правда, папа уже ушел на работу, но ничего, можно

потерпеть и до вечера. Сегодня в честь Тимы соберется много гостей. Правда, все взрослые, зато с подарками. И вот у Тимы уже шесть плиток шоколада, две одинаковые настольные игры. Тиму треплют за волосы, ему говорят:

— А ты, брат, совсем большой!

— Смотрите, как идет время, дети растут, мы стареем.

Потом за Тимино здоровье пьют и едят. А он сидит в своей комнате, пытаюсь самостоятельно разобраться в этом тракторе. А потом уложат его спать, и, засыпая, он долго еще будет слушать нестройное пение взрослых. И коробка с трактором ляжет на стул около кровати. Может быть, завтра они с папой соберут это механическое сокровище.

День рождения Андрейки и Аркашки празднуется вместе — оба родились в декабре. Андрейка и Аркашка обсуждают на семейном совете, кого они позовут в гости из необъятного числа своих друзей и подружек. «Питательную часть» решено ограничить бутербродами, сладким домашним пирогом и знаменитым бабушкиным холодным вишневым сиропом.

Конфеты, грецкие орехи и яблоки будут разыграны в конкурсах и соревнованиях. Главным церемониймейстером назначается старший брат Денис.

С утра в квартире необычное оживление, именинники под руководством папы художественно оформляли свое жилище сосновыми ветками и елочными гирляндами. На двери квартиры прибили объявление: «Здесь живут именинники Андрей и Аркадий. Поздравления принимаются в неограниченном количестве с пяти вечера!».

По настоянию Дениса в столовой растянули и нити цветных елочных лампочек. Всей семьей выпускали специальную поздравительную стенгазету, в центре которой были помещены фотографии именинников и телеграммы родственников. Вначале гости читали стенгазету, рассматривали подарки, затем распорядитель «пир-бала» Денис показывал цветные короткометражные фильмы, принесенные папой с работы. В завершение «кинофестиваля» был показан цветной диафильм «Три поросенка», озвученный папой, мамой и именинниками.

Только окончились кинофильмы, зазвенел звонок, и в квартиру вошел почтальон в синей фуражке, с бородой, усами и большим картонным носом. Почтальон папиным голосом спросил, здесь ли живут братья — именинники Андрей и Аркадий. И, услышав утвердительное «да», вручил мальчикам огромный конверт и посылку, заставив их расписаться в получении заказной почты. В письме были поздравительные стихи и всякие пожелания виновникам торжества, а в посылке «эскимо» для всех друзей-гостей.

Почтальон ушел, а вместо него вскоре вернулся папа. Начались веселые соревнования, игры, забавы, аттракционы: кто быстрее из кубиков построит самую высокую башню, сложит слово «именинник», соберет шахматы с завязанными глазами. В детской комнате был устроен тир. Стреляли из пластмассовых пистолетов пластмассовыми шарами. Мишени были всех калибров и фасонов. Стрельбой руководил Денис. По бумажной мишени стреляли из пушек пластмассовыми ракетами. Каждый удачный выстрел поощрялся специальным жетоном.

Пока шли стрелковые соревнования, в большой комнате, из которой, кстати, была вынесена вся лишняя мебель, в том числе и стол, мама организовала «чайхану». На полу разостлали старый ковер с бабушкиным самоваром в центре. Чашки расставили прямо на ковре, там же лежали на салфетках сладости. Денис накрутил себе чалму, надел полумаску и мамин халат. Свет погасили. И Денис внес на блюде большой сладкий пирог, на котором красовались семнадцать зажженных горящих свечей. После поздравительной речи на русско-«индийском» языке Денис начал всех оделять пирогом. Гости пили чай, наливая его прямо из самовара. А кто хотел попробовать бабушкиного сиропа, должен был произнести тост, и ему тогда наливали сладкого напитка в красивый рог. Было весело и свободно.

После чая начался сюрпризный концерт «Ромашка». Андрей сам рисовал эту большую ромашку, на каждом лепестке которой было написано задание. Гости подходили к ромашке, отрывали один лепесток и читали задание, написанное на оборотной стороне. Одному предлагалось читать самое короткое стихотво-

рение, другому — играть на расческе и т. п. Артистов не надо было упрашивать.

И опять начались веселые игры в «испорченный телефон» и «заколдованный мячик» в «два корабля» и «третий лишний», в «волшебную букву» и в «фанты». Проигравшие с удовольствием прыгали на одной ноге вокруг ковра, пили воду из блюдечка по-кошачьи, быстро произносили трудные скороговорки, доставали коробки спичек зубами со стула, не касаясь пола. А мама умудрилась еще и танцы организовать, правда, они не походили на гопачок или полечку, что разучивают в школе. Скорее это было танцевальное попурри, когда каждый старается кто во что горазд и все получают искреннее удовольствие, в том числе и мальчишки.

Перед проводами папа провел прощальную линейку, на которой всем отличившимся были вручены подарки, премии и награды. Это были шоколадные медали на ленточках, сладкие «ордена» из конфет, забавные мелкие игрушки. Детский праздник именинников не пробил брешь в семейном бюджете, не вымотал маму и бабушку хлопотами о столе.

Ребята ждут праздника не так, как взрослые, для которых праздник часто просто отдых. Дети ощущают праздник, воспринимают его всеми органами чувств. Вот почему важно, чтобы их праздник «смотрелся», «слушался», «осязался», «обонялся». Праздник без игры — лишь пассивное зрелище, пусть даже интересное и в воспитательном отношении ценное. И игра нужна не только малышам, но и старшим ребятам, более того, в умелых руках она успешно соперничает с танцевальной скукой, пустым флиртом и даже вином.

Школа и родители очень боятся вечеринок, камерных встреч, праздничных компаний. А старшеклассники, естественно, стремятся к общению. Конечно, иные опасения имеют под собой почву. Однако согласиться с тем, что домашний вечер молодежи — дурная, вредная вещь, нельзя. Если не научить школьников отдыхать, развлекаться интересно, красиво в компании сверстников, то они будут повторять традиционные праздники желудка.

Вспоминается школьная юность, последний год войны. Мама устраивает нам елку. Тушеный кролик

с картошкой — царский ужин для военного времени, вместо вина — клюквенный домашний морс, а хлеб гости приносили с собой, о чем деликатно было написано в пригласительных билетах. Вместе с нами, молодежью, — сосед-ленинградец, бухгалтер, у которого погибла вся семья; мама, мамины друзья. Их присутствие не тяготит, не воспринимается как что-то сковывающее. Взрослые заражают нас своим весельем. Старик бухгалтер отлично танцует, знает массу веселых игр-шуток. В какой-то момент взрослые незаметно уходят в другую комнату. Но вот, почувствовав, что у нас гаснет веселье, появляется мама. Мама уводит нас на улицу в новогоднюю сибирскую ночь, и мы играем в снежки, соревнуемся во взятии ледовой «крепости», катаемся ночью на салазках и не замечаем, что вроде бы уже вышли из детского возраста. Потом мы спим на полу на сибирских тулупах, а утром каждый находит под своей подушкой незатейливый подарок со смыслом и добрыми пожеланиями, подарок, как символ доброго, внимательного участия взрослых еще в одном событии в жизни своих и чужих детей, и нет дороже вот такого необычного подарка под подушкой ³⁵.

С. ШМАКОВ,
кандидат педагогических наук.

БАРЫШНИ НЕ В МОДЕ

Кому не приходилось слышать сравнение: воспитатель подобен скульптору, оба заняты сходным делом — лепят.

Аналогии нельзя отказать в поэтичности. Но она неверна.

Скульптор всегда один на один со своим материалом, он волен выбирать средства, ему принадлежит время, он может, не торопясь, додумать свой замысел: никто не зайдет в мастерскую, не станет переделывать его работу на свой лад.

В воспитании нет пауз, а что до соавторов, то кто их сочтет! Здесь в «мастерскую» проникает все: и случай совсем негаданный, и соавтор совсем нежеланный, но волею обстоятельств тебе навязанный, и безжало-

стное время, не признающее реальных возможностей воспитателя. И все это особенно ощутимо, когда лепится самое ажурное: чувства. Иной раз трагически срывает даже короткое мгновение, мимолетный эпизод.

Об одном из таких эпизодов, или, точнее, об одном из неуклюжих соавторов, дал мне знать однажды запыхавшийся паренек:

— Вас просят срочно прийти в медицинский кабинет.

Я пошел. В тот день в крохотной школьной «амбулатории» бригада врачей осматривала старшеклассников.

— Безобразие, никакой дисциплины! — встретил меня молодой хирург, даже не ответив на мое приветствие. — Третья ученица отказывается от осмотра, барышень каких-то, недотрог воспитывают!

Он сердито взглядывал в сторону дверей. Там стояли виноватые, три ученицы в том акварельном возрасте, когда не знаешь, что о них сказать — то ли девочки, то ли девушки. Заплаканные глаза, взволнованные, в красных пятнах лица...

Не по силам пришелся им барьер — шагнуть из привычного школьного коридора, в котором, как всегда на перемене, возились сейчас сотни ребят, в эту комнату и остаться один на один с человеком в неопрятном халате, с затейливыми усиками, который всех подряд торопит: раздевайтесь!

Ничто не могло их убедить: ни докторская профессия этого человека, ни его ссылки на «дисциплинированных» сверстниц. Им стыдно. Разум у них сейчас выключен.

А хирург все витийствовал, нисколько не совестясь постыдного публичного разбирательства...

Я отослал девочек в классы. Вслед за тем битых десять минут пытался втолковать молодому врачу, насколько щепетилен был этот инцидент. Но куда там!

— Значит, и вы против осмотров? — заключил он.

На другой день пришла в школу тактичная женщина-врач, и уже никто не мчался сломя голову к директору: «Срочно зайдите».

А ведь что любопытно: всего недели за две до этой истории те же медики беседовали у нас в школе со

старшеклассницами о девичьей скромности, о таком понятном и прекрасном чувстве, как девичий стыд. В сумерках вполголоса, с чутким доверием друг к другу долго вот так обо всем об этом говорили взрослые и юные.

Как же этим трем девочкам совместить деликатные наставления того вечера с бесцеремонностью сегодняшнего разноса? «Барышни!» Как будто это очень плохо! Нет, плохо будет то, что, быть может, всего через годик какая-нибудь из сегодняшних «недотрог», развязно обнимая полужнакомого парня, с наигранной ленцой обронит в сторону возмущенного прохожего:

— Зря огорчаетесь, барышни теперь из моды вышли.

Так воспитательный бумеранг, описав замысловатую кривую, вернется к исходному: нашли о чем печалиться в наш транзисторно-твистовский век — о девичей стыдливости!

Быть может, кто-то заступится за недалекого и неделикатного хирурга: человек, мол, старался для пользы дела...

Для пользы дела? Но вот другой пример со сходной ситуацией. Знаменитый русский юрист академик А. Ф. Кони рассказывает в воспоминаниях о случае, происшедшем на судебном процессе, где ему довелось председательствовать.

Судили молодую женщину. Свидетельские показания давал высокий бледный гимназист. Он упомянул о грубом отзыве своего товарища в адрес подсудимой. Обвинитель и присяжные стали настаивать на точном воспроизведении отзыва. Свидетель покраснел, замаялся и ответил вполголоса: «Я не могу этого повторить». — «Даже и приблизительно?» — «Не умею, не могу», — ответил он, потупившись..

А. Ф. Кони замечает:

«Положение было затруднительное. Допрос этой группы свидетелей... шел при открытых дверях. Закрывать двери заседания и удалять публику, среди которой яблоку некуда было упасть, для выслушивания одного или двух слов не было ни повода, ни законного основания; понуждать же скромного юношу сказать публично то, что он считал неприличным, было

бы просто нравственно непозволительно, а между тем требование присяжных заседателей для председателя было обязательно. В зале воцарилась напряженная тишина и настало красноречивое безмолвие нездорового любопытства.

Как же поступил знаменитый юрист?

«Я решил прибегнуть к необычному приему: «Поднимитесь сюда, к судейскому столу; вот лист бумаги, напишите, что вам сказал Позанский... Г-н судейский пристав, предъявите этот лист сторонам, подсудимой и присяжным заседателям... Вам ясно, господа?..»

Получив утвердительный ответ, председатель разорвал лист в мелкие клочки».

Сопоставьте же оба эпизода: насколько по-разному повели себя двое взрослых, равно озабоченных практическими интересами дела. По очень точному выражению самого Кони, он не посмел прибегнуть к нравственно непозволительному, а другой себе это, не задумываясь, позволил.

Тут есть над чем поразмыслить.

Таким холодным и гибким, словно кусок резины, может это соображение — «для пользы дела» — иногда оказаться! Во имя утилитарно понимаемых деловых резонов как часто оно бездумно и недальновидно минует доводы чувства. Учитель, страхом побуждающий интерес рассеянного малыша к учению: «Смотри, а то в дневник запишу». Мать в преддверии близких дочерних экзаменов, грубо отказывающая ей в праве на романтическое чувство: «Нашла время дурью заниматься». Сколько их, таких «здравых» наставлений, обрушивается на детские головы! О, разумеется, во имя их же пользы.

Пренебрежение чувствами, неправота взрослого видны, что называется, невооруженным глазом. Но заблуждения бывают менее очевидны.

Вот пример. Учительница четвертого класса, человек энергичный и скорый на руку, поставила перед собой задачу: ликвидировать списывание. Провела, как водится, всякие хорошие беседы, устроила пионерский сбор на тему «Живи своим трудом», и уже через неделю — всего через неделю! — списывание прекратилось.

Крепко, не правда ли?

Но несколько дней спустя педагог обнаруживает в школьном коридоре рыдающую девчушку. Что случилось?

А вот что: ребята дружно отказали ей в переписке домашнего задания по арифметике. Учительница вынесла обсуждение этого поучительного случая на урок и спросила у ребят, объяснили ли они своей соученице, почему не дали ей списывать.

— Я понарошке сказала ей, что забыла тетрадь дома,— ответила учительнице одна ученица.

— Я сказала, что сама тоже не приготовила,— ответила другая.

— Я сказала, что учительница заругается.

И так далее. Мотивы отказа должны были встревожить учительницу, побудить ее засомневаться, верный ли путь для воспитания порядочности она избрала?.. Но нет, она не встревожилась. Поведение класса получило с ее стороны полное одобрение. Горько плачущая девочка в жестоком отъединении от детей и эти самые дети, трусостью и ложью оплачивающие «мероприятие», как видим, в счет не пошли. Рассуждения взрослого уложились в нехитрую шкалу всего о двух делениях: списывать «худо», отказывать в списывании «похвально».

Какая коварная шкала!

Между двумя ее делениями лежит целая педагогика, из которой учительница выдворила все нравственные начала. И подобно тому, как по едва заметной прожилке минерала геологи определяют характер породы, небольшой этот эпизод позволяет увидеть просчет в учительском замысле.

В самом деле, что это значит: одолеть шпаргалку, добиться честного труда от каждого из ребят? Один вариант прост, как булыжник: запретить! Именно так: запретить отзываться на просьбу товарища. И можно не сомневаться, что озлобление одного и жестокость другого ребенка будут вызревать с той же угрожающей скоростью, что и «практические» успехи мероприятия, столь любезные его инициатору. Высеял человек плевела — где уж тут быть румяным плодам?

А возможен и другой подход. Пусть останется соблазн воспользоваться чужим: списывай, если хочешь,

запрета тебе не будет. Учитель озабочен иным: какие найти средства, чтобы побудить маленького человека повести на этом локальном, крохотном «ринге» упорную борьбу с самим собой? Конечно, это сложно и трудно, ибо не существует более изнуряющей борьбы, нежели схватка с собственными чувствами, с собственным характером. Но только такой путь может выбрать в своей воспитательной работе педагог.

Надо во что бы то ни стало вызвать в самом ребенке активный отказ от легких, но кривых житейских тропок. Сегодня это — забыть о пристойности ученического табеля, а завтра — о гражданском достоинстве воспитанника школы. Подталкивая детей к ложному пониманию морали, выпуская на волю джиннов жестокости и озлобления, можно ли ждать потом хорошего? Обратно джинны — кто этого не знает — загоняются не так-то просто!..

Вот какую нравственную цепочку тянет вслед за собой скромный пункт учительского плана. Невольно вспомнишь извечную истину: в живом деле воспитания, в отличие от писанных чернилами планов, нет скромных пунктов. Каждый, самый небольшой, замысел активно работает на личность или против нее.

Против, кстати, работает и еще одно обстоятельство. Обратите внимание: учительница установила своему мероприятию срок в одну неделю. Бывает такая атмосфера в некоторых школах, где поклоняются двум божкам: конкретности воспитания и срокам. Ликвидировать списывание — это конкретно, тут можно и соревнование между классами провести: кто быстрее? Сличат люди через неделю ученические тетради, покопаются в арифметике, в орфографии — нет ли крамольных совпадений? Ну а сердца ребячьи? Как их сличишь, как сравнишь, что в каждом из них произошло? Но это при подведении итогов не учитывается, потому что это неконкретно.

Частенько в наших школах проводятся всяческие «эстафеты», у которых имеется лишь одно неоспоримое достоинство: «конкретные» показатели. А за бортом остается «эфемерное»: доброта, честность, порядочность. Ибо как организуешь, например, «эстафету порядочности»? Правда, кое-где умудряются: лихо насчитывают очки тимуровцам и за пузырек лекарст-

ва, доставленный пенсионеру, и за внимание к собственной бабушке. Бедный Гайдар!

К сожалению, школа слишком часто бывает поставлена в условия бегуна на спринтерской дистанции. Но годы воспитания — не спортивная стометровка. Даже кормовая свекла требует определенных сроков вызревания. А становление нравственности, воспитание чувств — тут уж никак нельзя брать за единицу счета неделю или месяц.

Я уверен, что, как правило, в погоне за пресловутой конкретностью, в стремлении к иррациональным срокам нет злого умысла. Тут по большей части другое: сложности воспитательного процесса противостоит примитивность, штамп — то ли по близорукости взрослого, то ли по дурной привычке к стандарту.

Вернемся к сравнению со скульптором: Роден, например, всегда знал свой материал, под руку ему никто не совался, и разные непрошенные «соавторы» в виде соседей по квартире, приятелей по двору или каких-либо обстоятельств, именуемых случаем, в работу не вмешивались. Говорю об этом, чтобы напомнить истину, нередко нами забываемую: дети воспитываются не в четырех стенах. Их воспитывает все, что затрагивает их чувство и сердце ³⁶.

М. ЦЕНЦИПЕР,
директор 437-й московской школы.

МОЖНО ЛИ ЛГАТЬ!

Скажете: странный вопрос.— Конечно, нельзя! Не нужно. Ложь постыдна.

А если бы вопрос был поставлен по-иному: можно ли лгать в воспитательных целях? Многие, большинство, пожалуй, пожмут плечами и тоже ответят отрицательно, однако, предвидим, нашлись бы и такие люди, в первую очередь из числа учителей и воспитателей, которые стали бы убежденно защищать «святую неправду», которую «иногда приходится» говорить ученикам. К сожалению, воспитание неправдой не так уж редкое явление.

— В этом году обязательно будут экзамены по географии,— сообщает учительница ребятам.

Она не знает, будут или нет экзамены по географии, не имеет никаких оснований предполагать, что будут, но говорит. Чтобы старательно учились. Это у нее — воспитательное средство.

Учительница, ведя с ребятами этическую беседу, искренне протестует против неискренности, фальши, лжи, лицемерия. Говорит убедительно. Но вот последовал вопрос:

— А вы сами, Маргарита Дмитриевна, никогда не покривили душой?

— Никогда! — решительно отвечает учительница.

Задавший вопрос и еще несколько учеников улыбнулись.

Потом, уже в учительской, я сам спросил ее:

— Так-таки никогда?

— Бывало, конечно... Но зачем я буду говорить ученикам?

— Но ведь вам ученики не поверили, точнее не все поверили.

— Ну и что же?..

На ее сторону стал завуч:

— Скажите ученикам, что было такое дело, и вас будут считать человеком ненадежным, а если даже смягчить, оговориться, что ложь осталась в прошлом, что осознала всю гнусность лжи и фальши, то ученики подумают: «Ну и мы когда-нибудь осознаем, а пока...»

Позиция сохранения чести мундира стоит рядом с недоверием к учащимся. Неужели ученики (подростки, даже младшие школьники) не могут понять, что человек не сразу становится совершенным, что идеальных людей вообще нет, но есть стремление к лучшему, есть самовоспитание. Дети могут это понять, и должны понять. И если мы хотим пристрастить к самовоспитанию, то, кажется, есть смысл показать, как ты сам себя воспитывал, как боролся со своими недостатками, как при этом спотыкался и как все же нравственно рос. А если вы не знали этого: никогда сознательно не устремлялись вперед или давно уже перестали расти, застыли на месте — зачем вы называли себя воспитателем? Идеальным вы можете не быть, а

если вы идеальным себя считаете или таковым представляетесь, вам все равно не поверят. Но педагог не может не расти.

Еще один случай. На линейке прочитали приказ об объявлении строгого выговора с предупреждением об исключении из школы ученицам Г. и К. за развязное поведение во время экскурсии, за грубые реплики в адрес учительницы. Были объявлены и номер приказа, и дата, и «подписал директор такой-то». Но приказа на самом деле не было, прочитали только для остротки.

Со слезами пришли девочки домой. Мать одной из них пошла в школу. Она понимала, что девочку надо наказать, но была недовольна тем, что объявили строгий выговор в приказе, не обсудив предварительно поведение девочек в коллективе. Выслушав ее, классный руководитель признался:

— Приказа-то нет... Только вы об этом не говорите Гале, наоборот, скажите, что сами читали.

Мать возмутилась:

— Что же, я должна врать? Нет, я этого не буду делать. И вам не советую.

Мне думается, что она была права, Расчет классного руководителя был такой: мать должна поддерживать авторитет педагогов. Но что значит поддержать авторитет?

Иной раз «поддержка» заключается в том, что в возникшем конфликте между учителем и учеником все учителя встают на сторону своего коллеги, защищают его, хотя он не прав, а прав ученик. Таким образом, кривя душой перед коллективом учащихся (который ведь тоже что-то понимает), обнаруживают свою несправедливость.

Вернемся к случаю с фальшивым приказом. Да, объявив своей дочке о лжи учителей, мама подорвет их авторитет, разумеется, если он еще есть. Однако зачем было объявлять фальшивку? Как можно было не посоветоваться с коллективом учащихся относительно наказания? Так и всегда: сначала допускается грубая ошибка, а потом возникает необходимость в поддержке авторитета.

Разумеется, учитель не может быть совершенно свободным от ошибок. И надо всем взрослым поддер-

живать учителя. Но ведь поддерживать можно и не прибегая к лжи и фальши.

Один в общем очень хороший учитель, назовем его Матвей Федорович, сделал ученику 7 класса, мешавшему вести урок, несколько замечаний, наконец, строго предупредил его, но тот не унимался: учитель, выйдя из себя, резко, прямо скажем, довольно несдержанно, нетактично выкрикнул:

— Вон из класса! К черту!

Ученик вышел. Но он понимал, что учитель не имел права чертыхаться. Дома рассказал отцу и матери:

— Меня сегодня Матвей Федорович послал к черту! Вот какие у нас учителя!

Отец, не долго думая, не расспросив о том, как было, отрезал:

— Ну и правильно сделал! Еще затрещину бы дать надо.

Не найдя поддержки дома, подросток пожаловался классному руководителю. Тот сказал:

— Не может быть, ты говоришь неправду.

Наверное, не пошел бы мальчик к директору, но как раз руководитель пришел побеседовать с классом, и вот теперь ему вопрос:

— А правильно, что учитель к черту посылает?

Директор попросил рассказать подробнее. Ученик, рассказывая, смягчил то, что касалось его самого. Выслушав, директор сказал:

— Неправильно вел себя Матвей Федорович, надо сдерживаться. Я ему сделаю замечание.

Но тут зашумели ребята:

— Не надо Матвею Федоровичу делать замечание. Агафонов довел его.

Встал председатель совета отряда и рассказал все.

Директор понимал ситуацию и рассчитывал на такую реакцию.

— Все равно я не оправдываю несдержанность Матвея Федоровича, но ты, Агафонов, вижу теперь, в пять раз больше виноват: объявляю тебе устный выговор и строго предупреждаю. Правильно это, ребята?

— Правильно,— заявил класс.

В этой истории мы видим три формы поддержки авторитета учителя, допустившего ошибку. Отец, клас-

сний руководитель, директор — все поддерживали. Но директор сумел обойтись без фальши.

Вторая сторона вопроса о правдивости — откровенность. Любой человек может о чем-то умалчивать, не всегда должна быть распахнута душа и у педагога. Но в общем-то откровенность — положительное качество, не противопоказано оно и в воспитательной работе.

В сельской школе побывал инспектор района. Остался недоволен несоблюдением санитарного режима. Вскоре за антисанитарное состояние школьного здания директора наказали. Директор собрал линейку 5—8-х классов и обратился к ученикам: «Ребята, мне заведующий района объявил выговор за грязь в школе. Надо что-то делать». Детский коллектив решил провести генеральную уборку, строго следить за чистотой, улучшить самообслуживание.

Все было хорошо, но некоторые учителя остались недовольны. Они осуждали директора:

— Зачем о выговоре-то сообщать ребятам?

— Но ведь ребята реагировали правильно,— объясняет директор.

— Могли бы и неправильно реагировать.

Могли бы. Но, видимо, надо в таких случаях учитывать и возраст учащихся, и степень организованности коллектива, и уровень своего собственного авторитета. Но и то, и другое, и третье в значительной мере зависит от доверия педагогов к ученическому коллективу, от их честности, правдивости и... откровенности.

Б. НАУМОВ,

старший преподаватель кафедры педагогики
Петропавловского пединститута.

«МИНУС ВОСЕМЬ»

(Из дневника классного руководителя)

Мой 7 «б» был самым обычным, иногда озорным, но в общем-то неплохим классом, и хотя не всегда ребята приходили к общему знаменателю, но Вильму невзлюбили дружно, организованно как-то. Особенно отличались мальчишки. Их сместило ее необычное имя, ее изящная одежда (синий сарафан и клетчатая коф-

та), непохожая на нашу, и больше всего, пожалуй, ее необычайная вежливость. Девочки фыркали над ресницами Вильмы, до того длинными, что они упирались в стекла очков. И даже очки ставились Вильме в вину. Как-то она сняла их, чтобы протереть, и Милочка Сазонова, хохотушка и насмешница, ехидно пропела:

— Вильма, зачем ты очки носишь? У тебя же глаза большие и ресницы, как ни у кого. А в очках ты не такая красивая, как на самом деле. Правда же, девочки?

— Не могу, Мила,— последовал серьезный ответ.— У меня минус восемь.

Девочки, как всегда, фыркнули, и с тех пор за Вильмой прочно закрепилось дурацкое прозвище «Минус восемь».

При всей своей воспитанности и взрослой сдержанности Вильма все же болезненно переживала общую неприязнь. Я хорошо видела это, но ничем не могла помочь ей. При малейшем упоминании об отношениях в классе ребята настораживались и накрепко замыкались в себе. При мне в классе была тишь да гладь, и, глядя в невинные глаза Кости Новикова, невозможно было представить, что это из-за него чаще всего плакала наша новенькая. Училась Вильма неплохо и особенно любила физику, но когда она пришла в физический кружок, первым, кто протестовал против ее участия, был Костя. Ребята любили этот кружок, может быть, не столько кружок, сколько его руководителя Владимира Николаевича. Принимали ребята сами и по самому строгому отбору. Вильму же пригласил Владимир Николаевич, видя ее серьезную заинтересованность и любовь к физике.

Вряд ли Костя не знал о разрешении Владимира Николаевича, во всяком случае встретил он новенькую, как всегда.

— Еще ее не хватало,— бубнил он.

Вильма промолчала, но видя, как обиженно дрогнули ее губы, Владимир Николаевич вмешался:

— Занимайся своим делом, Костя. Это тебя не касается.

— С каких это пор нас не касается прием в кружок? Ну и занимайтесь сами...

Костя выскочил из кабинета. Было от чего: Владимиру Николаевичу еще никто не грубил...

Постепенно ребята то ли привыкли к Вильме, то ли поняли, что новенькая не из вредных, но задирать ее перестали, хотя не любили по-прежнему. Нелюбовь эта сказывалась в том, как неохотно брали ее в общие дела, и даже списывать не просили! Списывать можно только у «своего». Мальчики и теперь еще щеголяли пренебрежением к Вильме, хотя внешне никак не обижали ее. Не оставлял ее в покое один Костя. У нас в школе было старое пианино марки «Красный Октябрь». Старожилы утверждают, что стояло оно еще с довоенных времен. Никто на нем не играл (некому было), но однажды, когда заболел классный баянист Миша Годунов и срывалась подготовка к сбору, Вильма робко предложила:

— Если хотите, я могу поиграть. Инструмент очень хороший, только расстроен...

— Сделайте одолжение, маэстро,— запаясничал Костя.— Если бы не вы, мы бы пропали.

Девочки возмущенно загудели. Даже Костин друг Булат Джаксылыков буркнул хмуро:

— Кончай, пусть играет.

— Не буду я петь, если эта обезьяна играть будет. Привет!

Костя знал, что если он уйдет, у нас срывается сразу четыре номера: лучшего голоса не только в классе, но и в школе не было. И все же он ушел. Репетиция состоялась, но прошла вяло, хотя Вильма играла хорошо и, главное, быстро подбирала нужные нам мелодии. Расходились ребята необычно молчаливые, чувствовалось, что всем было неловко. Только хохотушка Милочка удивила всех тем, что подошла к Вильме и чмокнула ее в щеку:

— Умница ты, Вильмочка, а мы дураки злые. Идем, я тебя провожу.

Вильма радостно вспыхнула и пробормотала смущенно:

— Мне же к нефтебазе, а тебе в другое место...

— А я к бабушке иду, так что по пути.

На следующий день с Костей никто не разговаривал, но он, ясно, делал вид, что не замечает, только криво улыбался, если слышал имя Вильмы. Костя ни-

когда не был ангелом, но класс любил его за веселый, общительный нрав. Он был не заносчив и по-своему добр. И потому, зная его, я не понимала, что с ним происходит, за что он так упорно ненавидит (именно ненавидит!) Вильму, что даже с классом поссорился. Я не знала, что даст мое вмешательство, но чувствовала, что вмешаться пора и как можно скорее. Я решила заняться этим после сбора, но болезнь Кости перепутала все мои планы. Мои мальчишки играли в хоккей с 7 «а», и Костя сломал ногу. Он долго пролежал в больнице, а потом наступили зимние каникулы, и пришлось отложить все на третью четверть.

Как-то вечером я писала план воспитательной работы на второе полугодие и обнаружила, что оставила в учительской методическое руководство. Пришлось идти. На каникулах нашу отарскую школу обычно наполняют кружковцы, любители тенниса, шахматисты, но был уже восьмой час, и стояла тишина, та звонкая тишина, которая бывает только в больших помещениях. Только из сторожки лился свет и, наверное, там же тихо играло радио. Кажется, это был Григ. Ну конечно, «Песня Сольвейг».

Я поднялась в учительскую. Музыка слышалась не из сторожки. Играла Вильма. А рядом стоял Костя. Стоял с таким разнесчастным видом, что я еле удерживалась, чтобы не подойти. Но вот музыка стихла.

— Ты... это... прости. А имя у тебя, ну, толковое, всем пацанам нравится. И петь, хочешь, буду? А если кто полезет, ты скажи...

И только сейчас я, уже немолодой, как будто бы знающий детей педагог, поняла, что то была не неприязнь, нет,— всеобщая влюбленность, вот как называлось отношение к новенькой. И, кажется, ребята поняли это раньше меня³⁷.

Д. ЗАКРЖЕВСКАЯ,
учительница.

ТЫ — ЧЕЛОВЕК

Хотя я не овладел еще русским языком в совершенстве, я расскажу, мой ровесник, историю, как я, пятнадцатилетний человек, один, в степи, под старым деревом, разговаривал с жизнью.

Старое дерево, покрытое глубокими трещинами, одиноко стояло на обочине пыльной степной дороги и уже почти не давало тени. Я лежал под старым деревом, иссеченным сухими степными ветрами, и вдруг мне почудились тихие слова в шелесте листьев: степной страж о чем-то шептал и старчески тяжело вздыхал. Казалось, что не дерево, а глубокий, древний старец говорит о прожитой жизни. Старец не боялся прошлого, ибо у него оно было чистым, как бескрайнее степное голубое небо, но дерево жалело о том, что все, что оно могло сделать в жизни, уже сделано: дерево почти отжило свой век.

Я слушал этот шепот и чувствовал, что когда-нибудь мне тоже захочется отчитаться перед жизнью. Да, именно перед жизнью, а не перед смертью. Я думал о том, что я, как и все живые существа, не вечен, что у меня определенный срок жизни. И тут передо мной встал извечный вопрос: «Зачем и для чего я живу?».

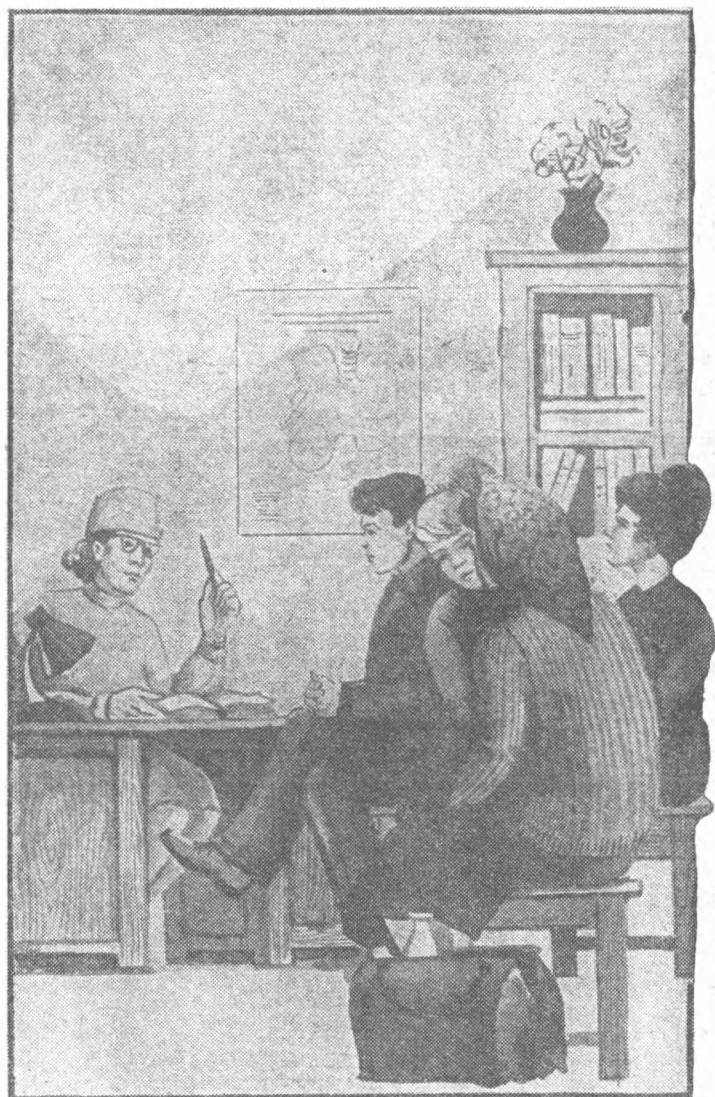
Да, зачем я живу, ведь я не вечен? Я думал над этим вопросом, слушая шелест дерева, и вот мне показалось, что я разобрал в этом шелесте слова: «Ты—человек!» И я понял смысл этих слов. Разве каждый из тех, кто во все времена думал о счастье не для себя, а для всех, не хотел жить? Разве каждый из них не был просто человеком, который задавал себе подобные вопросы? Я подумал, что нельзя смотреть на жизнь, как на вещь, которая принадлежит только тебе. И вот, мой ровесник, если ты тоже будешь говорить с жизнью, не забудь, что сказало старое дерево: не надо ждать, пока тебя подтолкнут, зададут вопросы и подскажут ответы. Да, жизнь каждого в его руках, и от каждого зависит, какие ответы найдет он³⁸.

Д а м и я р К А Л И М Б Е Т О В

вам,
родители

10

ОБЯЗАННОСТИ И ПРАВА ПОДРОСТКА

ПОДРОСТОК И ЗАКОН

Способность отвечать за свое поведение — важное качество личности. Оно представляет собой сложный сплав определенных знаний, волевых черт, чувств и опыта. Не разбирая здесь всего процесса воспитания этого качества, остановлюсь лишь на одном из составляющих его звеньев — на знании тех требований, которые диктуются законом.

Юридическая неграмотность — беда большинства подростков и молодых людей. Между тем они уже находятся в том возрасте, когда за многие проступки несут прямую и личную ответственность перед законом. И нередко получается так, что о той или иной статье закона они узнают лишь тогда, когда привлечены к ответственности за прямое ее нарушение. Поэтому права те, кто считает, что школьникам необходимо дать первоначальные сведения об основных правовых нормах, регулирующих жизнь нашего общества.

В процессе воспитательной работы школа, конечно, дает своим питомцам определенные представления о моральных требованиях. Но часто они не поднимаются до определенного уровня «что такое хорошо и что такое плохо». Естественно, этим нельзя удовлетвориться. Составной частью нравственного воспитания должно быть формирование четкого правосознания. Иначе говоря, ясного понимания того, что вся жизнь нашего социалистического общества, государства регулируется системой законов, обеспечивающих защиту нашего строя, необходимый общественный порядок, соблюдение справедливости, охрану прав граждан. Надо выработать убеждение в необходимости точного, неуклонного, сознательного и добровольного выполнения

этих законов. А оно, в свою очередь, опирается на конкретное их знание.

Конечно, речь идет не о всех законах, а в первую очередь о тех, которые непосредственно помогают формированию правосознания учащихся. Необходимо выделять и те правовые моменты, знание которых практически особенно необходимо учащимся.

Как известно, шестнадцатилетнему подростку вручается паспорт. Он с гордостью переживает это событие, однако не всегда знает, что оно влечет за собой не только определенные права, но и обязанности, ответственность перед законом. А это знать надо.

Пятнадцатилетний Валерий вместе со старшими братьями занимался спекуляцией. Старших осудили, а малолетнего Валерия не привлекли к уголовной ответственности. Через три месяца его снова задержали за спекуляцию авторучками и на этот раз осудили. Валерий подал жалобу по поводу того, что «малолеток то судят, то не судят». Между тем дело объясняется просто: в первый раз ему было 15 лет и 10 месяцев, во второй — уже полных 16 лет. Если б он это знал, возможно, воздержался бы от незаконных действий.

Важно разъяснить подросткам, почему паспорт выдается в 16 лет, а совершеннолетним человек считается с 18 лет, почему 16-летних судят как взрослых, а в брак вступать они могут с 18 лет. Следует различать зрелость практически-бытовую и общественно-политическую, физиологическую и социальную. Они не совпадают по времени.

Особое внимание подростков необходимо обратить на ответственность за неосторожные преступные действия. С детства ребенок привык: за содеянное «нечаянно» не наказывают, достаточно «попросить прощения». Но после 16 лет это правило во многих случаях уже не действует.

У многих людей, особенно у молодых, сложилось мнение, будто условное осуждение по сути... — не наказание — ведь виновный не направлен в места лишения свободы, он продолжает жить и работать, как все. Но это ошибочное и вредное мнение. Условное осуждение — уголовное наказание. Оно автоматически вступает в действие, если осужденный нарушит условие, поставленное судом, и во время испытательного срока со-

вершит новое преступление. Кроме того, для него ограничены выбор профессии, должности, участие в работе общественных органов и т. д.

Виновные нередко оправдываются тем, что они непосредственно не участвовали в преступлении, а только присутствовали при нем. Однако закон, учитывая повышенную общественную опасность группового преступления, привлекает к ответственности не только прямых исполнителей, но и лиц, способствовавших им.

Неумение преодолевать чувство ложного товарищества для некоторых оказывается роковым. Оно порождает укрывательство дружков, совершивших преступление, сокрытие от органов милиции преступных фактов. Иногда подростки считают, что поступить по-другому — значит поступить не по-товарищески. Надо помочь им правильно разобраться в том, что такое подлинное товарищество, и научить их соотносить свое поведение с требованием нашего социалистического закона.

Наш закон основан на принципах коммунистической морали. Вместе с тем он различает действия просто аморальные и уголовно наказуемые. Не всякий аморальный поступок уголовно наказуем.

Ученик ремесленного училища Федор С. по вечерам обходил места купания, собирал бутылки и забытые вещи. Однажды среди них оказались и часы. Хозяин их через милицию нашел «кладоискателя», и часы, хотя они уже были проданы, возвратились к хозяину. В следующий раз Федор нашел и присвоил себе инкассаторскую сумку с деньгами. За это его привлекли к уголовной ответственности. На суде он прежде всего спросил: «Почему за часы не привлекли, а за сумку судите?» Ему ответили: присвоение найденного личного имущества, хотя и не отвечает требованиям нашей морали, но юридически не является преступлением. Наоборот, присвоение найденного государственного имущества — уголовно наказуемое действие.

Серьезным проступком против закона является покупка краденых вещей. Иных подростков, молодых людей нередко привлекают продаваемые «по дешевке» электрофонарики, велосипеды, мотоциклы и другие предметы. Конечно, можно догадаться, что вещи кра-

денные, иначе они не продавались бы столь дешево. Но «покупатели» оправдывают свои действия тем, что продавец скрыл от них, откуда взята вещь. Закон не признает подобных оправданий. Достаточно установить, что покупателю могло быть известно положение дела. Об этом свидетельствует несоразмерно низкая цена, продажа из частных рук предметов, изъятых из оборота, секретность и другие факторы. Знать это положение закона — в интересах каждого.

С просьбой о консультации обратился однажды в областной суд преподаватель истории. На уроке один из учащихся спросил: не отменена ли статья Конституции, гарантирующая неприкосновенность личности? Вопрос был вызван следующим случаем. Гражданка Юдина обратилась как-то в милицию с просьбой задержать преступников, совершивших на нее нападение. По указанным ею признакам был задержан шофер, ученик школы рабочей молодежи. Не чувствуя за собой вины, он отказался подчиниться работникам милиции. Пришлось доставить его в отделение, применив силу. И хотя затем выяснилось, что к преступлению он не причастен, за неповиновение властям его оштрафовали. Возмущенный таким «произволом», он и обратился с вопросом к преподавателю.

Сотрудники областного суда разъяснили, что арест и задержание — разные правовые понятия. Задержан — без санкции прокурора, суда — может быть любой гражданин, пусть и невиновный, но по стечению обстоятельств заподозренный в совершении преступления. В отделение милиции его и приглашают, чтобы разобраться. Поэтому работники милиции имеют право задерживать подозреваемых лиц, и, естественно, противодействие этому является преступлением.

Очень важно положение уголовного законодательства о добровольном отказе от преступления. Если виновный, начав преступление, затем прерывает его и отказывается от него (хотя никто и ничто ему не препятствовало), то в этих случаях он освобождается от уголовной ответственности независимо от того, что побудило его прекратить преступные действия — боязнь наказания, проснувшаяся совесть, жалость к жертве и т. д. Виновный не может не ощущать противозаконности своих действий. Порой он готов в этот момент

остановиться, но мысль, что преступление уже совершается и, следовательно, он уже «все равно» преступник, ослабляет его власть над собой, его готовность остановиться.

В беседе с группой подростков-правонарушителей выяснилось, что никто из них не знал об этом положении уголовного законодательства. Некоторые прямо заявили, что зная об этом, они бы не оказались на скамье подсудимых. Факты свидетельствуют, что не все члены таких групп одинаково относятся к совершаемому преступлению. Многие идут на него потому, что считают себя крепко связанными с организаторами преступления. Нередко сами организаторы внушают эту мысль колеблющимся членам группы, чтобы не дать им уклониться от участия в преступлении.

Как известно, пьянство — один из серьезных источников преступности. Чрезвычайно важна систематическая противоалкогольная пропаганда среди подростков и молодежи. Однако нельзя говорить лишь о вреде алкоголя для здоровья. Надо обращать внимание и на те опасные последствия, к которым ведет — в результате потребления алкоголя — потеря контроля над собой, способности критически оценивать свое поведение. Речь должна идти не только о возможности несчастных случаев с опьяневшим, но и о той общественной опасности, которую представляет пьяный.

Необходимо знать, что перед законом пьяный отвечает строже, что уже появление в общественных местах в нетрезвом виде достаточно для привлечения к административной ответственности. От такой ответственности не освобождаются и несовершеннолетние либо их родители, если пьяный подросток не достиг 16 лет.

Правовое воспитание трудящихся не следует однако ограничивать вопросами уголовного законодательства.

Выпускники школы — завтрашний трудовой народ, а трудовые отношения тоже регулируются законами. И старшие ребята должны иметь представление о правовой основе, на которой решаются вопросы труда, отпусков, ночных смен, продолжительности рабочего дня, дополнительного отпуска при заочном обучении и т. д. Незнание своих прав порой приводит к тому, что молодые рабочие мирятся с незаконными действиями администрации или наоборот вступают с ней в необос-

нованные конфликты. Четкое знание своих прав и обязанностей, помимо всего прочего, является действенным средством воспитания трудовой дисциплины.

Полезно, чтобы подростки и молодые люди имели также представление о законах, регулирующих семейные отношения. Конечно, это ни в коей мере не заменяет самого воспитания уважения и заботливого отношения к родителям, к близким людям, к старшим. Но важно и знать, как законодательство регулирует отношения родителей и детей, дедов и внуков, братьев и сестер, неродных отцов и матерей со своими усыновленными детьми, самих супругов и т. д. Все это полезно для правильной подготовки старших детей к личной и семейной жизни.

Необходимость правового воспитания старшеклассников подтверждается самой жизнью, и тут вряд ли возможны два мнения. Сложнее вопрос о формах и методах такого воспитания.

Сошлюсь на опыт, накопленный в нашей области.

По инициативе областного комитета партии к этой работе были привлечены все органы, так или иначе занимающиеся вопросами воспитания. Разработали цикл бесед с учащимися на правовые темы. Юристы, медики, педагоги участвовали в составлении примерных текстов бесед. Их проводили с десятиклассниками, при этом изучалась не только доступность бесед, но и реакция на них слушателей, их вопросы. Практика показала, что лучше, когда с учащимися беседуют сами юристы. Воспитательный эффект беседы во многом зависит от точности, глубины и правильного анализа именно правовой, юридической стороны дела.

Подобный опыт есть и в некоторых других областях и республиках. Не пора ли обобщить его? Правовое воспитание трудящихся должно получить распространение во всех школах страны. Тем более важно выработать правильную методическую основу, создать необходимые пособия, привлечь к этому делу всех заинтересованных лиц ³⁹.

Н. ЛАЗАРЕВА,
член Кемеровского областного суда.

О ЛЬГОТАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Особое внимание в нашей стране уделяется охране здоровья рабочих-подростков. Для них установлен самый короткий рабочий день в мире, запрещен труд в ночное время, привлечение к сверхурочным работам, прием на предприятия с вредными и тяжелыми условиями труда. Большие льготы тем, кому еще не исполнилось 18 лет, предусмотрены и по линии социального страхования и социального обеспечения в отношении выплаты пособий по временной нетрудоспособности, выдачи бесплатных или на льготных условиях путевок в дома отдыха, санатории и т. д.¹

В чем же конкретно заключаются эти льготы? В соответствии с разъяснением Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и президиума Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов от 8 апреля 1967 года №4/П-10 продолжительность рабочей смены подростков в возрасте от 15 до 16 лет не должна превышать пяти часов, а от 16 до 18 лет—семи часов. Администрация принимает на работу подростков в возрасте от 15 до 16 лет с согласия ФЗМК.

Юноши и девушки в возрасте до 18 лет, поступающие на работу на промышленные предприятия, стройки, в различные отрасли сельского хозяйства, а также вовлекаемые в любые формы производственного обучения, проходят на основании постановления СНК РСФСР от 13 октября 1922 года обязательное медицинское освидетельствование. Без этого ни один несовершеннолетний не может быть допущен к работе или производственному обучению. Цель такого предварительного медицинского осмотра — не допустить юношу или девушку на работы, не соответствующие состоянию их здоровья. В дальнейшем все подростки подвергаются периодическим медицинским осмотрам не реже одного раза в год.

Законом установлена бронь приема подростков, т. е. количество рабочих мест, которые должны замещать-

¹ Подробнее об этом см. в интересной брошюре Ю. Орловского «Подростки на производстве» (Условия труда и учебы по советскому законодательству). Профиздат. М., 1966.

ся только несовершеннолетними. Для разных отраслей народного хозяйства введена разная бронь — от 0,5 до 10 процентов, от общего количества рабочих и служащих предприятий. Но принцип везде один — на забронированное место может быть принят только подросток.

Хозяином брони является районная или городская комиссия по делам несовершеннолетних, находящаяся при исполкоме соответствующего Совета депутатов трудящихся. Она выдает подросткам направления на работу в счет брони, и такие направления для администрации обязательны.

При увольнении рабочих и служащих моложе 18 лет администрация должна получить согласие ФЗМК и районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних. Если они и дадут согласие, то предприятие вместе с комиссией обязаны устроить подростка на новое место работы.

Закон запрещает подростку работать в ночное время, то есть в период с 10 часов вечера до 6 часов утра. Сверхурочные и работы в выходные дни вообще запрещены.

Есть определенные льготы и когда дело касается отпусков. Молодым рабочим и служащим в возрасте до 18 лет отпуска должны предоставляться ежегодно только в летний период и обязательно в натуре. Заменять отпуск денежной компенсацией запрещается. Продолжительность отпуска составляет один календарный месяц.

Путевки в санатории, дома отдыха, различные лагеря выдаются работающим подросткам бесплатно или с оплатой 70 процентов стоимости за счет средств социального страхования.

С 1965 года подросткам, следующим по путевкам в санатории и обратно к месту постоянного жительства, установлена скидка в размере 50 процентов с тарифов на проезд по железным дорогам (в период с ноября до апреля) и на проезд морским транспортом и газотурбинными самолетами (в период с октября по май).

А если подросток заболел? Рабочим и служащим, не достигшим 18 лет и состоящим членами профсоюза, пособие по временной нетрудоспособности выплачивается независимо от продолжительности непрерывного стажа в размере 60 процентов заработка. Если подрост-

ки не состоят членами профсоюза, пособие им выдается в половинном размере от этой нормы.

Важнейшая роль в осуществлении контроля за соблюдением администрацией трудового законодательства, в улучшении условий труда и быта рабочих-подростков принадлежит фабрично-заводским и местным комитетам профсоюза, многочисленному профактиву, а также комсомольским организациям.

И. МЕДЕУОВ,

член коллегии прокуратуры
Казахской ССР.

СОВЕТУЮТ ВРАЧ, ПСИХОЛОГ, ПЕДАГОГ

ПОРА ВОЗМУЖАНИЯ

Это будет разговор о тебе самом. О таких сторонах твоей жизни, о которых ты стесняешься беседовать даже с самыми близкими друзьями.

Тебе шестнадцать лет... Ты становишься мужчиной... В это время в организме происходят большие изменения. Ты особенно остро реагируешь на все окружающее, делаешься непоседливым, возбужденным.

Вообще с тобой творится что-то странное. Еще недавно ты расстраивался, получив плохую отметку. А вчерашняя двойка совершенно не огорчила. Зато такие вещи, на которые недавно вообще не обратил бы внимания, вдруг начинают разрастаться до размеров истинного бедствия. Поссорился с приятелем (да мало ли вы с ним ссорились раньше!), а ты вдруг пришел домой и, стыдно сказать, расплакался, как девчонка. То вдруг тебя все начинает раздражать: и соседи по квартире, и то, что мать вмешивается в твои дела, и что отец читает нотации. Ты впадаешь в отчаяние, все представляется тебе в мрачном свете. А иногда, наоборот, просыпаешься с ощущением, что сегодняшний день принесет что-то хорошее...

Между тем все эти «странности» вызваны реакцией нервной системы на перестройку организма.

Есть такой термин: переходный возраст. Или иначе — «трудный». Это твой возраст, это годы сомнений, неуверенности в себе. Именно сейчас следует вырабатывать и характер, и волю. Именно в это время нельзя поддаваться нервным «срывам», нужно научиться держать себя ровно, спокойно.

Мне хочется объяснить, какие шутки может сыграть с тобой твой организм в ту пору, когда из мальчика, из подростка ты превращаешься в мужчину. В 16 лет, иногда немного раньше, иногда позже, у тебя и твоих сверстников появляется половой инстинкт — могучий фактор жизни. Это явление естественное. Постепенно к тебе приходит любовь, влюбленность, ну, пусть увлечение. Ты начинаешь замечать женщин, тебя волнует их походка, фигура. В книжках тебя интересуют страницы, посвященные любви, и, читая, к примеру, «Войну и мир», ты пропускаешь всю «войну» так же, как раньше пропускал «мир». Ты немного стыдишься этого чувства, скрываешь его даже от друзей. А если тебе нравится какая-нибудь девочка, то с ней стараешься быть угрюмым, грубоватым, резким.

Тебе страшно от того, что творится с тобой. Но не волнуйся: это нормально и естественно. Поэтому стыдиться своего чувства нечего, а вот управлять им необходимо. Твоя нервная система еще не готова к напряжению, которого требует новая жизнь... Представь себе, что мальчишке в 14 лет предложили поднять штангу этак килограммов в 100. Да он решит, что над ним издеваются. Эта штанга для взрослого мужчины, а не для подростка! Но от своей нервной системы подросток нередко требует, чтобы она справилась куда с более серьезным «весом». И она, естественно, не справляется.

Последствия рано начатой половой жизни отрицательно скажутся на твоём организме. Ты потеряешь те качества, которыми гордился, которые старательно воспитывал в себе, — выдержку, волю, уравновешенность, спокойствие. А без этого какой же ты мужчина!

А теперь я хочу спросить тебя: как ты думаешь, зачем выпивают твои ровесники? Ты, я охотно допускаю это, еще не притрагивался к алкоголю. Но ведь среди знакомых наверняка найдутся такие, кто уже попробовал «зеленого змия». Может быть, для того,

чтобы почувствовать себя взрослым, может быть, из любопытства.

Алкоголь — яд. Он оглушающе действует на нервную систему. Алкоголь отрицательно действует и на кору головного мозга — значит, человек теряет над собой контроль, сознательно дает волю инстинктам, которые в нормальном состоянии бывают сдержаны интеллектом, волей, чувством собственного достоинства.

Состояние опьянения проходит быстро. А потом? Наутро, вспоминая, ты обнаруживаешь, что ничего не испытал — никаких приятных ощущений, о которых был так наслышан, которых ждал. Наоборот, у тебя осталось чувство брезгливости к себе, чего-то очень гадкого, как будто тебя окунули в грязь.

Не думай, что это все так просто пройдет. Иногда подобное потрясение накладывает серьезный отпечаток на твою психику.

Мы поговорили с тобой о вреде, который приносит невыдержанность. Но ты сам понимаешь, что все мои советы будут полезны лишь при одном условии: если ты сам хочешь прислушиваться к ним...

Никого не нужно уговаривать, как вести себя за столом, как пользоваться вилок и ножом. А вот в вопросах пола воспитание признают не все.

Но хочешь того или не хочешь, а половое воспитание ты получишь обязательно. К сожалению, оно начинается иногда с анекдотов, которые рассказывают тебе товарищи, с объяснения «тайны» деторождения. И ты, конечно, уже столкнулся с этим, как сталкивается почти каждый. Твое поведение началось именно с того, как ты отнесся ко всему этому, как прореагировал на это.

Человек всегда может подчинить себя голосу рассудка. Для медицины понятие «воля» — это прежде всего умение управлять своим вниманием, умение сосредоточиваться и вновь сосредоточиваться, но уже на ином объекте. Но сосредоточиться трудно. Ты стараешься думать об уроках и не можешь этого сделать, не можешь уговорить себя почитать книгу. А вот что ты наверняка можешь — это заставить себя встать и пройтись по комнате. Встань и пройди. Только при этом считай шаги. Хотя бы до трехсот. Сначала ты, наверно, будешь сбиваться. Но не отступай.

Конечно, не думай, что после трехсот шагов настроение, от которого ты стремишься избавиться, к тебе не вернется. Обязательно вернется, если за этим простейшим усилием ты не предпримешь усилия уже более сложного: откроешь, например, интересную книгу. Для того, чтобы перебить настроение, нужен довольно-таки длительный перерыв. Зато после такой большой перемены настроение это сегодня уже не вернется.

До сих пор мы говорили о твоей нервной системе. Но, переиначивая известную поговорку, напомним, что здоровый дух бывает только в здоровом теле. Нервное состояние человека неотделимо от его физического здоровья. Все, о чем я буду говорить сейчас, тебе давно знакомо, даже, наверное, навязло на зубах: режим дня, зарядка, занятия спортом, умение отдыхать. Я не собираюсь повторять все это. Попытаюсь только объяснить, в чем смысл каждого из этих требований.

Итак, утро. Ты просыпаешься. Сразу же вставай. Лежать долго нельзя. Во время сна жизненные процессы организма заторможены. Нежась в постели, ты искусственно продолжаешь тормозить эти процессы.

Они, конечно, потом войдут в нормальный ритм, но очень медленно. Утро ты проведешь вялым, полусонным, апатичным.

Наверно, ты не раз слышал выражение: «Сон как рукой сняло». Это бывает, когда человеку сообщают важное известие. Смысл немедленного вставания в том и состоит, чтобы устроить себе такую встряску. А потом — начинай зарядку.

Но вот ты позавтракал, у тебя начался рабочий день. После уроков ты возвращаешься домой. Опять же все знаешь сам: пообедать, отдохнуть, сесть за уроки. Почему так? Давай разберемся. Прежде всего позволь дать совет в добавление к тем многочисленным, о которых уже слышался. Вернувшись домой, тебе следует принять душ или обтереться до пояса холодной водой. Душ не только возбуждает, но и успокаивает.

Но вот ты пообедал. Перед тем как идти на улицу, полчаса отдохни. Лучше всего подремать, но если считаешь себя для этого достаточно взрослым, то займись каким-нибудь спокойным делом. Только не читай — после нескольких часов занятий чтение не будет отдыхом. Ну, а зачем надо гулять, это, я думаю,

объяснять не требуется: это ты делаешь всегда с удовольствием.

Готовиться ко сну надо заранее. Примерно за час ты должен отказаться от игры в шахматы, от решения трудной задачи, даже от интересной книги. Полезно выйти перед сном на воздух.

Конечно, нельзя много есть на ночь. Калорийность пищи должна соответствовать твоим потенциальным рабочим возможностям. Первая половина дня — время интенсивной трудовой деятельности. Образно выражаясь, завтрак — это дрова, которые будут поддерживать ровную температуру твоего рабочего горения. Обед начинается вторую половину дня. Трудовая интенсивность уже спадает, и «дров» — калорий требуется меньше. И, наконец, ужин. Он должен быть легким.

Задумался ли ты, почему спорт получил сейчас такое распространение? Дело в том, что без физической нагрузки человек вырасти не может.

Но спорт пробуждает не только смелость, решительность, быстроту ориентировки. Спорт помогает и формировать твой характер. Если ты вял, флегматичен, нерешителен, то, пользуясь врачебной терминологией, тебе следует прописать индивидуальные виды спорта, где борьба ведется «один на один»: прыжки в высоту, бокс, самбо. И наоборот, если ты, случается, задираешь нос, если любишь покрикивать на товарищей, слишком высокого о себе мнения, тебе полезны игровые виды спорта, где свои интересы приходится подчинять интересам коллектива.

Наш разговор подходит к концу. Я верю, что ты относишься к жизни сознательно, много внимания уделяешь спорту, делаешь зарядку, принимаешь по утрам холодный душ. И все-таки этого недостаточно. Отчасти потому, что вы, подростки, не всегда последовательны: с одной стороны, стараетесь закалить свой организм, а с другой — тут же делаете все, чтобы его разрушить. Курите, например. Не такое это безобидное занятие, как вы думаете. Особенно в вашем возрасте. Я говорю сейчас не о вредном действии никотина на сосуды, сердце, легкие — об этом вы наверняка слышали. Я говорю о вредном действии никотина на нервную систему.

Может показаться, что я требую слишком многого: того не делай, этого не смей, спи так, ешь эдак. Не торс-

пись с выводами. В твоём возрасте человек, разумно относящийся к себе, зачастую представляется таким сухарем, чиновником от морали. Но вспомни: и спортсмен перед соревнованиями переходит на жесткий режим, и летчик-испытатель перед полетом, и космонавт перед стартом...

Ты в свои шестнадцать лет — тоже накануне старта. самого важного: ты стартуешь в новую, взрослую жизнь и встретить ее должен во всеоружии⁴⁰.

Р. ХМЕЛЬНИЦКИЙ,
кандидат медицинских наук.

КАК РАЗВИВАЕТСЯ ВАША ДОЧЬ?

«Человек — высший продукт земной природы. Но... чтобы использовать сокровища природы, чтобы этими сокровищами наслаждаться, человек должен быть здоровым, сильным, умным», — писал великий физиолог И. П. Павлов. Его слова с полным правом следует отнести к девушкам и девочкам; став женщинами, они будут не только работать, но еще должны выполнить сложнейшую задачу — зачать, родить и воспитать потомство.

Женское тело, в силу своих анатомических особенностей, требует особого подхода. Уже с 10—12-летнего возраста в нем наступают сложные гормональные изменения. В этот период под влиянием физического либо умственного переутомления может резко замедлиться половое развитие и рост тазовых костей. Вот почему любую трудовую нагрузку, длительность спортивной тренировки приходится строго индивидуализировать, учитывая возраст, степень развития, устойчивость нервной системы, состояние внутренних органов. Девочкам вредны виды спорта, вызывающие резкое сотрясение тела, нежелательна для них езда на велосипеде, мотоцикле, верхом на лошади, так как она может нарушать осанку, правильное развитие грудной клетки, привести к воспалительным заболеваниям. И напротив, очень рекомендуется катание на лыжах, коньках, волейбол, баскетбол, плавание, бег.

Когда девушка свободно, прямо держит голову и

корпус, а плечи ее чуть опущены и слегка отведены назад, мы уважительно говорим: хорошая осанка! Сохраняться такая стать должна и во время ходьбы, сидения, работы—это имеет не только эстетическое, но и физиологическое значение, обеспечивает лучшую работу внутренних органов. Важно приучать девочку спать на спине, а не свернувшись «калачиком». Матрац должен быть плоским, подушка невысокой.

Походку не зря называют немой музыкой тела. Не красиво, когда девушка слишком семенит или же шагает широко, по-мужски, если она переваливается из стороны в сторону, ходит на согнутых коленях, шаркает подошвами. За всем этим надо следить, вовремя устранять дефекты походки. Не рекомендуется девушкам носить обувь на слишком высоких каблуках или вовсе без них, поскольку это мешает вырабатывать красивую походку и вредит здоровью — меняет угол наклона костного таза, нередко ведет к развитию плоскостопия.

Подавляющее большинство молодежи любит танцы. Это хорошо! Танцующая девушка обычно выглядит красивее, ее походка становится легче, плавной, она не сутулится, внимательно следит за своей внешностью, за разумной модой. На всю жизнь запомнились нам всем динамичные портреты героинь Льва Толстого, мысленным взором мы видим легкую походку Анны Карениной, плывущую — красавицы Элен, стремительную — Наташи Ростовской, тяжелую, шаркающую — княжны Марьи... Гармонично развивающуюся девочку легко узнать, она везде обычно успевает, хорошо учится, общительна. Но такими дети, увы, не рождаются, все эти качества вырабатываются в процессе воспитания — постоянного, тактичного и настойчивого.

...Многие девочки развиваются довольно рано. Всегда надо убедиться, что это не вызвано заболеванием эндокринных желез.

В беседах с 14—15-летней дочерью не следует избегать «скользких» вопросов — так или иначе девочка получит (если не от родителей, то от своих старших подружек) интересующую ее информацию. Не лучше ли самой матери «решиться» на откровенные, доверительные беседы и вести их без фальши, во всеоружии житейской мудрости и опыта. «Отрочество,— пишет К. Винокуров,— это тот возраст, когда ходишь, как

только вылупившийся птенец, не страхнув с себя скорлупу детства». Правильное воспитание предотвращает развитие и закрепление нежелательных черт характера, облегчает преодоление трудного подросткового «перевала». Мать, которая глубоко понимает интересы и запросы дочери, всегда сумеет направить по нужному пути расцвет ее молодых сил, вырастить девушку здоровой физически и духовно, привить ей жажду к непрерывному совершенствованию.

Е. КРУПКО-БОЛЬШОВА,
доктор медицинских наук.

ОДАРЕН ЛИ ВАШ РЕБЕНОК!

Кого из родителей не волнует будущее своего ребенка? При этом многие понимают, что решение вопроса о том, кем станет их малыш, определяется прежде всего тем, соответствуют ли его способности и склонности профилю обучения и трудовой деятельности.

ИНТЕРЕСЫ СЕМЬИ И ОБЩЕСТВА СОВПАДАЮТ

Успех любого дела решают люди, а значит, и то, насколько способные люди этим делом занимаются. Поэтому современное общество заинтересовано в максимальном развитии природных дарований.

В последние годы во многих экономически развитых странах стремятся как можно раньше выявить и развивать способности и склонности детей. Создаются школы одаренных детей, и десятилетние ребята опережают по показателям сообразительности студентов университета! Широко ведется так называемый «поиск талантов». У нас в Новосибирске и Москве организованы физико-математические школы, в которых старшеклассники изучают математику и физику по программе вуза...

«А ЕСЛИ У НАДЕНЬКИ НЕТ СПОСОБНОСТЕЙ!...»

В советской психологической науке является общепризнанным тот факт, что нет такого ребенка, который не был бы способным к тем или иным видам дея-

тельности. Надо лишь суметь в школьные, а еще лучше в дошкольные годы определить, какие именно склонности преобладают у данного ребенка, являются как бы «центром тяжести».

Самый неразвитый человек, как и самый образованный, обязательно обладает какой-нибудь способностью. Н. Г. Чернышевский утверждал: «В гениальных людях не было никогда еще недостатка, если только было открыто поприще для деятельности этих людей». Такие авторитетные высказывания заставляют задуматься над вопросом, почему же не так часто встречаются люди, полностью раскрывшие свои дарования. Ведь условия для их проявления с каждым годом становятся у нас все более благоприятными.

Ответ, очевидно, заключается в том, что часто родители и воспитатели не имеют правильного представления о способностях детей, нередко даже не подозревают о их существовании и поэтому не развивают их.

ОБЩАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ОДАРЕННОСТЬ

Психологическими исследованиями установлено, что наряду со специальными видами одаренности, которые обычно имеют в виду, когда говорят о способностях, существует и более широкая общая умственная одаренность. Если специальные формы одаренности (то, что мы называем талантом) являются необходимым условием успеха в таких видах человеческой деятельности, как математика и музыка, литература и журналистика, изобразительные искусства и архитектура, то от общей одаренности зависят результаты труда в области естественных наук и техники, педагогики и организации производства, военного дела и медицины, философии и психологии.

Как же можно оценить и помочь развитию общей умственной одаренности?

ЧТО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ОДАРЕННОГО В ЦЕЛОМ РЕБЕНКА?

Чаще всего — это его подвижность: стремительная походка, быстрые движения, скорая речь. Такой ребенок легко просыпается и встает с постели, быстро засыпает. Он сосредоточен на интересных уроках, серьез-

зен. Он слушает напряженно и внимательно, но, сразу схватывая суть, проявляет нетерпение и даже желание прервать вопрос: ведь ему уже все понятно! В своей речи он применяет причастные обороты, которые сильно сокращают речь и быстро продвигают мысль. Обычно он не «выкладывает» то, что знает, а как бы размышляет вслух, нередко употребляя выражения: «во-первых», «во-вторых», любит играть словами — каламбурить, смеяться и шалить. Усидчивость у него сочетается с подвижностью, а иногда даже с вертлявостью. В девять-десять лет он способен понять и ответить на довольно сложные вопросы. При чтении книг он обращает внимание на автора, любит пользоваться словарями и энциклопедией.

Такой ребенок стремится к самостоятельности в своих действиях: его трудно оторвать от дела, которым он занимается. Видно, что он от своей активности испытывает большое удовольствие.

Знания, полученные из книг или разговоров, он пытается классифицировать, приводить в систему. Такие дети, как правило, не бездельничают, не скучают.

Секрет общей детской одаренности — в особой склонности к деятельности и труду — сначала физическому, а затем и умственному. Поэтому ручной труд ребенка представляет собой необходимый этап в его жизни, имеющий прямое отношение к его умственному развитию.

Представим огорчение родителей, чьи дети не попали под перечисленные признаки одаренности. «Значит, сын мой (или дочь) бездарь», — окончательно решит папа или мама. Не надо спешить с выводами. Да еще и столь категоричными.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ

Прежде всего родителям надо взглянуть на себя со стороны. Как они ведут себя, что делают для того, чтобы мир малыша стал интереснее, богаче. Следует предоставить малышу возможность действовать, стимулируя это разнообразными игрушками, играми и поощрением.

Никогда не одергивайте ребенка репликами: «Не трогай!», «Не мешай!», «Это нельзя брать!» — ничего

не предлагая ему взамен. Стремление ребенка к деятельности и самостоятельности надо поддерживать и незаметно направлять. Малыш легко поддастся такому воздействию, если вы не будете ограничиваться одними приказами, а сами примете участие в его игре, работе или рассуждениях. «Игра,— пишет выдающийся физик нашего времени Луи де Бройль,—приучает ребенка размышлять, преодолевать трудности, иногда даже хитрить и имеет общие элементы с деятельностью учебного при его исследованиях».

Большое значение для развития любых способностей у детей имеют такие черты характера, как организованность, настойчивость, воля. Поэтому развитие способностей — это одновременно и воспитание характера. Приучайте ребенка аккуратно относиться к своим вещам, игрушкам, книгам — и у него впоследствии не будет разбросанности в мышлении и занятиях, будет проявляться строгость и логичность в рассуждениях. Если у ребенка что-нибудь не получается и он бросает дело, не доделывайте за него. Проследите, чтобы дело обязательно было доведено им до конца. Тогда он не будет пасовать перед трудностями, станет проявлять настойчивость и силу воли ⁴¹...

Э. ЛАНЬКО.

БЕРЕГИ ВРЕМЯ СМОЛОДУ

Изучение бюджета времени школьников позволяет педагогам быстрее обнаруживать отклонения в формировании развивающейся личности, а значит, и управлять процессом воспитания.

Вряд ли надо доказывать, что НОТ учителя тесно связан с деятельностью ученика, с организацией его жизни. Вот почему одновременно с исследованием в Институте теории и истории педагогики АПН СССР бюджета времени учителей другая группа сотрудников вместе с педагогами ряда школ страны провела исследование бюджета времени учащихся. Ученые хронометрировали в 14 городах и областях РСФСР, Украины и Казахстана более 10 тысяч суток 1530 учеников 4—10-х классов.

Исследователи пришли к выводу, что воспитатель, для которого интересы и конкретные занятия ребенка остаются туманными, подобен охотнику, стреляющему по невидимой мишени.

Да, многие родители и учителя добросовестно заблуждаются, утверждая, будто хорошо знают, чем ежедневно заняты школьники. Они, например, считают, что у ребят в полтора-два раза меньше внеучебного времени, чем те указывают сами.

Справедливо замечание, высказанное одним из директоров: «Учителя и родители годами не обращали внимания на режим дня, не интересовались, сколько времени расходуют учащиеся, в частности, на выполнение домашних заданий. Постепенно у таких учеников главная тяжесть учебной нагрузки переместилась с уроков на домашние задания, из-за чего теперь они вынуждены страдать».

Истинную структуру деятельности современного школьника смогло определить лишь объективное исследование. Его авторы разделили весь суточный фонд времени на учебное, внеучебное и физиологически необходимое. Так, например, на сон, еду и уход за собой ученики 4—10-х классов затрачивают обычно 10—11 часов. Уроки, дополнительные занятия в школе и выполнение домашних заданий обычно контролирует учитель. На учебу затрачивается от 6 часов в 5-м классе, до 8 часов в 10-м.

18 процентов обследованных вынуждены каждый день (в среднем 30 минут) заниматься еще и дополнительно с учителем. Естественно, что такие внеплановые занятия дезорганизуют НОТ педагога. Вызывает тревогу и то, что у половины всех учеников в воскресенье на домашние задания уходит более двух часов (в 8-м классе таких ребят 80 процентов, а в 10-м — даже 92). Старшеклассники вообще занимаются в воскресенье от 4 до 8 часов, что свидетельствует о перегрузке и о неправильном распределении занятий в течение недели. Сказываются и нерациональные методы самостоятельных занятий.

Нужна строгая пропорциональность в распределении нагрузки между уроками и домашними заданиями в соответствии с возрастом школьников. Переутомление детей, как известно, гасит у них интерес к учению

и служит причиной плохой успеваемости. Ребята начинают пропускать уроки, а там уж рукой подать и до их безнадзорности. Как правило, в число правонарушителей чаще всего входят двоечники, второгодники и прогульщики.

Обычно в субботы и воскресенья безнадзорные ученики оказываются за пределами школы. И как раз именно в эти дни хуже всего организуется деятельность людей, менее эффективно контролируется их поведение и взрослыми.

А ведь нашим детям предоставлены богатые возможности для яркого плодотворного отдыха. Советские ребята имеют все, чтобы развитие их протекало всесторонне и гармонично. Возьмем, например, Астраханскую область. В одном селе Травино насчитывается пять библиотек, из которых две детские с 40 тысячами книг, Дом культуры, профсоюзный клуб, красный уголок, стадион, отличная школа и спортзал. В селе выписывается 1548 газет, 1000 журналов. Почти каждая травинская семья имеет личную библиотеку, в 259 домах установлены телевизоры.

И все-таки руководство внеучебной деятельностью школьников поставлено еще очень и очень слабо. Поэтому оказывается возможным для них то, по определению К. Д. Ушинского, «лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мыслей в голове». А именно в эти минуты, как утверждал великий педагог, портится голова, сердце и нравственность воспитанника.

Предоставленные самим себе, плохо подготовленные к самостоятельной организации и разумному использованию своего времени, подростки и юноши превращаются иной раз в праздношатающихся бездельников, жаждущих развлечений. Жизненного опыта у них еще маловато, и поэтому сопротивляются отрицательным влияниям они весьма и весьма пассивно.

Большинство школьников проводят у голубого экрана не более полутора часов в день. Однако некоторые из них умудряются просиживать у телевизора по 3—4 часа. Около двух раз в неделю ребята бывают в кино, театрах, концертах. И если говорить о безнадзорных, то они обычно смотрят все выходящие на экраны фильмы. Зато в театрах и концертах они почти не бывают. Более

95 процентов учеников ежедневно читают книги, газеты и журналы, а среди безнадзорных подростков любители чтения составляют лишь 10—15 процентов. Безнадзорные не участвуют в общественной работе детских организаций, но многие из них чрезмерно увлекаются спортом, затрачивая на него до 6 часов в день.

Нерациональное, одностороннее использование внеучебного времени — объективный показатель неблагополучного формирования личности. Организующим началом развивающейся личности выступает хорошо налаженный режим. Однако большинство учеников 5—6-х классов плохо его соблюдают. Еще хуже обстоит дело у семиклассников и восьмиклассников. И совсем уж плохо соблюдают режим старшеклассники.

Таким образом, с возрастом ребята все меньше и меньше находятся в семье и, естественно, что режим их ослабляется.

А между тем сбереженное время ученика — огромный резерв для освоения новых областей знания. Это и прочитанная книга, и кинофильм, и концерт, и туристский поход. Умение ценить время — существенный признак культуры личности. Его-то и надо настойчиво прививать детям с самого младшего возраста. Ведь потеря времени необратима, и упущенные возможности тормозят дальнейшее развитие личности.

Научить ребенка разумно использовать свое время можно лишь тогда, когда воспитатель отчетливо представляет себе, как оно расходуется. Тщательный самоучет времени интересен и полезен прежде всего самим ученикам. Вот почему учитель 106-й уфимской школы познакомил своих питомцев с результатами исследования. Часть учеников стала вносить поправки в распределение собственного времени. Самоконтроль учащихся над своей жизнью заметно улучшился. Совместные усилия принесли плоды.

Результаты исследования позволяют более точно определить основные сферы деятельности школьных пионерской и комсомольской организаций. Коль наши ученики проводят за пределами школы по 5—6 часов в день, то, видимо, всем этим организациям пора уже смелее выходить за стены школы.

Серьезно озадачивают результаты изучения общественной деятельности школьников. Занимается ею очень

небольшой процент активистов (от 15 до 29 процентов), да и те в основном девушки.

Содержание внеучебной деятельности определяется, с одной стороны, требованиями школы, а с другой — личными интересами и желаниями ребят. Здесь необходимо разумное сочетание двух этих мотивов с известным, конечно, преобладанием общественных. Учителя, использующие результаты нашего исследования, отметили заметное улучшение классной и внеклассной работы, улучшилась и успеваемость, и дисциплина учеников, сократилось число проступков за пределами школы. С теми, кто затрачивал на приготовление домашних заданий по 4—6 часов в день, была проведена специальная беседа, а их родителям даны конкретные советы. Сами же учителя решили больше уделять внимания этим ученикам, чтобы они как можно лучше усваивали материал на самом уроке. Родители усилили контроль за детьми, ввели, например, более строгую регламентацию просмотра телепередач.

С родителями школьников — «любителей» поздних прогулок тоже проводили беседы. Родителям рекомендовали изменить распорядок дня учащихся таким образом, чтобы гуляли они днем, а вечера проводили в кругу семьи.

Исследование позволило учителям лучше учитывать интересы и потребности своих питомцев, да и руководить формированием личности не «вообще», а конкретно, применительно к каждому школьнику.

Объективные данные о каждом конкретном ученике помогают педагогам по-новому организовать свою работу с классом, с родителями и с общественностью. Педагогический коллектив 60-й омской школы, например, изучив устойчивые интересы и склонности своих учащихся, организовал целую систему различных кружков. Школа превратилась в центр воспитательной работы со всеми детьми своего микрорайона. А разве не понадобятся учителю все эти данные и для организации факультативных курсов по выбору учащихся?⁴²

Г. ДАВЫДОВ,

заведующий лабораторией
Института теории и истории
педагогики АПН СССР.

МЕТОДИКА

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОДРОСТОК

Невысокий паренек спокойно и неторопливо просматривает книги, поданные ему библиотекарем. Но вдруг парнишка преображается на глазах. С обложки одной из книг на него глянули суровые лица с пистолетами в руках.

— Вот эту, пожалуйста, запишите, — нетерпеливо просит он библиотекаря, потеряв всякий интерес к остальным книгам. Едва взяв ее из рук библиотекаря, стремительно направляется к выходу. И какой бы пухлой ни была эта книга, он обязательно принесет ее завтра и будет просить:

— Дайте такую книгу, чтобы дух захватило.

Подобные сценки в детской библиотеке можно наблюдать постоянно. Возьмите наугад книжный формуляр любого подростка — и вы увидите, что добрую половину прочитанных книг составляет приключенческая литература. Самые горячие ее поклонники — школьники 11—15 лет.

Интерес подростка к приключенческой литературе не случаен. Отрочество — это время формирования взглядов на мир, когда сердца открыты всем ветрам, время становления характера, это стремление к высокому, чистому, значительному.

С приключениями связано понятие исключительного. Исключительность обстоятельства, обилие неожиданностей делает эту литературу привлекательной. Однако главный секрет обаяния приключенческой литературы — в удивительной притягательной силе героического образа. Как правило, герои этих книг — люди сильные, смелые, энергичные, борющиеся за прогрессивные идеалы.

Хорошая приключенческая книга пробуждает у юных читателей любознательность, в популярной форме знакомит с научными открытиями, воспитывает смелость и находчивость. Многим эти книги помогают найти призвание. Лучшие чувства, присущие человеку нового общества, воспитывают у школьника такие повести, рассказы и романы, как «Судьба барабанщика»

Гайдара, «Два капитана» Каверина, «Джура» Тушканна, «Кортик» и «Бронзовая птица» Рыбакова и многие другие. Наши издательства в последние годы все шире издают приключенческую литературу. Она выходит отдельными книжками, а также сериями — «Библиотечка приключений», «Фантастика и приключения», «Библиотечка военных приключений». Приключенческие повести и рассказы печатаются в журналах «Вокруг света», «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Огонек», «Смена» и других.

В вопросах руководства чтением ни один жанр литературы не вызывал, пожалуй, столь жарких и острых споров, как приключенческая литература. Иногда некоторые родители даже запрещают своим детям читать такие книги, считая, что в погоне за развитием фабулы ребята приучаются к легкомысленному чтению, портят литературный вкус.

Действительно, часто на вопрос библиотекаря, что понравилось в книге, ребята отвечают: «Интересно знать, кто кого поймает». Виноват ли в этом приключенческий жанр? Мне думается, нет. Хорошая приключенческая книга не может принести вреда. Дело в другом. «Дефицитность» жанра иногда приводит к тому, что издаются книги скороспелые, слабые, не стоящие внимания читателей, не рождающие больших мыслей и глубоких чувств. Книги, построенные только на нагнетании событий, только на остроте сюжета, заставляют бездумно следить за таинственными приключениями. Иногда библиотекарь попросит ученика рассказать содержание книги, а он не может ничего вспомнить, так как от массы однообразных, шаблонных книг у него все перепуталось в голове.

Конечно, такие безликие, как стертые пятаки, книги приносят только вред. Специфика подросткового возраста требует наиболее доброкачественной духовной пищи. Вот почему педагогам, родителям и библиотекарям можно уберечь детей от плохой продукции, закрыть для них доступ к чтиву бездумному и пустому. Конечно же, родители могут и должны помочь детворе в выборе интересных и полезных книг. Чрезвычайно важно воспитать в детях чувство прекрасного, умение безошибочно отличить талантливое от пошлого. Но охаивать всю приключенческую литературу нельзя.

Надо уметь выделить в ней жизненное, полезное, настоящему увлекательное.

И еще об одном мне хочется сказать. Вот подросток покорен приключенческой литературой. Кроме нее, ничем не интересуется. Зачем ему Гоголь, Тургенев, когда есть отличные детективы и фантастика. Некоторые родители бессильно разводят руками, видя, как подросток запоем читает приключения. Пользуясь подчас мериллом собственного детства, они считают, что такой литературой можно «переболеть», что это особенность возраста и что вмешательство в чтение подростка бесполезно. С этой пассивной позицией нельзя согласиться. Нельзя допустить, чтобы эта литература вытеснила любовь к классике, к хорошей поучительной книге. Всеядность подростка известна. Важно, используя его любознательность, расширять его кругозор, стремиться к разносторонности чтения. Пусть друзьями вашего ребенка станут и Пушкин, и Горький, и Толстой.

Помочь юному читателю правильно выбрать книгу, воспитать высокий эстетический вкус — задача, разумеется, трудная и, может быть, по плечу не каждой матери или отцу. Но вы можете посоветоваться с преподавателем литературы или с библиотекарями. Все родители хотят видеть своего сына или дочь настоящим человеком. Воспитание — процесс сложный, но пусть книга станет вашим помощником и вашим оружием. Хорошая книга. И приключенческая тоже.

Н. К Л И М О Ч К И Н А,

старший преподаватель Казахского
женского педагогического института.

ВОЕННО-СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ РЕБЯТ

Не всякого мальчишку, особенно подростка, увлечешь игрой в «салочки» или «третий лишний», но почти нет ни одного, кто бы не любил играть «в войну». И воспитатели должны знать такие игры, уметь их проводить со своими питомцами.

Военизированные игры имеют и познавательное значение, развивают тактическое мышление, командную речь, учат быстро принимать решение в сложной обстановке.

новке, пользоваться компасом, топографическими картами, средствами сигнализации.

Успех этих игр, воспитательное значение зависят от правильного их выбора и подготовки, детального последующего разбора, от того, учтены ли возраст играющих, их физическое развитие и индивидуальные возможности, правильно ли распределены обязанности и роли. В одних и тех же играх могут участвовать дети различного возраста, но нагрузка во время игры, увеличение или уменьшение времени на нее, правила и район действия могут быть различными. Игра должна быть посильной и увлекательной, но в то же время требующей известного напряжения. «Игра без усилия, игра без активной деятельности — всегда плохая игра», — говорил А. С. Макаренко.

Начинать следует с более простых игр, затем переходить к сложным и длительным. Всегда руководители должны заранее выбрать место, желательно незнакомое ребятам, имеющее овраги, рвы, канавы, ручьи, чтобы интересно было проводить разведку, наблюдения, маскировку, ориентирование. Особое внимание нужно обратить на «границы» территории, на которой проходит игра, и, если нет естественных (дороги, просеки и т. п.), поставить пограничные веки, указатели. Границы всегда должны быть четко определены и известны всем играющим. Для успешного проведения игр необходимо заблаговременно подобрать сигнальные флажки, веки, указатели, знамена отрядов, «оружие», трещотки.

Хорошо, если в подготовке и организации игр на местности принимают участие офицеры, воины Советской Армии, ветераны Великой Отечественной войны.

Начинать и заканчивать игру нужно в точно назначенное время, подачей какого-нибудь звукового сигнала. Во время игры руководитель и посредники, не стесняя действий ребят, дают простор для проявления их инициативы, беспристрастно оценивают действия команд, подбадривают, обсуждают нетоварищеские поступки, нарушения дисциплины, обращают особое внимание на то, как ведут себя ребята на территории «противника», как используют особенности местности для маскировки.

После игры следует подвести итоги. Приступая к разбору, необходимо внимательно выслушать замечания своих помощников (посредников) и сделать соответствующее обобщение. Продуманный педагогический разбор, одобрение умелых действий победителей, анализ ошибок проигравших и серьезное осуждение допустивших умышленное нарушение правил — важный воспитательный момент.

Вот описание некоторых игр. Сохраняя их основу, можно варьировать их сочетания, создавать новые.

НА ПАРАДЕ

Участвуют в игре 10—12 человек (пионерское звено). На ровной площадке проводят прямую линию и выстраивают вдоль нее ребят в одну шеренгу. По команде «Разойдись!» играющие разбегаются по площадке, а затем по команде «В одну шеренгу — становись!» все быстро становятся в строй. Тот, кто стал последним или при построении разговаривал, делает шаг назад и выбывает из игры. Повторяют игру установленное количество раз (5—6). Выигрывает тот, кто остался в строю до конца.

Игру можно варьировать. Вместо одного звена соревнуются 2—3 во главе с командирами. Выигрывает то звено, которое к концу игры сохранит в строю больше бойцов.

Звено может строиться не в одну шеренгу, а в две, при этом меняется и команда: «Звено, в две шеренги — становись!»

ЗВЕНО — К БОЮ!

Пионерское звено во главе с командиром движется в колонне по одному. У каждого на рукаве порядковый номер. По сигналу руководителя игры (свисток, взмах флажком) командир подает команду «Звено — к бою!» и быстро ложится на траву. Все остальные бегом разворачиваются в цепь, ложатся (четные номера справа, нечетные слева от командира) на расстоянии 6—8 м друг от друга.

В игре соревнуются несколько звеньев, выигрывает звено, быстрее и правильнее развернувшееся в цепь.

ПОДНОСЧИКИ БОЕПРИПАСОВ

На поле или лужайке отмечается флажками стартовая линия и в 25 м от нее — финишная.

Для игры заблаговременно подготавливаются макеты оружия и два «патронных» ящика весом 8 кг.

Играющие делятся на две равные команды по 4—6 человек и выстраиваются на стартовой линии в 5—10 м одна от другой. По сигналу руководителя «вооруженные» играющие обеих команд ползут на получетвереньках или по-пластунски к линии финиша, волоча с собой патронный ящик. По пути ребята сменяют друг друга, передают ящик из рук в руки или тянут его вдвоем и даже втроем.

Выигрывает команда, первая доставившая боеприпасы на линию финиша. Игру можно усложнить или упростить: увеличить или уменьшить количество ящиков на команду, их вес, расстояние от старта до финиша.

ГРАНАТОЙ В ЦЕЛЬ

Для игры используются учебные гранаты (болванки) весом не более 500 г. Метание проводят по двум целям в раму с двумя окнами (размер 80×80 см и 100×100 см) или квадраты, вычерченные на земле один в другом размером 1×1 м и 3×3 м.

Расстояние для метания гранат определяется руководителем с учетом возраста играющих (15—25 м). Для девочек вес гранаты, расстояние метания должны быть меньше.

Каждый участник игры три раза бросает гранату в каждую цель из трех положений: стоя, с колена и лежа. За попадание в меньшее окно или меньший квадрат получает 2 очка, в большее окно или квадрат — 1 очко.

Победителем считается набравший большее количество очков.

ТОЧНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

В игре участвуют 2—3 равные команды по 8—12 человек.

На площадке намечаются 2—3 (по числу команд) параллельные линии (в 8—10 м одна от другой), на

каждой из линий через 10—15 м втыкаются флажки или колышки. Команды располагаются в цепь (каждый играющий ложится у своего флажка), командиры стоят на правом фланге цепи. Руководитель игры вызывает к себе командиров и зачитывает им донесение, например: «Противник в составе роты форсирует реку в районе села...» Командиры возвращаются на свою линию и по сигналу руководителя быстро подбегают к близлежащему игроку из своей команды, ложатся рядом с ним и передают ему донесение, тот таким же образом передает его следующему и так до левофлангового. Выигрывает команда, чей левофланговый первый правильно передает донесение руководителю. Донесение по договоренности играющих может сдаваться руководителю в письменной форме.

Игру можно усложнить, например: командиры получают донесение зашифрованным или написанным азбукой Морзе, а переползают на получетвереньках или по-пластунски.

В ТЫЛ «ПРОТИВНИКА»

Участвуют в игре два отряда по 10—15 человек во главе с командиром. Вначале один отряд обороняет «линию фронта» — участок протяженностью 120—150 м, глубиной 20 м с четко обозначенными границами, — не допуская проникновения второго отряда (разведчиков «противника») в тыл, старается обнаружить их и «уничтожить».

Перед отрядом разведчиков ставится задача: двигаться цепью с рубежа, удаленного на 400—600 м от «линии фронта», скрытно, не вступая в бой, пройти в тыл «противника». У каждого разведчика есть нарукавная повязка.

В течение 15—20 мин. ребята готовятся к игре: обороняющие устраивают «засады», наблюдательные пункты, рассредоточиваются, маскируются, организуют связь, а разведчики занимают исходный рубеж для движения, обсуждают план действий, разворачиваются в цепь.

Игра начинается по сигналу руководителя и продолжается 30 мин., точно до сигнала. Затем отряды меняются ролями.

Выигрывает отряд, у которого больше разведчиков прорвалось в тыл «противника».

Руководителю игры помогают 2—3 посредника. один — два на «линии фронта».

Основные правила: разведчик считается убитым и выводится из игры, если его «запятнал» «противник» (прикоснулся рукой); выведенный из игры отдает повязку «противнику» и следует к посреднику. За границами «линии фронта» нападать на разведчиков запрещается.

ФЛАГ НА ВЫСОТУ «БЕЗЫМЯННАЯ»

Накануне игры руководитель вместе с помощниками выбирает лесной участок незнакомой для ребят местности, намечает маршруты движения отрядов протяженностью 1,5—2 км. Все маршруты должны сходиться в одной точке по высоте. Руководитель готовит также данные для движения отрядов по азимуту, схему движения.

В игре участвуют 2—3 пионерских звена во главе с командирами. Каждый отряд имеет макеты оружия, знамя и не менее двух компасов.

Начинается игра с исходных позиций, куда прибывают отряды. Здесь посредники ставят перед командирами задачу: совершить марш и водрузить флаг отряда на высоте «Безымянная». Командирам вручаются конверты, в которые вложены листки со схемой маршрута и указанием азимутов и расстояний. Маршрут представляет собой ломаную линию, состоящую из 3—4 одинаковых для всех отрядов этапов.

После сигнала руководителя каждый отряд, определив азимут первого этапа, начинает движение.

В ходе игры командиры отрядов особое внимание обращают на точное направление движения по азимуту, определяют расстояния. Проверяют это находящиеся в каждом отряде посредники.

Выигрывает отряд, первым поставивший флаг на высоте ⁴³.

П. ЛУКАШОВ,
подполковник, преподаватель Ульяновского
гвардейского высшего танкового училища
имени В. И. Ленина.

ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА ЛЕКЦИЙ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

I. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Развитие народного образования в СССР и советское законодательство о детях

1. Программа КПСС о коммунистическом воспитании и народном образовании.
2. Народное хозяйство и народное образование в СССР.
3. Школа в период развернутого строительства коммунизма.
4. За школами-интернатами будущее.
5. Повышение роли общественных организаций в коммунистическом воспитании подрастающего поколения.
6. Единство целей государства и семьи в воспитании молодежи.
7. Советское законодательство о роли семьи и ответственности родителей за воспитание детей.

Школа за рубежом, жизнь детей за границей

1. Школа и педагогическая мысль в странах народной демократии.
2. Школа и педагогика в странах капитализма.
3. Положение детей в современных капиталистических странах.
4. Пропаганда американского образа жизни в капиталистических странах и ее растлевающее влияние на молодежь.
5. Положение детей в современных колониальных и полуколониальных странах.

Основные проблемы коммунистического воспитания в школе и в семье

1. Строительство коммунизма и воспитание нового человека.
2. Марксизм-ленинизм о всестороннем развитии личности.
3. Овладение основами наук и воспитание умственных способностей учащихся в школе и в семье.

4. Соединение обучения с производительным трудом — важнейший принцип коммунистического воспитания.
5. Политехническое образование в советской школе.
6. Формирование у детей коммунистического мировоззрения.
7. Атеистическое воспитание детей в школе и в семье.
8. Нравственное воспитание школьников.
9. Воспитание пролетарского интернационализма и советского патриотизма в школе и в семье.
10. Воспитание в школе и в семье коммунистического отношения к труду и общественной собственности.
11. Эстетическое воспитание детей в школе и в семье.
12. Физическое воспитание как составная часть коммунистического воспитания.
13. Роль учителя в воспитании советской молодежи.

II. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

1. Семья Ульяновых.
2. Семья Карла Маркса.
3. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский в их переписке с детьми.
4. Содружество школы, семьи и общественности в воспитании детей.
5. Воспитание любви и уважения к родителям и учителям.
6. Знаете ли вы своих детей?
7. Отец и мать как воспитатели.
8. Об авторитете родителей.
9. Сила личного примера в воспитании детей.
10. Здоровый быт — основа прочной семьи, залог правильного воспитания детей.
11. Значение игры в развитии ребенка.
12. Организация режима для школьника.
13. Как организовать отдых детей летом.
14. Детский отдых и досуг в семье.
15. Основные педагогические идеи А. С. Макаренко в его «Книге для родителей».
16. Воспитание у детей чувства коллективизма, товарищества и дружбы.
17. Воспитание честности и правдивости у детей.
18. Как воспитывается зазнайка.

19. Почему ребенок не слушается старших.
20. Почему дети становятся эгоистами?
21. Как в семье растят тунеядцев.
22. Как творчески воспитывать детей.
23. Самовоспитание — важное условие правильного и успешного воспитания подростков и старшеклассников.
24. Воспитание сознательной дисциплины у детей.
25. Вопросы дружбы и любви в воспитании старших школьников.
26. Воспитание чувства чести и общественного долга у детей.
27. Педагогический такт родителей.
28. Воспитание у детей усидчивости и прилежания.
29. Как помочь школьнику выбрать профессию.
30. Воспитание самостоятельности и творческого отношения к труду.
31. О самообслуживании детей в семье.
32. Воспитание моральных стимулов к трудовой деятельности у школьников.
33. Как руководить чтением детей в семье.
34. Воспитание в семье интереса у школьников к природе и любви к сельскохозяйственному труду.
35. Развитие у детей интереса к технике и моделированию.
36. Воспитание любознательности у детей.
37. О мерах поощрения и наказания детей в семье.
38. Воспитание навыков и привычек культурного поведения.
39. О музыкальном воспитании детей в семье.
40. Обзор журнала «Семья и школа» по полугодиям.

III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

1. Психологические особенности подростков и их воспитание.
2. Формирование привычек у детей.
3. Память и ее воспитание.
4. Чувства детей и их воспитание.
5. Воспитание воли и характера в подростковом возрасте.
6. Способности и их развитие.
7. Психологическая подготовка детей к труду.

IV. САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

1. Анатомо-физиологические особенности и гигиена детей и подростков.
2. О половой гигиене подростков.
3. Физическое закаливание организма детей.
4. Как оберегать зрение детей.
5. О вреде алкоголя и курения для развития детского организма.

В. М. ВЕРШИННИНА,
Е. А. ШНЕЙДЕР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹, ³³; ¹⁹; ²⁷, ³⁰, ²⁰ — «Правда», 1969, 2 июня, 24 июля; 1967, 4 февраля; 1968, 13, 24 мая, 18 августа.
- ², ⁴, ²⁸; ²¹, ¹³, ²²; ¹⁶, ¹⁷, ³⁸ — «Комсомольская правда», 1968, 21 августа, 3 февраля, 14 декабря; 1969, 19, 22 июня, 24 сентября; 1967, 1 сентября, 25 мая, 1 сентября.
- ³, ¹¹, ³⁶; ⁶; ³⁵ — «Известия», 1967, 3 октября, 30 мая, 28 июля; 1969, 30 ноября; 1968, 23 июня.
- ⁵, ¹⁴ — «Советская Россия», 1967, 21 января, 2 декабря.
- ⁷; ³¹ — «Литературная газета», 1967, № 99; 1968, № 35.
- ⁸ — «Вожатый», 1967, № 8.
- ⁹ — «Смена», 1966, № 3.
- ¹⁰ — «Ленинская смена», 1967, 21 ноября.
- ¹², ¹⁸, ²⁹, ⁴²; ²³, ²⁵ — «Учительская газета», 1967, 19, 14 декабря, 14 сентября, 11 июля; 1968, 16, 6 апреля.
- ³⁴ — «Работница», 1967, № 2.
- ⁴⁰ — «Неделя», 1968, № 2.
- ⁴¹ — «Вечерняя Алма-Ата», 1968, 19 апреля.
- ⁴³ — «Воспитание школьников», 1967, № 4.
- ⁵² — «Красная звезда», 1967, 8 декабря.
- ³⁷ — «Учитель Казахстана», 1967, 30 ноября.
- ²⁶; ¹⁵; — «Казахстанская правда», 1968, 6 апреля; 1969, 16 января.
- ³⁹; ²⁴ — «Семья и школа», 1968 № 7; 1969, № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДРОСТОК И МЫ, ВЗРОСЛЫЕ

Э. Костяшкин. Подросток в меняющемся мире . . .	11
П. Исаев, В. Харин. А рядом были взрослые . . .	16
Е. Брускова. В одной школе	19
Ю. Левальд. Ира, мой дружок	31
И. Зюзюкин. Педагогическая энциклопедия	34
В. Крючков. С кем дружит сын?	41
В. Шелике. Наш юный друг	45

В КАЖДОМ — НЕПОВТОРИМЫЙ ДАР

Л. Корякина. Романтика в синей тельняшке	51
Э. Джилкибаев. Мальчик	59
В. Сухомлинский. Вижу человека	66
Н. Янина. Хозяйка снежной долины	74
С. Карпов. Улыбка интеллигентного человека . . .	81

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

В. Матвеев. Почему мы идем в вожатые?	91
Э. Данилова. «Трудный» — величина постоянная .	96
Ш. Сармурзина. Призвание к доброте	111
Л. Панфиленко. Гайдар с хворостянской улицы . .	115
М. Кураев. Крылья	119
Л. Матвеева. Большой и маленький	122

НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ

Г. Миньковский. Школа семьи	129
И. Иновели. Благородство остается с человеком .	134
Раиса Малышева. Я и моя мама	139
М. Воротынова. Жестокость	143
В. Ананьин. Семейная традиция	148
Володя Кашин. Так непросто	151

ВАС ВЫЗЫВАЮТ В ШКОЛУ

Ю. Ковешников. Что они чувствуют?	155
В. Камшилина. Я тоже учусь	159

Э. Геринг. О природе, романтиках и воспитании . . .	164
Е. Брускова. Быть, а не казаться! . . .	167
Р. Москвитина. Почему не удался диспут . . .	175
Э. Канцедикене. Класс и Маринкины принципы . . .	178
М. Ашгалиев. Мои дорогие дружные ребята . . .	182
М. Скачков. Доверие . . .	185
П. Михайлов. 9 «Б» ушел с занятий . . .	187
В. Сова. Инструмент в умелых руках . . .	190

МАЛЬЧИШКИ НА ЗАВОДЕ

В. Баскаков. Нашу смену нам и воспитывать . . .	199
И. Чернышев. Мальчишкам нужны Никаноры Ивановичи . . .	201
Б. Гарин. Самоутверждение Бориса Быкодарова, и о том, как исчезают «бегуны» в одной авторемколонне . . .	206
Б. Марышев. Ступени . . .	212
Б. Мирошин. Мы за них в ответе . . .	217
Н. Янина. Дорогой рабочего человека . . .	220
Б. Изюмский. Заводская педагогика . . .	227

ГОЛ В ВОРОТА УЛИЦЫ

Н. Гуковская, Н. Мельникова. Улица полна неожиданностей . . .	235
В. Матвеев. Веселей живи, отряд! . . .	240
Г. Сухарева. Адреса энтузиазма . . .	244
И. Тарабрин. Примите меня в «Жаш тилек» . . .	248
И. Воронаева. Свет не без добрых людей . . .	252
А. Яковлев. Дворовая педагогика . . .	257
Ш. Сармурзина. Корчагинцы . . .	263

САМЫЕ «ТРУДНЫЕ»

Г. Уманов. Трудный разговор о «трудных» детях . . .	269
Ф. Пилюгин. Славкина целина . . .	273
А. Полещук. Джинн из бутылки . . .	276
Х. Каримов, Н. Орлова. Они были «трудными» . . .	279
В. Дубровин. Как идет эксперимент? . . .	285
А. Гусев. Слово «трудному» . . .	289

КОГО МЫ ХОТИМ ВОСПИТАТЬ

В. Гришин. Ленин, время и мы . . .	295
В. Сухомлинский. Глазами и сердцем патриота . . .	300
В. Попов. Есть у подвига начало . . .	305
Д. Закржевская. Посылка . . .	311
Е. Матюнина. Орлята учатся летать . . .	315
В. Маричева. Слушай горниста! . . .	328
А. Рубайло. Романтика дыбом . . .	333
Р. Коваленко. Девочки хотят дружить . . .	337
С. Шаков. Непраздные праздники . . .	342
М. Ценципер. Барышни не в моде . . .	346
В. Наумов. Можно ли лгать? . . .	352

Д. Закржевская. «Минус восемь»	358
Д. Калимбетов. Ты — человек	359

ВАМ, РОДИТЕЛИ

Обязанности и права подростка

Н. Лазарева. Подросток и закон	363
И. Медеуов. О льготах несовершеннолетним	369

Советуют врач, психолог, педагог

Р. Хмельницкий. Пора возмужания	371
Е. Крупко-Большова. Как развивается ваша дочь?	376
Э. Ланько. Одарен ли ваш ребенок?	378
Г. Давыдов. Береги время смолоду	381

Методика

Н. Климочкина. Приключенческая литература и подросток	386
П. Лукашов. Военно-спортивные игры ребят	388
В. М. Вершинина, Е. А. Шнейдер. Примерная тематика лекций для родителей	394
Примечания	398

ПОДРОСТОК И ЕГО ДРУЗЬЯ (Сборник. Сост. В. К. Ермаченков).
Алма-Ата, «Казахстан», 1970, 400 с. с илл.

ПОДРОСТОК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Редактор *Р. Халиков*. Художник *Э. Мальцев*.

Техн. редактор *М. Злобин*.

Худож. редактор *В. Ткаченко*. Корректор *Н. Самохина*.

Сдано в набор 23/1 1970 г. Подписано к печати 3/VI 1970 г.

Формат 84×108¹/₃₂—12,5—21,0 п. л. (21,8 уч.-изд. л.)

УГО2966. Тираж 100 000 экз. (2 завод 50 000). Цена 60 коп.

Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Кирова, 122.

Заказ № 230. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета Совета Министров Казахской ССР по печати, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

60 к.

подросток и его друзья